

Курсом развивающейся Молдовы

*Посвящается юбилею известного
ученого антрополога,
эколога, археолога
Надежды Анатольевны Дубовой*

2006 г. Институт этнологии
и антропологии РАН

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Центр по изучению межнациональных отношений
Института этнологии и антропологии
имени Н.Н. Миклухо-Маклая

Институт культурного наследия
Академии Наук Республики Молдова

Комратский государственный университет

КУРСОМ РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ МОЛДОВЫ

Том 8

Единство и многообразие
в системе культурного наследия

Составители
М.Н. Губогло, И.А. Субботина, Л.В. Федотова

Под общей редакцией
М.Н. Губогло

Москва – 2009

УДК 39:316 (478.9=512.165)
ББК 63.5
К 93

Подготовка и издание книги осуществлены при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» в рамках темы «Преемственность и инновационные стратегии в соционормативной культуре в изменяющемся мире» и гранта РГНФ № 09 01–00012а «Гагаузы: история в культуре и культура в истории»

Редакционная коллегия серии:
М.Н. Губогло (гл. ред.), Н.А. Дубова,
Г.А. Комарова, Л.В. Остапенко, И.А. Субботина

К 93 Курсом развивающейся Молдовы. Т. 8. Единство и многообразие в системе культурного наследия – Составители: М.Н. Губогло, И.А. Субботина, Л.В. Федотова. Общая редакция: М.Н. Губогло. М.: Старый сад. 2009. – 536 с.

ISBN 5-89930-131-7

Два очередных тома – 7-ой и 8-ой – основаны на материалах IV Российско-молдавского симпозиума и на статьях, специально подготовленных к юбилею Надежды Анатольевны Дубовой. Авторы каждого тома считают своим долгом и честью признать заслуги юбиляра в освещении прошлой и современной истории народов Средней Азии, России и других стран евразийского пространства.

В предлагаемых сборниках статей отражены итоги исследований, проведенных в области этнологии, социальной и физической антропологии, археологии, этносоциологии и культурологии.

Тематическое многообразие материалов в сборниках по замыслу составителей и поклонников таланта юбиляра призвано манифестировать и оттенять грани дарований Н.А. Дубовой, внесшей своим творчеством значительный вклад в каждую из перечисленных отраслей гуманитарного знания.

В 8-м томе внимание авторов сосредоточено на некоторых характеристиках истории и культуры народов евразийского пространства, а также на отражении соционормативной культуры в фольклоре и художественном творчестве.

ISBN 5-89930-131-7

ББК 63.5

- © Центр по изучению межэтнических отношений ИЭА РАН, 2009.
- © Институт этнологии и антропологии РАН, 2009.

СОДЕРЖАНИЕ

Губогло М.Н.
Предисловие.
К юбилею доктора исторических наук
Надежды Анатольевны Дубовой..... 8

РАЗДЕЛ I.
НОВЫЕ И СТАРЫЕ СЮЖЕТЫ ФИЗИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Година Е.З., Задорожная Л.В., Пурунджан А.Л., Степанова А.В., Хомякова И.А.
Морфологические особенности детей и подростков в связи с социальной и этнотерриториальной принадлежностью. (По материалам обследования населения Саратовской области)..... 24

Долинова Н.А., Харламова Н.В.
Дифференциация гагаузов по признакам кожного рельефа 44

Аксянова Г.А.
Взгляд в прошлое из настоящего: расогенетические связи античного населения узбойской культуры Восточного Прикаспия по свидетельствам зубной морфологии 62

Сатаев Р.М.
Животные из раскопок памятников позднеэламского времени (провинция Хузистан, Иран) 80

РАЗДЕЛ II.
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ШТРИХИ ЕВРАЗИЙСТВА

Литвинский Б.А.
Этногенез и этническая история народов Средней Азии и Казахстана в древности и средневековье. (Теоретический аспект)..... 90

Сарианиди В.И.
Ранний зороастризм в пустыне Каракумы 110

Кирчо Л.Б.
О некоторых источниках сырья производства раннегородских центров Южного Туркменистана..... 130

Царева Е.Г.
Между львом и тигром. (Место и время встречи изменить нельзя)..... 135

Куфтерин В.В.

К палеоэкологии населения эпохи бронзы
южного Туркменистана (материалы Гонур-депе) 149

Ажигали С.Е.

Этнографическое памятниковедение:
границы исследовательского поля 157

Калуцков В.Н.

Народные путешествия в России XVIII-XX веков
(на материале русских географических песен) 174

Козлов В.И.

Этнодемографические проблемы развития России 197

Ямсков А.Н.

Население Абхазии: постсоветские изменения
в свете этнодемографии и этнографии 223

РАЗДЕЛ III.

**СОЦИОНОРМАТИВНАЯ КУЛЬТУРА В ЗЕРКАЛЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА И КУЛЬТУРЫ**

Прокоп С.П.

Отражение традиций гостеприимства
в творчестве русских поэтов Молдовы 248

Дворнина И.

Тема традиционного гостеприимства в творчестве И. Друцэ 263

Никогло Д.Е., Чимпоеш Л.С.

Отражение традиций гостеприимства гагаузов в фольклоре
и национальной литературе (к постановке проблемы) 271

Никогло Д.Е.

Проявление этнической специфики
в традиционной культуре гагаузов
(историографический обзор) 281

Степанов В.П.

«Анекдотичное гостеприимство»
или этнические анекдоты о госте 321

Королева Э., Попа П.

Элементы соционормативной культуры в репертуаре
хореографических коллективов Республики Молдова 333

РАЗДЕЛ IV.

**СЮЖЕТЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.
ОПЫТ МОЛДОВЫ**

Степанов В.П.

Городская среда и проблема ксенофобии
(на примере Республики Молдова) 356

Пашалы П.М.

Потенциал социально-экономического развития Гагаузии (Гагауз Ери)
как гарантия самосохранения народа 403

Булгар С.С.

Гагаузы Бразилии. История одной эмиграции 1925-1930 гг. 419

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список публикаций д.и.н. Н.А. Дубовой 444

Список экспедиций д.и.н. Н.А. Дубовой 463

ПРЕДИСЛОВИЕ

М.Н. Губогло

К ЮБИЛЕЮ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК НАДЕЖДЫ АНАТОЛЬЕВНЫ ДУБОВОЙ

8-й том представлен статьями, в основном специально написанными в честь юбилея Н.А. Дубовой. Часть этих материалов относится к физической, а не к социальной антропологии, выражая тем самым разносторонность профессиональных интересов Надежды Анатольевны.

В автономный раздел, в частности, включена коллективная статья о морфологических особенностях детей и подростков в связи с их социальной и региональной идентичностью. Она подготовлена ведущими специалистами в этой области – участниками коллективного исследования, проведенного в ходе обследования населения Саратовской области (Е.З. Година, Л.В. Задорожная, А.Л. Пурунджан, А.В. Степанова, И.А. Хомякова).

Г.А. Аксянова, в свойственной ей художественно-образной манере, сочетающей глубокий и всеохватный анализ разнообразных источников, манифестирует ретроспективный «взгляд в прошлое из настоящего», выявляя и анализируя расогенетические связи античного населения узбойской культуры Восточного Прикаспия на обширных материалах зубной морфологии.

В статье Р.М. Сатаева характеризуются артефакты, извлеченные в ходе археологических раскопок памятников позднеэламского времени в провинции Хузистан (Иран).

В серии статей, объединенных общей целью выявить те или иные штрихи из культурного достояния обитателей евразийского пространства, характеризуются: особенности раннего зороас-

тризма в пустыне Каракумы (подготовленной авторитетным исследователем культурного наследия народов Передней и Средней Азии, В.И. Сарияниди); ковры и изделия Бактрийской культуры (в насыщенной по смыслу и содержанию статье, художественно и изобразительно исполненной общепризнанным экспертом по коврам и ковроткачеству Е.Г. Царевой); некоторые особенности палеоэкологии населения эпохи бронзы южного Туркменистана (в статье В.В. Куфтерина).

Один из докладов, прочитанных на пленарном заседании VIII Конгресса этнографов и антропологов России (июль, 2009 г., г. Оренбург), с любезного согласия казахстанского ученого С.Е. Ажигали включен в раздел о проявлении цивилизационных особенностей евразийской цивилизации в памятниках культуры и о крупных миграционных передвижениях народов, говорящих на тюркских, монгольских и финно-угорских языках. Эту работу об этнографическом памятниковедении, по сути дела, можно считать первым камнем, закладываемым автором в основу нового междисциплинарного направления, и определения границ исследовательского поля.

На стыке геологии, географии и этнологии осуществляет исследования В.Н. Калуцов, статья которого о народных путешествиях в России XVIII-XX вв. подготовлена на материалах русских географических песен.

Этнодемографические проблемы развития народонаселения России и Абхазии рассмотрены, соответственно, в статьях одного из основателей новых направлений – этнодемографии и этноэкологии – В.И. Козлова и вдумчивого исследователя А.Н. Ямскова, известного своими тщательно проведенными скрупулезными исследованиями, критической и принципиальной позицией по отношению к используемым источникам.

Мощный, идущий из глубины веков институт гостеприимства во все времена привлекал внимание поэтов, писателей, художников и вдохновлял их на создание прекрасных произведений искусства. Восприятие традиций и обычаев молдавского гостеприимства в творчестве русских поэтов Молдовы содержит в себе

не только ощущение «двух родин», России и Молдовы, но и проявление дружбы между русским и молдавским народами. Стихи многих русских поэтов, как отмечает С.П. Прокоп, содержат ряд таких этнографических деталей об аистах, о труде и быте, молдавских журавлях, с помощью которых отдается дань молдавскому гостеприимству и «подтверждается» любовь к Молдове, ставшей второй родиной.

В нынешней российской историографии нет специальных исследований, посвященных состоянию народной и духовной культуры молдаван, их речевому и этнокультурному поведению, демографическому, этнополитическому и этносоциальному развитию. Между тем, труды известных московских ученых молдавского происхождения В.Я. Гросула и В.М. Гацака, художественные произведения выдающегося молдавского писателя и драматурга Иона Друцэ, также проживающего в Москве, насыщены обширным историческим и этнографическим материалом. Первые рассказы писателя, опубликованные в начале 50-х годов прошлого столетия, были посвящены сельской тематике послевоенных лет, народным традициям молдаван и их менталитету. Они отличались высокой поэтичностью. Ион Друцэ исследовал социальные явления большого значения, используя при этом различные художественные приемы, выкристаллизованные в народных сказаниях, а также в произведениях великих молдавских деятелей – выходцев из народа. Творчество Иона Друцэ зиждется на трех основных составляющих: очищающие христианские идеалы, культурное и историческое достояние молдавского народа, современное цивилизованное мышление и мироощущение. «Все это в целом, – как говорится в Постановлении правительства РМ «Об объявлении 2008 г. годом Иона Друцэ», – подпитывает и вдохновляет его творчество высшими человеческими ценностями, такими как солидарность между людьми и народами, любовь к близкому и терпимость ко всем остальным, истина, достоинство, честь и т. д.».

В перечне художественных образов и этнографических реалий в творчестве Иона Друцэ важное место занимает проблематика народного менталитета и гостеприимства молдаван. Не случайно она стала предметом специального исследования И. Дворниной, пред-

ставившей свой доклад к IV Российско-молдавскому симпозиуму.

В ходе подготовки коллективной монографии «Молдаване» по плану серии «Народы и культуры», пришлось, скрепя сердце, сократить интереснейшую статью Э. Королевой, написанной ею в соавторстве с П. Попой. Здесь, в 8-м томе, мы сочли возможным опубликовать эту работу без купюр. Дело в том, что в репертуаре хореографических коллективов Республики Молдова, как в никаких других произведениях театрального искусства, живописно и красочно, хотя порой и чересчур стилизовано изображаются элементы соционормативной культуры, в том числе обычаи и ритуалы гостеприимства.

Воспевая виноград, как национальное достоинство Молдовы и молдавского народа, русские поэты и писатели рисуют их прекрасный образ, воспевая не только обычаи гостеприимства, но и создаваемый благодаря гостеприимству прекрасный мир межэтнического взаимопонимания.

Виноградная лоза, кодры, чабаны с отарами овец, аист, несущий в клюве гроздь винограда как новорожденного ребенка, темпераментные движения огненного группового танца – эти и другие характерные черты жизнедеятельности молдавского народа считаются символами Молдовы и привязанности к ней лиц, воспевающих национальные достоинства ее жителей.

Обширный пласт идеологического и нравственного содержания гостеприимства представителей различных национальностей Республики Молдова, выраженный в анекдотах, успешно изображает во многих своих трудах В.П. Степанов, подаривший данному сборнику свою статью с символическим названием «Анекдотичное гостеприимство» или этнические анекдоты о госте». Как и в ряде других публикаций об атмосфере межэтнических отношений, автор настаивает на том, что этнический анекдот, посвященный тем или иным сюжетам гостеприимства, несет в себе представление, часто стереотипизированное, как о своей, так и о «не своей» этнической общности.

На устойчивость этой традиции, частично сохраняющейся и в наши дни, и заключающей в себе симбиоз эмоциональности,

искренности, щедрости и, вместе с тем, практичности и целесобразности, обращают внимание Д.Е. Никогло и Л.С. Чимпоеш в совместной статье, посвященной отражению традиций гостеприимства гагаузов в фольклоре и в гагаузской художественной литературе.

Продолжая начатый разговор о функциональной роли со-трапезничества в системе гагаузского гостеприимства (Губогло М.Н., 2008. С.190-210; Никогло Д.Е., 2008. С. 310-329], в новой статье, подготовленной Д.Е. Никогло совместно с Л.С. Чимпоеш, характеризуются узловые принципы гостеприимства, как неотъемлемые составные части ментальности и морального кодекса гагаузов, как, впрочем, и любого другого народа. При этом впервые акцентируется внимание, во-первых, на том, что едва ли наиболее яркое отражение «идеология» гостеприимства находит в фольклоре и в имеющей краткую, но поучительную историю младописьменной гагаузской литературе, а, во-вторых, на взаимодополняющих друг друга авто- и гетеростереотипах о традиционном гостеприимстве гагаузов. При этом традиционные трапезы и застольный этикет занимают скорее второстепенное место в драматургии гагаузского гостеприимства, в котором главенствующую роль играет философски воспринимая категория «адамлык», восходящая к понятию «человек» («адам»), обозначающему душевную готовность человека проявлять меру своей человечности. Мимо этого сюжета, зафиксированного еще в конце XIX в. В.А. Мошковым, не проходят и современные исследователи истории, культуры и повседневного уклада гагаузов.

Малоизученным в системе молдавской и гагаузской соционормативной культуры остается ряд проблем, в том числе, например, проблема обета. В выдающемся памятнике устного поэтического творчества молдаван «Миорице» с сакральным трепетом упоминается обет, даваемый в тот момент, когда легендарный герой «... женился, жизнью поручился, что с невестой верной, царицей вселенной, перед небом и светом сведен я обетом» (Хропотинский А.Г. Молдавский фольклор, рукопись).

Овдовев в пожилом возрасте, дед принял на себя обет безбрачия. Решающую роль в этом, видимо, сыграл тот факт, что его мать была хаджийка, независимо от того, посетила ли она гроб Господень, т.е. совершила ли хадж, или это почетное и уважаемое у гагаузов сакральное звание досталось ей по наследству. Трудно сказать, что послужило реальной мотивировкой самоотречения жизнелюбивого человека от радостей жизни: неутоленная любовь к жене, нарушение моральных устоев, предписанных церковью, готовность посвящения себя Богу и служения ему, или, наконец, страх перед общественным мнением, считающим неприличным романтический второй брак в возрасте после 50 лет.

Анализируя гагаузскую антропонию, в том числе происхождение неофициальных имен, прозвищ и присвоенных титулов к имени или к фамилии гагауза, В.А. Мошков отмечал, что еще в конце XIX в. у гагаузов было принято того «из гагаузов, который побывал на поклонении в Иерусалиме», именовать титулом «Хаджи» или «Хаджийка». Социальная значимость этого титула, как и авторитет его носителя, в общественном мнении были очень почитаемыми. «Этот титул, – подчеркивал В.А. Мошков, – заменяет для него (гагауза – М.Г.) все другие названия, он не только постоянно прибавляется к имени лица, например, «Хаджи Димитри», или «Хаджи Коли», но переходит отчасти и на его детей. Их называют «Хаджинин Петриси», или «Хаджинин Яньчусу», т.е. Петри сын Хаджи или Яньчу сын Хаджи» (Мошков В.А., 1901. № 2. С. 8).

В.А. Мошкову было известно, что в конце XIX в. вдовцы старше 25-летнего возраста считаются уже стариками и ни одна девушка за них замуж не пойдет (Мошков В.А., 1901. № 1. С. 127).

Вероятно, следуя канонам общественного мнения, не утратившим свою силу и в середине XX в., младший сын выступил строгим блюстителем обета безбрачия, когда его отец после возвращения из депортации, решил жениться на приглянувшейся ему молодке.

После возвращения из депортации у части спецпереселенцев возникала потребность в реализации некоторых принципов, риту-

алов, обрядов из системы традиционной соционормативной культуры. Тот же сын не только не позволил своему отцу нарушить обет безбрачия, но и настоятельно склонял свою дочь, известную в сибирской ссылке своими хулиганскими (скорее маскулинными, чем фемининными) выходками, к строгому соблюдению этикета, принятого по правилам традиционной соционормативной культуры гагаузов. Для него, воспитанного в молодости понятиями брака по-гагаузски как жестко установленного культурного института, в котором, во-первых, четко определены роли мужа и жены между собой, с их родителями и детьми, неприемлемыми были какие-либо отклонения, а, во-вторых, исключены такие современные формы совместной жизни, как «гражданский брак», «гостевой брак», «пробный брак» и т.п.

В «Российско-гагаузско-турецко-румынском словаре», изданном в 2005 г. в Бухаресте, значение русского слова «обет» переводится приблизительно двумя схожими, но не вполне отражающими смысл понятиями гагаузского языка: во-первых, словосочетанием *üstünä almak* (давать присягу, брать на себя обязательство) и *emin*, а, во-вторых, *adamak* (обещать), *sör vermek* (давать слово). Отсюда однокорневые слова гагаузского языка: *adamlık eri* (обетованный край), *adamlık topra* (обетованная земля), *adamlık memleketi, Palestina* – обетованная страна (Victor Ghenov, Makole Cărmăză).

Выбор точного эквивалента перевода с русского на гагаузский язык, как отмечают авторы новаторского словаря-полиглота В.Г.Генов и Э.А. Кырмызы, затруднен в силу слабого функционального, а, вследствие этого, и структурного развития гагаузского языка.

В гагаузском языке, судя по современным словарям, изданным в XX в. в Кишиневе и Москве, а также по первому в истории словарю В.А. Мошкова, специального слова, адекватного термину «обет», не обнаруживается.

Смысловая нагрузка этого слова, восходящая к старославянскому «*обет*», чешскому и славянскому *ovet* («жертва») состоит из *ov* и *vet* – изречение (завет, привет), поскольку в древнерус-

ском языке *vet* означает «договор, совет» (Фасмер М. Том III. 1987. С.99).

Слово *emin* на гагаузском языке одновременно означает и обет, и клятву. Что касается слова *adamak* (обещать), то оно имеет аналог в турецком языке, обозначая в нем *обет*. Пример, приведенный в русско-турецком словаре: «он дал обет поста» переводится как «*oruç tutmayı adadı*» и абсолютно понятен человеку, владеющему гагаузским языком.

Наряду с некоторыми категориями священнослужителей, обет безбрачия или обет посещения гроба Господня давали некоторые гагаузы. Об этом имеется глухое упоминание в монографии В.А. Мошкова «Гагаузы Бендерского уезда».

Чаще всего обеты полны священного смысла, даже если они ориентируют на совершение действия, не связанного с религиозной тематикой.

Обет безбрачия (целибат), как правило, известен в католическом мире по религиозным соображениям. И хотя там он означает безбрачие католических священников, он ассоциирован с другими, более земными обетами: обетом молчания, лишения, свершения какого-либо подвига, посещения земли обетованной и др.

Так, например, обеты, налагаемые в европейских странах в средние века тем или иным рыцарским орденом, представляли собой коллективную форму индивидуального рыцарского обета совершить какой-либо подвиг, в том числе в честь своей избранницы.

Люди, исповедующие буддизм, могут принимать 5 или 8 мирских обетов полностью или в том или ином сочетании. В одном случае речь идет о заповедях: 1) не убивать, 2) не красть, 3) не нарушать сексуальную преданность своему партнеру, порой переходящую в обет безбрачия, 4) не лгать, 5) не употреблять интоксикующих веществ, будь то алкоголь или наркотики. В другом случае, речь идет о более удобных восьми временных заповедях, обеты по которым берутся, например, на сутки или на некоторое более продолжительное время: 1) не убивать, 2) не брать достояние других, т.е. не воровать, 3) не заниматься сексуальной активностью, 4) не говорить неправду, 5) не употреблять инток-

сирующих веществ, 6) не занимать высоких тронов, т.е. не стимулировать личную гордость, 7) соблюдать пищевой запрет – не есть твердую пищу до обеда и не потреблять ничего, даже жидкости, после, 8) воздерживаться от украшений себя, от песен и танцев, что способствует преодолению легкомыслия, ветрености и рассеянности.

Обеты давали не только простые люди и представители разных социальных слоев общества, но цари и императоры. Заслуживает внимания, в частности, обет, данный Александром II при вступлении на престол Российской империи и в значительной своей части реализованный, пока бомба террориста не оборвала жизнь Государя.

«Мы въ сей печальный, но и торжественный важный часъ, – говорилось в Манифесте, – вступая на Прародительский НАШЪ Престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, предъ лицомъ невидимо соприсутствующаго НАМЪ Бога, приѣмлемъ священный обетъ имѣть всегда единою цѣлію благоденствіе Отечества НАШЕГО. Да руководимые, покровительствуемые призвавшимъ НАСЪ къ сему Великому служению Провидевшемъ, утвердимъ Россию на высшей ступени могущества и славы, да исполнятся чрезъ НАСЪ постоянныя желанія и виды Августѣйшихъ НАШИХЪ предшественниковъ ПЕТРА, ЕКАТЕРИНЫ, АЛЕКСАНДРА Благословеннаго и Незабвеннаго НАШЕГО Родителя». (<http://hghltd.yandex.net/yandbtm?url>).

В небольшом по объему разделе, посвященном анализу некоторых вопросов межэтнического взаимодействия, публикуются статьи В.П. Степанова и П.М. Пашалы, соответственно о проявлениях ксенофобий в Республике Молдова и о социально-экономическом состоянии одного из крупнейших по численности населения регионов Молдовы.

От перспектив его развития в немалой мере зависит самосохранение гагаузского народа и возрождение его самобытной культуры. В порядке предварительной публикации к подготавливаемому тому «Гагаузы» в раздел помещена статья С.С. Булгара об этногра-

фическом облике гагаузов, переселившихся в межвоенный период в далекую Бразилию. Статья подготовлена по итогам полевых исследований С.С. Булгара в ходе его встреч с представителями трех поколений гагаузов, нашедших свою вторую родину на американском континенте, но сохранивших культурное наследие и живую память о своей первой отчизне.

В Приложении к двухтомнику публикуются, как и принято в юбилейном издании, список научных трудов юбиляра и перечень экспедиционных выездов, свидетельствующий о «размахе» полевых исследований Н.А. Дубовой, и краткий список трудов, подготовленных к печати при том или ином содействии юбиляра.

Литература

- Абакумова-Забунова Н.В. Русское население городов Бессарабии XIX в. Кишинев, 2006. 519 с.
- Абуков К.И. Величина крупная и неизменная. К творческому портрету академика Г.Г. Гамзатова // Горизонты современного гуманитарного знания. К 80-летию академика Г.Г. Гамзатова. М., 2008. 862 с.
- Абхазы. Серия «Народы и Культуры» \ Отв. ред. Ю.Д. Анчабадзе, Ю.Г. Аргун. М., 2007. 547 с.
- Бенуа А. Мои воспоминания. В пяти книгах. Кн. 1-3. Изд. второе, дополненное. М., 1990. 711 с.
- Анцупов И.А. Аграрные отношения на юге Бессарабии (1812-1870). Кишинев, 1978.
- Анцупов И.А. Русское население Бессарабии и Левобережного Поднепровья в конце XVIII – XIX в. Кишинев, 1996.
- Анцупов И.А. Сельскохозяйственный рынок Бессарабии в XIX в. Кишинев, 1981.
- Анцупов И.А., Топузлу Г.Н. Очерки истории гагаузов XIX в. Кишинев, 1993.
- Анчабадзе Ю.Д. Прекрасный обычай гостеприимства // СЭ. 1985. №4.
- Арутюнов С.А. Кавказское застолье как социальный регулятор // Одиссей: человек в истории. М., 1990.
- Бгажноков Б.Х. Прием почетного гостя в традиционной культуре адыгейских (черкесских) народов // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985.
- Бгажноков Б.Х. Основание гуманистической этнологии. М., 2003. 272с.

Гастарбайтерство. Факторы выталкивания и притяжения. Составитель Н.А. Дубова. Отв. ред. М.Н. Губогло. М., 2006. 288 с.

Гастарбайтерство. Факторы адаптации \ Составитель Н.А. Дубова. Отв. ред. М.Н. Губогло. М., 2006. 387 с.

Губогло М.Н. Спохои прошлого. Автобиографические затеси. Кишинев, 2008.

Защук А. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Бессарабская область. Часть первая (553 с.) и вторая (260 с.). Санкт-Петербург, 1862.

Квилинкова Е.Н. Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности. Кишинев, 2007. 840 с.

Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Отв. ред. С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян. Ереван, 1983. 319 с.

Курогло С.С. Семейная обрядность гагаузов в XIX – начале XX вв. Кишинев, 1980.

Лебедева Н.М. Новая русская диаспора: социально-психологический анализ. М., 1997.

Мамбетов Г.Х. Традиционная культура кабардинцев. Нальчик, 2002.

Марков Г.Е. Материалы по этнографии гагаузов // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Т. XIX. М., 1953. С.55-67.

Мартынова М. Особенности повседневного уклада жизни русских. М, 2009. 192 с.

Мещеряк И.И. Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел в южной Бессарабии (1808-1856). Кишинев, 1971. 341с.

Мусукаев А.И. Традиционное гостеприимство кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1990.

Никогло Д.Е. Система питания гагаузов в XIX – начале XX вв. Кишинев, 2004.

Никогло Д.Е. Традиционные трапезы и застольный этикет у гагаузов // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 5. Материалы III Российско-молдавского симпозиума «Традиции и инновации в соционормативной культуре молдаван и гагаузов \ Под общ. ред. М.Н. Губогло. М., 2008. С.310-329.

Новаков С.З. Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел южной Бессарабии (1857-1918). Chişinău, 2004. 578 с.

Скворцова А.Ю. Русские Бессарабии: опыт жизни в диаспоре (1918-1940гг.). Кишинев, 2002. 280 с.

Танасоглу Д. Узун керван. Долгий караван. Роман. Предисловие М.Н. Губогло. Кишинев, 1985. 415 с.

Тойнби А. Постижение истории. Пер. с англ. М., 1991.

Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. Перев. С французского Е.А.Самарской. М., 1998. 204 с.

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004. 730 с.

Хлеб в народной культуре: этнографические очерки \ Отв. ред. С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина. М., 2004.

Хмельное и иное: напитки народов мира \ Отв. ред. С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина. М., 2008. 488 с.

Шабашов А.В. Гагаузы: система терминов родства и происхождение народа. Одесса, 2002. 744 с.

Этническая экология: народы и их культура \ Под общ. ред. Н.А. Дубовой и Л.Т. Соловьевой. М., 2008. 376 с.

Этнографические исследования в Республике Молдова (История и современность). Кишинев, 2006. 560 с.

Этнография питания народов стран Зарубежной Азии. М., 1981.

Юраков А.В. Доверительность как социальный капитал трансформирующегося российского общества (По материалам этносоциологического исследования в Башкортостане, Татарстане и Удмуртии). Автореф. канд. дисс. М., 2004.

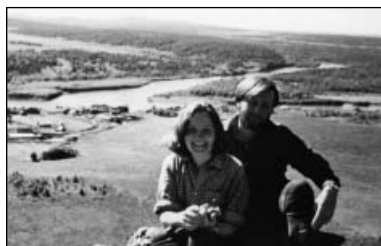
Ямсков А.Н. Гастарбайтерство сельских гагаузов: масштабы и причины развития, направления выездов (по исследованиям 2005-2006 гг. в селах Кириет-Лунга и Чимшикой) // Курсом изменяющейся Молдовы. Т.1. Материалы 1-го Российско-молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвященного 40-летию этносоциологических исследований \ Под общ. ред. М.Н. Губогло. М., 2006. С.141-171.

1970 г., Калаисар около Шахристана,
Северный Таджикистан

1972 г., к. Навды Гармского района
Таджикистана.

1972 г., На Камчатке.
С А.И. Дубовым.

1971 г., с. Нуямо, Чукотский АО.
С Колей Этытегиным и Надей Клевцовой.

1971 г., Чукотка,
с В.П. и Т.И. Алексеевыми.

1984 г., с. Кышик
Ханты-Мансийский АО.

1984 г., с Русскинские
Ханты-Мансийский АО.

1987 г. в Чечне. Слева направо:
В.П. Кобычев, С.Н. Иванов, Н.А. Дубова,
С.А. Кремнев (водитель), А.Д. Джикиев.

1988 г., Звенигород. На конференции
по этногенезу народов Средней Азии.

1996 г., ИЭА РАН,
с С.П. Поляковым и Г.В. Рыкушиной

1998 г., г. Оренбург. На Интерконгрессе Ассо-
циации этнографов и антропологов России.

2000 г. У ногайцев
с. Канглы.

2001 г. У гагаузов
с. Кириет-Лунга.

2004 г. Гонур Деппе, Туркменистан.
С В.И. Сарияниди изучаем клад золотых и
серебряных предметов.

2006 г. В ЦИМО ИЭА РАН.
Стоят: П.М. Алексеев, Н.А. Дубова,
А.Н. Ямсков, А.В. Юраков;
сидят: Л.В. Остапенко, М.Н. Губогло,
И.А. Субботина.

2009 г. В день 85-летия В.И. Козлова.
Слева направо: Н.А. Дубова,
В.И. Козлов, Л.П. Козлова,
Л.С. Винокурова, Н.И. Григулевич.

2006 г., ИЭА РАН. Вышел абхазский
сборник. Слева направо: А.Н. Ямсков,
Н.И. Григулевич, Н.А. Дубова, Л.Т. Соловьева.

2009 г. Во время антропологической
экспедиции среди бахтияр в Загросских
горах, Иран.

2006 г. Участники Маргианской экспедиции
в «тронном зале» Дворца Северного Гонура.

РАЗДЕЛ I

НОВЫЕ И СТАРЫЕ СЮЖЕТЫ ФИЗИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Е.З. Година, Л.В. Задорожная, А.Л. Пурунджан,
А.В. Степанова, И.А. Хомякова

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ В СВЯЗИ С СОЦИАЛЬНОЙ И ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬЮ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОБСЛЕДОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Для России проблема мониторинга физического развития детей из семей переселенцев чрезвычайно актуальна, так как более 25 % населения отдельных территорий страны представлены мигрантными группами. Миграционные процессы особенно усилились в последнее время в связи с бурными социально-экономическими и политическими изменениями, обусловленными распадом Советского Союза. Один из регионов, испытывающих на себе мощное воздействие этого фактора – Саратовская область, на территорию которой наблюдается активный приток населения из южных и юго-восточных регионов России и сопредельных государств.

Исходя из вышеизложенного, была поставлена задача проведения антропологического обследования детей и подростков Саратовской области с целью выявления изменчивости показателей роста и физического развития коренного и мигрантного населения на межгрупповом и внутригрупповом уровнях.

Материалы и методы

Для решения поставленных целей использованы материалы, собранные авторами в 2002-2004 гг. в результате экспедиций в Саратовскую область. Методом поперечного сечения были обследованы свыше 4273 детей и подростков обоего пола в возрасте 7-17 лет в трех населенных пунктах: городах Хвалынске (численность обследованных – 742 мальчика и 736 девочек), Балакове (756 мальчиков и 711 девочек) и Саратове (668 мальчиков и 660 девочек).

В Хвалынском районе Саратовской области численность детей, родившихся за пределами мест постоянного проживания,

достигает 17%, в прилежащем к нему Балаковском районе 12% детей происходят из мигрантных семей. В самом Саратове таких детей 14%. В некоторых половозрастных группах численность мигрантов достигала 30-40%.

Три вышеназванных населенных пункта сильно разнятся по степени урбанизации и индустриализации: население г. Хвалынска составляет около 15 тыс. человек, промышленные предприятия отсутствуют; в г. Балаково проживает около 220 тыс., этот относительно молодой город характеризуется высоким уровнем индустриализации; г. Саратов – исторически сложившийся областной центр с населением около 1 млн. человек с высокой степенью урбанизации.

Подобные различия не могли не сказаться на демографической структуре и социально-экономических характеристиках населения, являющихся, по мнению ряда авторов (Malinowski, 2004), важнейшими модификаторами процессов роста и развития.

Антропометрическая программа обследования включала следующие измерительные и описательные признаки, большинство из которых определялось по методике В.В. Бунака (1941): длина тела (ДТ), высоты над полом верхнегрудной точки, подвздошно-остистой и лобковой точек, на основании этих размеров вычислялись длина корпуса (ДК) и длина ноги (ДН); масса тела (МТ); плечевой и тазовый диаметры (ПД, ТД), поперечный и переднезадний диаметры грудной клетки (ПГ, ПрГ); обхваты груди (ОГ), плеча и предплечья; толщина кожно-жировых складок: под лопаткой (Сп), на плече – на бицепсе и трицепсе (Пл₁, Пл₂),

на предплечье – по методике Н.Ю. Лутовиновой, М.И. Уткиной, В.П. Чтецова (1970). Тип конституционального габитуса определяли по схеме В.Г. Штефко и А.Д. Островского (1929).

Помимо антропометрической программы проводилось **анкетирование**, учитывающее профессию и образование обоих родителей обследованного ребенка, их трудоустроенность, состав семьи, благоустроенность быта семьи обследованного, некоторые показатели физического развития ребенка в младенчестве. Также фиксировалось место рождения ребенка, длительность его проживания на территории Саратовской области, место рождения и национальная принадлежность обоих родителей. В зависимости от сочетания этих факторов при обработке полученных материалов были выделены группы:

- коренного населения гг. Хвалы́нск (1), Балаково (2) и Саратова (3);
- внутренних мигрантов Саратовской области, переехавших в эти города из окрестных деревень (0);
- внутренних мигрантов Саратовской области, переехавших в обследованные города из других более мелких городов (4);
- мигранты из других регионов – русские и близкие к русским в этногенетическом отношении (украинцы и белорусы) (5);
- мигранты других национальностей из других регионов (6);
- мигранты из других регионов смешанного этнического происхождения (7).

Методы анализа данных

Первичная обработка материала проводилась по половым и возрастным группам с годовыми интервалами. Одним из основных статистических приемов, как для межгруппового, так и для внутригруппового анализа стала **процедура нормирования (Z-score)**, позволяющая сопоставлять группы, различающиеся по возрасту, полу этнической принадлежности и т.д.

Для анализа достоверности различий средних арифметических величин использовался критерий t Стьюдента, **дисперсионный анализ (ANOVA)** в сочетании с критерием Шеффе. Для анализа морфологических особенностей использовался метод главных компонент, а для описания межгрупповых взаимоотношений рассматриваемых групп применялись кластерный анализ и многомерное шкалирование. Все вычисления проводились с использованием

пакета программ: Statistica 6. Для построения таблиц и рисунков использовались программы Microsoft Office XP.

Результаты и обсуждение

1. Особенности роста и развития детей трех населенных пунктов

Ранее уже отмечалось (Година с соавт., 2005) что при четкой морфологической дифференциации между детьми трех изученных групп, степень этих различий варьирует: дети Балакова по некоторым признакам в большей степени сближаются с жителями Хвалы́нска, а по другим – с жителями Саратова. Выделяются три полюса изменчивости, т.е. каждая из выборок обладает своей, только ей присущей морфологической специфичностью. Дети Хвалы́нска имеют минимальные абсолютные величины диаметров и длины тела и самые брахиморфные. Саратовские дети самые крупные и долихоморфные. Группа из Балакова по этим показателям занимает промежуточное положение, но характеризуется максимальной широкоплечестью.

Отмеченные особенности в вариабельности размеров скелета позволяют глубже понять пути формирования морфологических различий между группами. Их реализация происходит по двум независимым векторам: по величине абсолютных размеров тела, и по их соотношениям – пропорциям. Различия по величине размеров тела в значительной степени определяются комплексом причин, в той или иной степени отражающих социально-экономические и демографические условия жизнеобитания. Поэтому отмеченный масштаб различий между группами значительно превышает разницу в показателях формы тела. Последние в значительно большей степени определяются антропологическими особенностями группы и в меньшей степени подвержены влиянию внешних условий.

Жировые складки. Минимальный объем жировотложения отмечается у мальчиков и девочек Хвалы́нска, а максимальные – Саратова. Морфологический тип хвалы́нских детей отражает особенности телосложения, более свойственные сельским популяциям (брахиморфия, труккальность жировотложения, меньшие абсолютные размеры тела, более замедленные темпы созревания). Ее своеобразным антиподом является группа из Саратова, где все отмеченные параметры имеют противоположную направленность.

Для объяснения полученных результатов нами привлечены данные по *социально-экономическому статусу* семей обследованных детей и некоторым демографическим характеристикам. От Саратова к Хвалынску, по нашим данным, снижается средний уровень образования обоих родителей, понижается их профессиональный уровень, при этом показатели детности, смертности и уровень безработицы отцов растут. Еще один важный момент – снижение корреляции между образовательным и профессиональным уровнем родителей в семьях обследованных (Година Е.З. с соавт., 2002 б). У матерей мальчиков отмечается самый высокий коэффициент корреляции (0,61), у отцов девочек – самый низкий (0,48). По-видимому, можно говорить о высокой социальной мобильности населения и подвижности социальной структуры. Отставание детей Хвалынска, по-видимому, имеет выраженную социально-экономическую основу. Формально являясь районным центром, Хвалынск значительно уступает Балакову и Саратову по уровню урбанизации и экономического развития. Здесь высок уровень родительской безработицы и смертности; ниже процент родителей с более высоким уровнем образования; сравнительно высок процент многодетных семей. Соответственно ухудшаются условия жизни детей. По-видимому, замедление хода процессов роста и развития подчеркивает своеобразную морфологическую «ретардированность» хвалынской группы, заключающуюся в большей брахиморфии, по сравнению с детьми Балакова и Саратова.

В заключение этого раздела, характеризующего тенденции роста и развития представителей трех групп населения Поволжья в сравнительном аспекте, можно сделать следующие *выводы*:

1. Дети Хвалынска отличаются наиболее низкими значениями большинства морфологических показателей и более замедленным ходом полового созревания. По-видимому, это отчасти связано с напряженной социально-экономической ситуацией в этом населенном пункте.

2. Дети Саратова – областного центра с давней историей, характеризуются стабильностью ростовых процессов и одинаковой направленностью при сравнении особенностей их протекания у мальчиков и девочек. Саратов выступает по отношению к Хвалынску как противоположный полюс и в отношении социально-экономических факторов, и в отношении морфофункциональных особенностей.

3. Детская часть населения Балакова по многим показателям обнаруживает тенденции, близкие к таковым детей Саратова. Этого и следовало ожидать, исходя из численности населения города, степени индустриализации и т.д. Однако по ряду других показателей дети Балакова сближаются с жителями Хвалынска. У детей Балакова выявлены существенные гендерные различия в отношении реакции представителей двух полов на те или иные условия среды.

2. Анализ морфологических особенностей групп детей различного этно-демографического статуса

По результатам разработки собранных анкетных данных, были выделены по 8 групп мальчиков и девочек в зависимости от места рождения, длительности проживания в месте обследования и этнической принадлежности (принцип выделения изложен в разделе «Материалы и методы»). Относительно небольшой по численности объем материала не позволяет делать четкие погодные сравнения, в связи с чем, нами была вновь применена процедура нормирования, позволившая объединить все данные вне зависимости от возраста обследованных.

Анализ морфологических особенностей детей из мигрантных групп проводился отдельно по признакам, относящимся к различным соматическим компонентам тела: жировому (жировые складки), мышечному (обхватные размеры) и скелету (длина тела, ширина плечевого и тазового диаметров). Заключительная часть сравнительного анализа включала сопоставление групп детей по всему комплексу признаков.

Сравнительный анализ процессов роста не ограничивался сопоставлением оценок величин, как отдельных признаков, так и комплексов морфологических параметров. Проводился анализ изменчивости двух и более признаков по соматическим компонентам тела. С помощью анализа главных компонент рассчитывались показатели «размера» (1 главная компонента) и «формы» (2 и последующие главные компоненты). Заключительным этапом анализа стало многомерное шкалирование.

Полученные в ходе такого анализа различия могут получить различную трактовку в зависимости от задач исследования. Чаще всего, результаты сравнения групп могут интерпретироваться как отражение изначальных различий, обусловленных

антропологическими особенностями популяций, либо как следствие влияния комплекса социально-экономических факторов. В целом, когда сопоставляются группы, близкие по происхождению, а в нашем случае это дети из одной области, представляется логичным интерпретировать различия в соматическом статусе групп как результат глубинной социальной ломки уклада жизни в городах с различной степенью урбанизации.

Отмечая различия в размерах и форме тела, темпах роста и созревания и объясняя их различиями в социальной и демографической структуре населенных пунктов, мы должны постараться предложить (хотя бы в гипотетической форме) механизм их формирования. Разумеется, это самая сложная задача любого исследования, а тем более, изучающего такое сложное явление как рост. Общеизвестно, что рост и развитие ребенка является глубоко канализированным процессом с четко выраженной последовательностью прохождения соответствующих фаз. Очевидно, что такая жесткая детерминация этапов онтогенеза обусловлена видовой специфичностью человека. Любое отклонение в последовательности и интенсивности этапов роста может приводить к серьезным патологическим состояниям. С другой стороны, реализация наследственной программы роста и развития определяет как индивидуальное, так и значительную часть группового разнообразия людей. Сочетание факторов, обеспечивающих стабильность роста и одновременно являющихся источником разнообразия, указывает на строгую наследственную детерминацию их действия.

Может показаться, что сделанный вывод находится в противоречии с многочисленными фактами зависимости ростовых процессов и морфологической структуры популяции от комплекса условий жизнеобитания. Возникает вопрос, через какие механизмы осуществляется воздействие на ход онтогенеза в группах с различным социальным, экономическим статусом. Выбор здесь невелик: либо это результат действия различных форм отбора, либо непосредственное воздействие факторов среды (в широком смысле) на механику развития – вначале плода, а затем и на организм ребенка. Приведенная факторная структура служит рабочей моделью при планировании большинства антропологических исследований, в ходе которых последовательно фиксируется каждый из предполагаемых факторов среды.

Относительная дифференциация средовых факторов не позволяет провести четкой границы по их каналам влияния на детскую популяцию. Можно предположить, что демографическая структура сильно различающихся по численности мест проживания будет во многом определять особенности и структуру генофонда популяции (ее гетерогенность, круг брачных связей и другие генетико-демографические характеристики). В то же время, размер населенного пункта напрямую связан с уровнем развития городской инфраструктуры, объемом промышленности и связанным с ним уровнем экологического загрязнения.

В данной работе анализируются морфологические особенности групп детей различного этно-демографического статуса. В связи с этим, возможные различия в размерах и форме тела можно интерпретировать в соответствии с высказанными выше предположениями. Возможно, что морфологические особенности каждой из анализируемых групп формируются на различной основе: этногенетической – русские мигранты, мигранты-метисы и мигранты других национальностей; социально-демографической – резидентные группы из городов Саратовской области, мигрантные группы из сел и городов. Поэтому, в зависимости от характера полученных результатов и будет строиться их интерпретация с акцентом на «внешние» (социально-экономические) и «внутренние» (этногенетические) факторы изменчивости.

Первоначально проводился анализ по каждому признаку в отдельности. С помощью дисперсионного анализа (ANOVA) и множественных сравнений по Шеффе определялась достоверность различий между группами по конкретному показателю.

Как у девочек, так и у мальчиков различия по отдельно взятым признакам выражены слабо. В основном, они касаются групп детей, родившихся и выросших в городах Саратовской области и недавно приехавших из сел, что объясняется их различным социальным статусом. По признакам, где вероятно этногенетическая компонента изменчивости – головной указатель, показатели пропорций скелета – отчетливо выделяется группа мигрантов других национальностей.

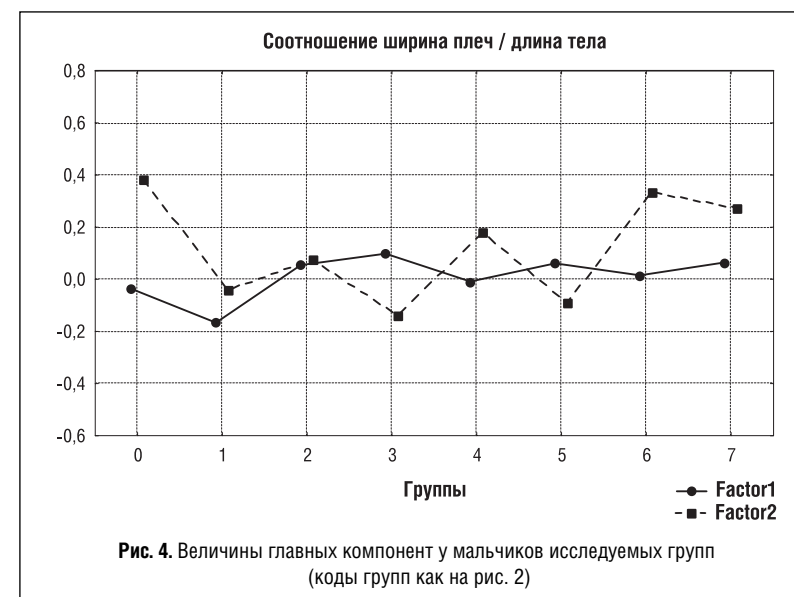
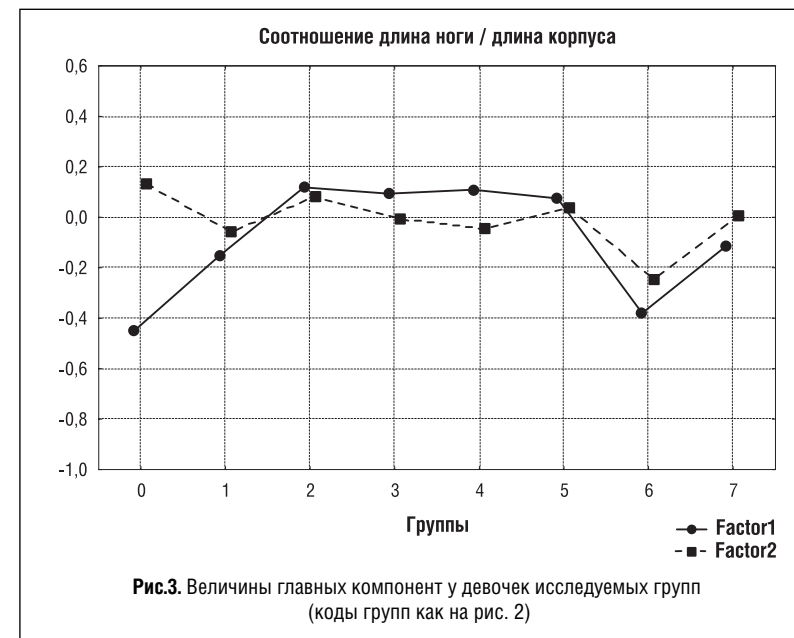
В дальнейшем проводился анализ изменчивости двух и более признаков по различным морфологическим системам тела. С помощью анализа главных компонент рассчитывались показатели «размера» (1 главная компонента) и «формы» (2 и последующие

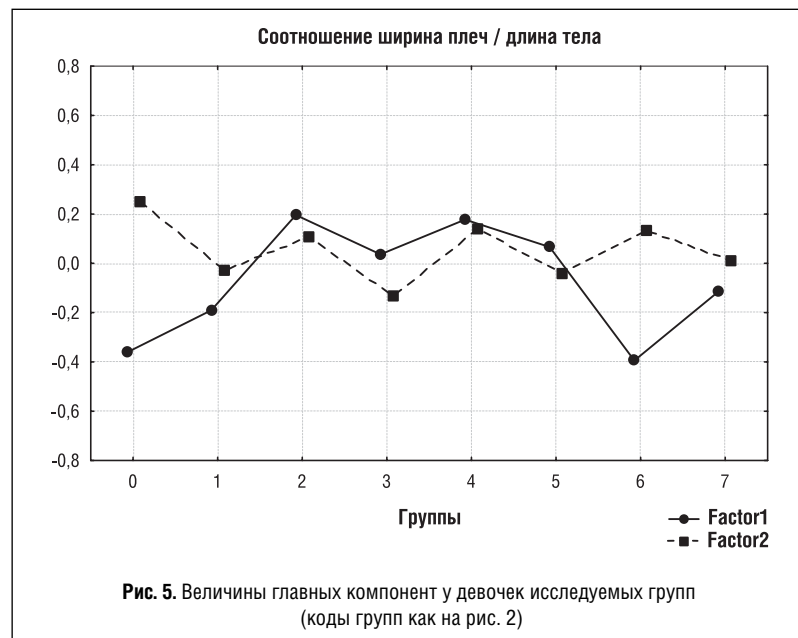

главные компоненты). Напомним, что главные компоненты – это новые интегральные показатели, рассчитываемые как алгебраические суммы от исходных антропометрических.

Наиболее информативными являются показатели соотношения длины ноги и корпуса, ширины плеч и длины тела, а также весоростовое соотношение.

По соотношению длина ноги/длина корпуса как у мальчиков, так и у девочек прослеживаются сходные тенденции (рис. 2, 3). Наиболее брахиморфными (отрицательные величины второй компоненты – F_2) оказались нерусские дети мигранты. Дети Балаково и Саратова представляют противоположный полюс морфологической изменчивости.

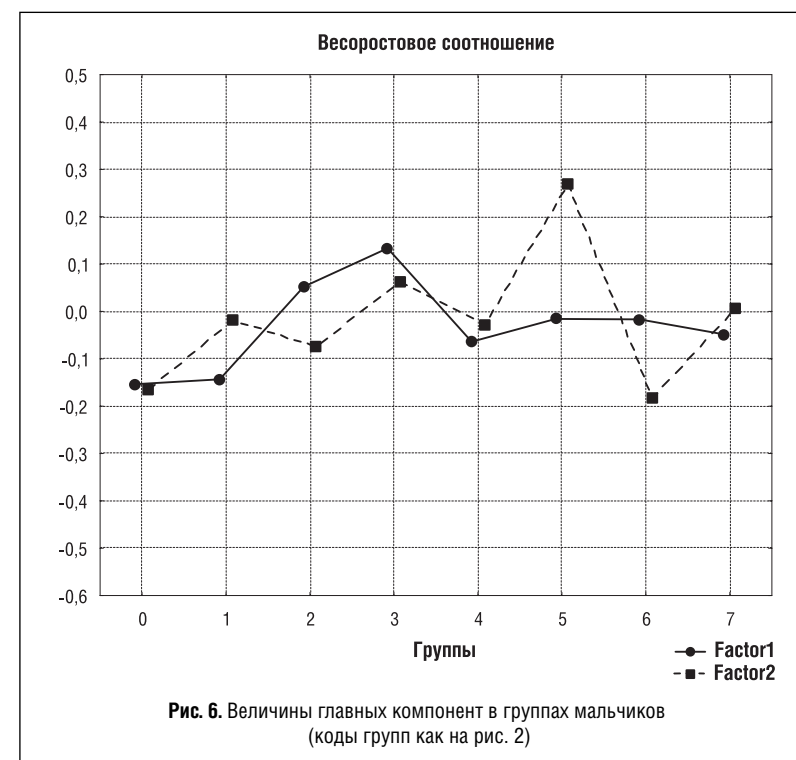
По относительной ширине плеч у детей обоих полов прослеживаются тенденции, сходные с описанными выше (рис. 4, 5). Выделяются группы детей – мигрантов из сел Саратовской обл. и нерусских мигрантов.

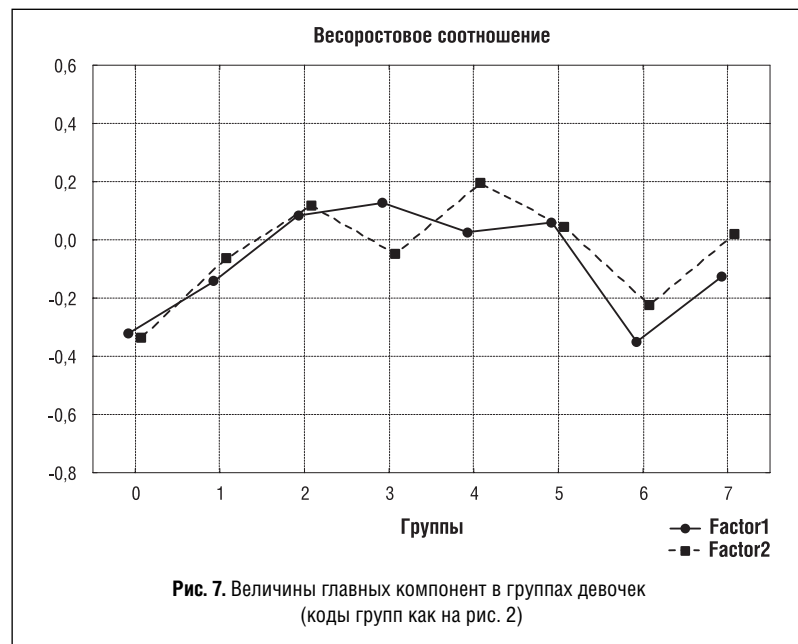
Очевидно, что эти группы характеризуются относительной коротконогостью и широкоплечестью. Такая брахиморфность характерна для сельского населения, по сравнению с городским, и этнических групп с Кавказа и Поволжья при сравнении с русскими.

По весоростовому соотношению группы с малыми размерами тела – отрицательные значения F_1 – представляют полюс микросомных по межгрупповому масштабу вариантов, соответственно, положительные характеризуются относительной макросомией (рис. 6, 7). Исходя из величин второй главной компоненты (F_2), следует отметить, что микросомность сочетается с относительной брахисомностью (отрицательные значения (F_2)) у русских детей из сел Саратовской области, г. Хвалынского и в особенности у иноэтничных мигрантов. Дети Саратова и русские мигранты из других областей имеют положительные

величины F_2 , т.е. относительная лептосомность у них сочетается с несколькими большими, по сравнению с другими группами, абсолютными размерами тела. По всей вероятности, такие соотношения размеров и формы тела отражают основное направление различий между группами Саратовской области. С одной стороны, это уроженцы сельской местности и близких к ним по укладу жизни малых городов, а также нерусских мигрантов – имеющие относительно небольшие размеры тела в сочетании с брахиморфией (в масштабе рассматриваемых групп). Другой полюс представляют саратовские дети и русские мигранты из других областей с большими размерами тела в сочетании с относительной долихоморфией.

Заключительным этапом анализа стало сравнение групп по комплексу признаков (рис.8-11). Для этих целей используется разнообразный набор методов многомерного анализа. На-

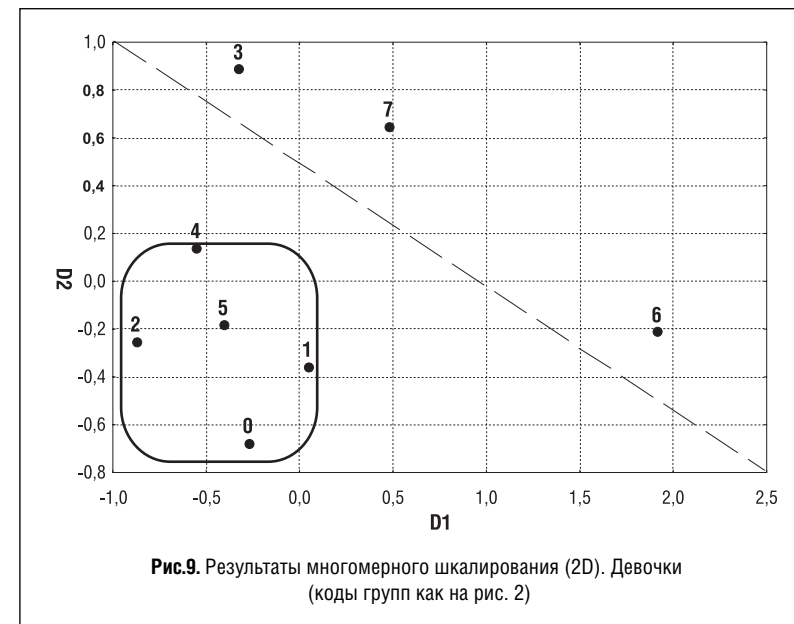

иболее мощным и адекватным задачам исследования является многомерное шкалирование. Основой для анализа служит матрица попарных таксономических расстояний. В качестве метрики используются разнообразные меры сходства и расстояния. Наиболее часто используется евклидова метрика, либо ее обобщенная форма – расстояние Махаланобиса. В нашей работе мы остановились на расстоянии Махаланобиса. Матрица попарных расстояний Махаланобиса содержит всю информацию о совокупной изменчивости всего комплекса признаков у рассматриваемых групп. Картина взаиморасположения групп позволяет производить содержательную интерпретацию изменчивости.

Группы мальчиков и девочек представлены в плоскости 2D и 3D координат, что позволяет более дифференцированно подходить к анализу изменчивости.

Первоначально рассмотрим результаты шкалирования в плоскости двух координатных осей. Расположение групп на обоих 2D графиках четко отражает два уровня морфологичес-

кой дифференциации рассматриваемых групп. Первый – этногенетическая дифференциация: русские группы расположились достаточно компактно, вне зависимости от размера населенного пункта, где родились дети, и очевидных социальных различий. Группы метисов и иноэтничных мигрантов стоят особняком, что особенно хорошо видно на схеме расположения у мальчиков. Кстати, подтверждается хорошо известная особенность – таксономические взаимоотношения в лучшей степени проявляются у мужских групп. Вторая тенденция, выраженная значительно слабее – социально-демографическая специфичность. Она проявляется в несколько обособленном положении саратовских детей, что свидетельствует о масштабах морфологических различий. Очевидно, что социальные факторы, в масштабе этногенетических различий, проявляют себя лишь по достижению определенного уровня. По всей видимости, социально-экономическая и демографическая структура, а также история формирования населения г. Саратова определяют морфологическую специфичность этой группы, по сравнению с другими русскими выборками.

О сравнительном масштабе изменчивости по «этногенетической» и «социально-демографической» шкалам можно судить по расположению групп в координатах D2 на рис. 8 и 9. Расположение групп по первой координатной оси (D1) предполагает ее идентификацию как «этногенетической», так как на полюсах расположены русские и иноэтничные группы. Причем предел варьирования по этой оси составляет 2.3 – 3.0 условных единиц. Вторая координатная ось (D2) отражает дифференциацию групп по степени урбанизации мест проживания. Полюсами на этой оси являются саратовская выборка и дети, родившиеся в сельской местности – у девочек, и в Хвалынске – у мальчиков. Размах изменчивости по этому направлению составляет 1.6 – 1.7 условных единиц. Интересно, что у девочек более отчетливо проявляются различия по социально-экономическому фактору, а у мальчиков – по этногенетическому.

Возвращаясь к вопросу об уровнях морфологической дифференциации групп по двум направлениям изменчивости (этногенетическое и социально-экономическое), отметим, что в исследованных группах морфологическая специфика (руководствуясь размахом изменчивости по осям 1 и 2) в 1.5 – 2 раза выше по эт-

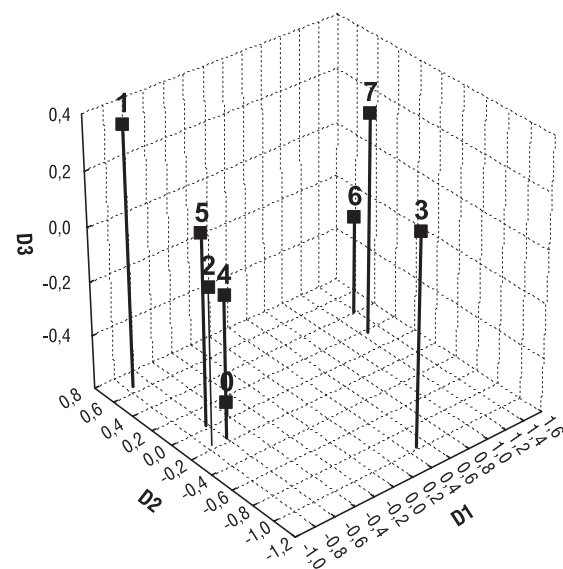

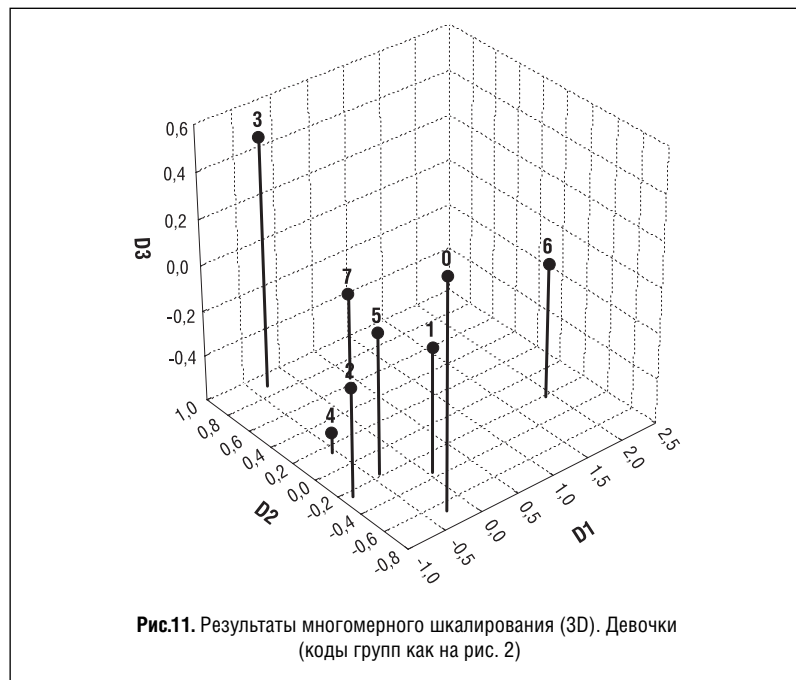
Рис.10. Результаты многомерного шкалирования (3D). Мальчики (коды групп как на рис. 2)

ногенетическому направлению, по сравнению с социально-экономическим.

Расположение групп в плоскости 3-х осей (рис. 10, 11) позволяет предположить существование третьего направления изменчивости, анализ которого возможен на более широком межгрупповом фоне и более многочисленном материале. Скорее всего, он отражает уровень дифференциации групп в соответствии с эколого-климатическими особенностями мест проживания. Следует особо подчеркнуть, что рассмотрение межгрупповой изменчивости по отдельным направлениям служит важным инструментом для ее анализа.

В то же время, ни один из анализируемых факторов не действует вне связи с другими, на что косвенно указывает закономерная картина межгрупповой изменчивости, наблюдаемая на всех представленных схемах.

В заключение анализа групп Саратовской области можно сделать несколько выводов:

1. Группы, сформированные в соответствии с уровнем урбанизации, социальной (сельское и городское население) и этнической принадлежности, отличаются отчетливо выраженной антропологической спецификой.

2. Выявленные морфологические особенности групп обусловлены действием двух групп факторов – этногенетических и социально-демографических.

3. Дифференциация по этногенетическим особенностям выражена более отчетливо, по сравнению с социальными факторами.

Литература

- Башкиров П.Н. Учение о физическом развитии человека. – М.: Изд-во Московского Университета, 1962. – 339 с.
- Бунак В.В. Антропометрия. – М., 1941. – 367 с.
- Година Е.З. Процентильный метод // Методы исследования физического развития детей и подростков в популяционном мониторинге (Руководство для врачей). – М., 1999. – С. 61-67.

Година Е.З. Динамика процессов роста и развития у человека: пространственно-временные аспекты: Дис. докт. биол. Наук. – М.: МГУ, 2001. – 383 с.

Година Е.З. Показатели роста и развития детей и подростков как отражение происходящих в обществе процессов // Философский век. Альманах «Науки о человеке в современном мире». – Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2002. – Вып. 21. – Ч.1. – С. 184-193.

Година Е.З. Некоторые тенденции соматического развития московских школьников на рубеже столетий // Материалы Третьей Межрегиональной конференции «Воспитываем здоровое поколение» (Москва, 3-5 июня 2003 г.). – М., 2003. – С. 21-25.

Година Е.З., Жуковский М.А., Кранс В.М. и др. Перцентильные графические стандарты тотальных размеров тела детей и подростков Москвы // Вопросы антропологии. – 1977. – Вып. 57. – С. 101-106.

Година Е.З., Задорожная Л.В. Пурунджан А.Л., Хомякова И.А. Дифференциация показателей роста и развития детей и подростков как результат воздействия социально-экономических факторов // Материалы V Международной конференции «Здоровье, труд отдых в XXI веке (Профилактика, лечение, реабилитация в различные периоды жизни человека)» (Москва, 25-26 апреля 2002 г.). – М., 2002 б. – С. 366-368.

Година Е.З., Миклашевская Н.Н. Влияние урбанизации на ростовые процессы у детей и подростков // Урбоэкология / Под ред. Т.И. Алексеевой, Л.С. Белоконов и Е.З. Годиной. – М.: Наука, 1990. – С. 92-102.

Година Е.З., Пурунджан А.Л., Хомякова И.А., Задорожная Л.В. Особенности эпохальных изменений размеров тела и головы детей и подростков Республики Беларусь и московского региона // Материалы IV Международного Конгресса по интегративной антропологии (Санкт-Петербург, 2002). – СПб., 2002 а. – С. 299-301.

Година Е.З., Хомякова И.А., Гилярова О.А., Задорожная Л.В., Пурунджан А.Л. О современной направленности эпохальных сдвигов (по материалам изучения показателей роста и развития московских детей и подростков) // Материалы Конгресса Педиатров России (Москва, 16-18 февраля 1999 г.). – М., 1999. – С. 113-114.

Громбах С.М. (ред.) Акцелерация развития и состояние здоровья детей и подростков. Научный обзор. – М., 1980. – 59 с.

Дерябин В.Е. Многомерная биометрия для антропологов. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 227 с.

Задорожная Л.В. Влияние социально-экономических факторов на морфофункциональные характеристики детей и подростков: Автореф. дис. канд. биол. наук. – М., 1998. – 25 с.

Какорина Е.П., Щеплягина Л.А. Физическое развитие детей школьного возраста 6-15 лет. Хвалынский район Саратовской области // Материалы по физическому развитию детей и подростков городов и сельских местностей Российской Федерации. – М., 1998. – Вып. 5 – С. 100-101.

Лутовинова Н.Ю., Уткина М.И., Чтецов В.П. Методические проблемы изучения вариаций подкожного жира // Вопросы антропологии. – 1970. – Вып. 36. – С. 32-54.

Негашева М.А., Пурунджан А.Л. Физическое развитие московских студентов в свете эпохальной динамики антропометрических показателей // Экологическая антропология. Ежегодник: Материалы X Международной научно-практической конференции «Отдаленные последствия Чернобыльской катастрофы: экологические медицинские и социальные аспекты. Реабилитация пострадавших» (Минск, 25-27 сентября 2002 г.) / Под ред. Т.В. Белоокой. — Минск: Белорусский комитет «Дзечи Чернобыля», 2003. — С. 324-328.

Пурунджан А.Л., Година Е.З., Хомякова И.А. Методические подходы в изучении показателей межгрупповой изменчивости показателей роста и развития у детей и подростков // Новые методы — новые подходы в современной антропологии. — М.: Старый Сад, 1997. — С. 202-218.

Пурунджан А.Л., Година Е.З., Хомякова И.А. Новые подходы в анализе межгрупповой изменчивости показателей роста и развития у детей и подростков России // Вопросы антропологии. — 2000. — Вып. 90. — С. 87-103.

Соловьева В.С. Материалы по половому созреванию подростков Саратова // Вопросы антропологии. — 1962. — Вып. 11. — С. 81-95.

Соловьева В.С. Морфологические особенности подростков в период полового созревания (в этно-территориальном разрезе): Дис. канд. биол. наук. — М., 1966. — 176 с.

Урысон А.М. Возрастная динамика размеров тела детей и подростков в возрасте от 4 до 18 лет // Рост и развитие ребенка / Под ред. Н.Н. Миклашевской. — М.: Изд-во Московского Университета, 1973. — С.4-54.

Штефко В.Г., Островский А.Д. Схема клинической диагностики конституциональных типов. — М.-Л.: Биомедгиз, 1929. — 79 с.

Ямпольская Ю.А. Физическое развитие школьников — жителей крупного мегаполиса в последние десятилетия: состояние, тенденции, прогноз, методика скрининг-оценки: Автореф. дис. докт. биол. наук. — М., 2000. — 76 с.

Binns C.V. Infant-feeding and growth // The Cambridge Encyclopedia of Human Growth and Development. / Eds. S.J. Ulijaszek, F.E. Johnson, M.A. — Preece. Cambridge University Press, 1998. — P. 320-325.

Bogin B.A. Patterns of Human Growth. 2nd ed. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999. — 455 p.

Galton F. Anthropometric per-centiles // Nature. — 1885. — Vol. 31. — P. 223-225.

Hermanussen M., Burmeister J. Synthetic growth reference charts // Acta Paediatr. — 1999. — Vol. 88. — P. 809-814.

Malinowski A. Aukologia. Rozwoj osobniczy czlowieka w ujeciu biomedycznym. Zielona Gora, 2004. — 309 s.

Secular Growth Changes in Europe. / Ed.: Bodzsar B.E., Susanne C. — Budapest: Eotvos Univ. Press, 1998. — P. 263-279.

Scott S., Duncan C.J. Demography and Nutrition. Evidence from Historical and Contemporary Populations. — Blackwell Science, 2003. — 369 p.

Stuart H.S., Meredith H.V. Use of body measurements in the School Health Programm // American Journal of Public Health. — 1946. — Vol. 36. — № 12. — P. 56-71.

Toth G.A., Eiben O.G. Secular changes of body measurements in Hungary // Humanobiologia Budapestensis. — Budapest, 2004. — № 28. — 76 p.

Ulijaszek S.J., Johnston F.E., Preece M.A. (Eds.) The Cambridge Encyclopedia of Human Growth and Development. — Cambridge University Press, 1998. — 497 p.

van Wierengen J.C. Secular growth changes // Human Growth — A Comprehensive Treatise. Vol.3. 2nd ed. / Ed. by Falkner F., Tanner J.M. — New York: Plenum Press, 1986. — P. 307-311.

Waliszko A., Welon Z. Variations in body build of girls 8-17 years old, studied on the basis of longitudinal data by the method of principal components // Stud. Phys. Anthropol. — 1975. — No.1. — P.65-83.

Weiner J.S., Lourie J.A. Human Biology. A Guide to Field Methods. — Oxford, Edinburgh: Blackwell Scientific Publ., 1969. — 578 p.

Н.А. Долинова, Н.В. Харламова

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ГАГАУЗОВ ПО ПРИЗНАКАМ КОЖНОГО РЕЛЬЕФА

Дерматоглифика гагаузов практически не изучена. В работе Т.Д.Гладковой (1966 г.) цитируются табличные данные Абея по пальцевым узорам и дельтовому индексу в суммарной группе мужчин и женщин (50 человек) (Гладкова, 1966). По полной программе Н.А. Долиновой были изучены лишь гагаузы с. Бешалма Комратского района Молдавской ССР (80 мужчин и 84 женщины) (Долинова, 1976). Установлено, что гагаузы (по данным о мужчинах) близки по признакам кожного рельефа к молдаванам и болгарам, хотя и незначительно отличаются от них в «восточном» направлении по дельтовому индексу и добавочным трирадиусам. Эти материалы были использованы Г.Л. Хить при изучении народов СССР (Хить, 1983) и в работе по дерматоглифике тюркоязычных народов. Оказалось, что гагаузы входят в группу народов, обладающих особенностями, характерными для южных европеоидов: у них «повышены значения дельтового индекса и индекса Камминса, частота добавочных межпальцевых трирадиусов и узоров на гипотенаре, уменьшен процент проксимального трирадиуса ладони» (Хить, 1990).

Сборная мужская группа гагаузов (61 чел) г. Комрат изучена С.П. Сегедой, данные имеются лишь в тексте его кандидатской диссертации (Сегеда, 1980), они же приводятся в сводке Г.Л. Хить, Н.А. Долиновой (1990) и используются ими в дальнейшем для суммарной характеристики гагаузов.

Как известно, гагаузы – тюркоязычный народ, исповедующий христианство. Возникновение такого своеобразного сочетания напрямую связано с их историей. Выделяются три основных гипотезы происхождения гагаузов (Шабашов, 2002):

1) гагаузы – отуреченные болгары, которые насильственно приняли турецкий язык, но сохранили православную веру;

2) гагаузы являются потомками христианизированных турецко-сельджукских переселенцев из Малой Азии;

3) гагаузы – потомки тюркских племен, попавших на Балканы, в отличие от турок, через степи северного Причерноморья.

Материалом для данной работы послужили оттиски ладоней и пальцев, собранные в 2001 году Н.А. Кураевой и Н.А.Суворовой в составе антропологической экспедиции Института этнологии и Антропологии РАН в Республику Молдова (руководитель Н.А. Дубова)* Работа экспедиции проводилась в рамках темы «Историческая антропология Молдавии», получившей финансовую поддержку РГНФ (проект 02-01-00297а, руководитель Н.А. Дубова). Поскольку наша работа является частью указанной темы, задача данного исследования – получить картину дифференциации гагаузов Республики Молдова по признакам кожного рельефа и сопоставить их с соседними этническими группами.

Оттиски ладоней и пальцев были собраны в следующих населенных пунктах: с. Казаклия Чадыр-Лунгского района; с. Кириет-Лунга Чадыр-Лунгского района; с. Чишмикий Вулканештского района. Были обработаны также архивные материалы кафедры антропологии, собранные в селах Конгаз, Чок-Майдан, Дезгинджа Комратского района А.М. Варзарем в 1998 году. Для статистического анализа привлечены ранее опубликованные данные Н.А. Долиновой по гагаузам с. Бешалма Комратского района и С.П. Сегеды (сборная мужская серия г. Комрат). В качестве сравнительных использованы материалы по дерматоглифике молдаван и болгар Молдавии (Долинова, 1976), суммарные группы молдаван и украинцев (Хить, Долинова, 1990), карачаевцев и балкарцев (Хить, 1990), болгар и турок (Кавгазова,...; Хить, 1983)**, а также русских (Долинова, 2004)..

Чтение отпечатков кисти проводилось Н.В. Харламовой по стандартной методике Камминса и Мидло (1961). Положение осевых ладонных трирадиусов определялось по схеме А.Шармы (1964). Данные о мужчинах и женщинах анализировались раздельно.

Анализ материалов проведен по пяти ключевым признакам: дельтовому индексу (DII), индексу Камминса (Ic), процентному содержанию осевого проксимального трирадиуса ладони (t),

* Приносим глубокую благодарность Н.А.Суворовой и Н.А. Дубовой за переданные для обработки материалы.

** Приносим глубокую благодарность Л. Кавгазовой, за предоставленные неопубликованные материалы по дерматоглифике турок из Родоп (Болгария)

узорности гипотенара (*Н_у*) и частоте добавочных межпальцевых трирадиусов ладони (*ДМТ*) (Хить, 1983, 1990).

Для статистической обработки применялись следующие методы: метод межгрупповой шкалы, который введен для анализа дерматоглифических данных Г.Л Хить (1983), многомерное шкалирование и метод главных компонент (Дерябин, 2001). Анализ данных был проведен с помощью стандартных программ Excel, Statistica 5.0 (Дерябин, 2004), а также пакетов программ Б.А. Козинцева и В.Ю. Долинова, разработанных специально для обработки дерматоглифических данных.

Рассмотрим вариации ключевых признаков в изученных территориальных группах гагаузов (табл.1, рис.1)

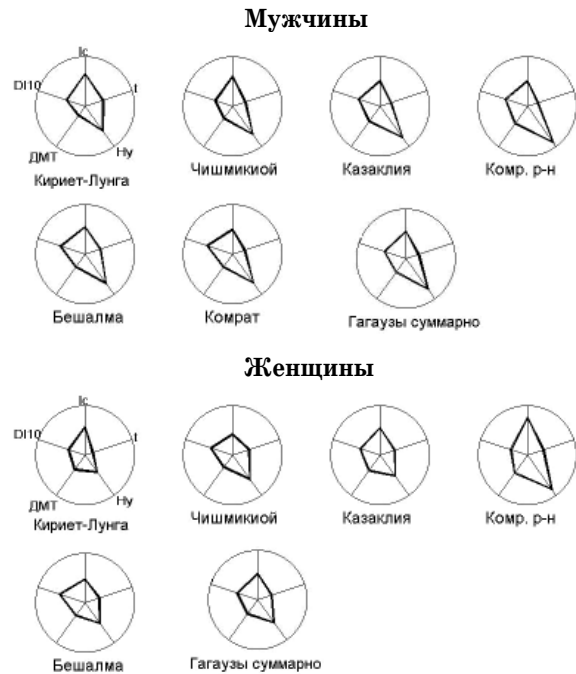

Рисунок 1. Комбинационные полигоны гагаузов.

Признаки: DI10 – дельтовый индекс, Ic – индекс Камминса, *t* – осевой проксимальный трирадиус ладони, *Н_у* – истинные узоры на гипотенарной подушечке, *ДМТ* – суммарный процент добавочных межпальцевых трирадиусов. Центр полигона соответствует минимальному, конец радиуса – максимальному лимитам евразийской амплитуды.

Таблица 1

Дерматоглифическая характеристика гагаузов и сравнительных территориальных групп Молдавии

Группа	Пол, n	DI10	Ic	t	Н _у	ДМТ	Th/I	ЕМК	ЮЕК
с. Чишмикий	100 м	12,88	8,49	59,0	35,0	16,5	10,0	40,4	55,3
	104 ж	12,83	7,83	57,7	38,5	15,4	4,3	49,4	50,0
с. Кириет-Лунга	41 м	12,98	8,65	64,6	31,7	13,4	2,4	45,1	51,4
	67 ж	12,09	8,26	47,0	30,6	17,9	8,2	42,7	52,2
с. Казаклия	105 м	13,31	8,21	57,0	38,1	20,0	11,0	39,9	59,2
	103 ж	12,56	8,19	55,3	35,0	18,9	7,8	45,1	52,7
Комратский р-н (сб. группа)	81 м	13,37	8,20	56,8	43,2	22,2	6,8	36,4	63,1
	54 ж	12,07	8,76	57,4	50,0	21,3	11,1	32,4	62,5
с. Бешалма*	80 м	13,67	8,32	61,9	36,2	17,5	10,0	44,6	57,3
	84 ж	13,36	7,98	54,8	34,5	16,1	6,5	50,3	52,2
6. г. Комрат**	61 м	13,77	8,16	58,3	36,1	17,3	8,2	44,8	58,0
	468 м	13,32	8,32	59,1	37,2	18,3	8,8	41,3	57,9
Гагаузы суммарно	412 ж	12,65	8,14	54,7	37,0	17,6	7,1	45,2	53,1

Примечание: * – Долинова, 1978; ** – Сегада, 1980 .

В мужских группах *дельтовый индекс* находится в пределах от средне-низких до средних значений, минимальное значение признака наблюдается в с. Чишмикиой (12,88), максимальное – в сборной группе г. Комрат (13,77). *Индекс Камминса* варьирует от средних (минимальное в г.Комрат – 8,16) до средне-высоких значений (максимальное в с. Кириет-Лунга – 8,65). Трирадиус t изменяется от невысоких до средне-низких показателей, минимум – в сборной группе Комратского района (56,8), максимум – в с. Кириет-Лунга (64,6). Узорность гипотенара (Hu) полностью попадает в область высоких значений: минимальное – в с. Кириет-Лунга (31,7), а максимальное – в группе Комратского района (43,2). Добавочные межпальцевые трирадиусы (DMT) имеют значения от невысоких до средних: минимум в с.Кириет-Лунга (13,4), максимум – группа Комратского района (22,2). Узорность на тенаре/ первой межпальцевой подушечке (Th/I) изменяется от невысоких до средне-низких величин, минимальная – в с.Кириет-Лунга (2,4), максимальная – в с. Казаклия (11,0).

У женщин *дельтовый индекс* варьирует в пределах от средне-низких (сборная группа Комратского района – 12,07) до средних (с. Бешалма – 13,36) значений. *Индекс Камминса* изменяется от средних до высоких величин: минимум – в с. Чишмикиой (7,83), максимум – в группе Комратского района (8,76). Трирадиус t имеет наименьшее значение в с.Кириет-Лунга – 47,0, а наибольшее – в группе Комратского района – 57,7, укладываясь в целом в диапазон низких – средне-низких значений. Узорность гипотенара (Hu) находится в области средних-высоких значений, минимум – с. Кириет-Лунга (30,6), максимум – группа Комратского района (50,0). Добавочные межпальцевые трирадиусы имеют значения от невысоких (с. Чишмикиой – 15,4) до средних (группа Комратского района – 21,3). Узорность на тенаре/первой межпальцевой подушечке (Th/I) варьирует от невысоких (с. Чишмикиой – 4,3) до средних (группа Комратского района – 11,1) значений.

Таким образом, гагаузы характеризуются сочетанием близких к средним значениями дельтового индекса и индекса Камминса с небольшой частотой трирадиуса t , высокой узорностью гипотенара и невысоким процентом добавочных межпальцевых трирадиусов. Различия между группами по величинам признаков, как правило, незначительны, что свидетельствует об однородности гагаузов. Исключение составляет сборная группа Ком-

Таблица 2

Матрица ОДР между территориальными группами гагаузов

Группа	1	2	3	4
женщины				
мужчины				
1. с. Кириет-Лунга	-	13,7	7,2	11,1
2. с. Чишмикиой	6,7	-	7,4	5,8
3. с. Казаклия	13,3	7,4	-	5,6
4. с.Бешалма	10,0	6,4	6,1	-

ратского района, в которой значения большинства признаков выходят за пределы их вариаций в остальных группах. Европеоидно-монголоидный комплекс ($ЕМК$) у мужчин невысокий: от 36,4 (сборная группа Комратского района) до 45,1 (с. Кириет-Лунга); южный европеоидный комплекс ($ЮЕК$) варьирует – от 52,7 (с.Кириет-Лунга) до 63,1 (группа Комратского района) и отражает наличие у гагаузов южноевропеоидных черт. У женщин $ЕМК$ невысокий – от 32,4 в группе Комратского района до 50,3 в с. Бешалма. $ЮЕК$ варьирует от 52,3 с. Бешалма до 62,5 в группе Комратского района. Таким образом, на общем фоне резко выделяется у обоих полов группа Комратского района, которая является сборной и поэтому теоретически должна быть сходной с суммарной группой гагаузов. Однако этого не происходит, вероятно, из-за ее малочисленности, либо из-за методических ошибок при сборе отпечатков. Поэтому, учитывая

Таблица 3

Матрица ОДР между территориальными группами Молдавии

Группа	1	2	3	4	5	6
женщины						
мужчины						
1.Кириет-Лунга	-	13,7	7,2	11,1	12,1	7,2
2.Чишмикиой	6,7	-	7,4	5,8	10,5	14,3
3. Казаклия	13,3	7,4	-	5,6	9,7	9,6
4.Бешалма	10,0	6,4	6,1	-	8,0	9,0
5. Болгары	11,9	10,2	14,4	14,2	-	12,8
6. Молдаване	9,2	6,22	4,2	6,7	11,2	-

локальный характер большинства групп, сборная группа Комратского района, так же как и группа г. Комрат, из дальнейшего анализа были исключены.

Обобщенные дерматоглифические расстояния между территориальными группами (*ОДР*) варьируют от очень малых до средних (табл. 2), что свидетельствует об однородности гагаузов по комплексу признаков. Усреднённые значения показателя равны

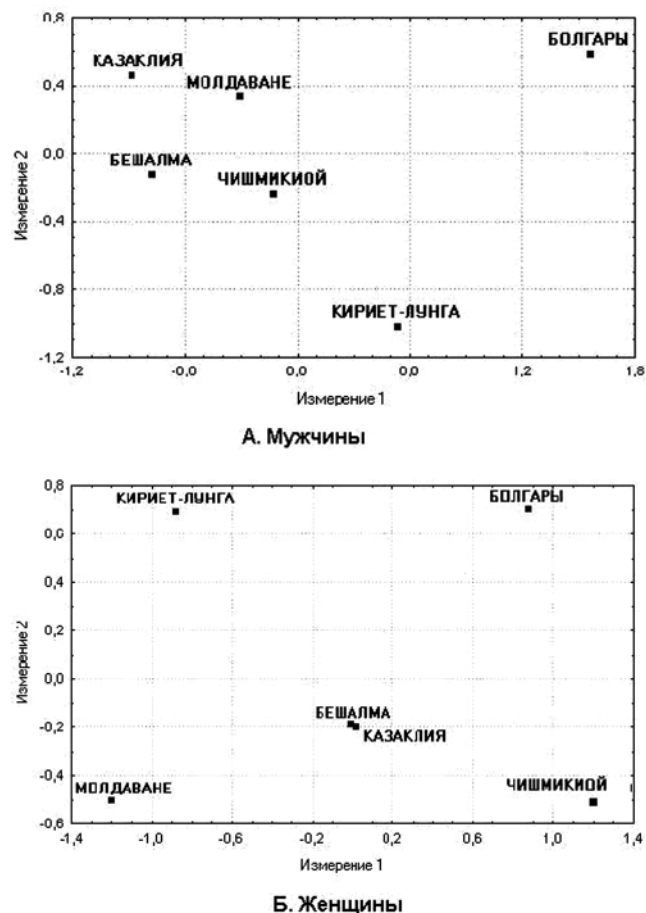

Рисунок 2. Результаты многомерного шкалирования матриц *ОДР* между территориальными группами народов Молдавии

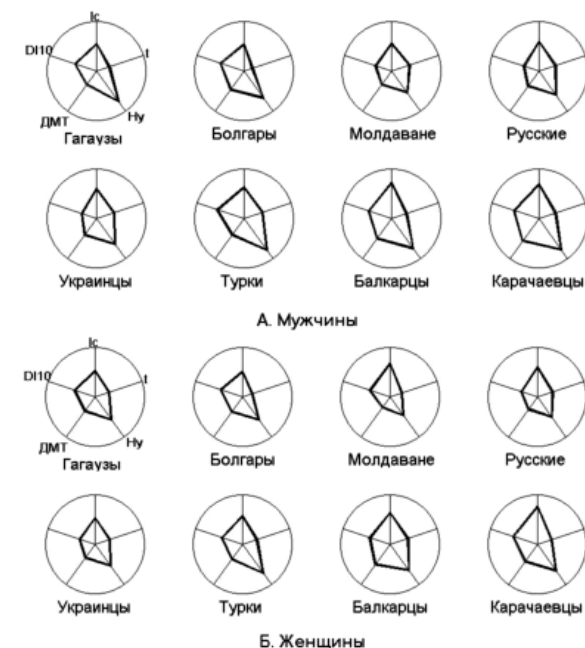

Рисунок 3. Комбинационные полигоны сравниваемых этнических групп.

Источники: см. таблицу 4.

8,4 у мужчин, 8,5 у женщин и намного ниже среднего территориального уровня для Восточной Европы (11,9 – у мужчин, 9,7 – у женщин) (Хить, 1983).

Рассмотрим все имеющиеся в нашем распоряжении территориальные группы народов Молдавии, сопоставив гагаузские группы с молдаванами с. Антоновка и болгарами с. Кирютня (табл.3).

По данным о мужчинах, гагаузские группы по комплексу признаков сближаются с молдаванами, *ОДР* с которыми варьирует в пределах малых и очень малых величин. *ОДР* с болгарами выше и большей частью средние (исключение составляет группа с. Чишмикиой, сближающаяся с болгарами на уровне малых расстояний (*ОДР* равно 10,2). Женские выборки находятся на уровне малых и средних расстояний как по отношению к молдаванам, так и по отношению к болгарам.

Таблица 4

Дерматоглифическая характеристика сравниваемых этнических групп

Группа	Пол, n	DI10	Ic	t	Hu	DMT	Th/I	ЕМК	ЮЕК
Гагаузы	468 м	13,32	8,32	59,1	37,2	18,3	8,8	41,3	57,9
	412 ж	12,65	8,14	54,7	37,0	17,6	7,1	45,2	53,1
Болгары	2629 м	13,54	8,31	54,0	34,0	23,9	9,0	39,3	61,6
	2627 ж	12,92	8,08	49,2	37,0	18,3	10,1	44,2	55,6
Молдаване	265 м	12,71	8,36	64,9	29,0	18,3	12,0	45,2	49,2
	146 ж	12,62	8,54	52,0	32,2	13,7	13,0	45,2	52,9
Русские	3851 м	12,61	8,46	63,6	31,0	19,6	7,9	42,0	51,6
	2985 ж	11,99	8,32	56,3	34,3	15,5	7,4	44,6	49,7
Украинцы	814 м	12,57	8,50	64,2	32,8	21,2	10,4	40,2	53,1
	786 ж	11,95	8,15	55,3	35,2	16,4	5,6	44,6	49,6
Турки	250 м	13,91	8,58	65,2	38,4	21,1	10,8	42,4	61,4
	235 ж	12,68	8,25	54,9	43,6	18,5	9,8	41,2	57,3
Балкарцы	286 м	13,47	8,87	61,3	36,9	25,3	9,2	36,3	64,1
	267 ж	12,61	8,43	59,4	40,8	24,3	11,9	39,8	58,2
Карачаевцы	209м	13,67	8,77	63,4	37,9	28,2	7,7	36,7	65,3
	205 ж	13,17	8,78	55,2	41,0	20,7	10,5	39,0	62,3

Источники: молдаване, украинцы – по Хиль, Долиновой, 1990; болгары – по Kavazova, Stoev, 1999; турки – суммарная группа турок-месхетинцев (Хиль, 1983) и турок Болгарии (неопубликованные данные Л. Кавгазовой); балкарцы, карачаевцы – по Хиль, 1990; русские – по Долиновой, 2004.

Анализ матриц *ОДР* с помощью метода многомерного шкалирования выявил близость большинства гагаузских групп к молдаванам и равноудаленное положение группы Кириет-Лунги от молдаван и болгар (рис. 2).

Сопоставим суммарную группу гагаузов с другими этническими группами.

У мужчин по величинам большинства признаков и типам их комбинаций гагаузы сближаются с болгарами и турками, отличаясь, впрочем, от других сравнительных групп одним-двумя признаками, что характерно для большинства европеоидов. По степени выраженности расовой основы (величине европеоидно-монголоидного комплекса) они близки к большинству сравниваемых этнических групп, отличаясь от северокавказских народов более высоким значением. Южный европеоидный комплекс у гагаузов (57,9) выше, чем у молдаван, русских, украинцев, болгар, но ниже, чем у болгар, турок, балкарцев, карачаевцев (табл. 4).

Таблица 5

Матрица *ОДР* между сравниваемыми этническими группами

Женщины Мужчины	1	2	3	4	5	6	7	8
1. Гагаузы	-	3,5	7,9	6,0	3,7	4,3	8,6	9,6
2. Болгары	7,1	-	9,5	9,4	7,1	7,0	11,4	10,8
3. Молдаване	9,2	12,9	-	6,7	8,6	10,6	12,1	11,6
4. Русские	9,2	11,8	3,2	-	2,6	8,6	10,6	12,6
5. Украинцы	9,7	10,8	5,0	2,3	-	7,7	11,5	12,8
6. Турки	8,2	11,1	12,4	11,0	9,1	-	7,0	7,6
7. Балкарцы	8,2	8,8	14,8	12,5	11,0	7,7	-	7,4
8. Карачаевцы	10,7	11,0	16,0	13,7	12,1	6,3	4,1	-

По величине *ОДР* гагаузы ближе всего к болгарам (очень малое значение для этнического уровня), далее идут турки=балкарцы, русские=молдаване, украинцы и карачаевцы. Все *ОДР* укладываются в пределы малых величин. На дендрограмме, построенной на основе матрицы *ОДР*, гагаузы объединяются в общий кластер с болгарами, объединяясь далее с балкарцами и карачаевцами. Этот кластер отличается от кластера, включающего молдаван, русских и украинцев на уровне малых *ОДР*.

В женских группах картина менее четкая, но все же гагаузы ближе всего к болгарам, украинцам, туркам и русским (на уровне очень малых *ОДР*), далее идут молдаване, балкарцы и карачаевцы (малые *ОДР*). По величинам *ЕМК* и *ЮЕК* (53,1) они также ближе к народам Восточной Европы, чем к туркам и народам Северного Кавказа. На дендрограмме, построенной на основе матрицы *ОДР*, гагаузы входят в общий кластер с болгарскими, турками, русскими, украинцами и молдаванами на уровне малых расстояний. Этот кластер отличается от кластера, объединяющего карачаевцев и балкарцев на уровне малых *ОДР*.

То же самое иллюстрируют результаты многомерного шкалирования (рис.5)

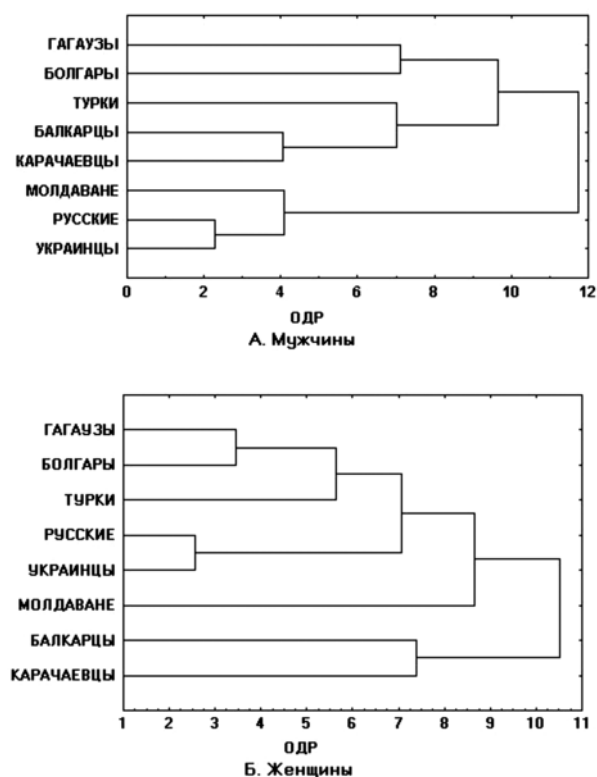

Рисунок 4. Дендрограмма этнических групп, полученная кластеризацией матрицы *ОДР*

Так, мужчины-гагаузы близки с болгарскими, и на одинаковом расстоянии от двух групп: русских, украинцев, молдаван, с одной стороны, и карачаевцев, турок, балкарцев, с другой.

Женщины так же ближе всего к болгарам (ближе к восточноевропейским народам).

Применение метода главных компонент позволяет нам разделить группы с разной степенью выраженности южноевропейских черт (рис.6)

Так, у мужчин в зоне положительных значений первой ГК располагаются группы, имеющие, более «южные» значения *Dl10*, *Hu* и *DMT* (карачаевцы, балкарцы, турки), а в зоне отрицательных значений – более «северные» группы. Гагаузы зани-

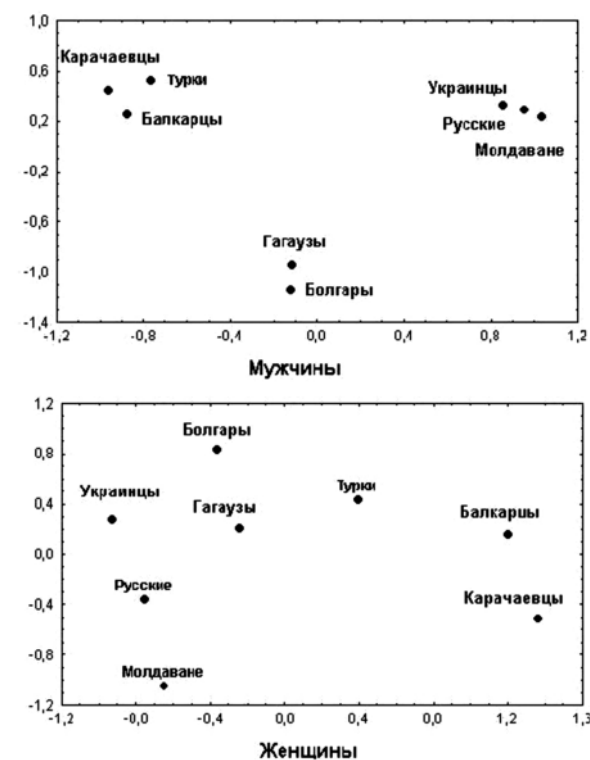

Рисунок 5. Результаты многомерного шкалирования этнических групп по величине *ОДР*

мают промежуточное положение между двумя группировками в зоне Восточно-европейских групп. При этом направление изменчивости по второй ГК неопределенное.

У женщин картина более четкая: чем выше значения обеих компонент, тем сильнее в группах выражены южноевропейские черты. Гагаузы располагаются в нулевой зоне, сближаясь по первой компоненте с болгарскими, а по второй – с турками.

В итоге, по данным дерматоглифики, первая гипотеза происхождения гагаузов (то есть гипотеза, предполагающая, что они являются потомками отуреченных болгар) представляется нам наиболее предпочтительной. Однако, учитывая отмеченное сходство гагаузов и с турками, и с северокавказскими этническими группами, более определенно можно будет судить об этом лишь по мере появления новых данных о турках и при включении в анализ более полных данных о тюркоязычных народах Северного Кавказа.

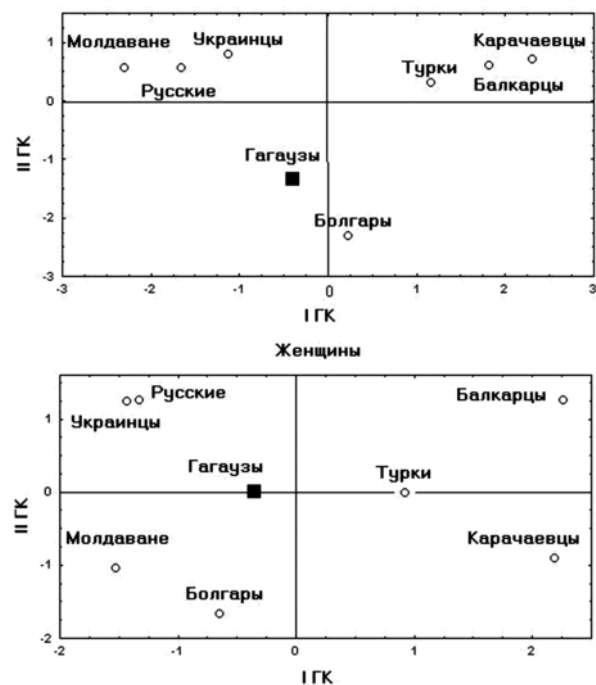

Рисунок 6. Сопоставление этнических групп в пространстве I и II главных компонент.

Таблица 6

Пальцевые узоры у гагаузов

Группы	Пол, n	A+T	R	U	R+U	W	DL10
Комратский р-н	81м	3,2	4,9	55,0	59,9	36,9	13,37
	54ж	8,7	4,4	57,5	61,9	29,4	12,07
с.Бешалма	80м	5,6	2,4	49,7	52,1	42,3	13,67
	84ж	4,1	3,0	55,2	58,2	37,7	13,36
с.Казаклия	105м	3,0	4,7	56,3	61,0	36,0	13,31
	103ж	7,6	2,5	56,7	59,2	33,2	12,56
с.Кириет-Лунга	41м	5,9	2,7	55,8	58,5	35,6	12,98
	67ж	8,4	3,0	59,4	62,4	29,2	12,09
с.Чишмикиой	100м	6,6	3,9	54,1	58,0	35,4	12,89
	104ж	4,7	3,7	58,6	62,3	33,0	12,83
г.Комрат	61м	4,2	3,4	50,5	53,9	41,9	13,70

Таблица 7

Окончание главных ладонных линий у гагаузов

Линия А

Группа	Пол	1	2	3	4	5'	5''	6	7
Комратский р-н	м	6,2	1,2	42,0	32,1	18,5	0,0	0,0	0,0
	ж	3,7		37,0	28,0	21,3	0,0	0,0	0,0
с.Бешалма*	м	4,4	1,9	45	24,4	24,3	0,0	0,0	0,0
	ж	3,6	1,8	54,2	18,4	20,2	1,2	0,0	0,6
с.Казаклия	м	9,0		42,4	30,5	17,1	1,0	0,0	0,0
	ж	4,4	2,4	48,1	31,1	12,6	1,5	0,0	0,0
с.Кириет-Лунга	м	1,2	1,2	40,2	32,9	24,4	0,0	0,0	0,0
	ж	4,5	2,2	37,3	36,6	15,7	3,0	0,0	0,7
с.Чишмикиой	м	3,0	1,0	43,5	33,5	18,5	0,0	0,5	0,0
	ж	4,3	1,0	52,9	27,4	13,9	0,5	0,0	0,0

Таблица 7 (окончание)

Окончание главных ладонных линий у гагаузов

Линия В

Группа	Пол	3	4	5'	5''	6	7	8	0
Комратский р-н	м	0,0	1,2	25,3	28,4	1,2	43,9	0,0	0,0
	ж	0,0	0,0	10,2	29,6	1,9	56,5	0,9	0,9
с.Бешалма*	м	0,6	1,9	10,0	36,3	5,6	41,9	3,7	0,0
	ж	1,2		16,1	35,1	5,9	40,5	1,2	0,0
с.Казаклия	м	0,0	0,0	23,8	23,3	1,4	48,2	0,0	0,0
	ж	0,0	0,0	20,4	28,6	3,9	43,7	2,4	0,0
с.Кириет-Лунга	м	0,0	0,0	19,5	26,8	2,4	39,0	0,0	0,0
	ж	0,0	1,5	22,4	26,9	4,5	39,6	0,7	0,0
с.Чишмикий	м	0,0	0,0	17,0	30,5	2,5	50,0	0,0	0,0
	ж	0,0	0,0	25,5	35,1	1,0	37,0	0,5	0,0

Линия С

Группа	Пол	5'	5''	6	7	8	9	10	11	Х	0
Комратский р-н	м	1,9	9,9	0,0	32,1	0,6	47,5	0,0	0,0	4,9	3,1
	ж	0,0	7,4	0,0	27,8	0,0	53,7	0,9	0,0	3,7	6,5
с.Бешалма*	м	3,1	8,1	1,9	28,1	2,5	39,4	3,1	0,0	9,4	4,4
	ж	2,4	11,9	5,9	25,6	2,4	38,1	1,2	0,0	8,9	3,6
с.Казаклия	м	0,5	14,8	0,5	28,6	1,0	52,4	0,0	0,0	0,5	1,9
	ж	2,4	10,2	1,0	29,6	1,0	47,6	1,0	0,5	2,4	4,4
с.Кириет-Лунга	м	1,2	9,8	0,0	36,6	2,4	39,0	0,0	3,7	7,3	0,0
	ж	3,0	14,2	2,2	26,9	0,0	40,3	0,7	3,0	4,5	5,2
с.Чишмикий	м	0,0	9,5	1,0	29,0	0,0	55,0	0,0	0,0	3,5	2,0
	ж	0,0	19,2	2,4	32,2	1,4	38,0	0,5	0,0	0,0	0,0

Линия D

Группа	Пол	7	8	9	10	11	12	13	Х,0
Комратский р-н	м	12,3		42,0	2,5	43,2	0,0	0,0	0,0
	ж	7,4		31,5	4,6	56,5	0,0	0,0	0,0
с.Бешалма*	м	11,2	1,9	30,0	19,4	37,5	0,0	0,0	0,0
	ж	17,3	5,9	29,2	10,7	36,3	0,6	0,0	0,0
с.Казаклия	м	16,1		30,5	2,4	51,0	0,0	0,0	0,0
	ж	12,6	1,9	32,5	9,2	43,7	0,0	0,0	0,0
с.Кириет-Лунга	м	9,8		30,5	6,1	52,4	0,0	0,0	1,2
	ж	15,7	2,2	29,9	6,7	43,3	0,0	0,7	1,5
с.Чишмикий	м	10,5	0,5	35,5	2,5	50,5	0,5	0,0	0,0
	ж	29,3	3,4	31,7	1,0	34,6	0,0	0,0	0,0

Таблица 8

Типы линий А и D и индекс Камминса к гагаузов

Группа	Пол	Типы линии А				M _A	Типы линии D				M ₀	Ic
		1	3	5			7	9		11		
Комратский р-н	м	7,4	74,1	18,5	3,22	12,3	44,4	43,2	9,62	8,20		
	ж	3,7	75,0	21,3	3,35	7,4	36,1	56,5	9,98	8,76		
	м	6,3	69,4	24,3	3,36	13,1	49,4	37,5	9,49	8,32		
с.Бешалма	ж	5,4	72,6	22,0	3,33	23,2	39,9	36,9	9,27	7,98		
	м	9,0	72,9	18,1	3,18	16,2	32,9	51,0	9,70	8,21		
	ж	6,8	79,1	14,1	3,15	14,6	41,7	43,7	9,58	8,19		
с.Кириет-Пунга	м	2,4	73,2	24,4	3,44	11,0	36,6	52,4	9,83	8,65		
	ж	6,7	73,9	19,4	3,25	19,4	36,6	44,0	9,49	8,26		
	м	4,0	77,5	18,5	3,30	11,0	38,0	51,0	9,80	8,49		
с.Чишмикий	ж	5,3	80,3	14,4	3,18	32,7	32,7	34,6	9,32	7,83		

Группа	Пол	Истинные ладонные узоры					ДМТ			
		Hu	Th/I	II	III	IV	II	III	IV	II-IV
Комратский р-н	м	43,2	6,8	4,3	35,2	48,1	2,4	4,0	16,1	22,6
	ж	50,0	11,1	0,9	38,9	37,0	1,0	1,0	18,8	20,8
	м	36,2	10,0	5,0	32,5	40,0	7,5	0,6	9,4	17,5
с.Бешалма	ж	34,5	6,5	3,6	28,0	44,6	4,2	0,6	11,3	16,1
	м	38,1	11,0	6,7	31,4	42,9	6,7	2,4	11,0	20,0
	ж	35,0	7,8	3,4	30,6	45,1	2,9	1,0	15,0	18,9
с.Кириет-Пунга	м	31,7	2,4	4,9	26,8	26,8	4,9	0,0	8,5	13,4
	ж	30,6	8,2	6,0	28,4	42,5	6,0	1,5	10,4	17,9
	м	42,5	12,0	3,5	32,5	38,0	3,0	2,0	14,5	19,5
с.Чишмикий	ж	38,5	4,3	3,4	20,7	46,6	3,4	1,4	10,5	15,4
	м	36,1	8,2	6,6	22	48	4,9	0,0	12,4	17,3

Таблица 10

Осевые ладонные трирадиусы у гагаузов

Группа	Пол	t	t'	t''	0	tt	tt'	tt''	ttt'	ttt''	tt't''
Комратский р-н	м	56,8	21,0	6,2	1,9	0,0	4,9	7,4	0,0	0,6	0,0
	ж	57,4	10,2	7,4	0,9	0,0	9,3	13,9	0,0	0,0	0,0
с.Бешалма	м	61,9	21,3	5,6	0,6	0,6	1,9	6,3	0,0	0,6	0,0
	ж	54,8	29,7	5,9	0,6	0,6	3,6	3,6	0,6	0,0	0,0
с.Казаклия	м	57,0	12,4	12,4	1,0	0,0	7,1	7,6	0,0	0,0	0,5
	ж	55,2	19,9	8,7	1,0	1,0	7,8	4,4	0,0	0,0	0,0
с.Кириет-Лунга	м	62,2	12,2	9,8	1,2	0,0	0,0	9,8	0,0	0,0	0,0
	ж	47,0	26,1	13,4	2,2	0,0	3,0	4,5	0,0	0,0	0,0
с.Чишмикиой	м	59,0	19,0	6,5	1,0	0,0	4,5	8,0	0,0	0,0	0,5
	ж	57,6	19,7	8,2	2,4	0,0	1,9	7,7	0,0	0,0	0,5
г.Комрат	м	58,3	17,5	0,0	1,7	-	-	-	-	-	-

Группа	Пол	tt't''	t't'	t't''	t''t''	t't't''	tt't'
Комратский р-н	м	0,6	0,6	0,0	0,0	0,0	0,0
	ж	0,9	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
с.Бешалма	м	0,0	0,6	0,6	0,0	0,0	0,0
	ж	0,0	0,6	0,0	0,0	0,0	0,0
с.Казаклия	м	0,5	0,5	0,5	0,5	0,0	0,0
	ж	0,5	1,0	0,5	0,0	0,0	0,0
с.Кириет-Лунга	м	0,0	0,0	2,4	1,2	1,2	0,0
	ж	0,0	0,8	3,0	0,0	0,0	0,0
с.Чишмикиой	м	0,0	0,5	0,5	0,0	0,0	0,5
	ж	0,0	0,5	0,5	1,0	0,0	0,0

Примечание: прочерк означает отсутствие данных.

Литература

Гладкова Т.Д. Кожные узоры кисти и стопы обезьян и человека. М., 1966, с.96-131

Дерябин В.Е. Многомерная биометрия для антропологов. М., 2001. Рук., деп. в ВИНТИ, No 37 – В 2001. 311с.

Дерябин В.Е. Биометрическая обработка антропологических данных с применением компьютерных программ. М., 2004 Рук., деп. в ВИНТИ, No 34-2004. 209с.

Долинова Н.А. Материалы по кожному рельефу народов Молдавии.// Полевые исследования института этнографии. 1976. М., «Наука» 1978 стр. 174-179.

Долинова Н.А. Новые данные по дерматоглифике русских и коми // Вестник антропологии. Научный альманах. Вып. 11. М., 2004. с. 49-53.

Сегеда С.П. Одонтологическая и дерматоглифическая характеристика украинцев Поднепровья в связи с вопросами этногенеза. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук. М.1980. 22 с.

Хить Г.Л. Дерматоглифика народов СССР. М., 1983. 279 с.

Хить Г.Л. Дерматоглифика тюркоязычных народов СССР // Сравнительная антропология башкирского народа. Уфа. 1990 стр.27-51

Хить Г.Л., Долинова Н.А. Расовая дифференциация человечества (дерматоглифические данные). М., 1990. 201 с.

Шабашов А.В. Гагаузы. Одесса, «Астропринт», 2002. стр 325, 438-442.

Cummins H., Midlo Ch. Finger Prints, Palmes and Soles. N.Y. 1961. 319 p.

Kavvgazova L., Stoev R. Comparative Analysis of Dermatoglyphic Data From Different Bulgarian Local Populations

Charma A. Comparative Methodology in Dermatoglyphics. Delhi, 1964 pp.5-6

Г.А. Аксянова

**ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ ИЗ НАСТОЯЩЕГО:
РАСОГЕНЕТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ АНТИЧНОГО
НАСЕЛЕНИЯ УЗБОЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ВОСТОЧНОГО ПРИКАСПИЯ ПО СВИДЕТЕЛЬСТВАМ
ЗУБНОЙ МОРФОЛОГИИ**

*Надежде Дубовой – коллеге,
талантливому и азартному антропологу,
покорителю пространства и времени*

Археологические раскопки местонахождений античного времени, проводившиеся в 1970-1980-х гг. сотрудниками Института истории Академии Наук Туркменской ССР (ныне – Туркменистан) в ее северо-западных прикаспийско-приаральских районах, дали одонтологический материал, который анализируется в настоящей работе. Разнообразная морфология зубной системы человека, широкий спектр изменчивости морфологических структур зубо-челюстного аппарата обеспечивают исследователю богатые возможности для выбора признаков с целью использования их в расогенетическом анализе древних и современных групп человека. В силу физиологической независимости размеров лицевого скелета и многих особенностей строения зубов, одонтологическая программа дает вполне самостоятельные сведения об антропологических свойствах популяций. Цель данной работы заключалась в оценке одонтологического типа изученной суммарной выборки древнего населения, в определении его расогенетических параллелей и соотнесении с зубными комплексами, отмеченными у современного населения.

В 1985 г. были рассмотрены материалы, которые собраны туркменскими учеными и находятся в Ашхабаде. Эта зубная коллекция античного времени Туркмении происходит из разных, в том числе и в культурном отношении, местонахождений восточного Прикаспия и южного Приаралья. Тем не менее, они представляют единый хронологический период и географически очень близ-

кие области. Представлены материалы из памятников узбойской культуры (абсолютно преобладающая часть материала из Прикаспия), а также из отдельных памятников с территории древней присарыкамышской дельты Амударьи (Приаралье). Они датируются последними веками до нашей эры – первыми веками нашей эры. Культурная история региона южного Приаралья в это время насыщена этногенетическими событиями, что нашло свое отражение и в антропологической истории (Яблонский, 1999, 2000а, б).

Вся зубная коллекция рассмотрена суммарно и отдельно по двум географическим районам, условно названным как группы А и Б. Первая включает относительно более южные памятники узбойской культуры (Дордуль, Гич-гельды, Бейнау, Кемал-кыр, Назар-как, Ханалы-кыр); вторая объединила самые северные памятники узбойской культуры (14, 16 и 25 км южнее Чарышли) и отдельные, давшие в наше распоряжение крайне малочисленный материал, памятники Присарыкамышья (Шахсенем, Тарым-кая 3). Поскольку гр. А численно, как правило, значительно преобладает, то значения признаков в суммарной выборке, которые определялись как взвешенные средние, близки обычно к значениям их в гр. А, т.е. к характеристикам представителей только узбойской культуры. Этногенетически более обоснованное разделение коллекции оказалось невозможным из-за очень малой численности присарыкамышской серии.

Программа одонтологического исследования включала измерительные и описательные показатели. При оценке признаков мы пользовались методическими рекомендациями, которые изложены в книгах А.А.Зубова (1968а, 1973). Измерены мезиодистальные (MD) и вестибуло-лингвальные (VL) диаметры коронок верхних и нижних постоянных моляров; описательная часть программы включала 20 варьирующих в норме признаков зубо-челюстного аппарата (табл. 1). Детальному описанию этого материала посвящена специальная работа, в которой приведены и сравнительные материалы (Аксянова, Гельдыева, 2002).

Для зубной системы человека характерны эпохальные изменения. Ведущим процессом при этом является редукция зубо-челюстного аппарата. Известно, что процесс редукции размеров зубов у современного человека ускорился, начиная с мезолита-неолита (Le Blanc, Black, 1974; Lukacs, 1984). Большое число описательных признаков, связанных с числом и размерами бу-

Таблица 1

**Одонтологическая характеристика населения Туркмении
античного времени**

(группа А – южная подгруппа узбойских могильников, группа Б – северная подгруппа узбойских могильников + памятники Присарыкамышья)

ПРИЗНАК	Группа А		Группа Б		А + Б	
Измерительные признаки коронки	п	Х мм	п	Х мм	п	Х мм
М ¹ MD					12	9,93
М ¹ VL					12	11,16
М ² MD					6	8,80
М ² VL					6	11,62
М ³ MD					3	8,40
М ³ VL					3	10,13
М ₁ MD					26	10,39
М ₁ VL					26	10,23
М ₂ MD					26	10,14
М ₂ VL					26	10,38
М ₃ MD					17	9,66
М ₃ VL					17	9,68
Описательные признаки	п	%	п	%	п	%
Лопатообразность резцов I'	N = 15		N = 12		N = 27	
баллы 0	12	73,4	5	41,7	17	63,0
1	2	13,3	7	58,3	9	33,3
2	2	13,3	-	-	2	3,7
3	-	-	-	-	-	-
2+3	2	13,3	0	0,0	2	3,7
Лопатообразность резцов I2	N = 14		N = 8		N = 22	
баллы 0	10	71,4	2	25,0	12	54,5
1	4	28,6	5	62,5	9	41,0
2	-	-	1	12,5	1	4,5
3	-	-	-	-	-	-
2+3	0	0,0	1	12,5	1	4,5
Диастема I' - I'	N = 46		N = 25		N = 71	
	5	10,9	6	24,0	11	15,5

Таблица 1 (продолжение)

ПРИЗНАК	Группа А		Группа Б		А + Б	
Краудинг I² (лингвальный сдвиг)	N = 45		N = 25		N = 70	
	1	2,2	0	0,0	1	1,4
Гиподонтия I²	N = 42		N = 23		N = 65	
	1	2,4	1	4,3	2	3,1
Лабидодонтная форма прикуса (LB)	N = 63		N = 16		N = 79	
	51	81,0	10	62,5	61	77,2
Бугорок Карабелли на М¹	N = 62		N = 27		N = 89	
баллы 0	21	33,9	14	51,9	35	39,3
1	22	45,1	5	18,5	27	30,3
2	5	8,1	7	26,0	12	13,5
3	6	9,7	1	3,6	7	7,9
4	2	3,2	-	-	2	2,2
5	-	-	-	-	-	-
сумма 2 - 5	13	21,0	8	29,6	21	23,6
Форма М¹ по Дальбергу	N = 79		N = 40		N = 119	
баллы 4	74	93,6	37	92,5	111	93,3
4-	4	5,1	3	7,5	7	5,9
3+	-	-	-	-	-	-
3	1	1,3	-	-	1	0,8
сумма 3+ и 3	1	1,3	0	0,0	1	0,8
Форма М² по Дальбергу	N = 80		N = 31		N = 111	
баллы 4	19	23,8	15	48,4	34	30,7
4-	20	25,0	12	38,7	32	28,8
3+	14	17,5	2	6,4	16	14,4
3	27	33,7	2	6,4	29	26,1
сумма 3+ и 3	41	51,2	4	12,8	45	40,5
Форма М³ по Дальбергу	N = 42		N = 22		N = 64	
баллы 4	2	4,8	2	9,1	4	6,3
4-	9	21,4	2	9,1	11	17,2
3+	11	26,2	9	40,9	20	31,2
3	20	47,6	9	40,9	29	45,3
сумма 3+ и 3	31	73,8	18	81,8	49	76,5

Таблица 1 (продолжение)

ПРИЗНАК	Группа А		Группа Б		А + Б	
Соотношение размеров метаконуса и параконуса на М¹	N = 72		N = 36		N = 108	
баллы 1	21	29,2	3	8,3	24	22,2
2	44	61,1	29	80,6	73	67,6
3	7	9,7	4	11,1	11	10,2
4	-	-	-	-	-	-
5	-	-	-	-	-	-
средний балл		1,81		2,03		1,88
Соотношение размеров метаконуса и параконуса на М²	N = 68		N = 33		N = 101	
баллы 1	-	-	-	-	-	-
2	25	36,8	9	27,3	34	33,7
3	40	58,8	22	66,7	62	61,4
4	3	4,4	2	6,0	5	4,9
5	-	-	-	-	-	-
средний балл		2,68		2,79		2,71
Соотношение размеров метаконуса и параконуса на М³	N = 44		N = 17		N = 61	
баллы 1	1	2,3	-	-	1	1,6
2	7	15,9	2	11,8	9	14,8
3	21	47,7	10	58,8	31	50,8
4	15	34,1	5	29,4	20	32,8
5	-	-	-	-	-	-
средний балл		3,14		3,18		3,18
Средний балл ряда М ¹ -М ³		2,54		2,67		2,59
Присутствие непрерывного косого гребня на М¹	N = 42		N = 16		N = 58	
	24	57,1	12	75,0	36	62,1
Число корней на Р¹	N = 77		N = 38		N = 115	
1	44	57,1	27	71,1	71	61,7
2	33	42,9	11	28,9	44	38,3
Число бугорков на Р₁	N = 42		N = 7		N = 49	
1+	27	64,3	4	44,4	31	63,3
2	10	23,8	1	27,0	11	22,4
3 и более	5	11,9	2	28,6	7	14,3

Таблица 1 (продолжение)

ПРИЗНАК	Группа А		Группа Б		А + Б	
Число бугорков на Р₂	N = 43		N = 12		N = 55	
1+	2	4,7	-	-	2	3,6
2	28	65,1	5	41,7	33	60,0
3 и более	13	30,2	7	58,3	20	36,4
Число бугорков на М₁	N = 163		N = 23		N = 186	
6	8	4,9	1	3,3	9	4,8
5	125	76,7	16	69,6	141	75,8
4	30	18,4	6	26,1	36	19,4
3	-	-	-	-	-	-
Число бугорков на М₂	N = 135		N = 25		N = 160	
6	1	0,7	-	-	1	0,6
5	26	19,3	1	4,0	27	16,9
4	103	76,3	23	92,0	126	78,7
3	5	3,7	1	4,0	6	3,8
Число бугорков на М₃	N = 75		N = 19		N = 94	
6	3	4,0	-	-	3	3,2
5	21	28,0	5	26,3	26	27,6
4	48	64,0	14	73,7	62	66,0
3	3	4,0	-	-	3	3,2
Коленчатая складка метаконида	N = 65		N = 6		N = 71	
	4	6,2	0	0,0	4	5,6
Дистальный гребень тригонида	N = 132		N = 15		N = 147	
	11	8,3	0	0,0	11	7,5
Tam₁	N = 150		N = 21		N = 171	
	3	2,0	2	9,5	5	2,9
Число корней на М₁	N = 144		N = 32		N = 176	
2	142	98,6	32	100,0	174	98,9
3	2	1,4	0	0,0	2	1,1
Соотношение размеров частей коронки М₁	N = 135		N = 29		N = 164	
тригонид талонида	23	17,0	3	10,3	26	15,9
тригонид талониду	93	68,9	11	38,0	104	63,4
тригонид талонида	19	14,1	15	51,7	34	20,7
Соотношение размеров частей коронки М₂	N = 118		N = 25		N = 143	
тригонид талонида	41	34,7	10	40,0	51	35,7
тригонид талониду	69	58,5	13	52,0	82	57,3
тригонид талонида	8	6,8	2	8,0	10	7,0

Таблица 1 (продолжение)

ПРИЗНАК	Группа А		Группа Б		А + Б	
Соотношение размеров энтокониды и гипокониды на М₁	N = 116		N = 18		N = 134	
end hyd	20	17,2	4	22,2	24	17,9
end hyd	63	54,3	10	55,6	73	54,5
end hyd	33	28,5	4	22,2	37	27,6
Соотношение размеров энтокониды и гипокониды на М₂	N = 103		N = 22		N = 125	
end hyd	9	8,7	1	4,5	10	8,0
end hyd	42	40,8	7	31,8	49	39,2
end hyd	52	50,5	14	63,7	66	52,8
Гиподонтия М³	N = 53		N = 47		N = 100	
	19	35,9	23	48,9	42	42,0
Гиподонтия М₃	N = 56		N = 32		N = 88	
	12	21,4	5	15,6	17	19,3
Межкорневой затек эмали на М²	N = 60		N = 32		N = 92	
баллы 1	-	-	1	3,1	1	1,1
2	19	31,6	12	37,5	31	33,7
3	12	20,0	6	18,8	18	19,6
4	9	15,0	3	9,4	12	13,0
5	13	21,7	5	15,6	18	19,6
6	7	11,7	5	15,6	12	13,0
7	-	-	-	-	-	-
8	-	-	-	-	-	-
сумма 5 и 6	20	33,4	10	31,2	30	32,6
Межкорневой затек эмали на М₂	N = 133		N = 31		N = 164	
баллы 1	1	0,8	-	-	1	6,1
2	22	16,5	8	25,9	30	18,2
3	20	15,0	8	25,9	28	17,1
4	30	45,9	7	22,6	37	22,6
5	15	11,3	4	12,8	19	11,6
6	14	10,5	4	12,8	18	11,0
7	-	-	-	-	-	-
8	-	-	-	-	-	-
сумма 5 и 6	29	21,8	8	25,6	37	22,6

Таблица 1 (окончание)

ПРИЗНАК	Группа А		Группа Б		А + Б	
Дробление hy на М¹	N = 53		N = 20		N = 73	
	1	1,9	1	5,0	2	2,7
Протостирид на М₁ (все баллы наличия)	N = 50		N = 16		N = 66	
	0	0,0	0	0,0	0	0,0

горков на зубах, числом корней, расположением зубов в челюсти относительно друг друга и т.п. отражают явление редукции в зубной системе. Это так называемые признаки редукционного комплекса. Характерной особенностью их является способность к относительно быстрым изменениям во времени, как говорят антропологи – эпохальная пластичность. В то же время в зубной системе современного человека имеются относительно стабильные и биологически нейтральные особенности, такие как лопатобразность резцов, коленчатая складка метаконида, дистальный гребень тригоида. Совокупность стабильных и эпохально пластичных признаков зубной системы, которые образуют устойчивые комплексы, характерные для населения определенной территории, названа А.А.Зубовым одонтологическим типом. Им же предложена концепция двух первичных подразделений человечества – западного (европеоидно-негроидного) и восточного (австрало-веддо-монголоидного) одонтологических стволов (Зубов, 1968, 1977, 1979).

За последние десятилетия накоплен и обобщен весьма значительный, методически сопоставимый одонтологический материал по современным популяциям среднеазиатского региона. Он показал заметную межпопуляционную гетерогенность коренных этнотерриториальных групп, обусловленную прежде всего соотношением разных европеоидных и монголоидных компонентов, наличие нескольких географических одонтологических вариантов в этой части человеческой ойкумены (Бабаков и др., 1979; Дубова, 1985). В то же время древнее население по данной программе изучено фрагментарно и представлено всего несколькими разновременными коллекциями (Рыкушина, 1993а, б, 1995; Рыкушина и др., 2003; Багдасарова, 2000; Бабаков и др., 2001; Дубова и др., 1978).

Была измерена лишь небольшая часть моляров из всей коллекции; все они происходят из узбойских памятников. Диаметры коронок верхних и нижних постоянных моляров малые или средние, ширина коронки (VL) преобладает над ее длиной (MD) за единственным исключением для M_1 . Сильная диспропорция по соотношению двух размеров отмечена в верхнем ряду, где длина коронки очень редуцирована. Средний модуль в обоих рядах $M1-M3$ (10,01 – верхний и 10,08 – нижний) характеризует группу как микродонтную, что типично для грацильных, в частности южноевропейских форм. По площади коронки везде фиксируется современная формула $M1 > M2 > M3$ при резком уменьшении площади последних – третьих моляров.

По сравнению с Гонур-депе – памятником эпохи бронзы на юге Туркменистана – узбойская популяция имеет значительно меньшие размеры моляров.

Рассмотрев значения измерительных и 20-ти описательных признаков зубной системы в краниологической серии узбойской культуры (Прикаспий) и ближайших районов Присарыкамышья (южное Приаралье) на фоне мирового распределения признаков, приходим к заключению, что население античного времени северо-запада Туркменистана относится к кругу грацильных европеоидных одонтофенов. В его характеристике фиксируются в некотором проценте восточные по расовой ориентации особенности, такие как дистальный гребень и коленчатая складка. В морфологии зубной системы ясно выражены также элементы архаики, например, высокие частоты присутствия косого гребня на M^1 и лабидодонтной формы прикуса. Южная группа А и более северная группа Б имеют ряд заметных различий.

Оценка статистической достоверности различий между ними была проведена с помощью F-критерия Фишера с учетом численности сравниваемых групп. По шести характеристикам имеются статистически значимые различия, в том числе по таким важнейшим таксономическим особенностям как лопатообразность I^1 (балл 1) и дистальный гребень. Подсчет среднего таксономического расстояния по 21 маркеру выявил субдостоверную величину межгруппового биологического расстояния ($СТР=0,86$). Такие значения $СТР$ у современного населения встречаются обычно между популяциями с заметными различиями в исторических судьбах и, как следствие, с различиями в генетическом составе.

Все же обратим внимание, что сравнение, проведенное по сокращенному набору признаков, но таксономически наиболее весомых, выявляет большую генетическую однородность изученного массива древнего населения: $СТР$ между группами А и Б тогда составило 0,66. Однако и эта величина биологической дистанции свидетельствует о тенденциях к антропологическому разобщению между ними.

Для выяснения направленности различий между двумя группами (А и Б) был построен следующий график (рис. 1). По оси «х» отложено среднее значение в радианах для восьми признаков, отражающих редукцию в дистальном отделе зубной дуги: число бугорков на P_2 (1+2), M^2 3+ и 3, соотношение размеров метаконуса и эконуса (параконуса) на M^1 (баллы 2-5) и на M^2 (баллы 3-5), гиподонтия M^3 , M_1 4 бугорка, M_2 4+3 бугорка, соотношение $end < hyd$ на M_2 . По оси «у» отложено среднее значение для трех восточных расовых особенностей: лопатообразная форма I^1 (баллы 2+3), коленчатая складка и дистальный гребень. По оси «z» отложено среднее значение для пяти признаков, отражающих архаические элементы в строении зубной системы: лабидодонтная форма прикуса, лопатообразная форма I^1 (баллы 1-3), бугорок Карабелли (балл 0), наличие косого гребня на M^1 , соотношение тригонид < талонида на M_1 . Обратим внимание, что под архаичностью в нашем случае понимается не только большая матурированность зубной системы. Сюда включены и те особенности, которые не входят в редукционный комплекс. Деление признаков на редукционные, расовые и архаические в определенной

мере условно. В нем отражен основной вес признака с позиций морфологического статуса зубной системы современного человека. Как видно на графике, группы А и Б очень сходны по суммарному показателю уровня редукции в дистальном отделе зубной дуги (премоляры и моляры). Большие различия наблюдаются по оси «z». Здесь гр. А по сумме признаков отличается некоторым уменьшением архаики, хотя это и не исключает обратного соотношения по отдельным признакам (например, LB прикус). Наибольшие различия между группами наблюдаются по оси «у», т.е. по концентрации восточных расовых особенностей, которые отмечены только в памятниках группы А. Таким образом, еще одно статистическое подтверждение находит предположение о том, что две смежные географические общности населения античного времени Туркменистана являются до некоторой степени генетически неоднородными.

Еще заметнее различия между группами А и Б выявляются при сравнении их по каждому из тех признаков, которые были использованы для построения вышеописанного графика. Из проведенного анализа мы знаем, что обе группы А и Б характеризуются одинаково высоким уровнем редукции в дистальном отделе зубной дуги. Это суммарная оценка, которая отражена и на графике (рис. 1: ось «х»). При детальном рассмотрении комплекса с помощью полигонов можно видеть, как одинаково высокий уровень редукции достигается разными, часто компенсаторными, взаимно заменяющими друг друга путями. Например, в гр. А по сравнению с гр. Б более редуцированная коронка P_2 сочетается с менее редуцированными коронками M_1 и M_2 , а более редуцированный гипоконус на M^2 сочетается с менее редуцированным метаконусом на M^1 - M^2 и более редкой гиподонтией M^3 . В гр. Б наблюдаются обратные соотношения. Так на конкретном примере подтверждается одно из теоретических положений этнической одонтологии: большое разнообразие одонтологических типов достигается в частности тем, что единый для всего человечества эпохальный процесс редукции проходит через разные звенья зубной системы (Зубов, 1973, 1979). Интересны в связи с этим феноменом результаты корреляционного внутригруппового анализа, которые свидетельствуют о большей генетической обусловленности размеров не отдельных постоянных зубов, а суммарных по каждому классу параметров коронок (MD и VL) в соответствии с

параметрами предшествующих им зубов молочной смены (Brown et al., 1990).

Итак, мы пришли к выводу, что группы А и Б, вероятно, являлись генетически разными общностями. Необходимо, однако, подчеркнуть предварительность этого вывода, поскольку гр. Б, во-первых, малочисленна, а во-вторых, составлена из географически и, что более важно, из археологически дифференцируемых общностей. Необходимо накопление нового материала в этом регионе и разделение его прежде всего по культурной принадлежности. К настоящему времени собранные краниологические коллекции с территории Присарыкамышья ждут своего исследователя-одонтолога.

Обратимся теперь к типологии выявленных одонтологических вариантов. Выше сказано, что за последние годы в литературе появились первые сведения по морфологии зубной системы древнего населения Средней Азии. Современные этнотерриториальные группы изучены гораздо более подробно, что позволило ряду исследователей предложить свои варианты одонтологического состава населения региона и его генезиса (Зубов, 1979; Дубова, 1985; Зубов, Халдеева, 1989; Дубова и др., 1978). В населении античного времени Туркмении представители узбойской культуры (гр. А) характеризуются ясно выраженным комплексом черт южного грацильного типа. В современном населении он зафиксирован в Болгарии, широко распространен на Кавказе, в Индии. Предполагается включение территории Ближнего Востока в зону распространения данного типа. Полученные разными исследователями на территории Туркменистана древние материалы, также как некоторые современные материалы, делают такое предположение более достоверным.

Изученный нами материал античного времени документирует древность южного грацильного типа в прикаспийско-приаральских районах Туркмении. В эпоху бронзы южный грацильный одонтологический комплекс отмечен для населения из некрополя Гонур (Бабаков и др., 2001; Рыкушина и др., 2003), а также в сборной серии поздней бронзы. Это согласуется с литературными данными о большой древности грацильных вариантов зубной системы у населения Средиземноморья, Афганистана, Пакистана, Индии (Lukacs, 1983, 1984; Mallegni et al., 1985; Mizoguchi, 1993). Однако в иностранных источниках практически отсутс-

твуют сведения о частотах двух важнейших маркирующих особенностей – дистальном гребне и коленчатой складке. Поэтому зарубежный материал, строго говоря, мы не можем отнести к определенной классификационной категории «южному грацильному типу», хотя распространение его на этих территориях более чем вероятно.

В относительно более северной группе Б фиксируется несколько иной грацильный европеоидный вариант: здесь не отмечены восточные маркеры, но ясно выражена тенденция к большому консерватизму, к большей архаике в морфологических особенностях зубной системы. Аналогии этому варианту мы пока затрудняемся назвать. Можно лишь констатировать его европеоидный и грацильный по классу моляров одонтологический статус, видимо, в сочетании с ослаблением южноевропейских черт.

Суммарная изученная выборка северо-запада Туркмении, будучи взвешенной средней между группами А и Б, по существу мало отличается от гр. А. Она также характеризуется комплексом черт южного грацильного типа.

В массиве древних одонтологических комплексов с территории бывшего Союза к нашим материалам ближе всех оказались следующие серии: катакомбники Украины, андроновцы Минусинской котловины, саки восточного Памира, средневековое население Таджикистана – Шахристан, савроматы и поздние сарматы юго-западного Приаралья (Устюрт). На большем удалении от них расположились серии скифов Украины, поздней бронзы Туркмении, тагарцев и бронзы крайнего юга Туркмении – Гонур. Близкое сходство с андроновцами, однако, не подкрепляется сравнительным анализом по каждому признаку в отдельности.

Более объективные сведения о взаимном сходстве групп дает кластерный анализ, т.к. он учитывает близость выборок по каждому признаку. Использован стандартный набор ведущих особенностей зубной системы с добавлением еще частоты M_2 3 бугорка – редкого, но встречающегося обычно именно у южных европеоидов маркера редукционного процесса. Процедура кластеризации была проведена при помощи пакета STATISTICA 5.5А для древних среднеазиатских выборок в совокупности с некоторыми современными этническими группами – туркменами, узбеками, таджиками и татами (рис. 2; Дубова, 1985; Гашимова, 1979). Прежде всего отметим значительную близость двух наших

античных выборок и максимальное их сходство с ираноязычной современной группой из западного Прикаспия – апшеронскими татами. К этому кластеру ближе всех оказались в основном древние серии (саки восточного Памира и Шахристан с территории Таджикистана, савроматы юго-западного Приаралья из Устюрта, поздняя бронза Туркмении, с которой сблизились материалы по суммарной выборке современных таджиков, наконец, бронза Гонура). Ряд древних и современных серий представляют значительно отличающиеся от данной совокупности одонтологические варианты: современные туркмены и узбеки, бронза юга Туркмении из Алтын-депе, поздние сарматы из Устюрта и население джетыясарской культуры восточного Приаралья – Алтынасар 4. Последняя группа представлена суммарной серией; она максимально отличается от всех групп из-за усиления монголоидных особенностей при сохранении, что примечательно, грацильного статуса нижних моляров. Итак, проведенный анализ определенно свидетельствует о значительной гетерогенности как древнего, так и современного населения центральноазиатской территории в географических границах от Прикаспия до Памира

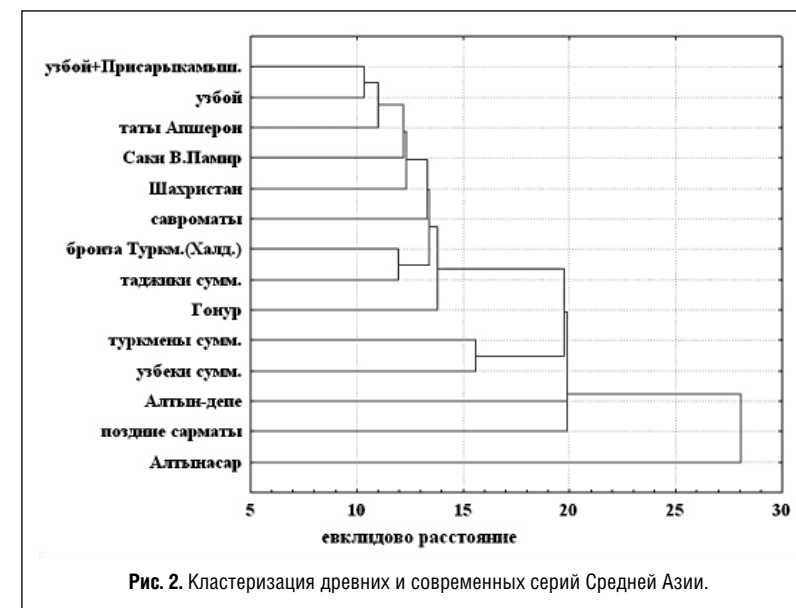

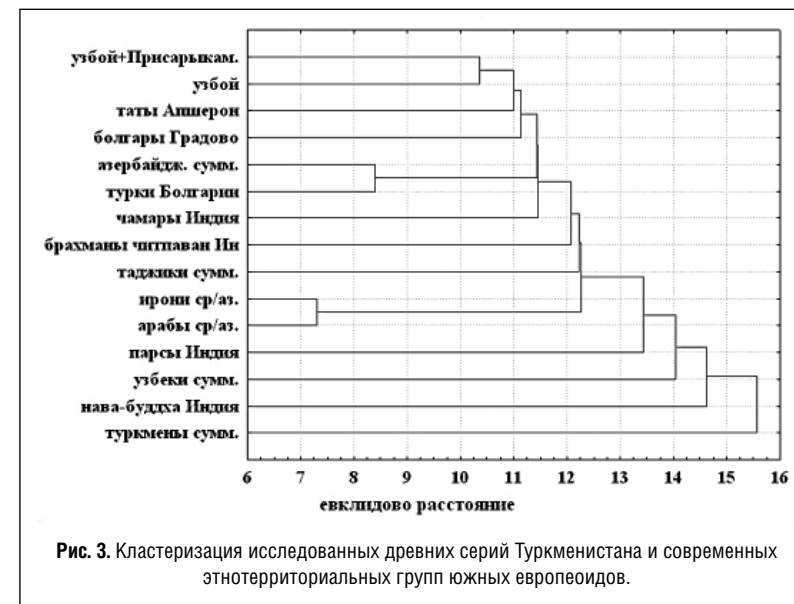
Рис. 2. Кластеризация древних и современных серий Средней Азии.

и от Приаралья до крайнего юга Туркменистана. Античный материал из северо-западных районов Туркменистана, прежде всего население узбойской культуры, имеет явное генетическое сходство с ираноязычным населением, особенно из районов западного Прикаспия.

На последнем этапе исследования к сравнению были привлечены данные еще по ряду современных этнотерриториальных групп от Болгарии на западе до Индии на востоке, которые представляют варианты южного грацильного типа. Более наглядно выявилась тенденция к некоторому антропологическому разобщению анализируемого туркменского материала, причем добавление к узбойским материалам присарыкамышских данных сильнее уклоняет обобщенную выборку в сторону западных вариантов южного грацильного типа. Кластеризация этой новой совокупности групп вновь выявляет ближайшее сходство античного населения Туркмении (гр. А и гр. А+В) с татами апшеронскими (рис. 3); к ним примыкает также группа болгар из Градова, весьма похожая по одонтологическим признакам на татов. Близкий к перечисленным группам кластер составили азербайджанцы, турки Болгарии, а также чамары из северо-западной Индии. Следующую градацию сходства с античными выборками Туркмении представляют группы брахманов читтаван из Западной Индии, таджиков, ирони и арабов Средней Азии. Максимально удалена от них суммарная выборка современных туркмен, составленная из этнотерриториальных групп теке, иомуд, олам, элеч, нохурли. Таким образом, античное население северо-западных районов Туркмении в генетическом отношении, вероятно, представляло северную периферию распространения южного грацильного типа, который для современных туркмен нетипичен. Как видим, из современных среднеазиатских этносов к изученному древнему материалу ближе всех таджики (суммарная выборка), ирони и арабы.

* * *

Рассмотренный одонтологический материал помогает в решении некоторых важных расогенетических вопросов. Во-первых, он свидетельствует о том, что население восточного Прикаспия (в границах современного Туркменистана) в эпоху античности входило в ареал южного грацильного одонтологического типа. В

настоящее время максимальная древность последнего документирована в регионе эпохой бронзы материалами из некрополя Гонур. Во-вторых, все эти серии в определенной мере заполняют разомкнутый между Кавказом и Индией ареал южного грацильного типа, который в расовосоматологическом отношении, как правило, сопряжен с южноевропейскими комплексами черт. В-третьих, данный материал помогает понять генезис восточного компонента в составе южного грацильного типа. Глубокая древность этого типа и генетическая связь его с южными территориями говорит, на наш взгляд, о том, что характерные для него восточные признаки не являются результатом примеси известных нам монголоидных вариантов центральноазиатского происхождения. В соответствии с концепцией двух одонтологических стволов А.А.Зубова, здесь можно видеть наследие одного из ранних этапов расообразования, которому были присущи именно восточные, а не монголоидные в современном их выражении элементы. Для этих древних восточных элементов характерна ощутимая доля экваториальных особенностей, в современном населении сопряженных, в частности, с веддоидным расовым вариантом. Мы

склоняемся к мысли, что небольшое повышение частоты восточных маркеров у античного населения прикаспийско-приаральских районов Туркменистана отражает наследие гораздо более ранних эпох, чем та центральноазиатская монголоидная примесь, которая оказала существенное влияние на формирование антропологических особенностей современных туркмен.

Tempus fugit (Время бежит)

Литература

- Аксянова Г.А., Гельдыева Г. Морфологические особенности зубной системы населения античного времени северо-запада Туркменистана // На путях биологической истории человечества. Т. II. М., 2002.
- Бабаков О.Б., Дубова Н.А., Зубов А.А. и др. Народы Средней Азии и Казахстана // Этническая одонтология СССР. М., 1979.
- Бабаков О., Рыкушина Г.В., Дубова Н.А. и др. Антропологическая характеристика некрополя Гонур // Сариниди В. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.
- Багдасарова Н.А. Одонтологическая характеристика кочевников Устюрта савромато-сарматского времени (по материалам могильника Казыбаба) // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. М., 2000.
- Гашимова У.Ф. Одонтологическая характеристика населения восточных, юго-восточных районов Азербайджанской ССР и Нахичеванской АССР // Полевые исследования Института этнографии 1977. М., 1979.
- Дубова Н.А. Антропологический состав населения Северного Таджикистана и этногенетические проблемы среднеазиатского региона. М., 1985. Рук. депонир. ВИНТИ. № 6944-В 2.10.85.
- Дубова Н.А., Рыкушина Г.В., Халдеева Н.И. Антропологические параллели в древнем и современном населении Средней Азии и Кавказа по данным одонтологии // Тезисы докладов на Всес. сессии полевых иссл. Ереван, 1978.
- Зубов А.А. Одонтология. Методика антропологических исследований. М., 1968а.
- Зубов А.А. О расово-диагностическом значении некоторых одонтологических признаков // Сов. этнография, 1968б. № 3.
- Зубов А.А. Этническая одонтология. М., 1973.
- Зубов А.А. Одонтологические данные по вопросу о двух первичных очагах расообразования // Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М., 1977.
- Зубов А.А. Заключение // Этническая одонтология СССР. М., 1979.
- Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в современной антропологии. М., 1989.
- Рыкушина Г.В. Одонтологическая характеристика населения карасукской культуры // Вопросы антропологии, 1977. Вып. 57.

Рыкушина Г.В. Одонтологическая характеристика черепов из склепов джетыасарской культуры (Алтынасар 4, Томпакасар, Косасар 3) // Низовья Сырдарьи в древности. Вып.П. Джетыасарская культура. Часть 1. Склепы. М., 1993а.

Рыкушина Г.В. Материалы по одонтологии джетыасарской культуры. Грунтовые погребения могильников Косасар 2, Косасар 3, Томпакасар, Беданкасар // Низовья Сырдарьи в древности. Вып.Ш. Джетыасарская культура. Часть 2. Могильники Томпакасар и Косасар. М., 1993б.

Рыкушина Г.В. Одонтологическая характеристика населения джетыасарского времени (по материалам могильников Алтынасар 4) // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. V. Джетыасарская культура. Часть 5. М., 1995.

Рыкушина Г.В., Дубова Н.А., Суворова Н.А. Одонтологическая характеристика древнего населения Туркменистана (по материалам могильника эпохи бронзы Гонур-депе) // Наука о человеке и общество: итоги, проблемы, перспективы. М., 2003.

Яблонский Л.Т. Некрополи Древнего Хорезма. Археология и антропология могильников. М., 1999.

Яблонский Л.Т. Еще раз к вопросу о формировании расы среднеазиатского междуречья (в свете новых палеоантропологических материалов из Приаралья) // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. М., 2000а.

Яблонский Л.Т. Краниологические материалы из склепов присарыкамышского могильника Сакар-чага I (V-III вв. до н.э.) // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. М., 2000б.

Brown T., Townsend G.C., Richards L.C., Burgess V.B. Concepts of Occlusion: Australian Evidence // Amer. J. Phys. Anthropol., 1990. V. 82. № 3.

Le Blanc S.A., Black B. A Long Term Trend in Tooth Size in the Eastern Mediterranean // Amer. J. Phys. Anthropol., 1974. V. 41. № 3.

Lukacs J.R. Dental Anthropology and The Origins of Two Iron Age Populations from Northern Pakistan // Homo, 1983. V. 34. № 1.

Lukacs J.R. Dental Anthropology of Asian Populations: A Review // People S. Asia. Biol. Anthropol. India, Pakistan and Nepal. N.Y., London, 1984.

Mallegni F., Brogi M.G., Balducci E. Paleodontology of Human Skeletal Remains. Pontecagnano (Salerno), VII-IV Centuries B.C. // Anthropologie (Praha), 1985. V. 23. № 2.

Mizoguchi Y. Overall Associations Between Dental Size and Foodstuff Intakes in Modern Human Populations // Homo, 1993. V. 44. № 3.

Р.М. Сатаев

ЖИВОТНЫЕ ИЗ РАСКОПОК ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕЭЛАМСКОГО ВРЕМЕНИ (ПРОВИНЦИЯ ХУЗИСТАН, ИРАН)

Приступая к краткому изложению части результатов исследований, входивших в мою компетенцию в период короткой экспедиции в Исламскую Республику Иран в январе 2009 г., нельзя не сказать об идейном вдохновителе, организаторе и руководителе этой поездки — Н.А. Дубовой, к счастью для этого есть замечательный повод. Без лишнего пафоса можно констатировать, что без усилий Надежды Анатольевны изученный материал, который может быть полезным всем, кто занимается древней историей и археологией Центральной Азии (в современном ее понимании), оказался бы навсегда потерянным в связи с целым рядом обстоятельств (если сказать проще, просто ликвидирован за «ненужностью»). Это только один небольшой, но показательный пример научного дальновидения и широкого кругозора горячо уважаемого мною человека. Особо хочется отметить, что за время общения и совместной работы в экспедициях, наши отношения из рабочих сравнительно быстро переросли в дружеские, чему в первую очередь способствовали личные качества Надежды Анатольевны, умеющей быстро находить контакты с разными людьми и организовывать их для достижения общей цели. Нельзя не сказать и о том, что благодаря своему особенному характеру, Н.А.Дубовой удалось собрать вокруг себя группу единомышленников, представителей различных научных направлений, совместно решающих исследовательские задачи. Не являлась исключением и наша иранская экспедиция.

Археологические раскопки, проведенные в 2004 г. под руководством Др. Д. Мехр-Кияна (ICAR) в среднем течении р. Карун (провинция Хузистан) на территории, предназначенной под затопление в связи со строительством дамбы, принесли многоплановый и интересный археологический материал, включающий

и костные остатки животных из помещений и погребений. Ценность проведенных исследований, в первую очередь, заключается в том, что полученные данные несут информацию о слабоизученной культуре полукочевых племен, населявших центральные районы Загросских гор в середине I тыс. до н.э. По сравнению с жителями равнинных областей юга и юго-запада Ирана, занимавшихся преимущественно земледелием, народности, жившие в горах, традиционно практиковали скотоводство, поставляя скот соседям. Поэтому данные об особенностях хозяйства Загросских горцев железного века могут быть полезны при палеоэкономических реконструкциях региона в целом.

Изученный материал происходит из 5 памятников (Balutak IV, T.T.A., Mourde-Bajau, Derazou, Deh-Der), датированных археологами позднеэламским временем, данные представлены в таблице. Кости животных, за отдельным исключением (кости собаки, череп козы из погребения 2710 на Balutak IV, ягненок из жертвенника Mourde-Bajau), являются пищевыми отходами и, в связи с этим, несут информацию о потреблении мяса древним населением, а также в определенной мере (что связано с ограниченностью материала) о роли охоты и животноводства в жизни горцев.

Материал из Balutak IV получен при раскопках жилого дома и погребения с человеческими останками. Из раскопок дома происходит 116 костей, из которых до вида и рода определено 99. Костные остатки принадлежат 5 домашним (овце, козе, крупному рогатому скоту, ослу и собаке) и 2 диким (безоаровому козлу и кабану) видам. Фрагментированность большей части костей имеет характерную «кухонную» раздробленность.

В обсуждаемом материале по количеству костей и минимальному числу особей преобладает мелкий рогатый скот. Остатки овцы происходят от двух особей — молодой до 1 г. и взрослой старше 3,5 лет. Кости козы — от одного животного (старше 3 лет). Недифференцированные остатки мелкого рогатого скота происходят от 2 животных: новорожденного и взрослого (1 - 3 года).

Ориентируясь на высоту коронки нижнего молочного зуба (D/4) молодой овцы, составляющей 7 мм, можно говорить о вероятном времени забоя животного. Зуб D/4 имеется у парнокопытных при рождении и выпадает к 2 годам, почти полностью

стершись. Процесс стирания зуба протекает сравнительно равномерно. И если появление молодняка мелкого рогатого скота происходило, как и в настоящее время, в январе-феврале, то животное было забито в сентябре-октябре в возрасте 9-10 мес. В целом же, возрастной состав скота показывает, что на пищу забивались особи разного возраста, по мере необходимости и, по-видимому, вне определенного сезона (как это имеет место и у современного населения Заграсса).

Имеющийся материал дает некоторые общие представления об экстерьерных особенностях овец и коз. Для реконструкции размеров наибольшую ценность имеют метаподиальные кости (пясть и плюсна). Целая пястная кость овцы из Balutak IV имеет относительно небольшую длину — 123,4 мм, заметно уступая костям овец железного века с территории Туркменистана (Яз-Депе и Гяур-Кала), имевшим в среднем длину 137,4 мм (Цалкин, 1970а). При этом индекс массивности (отношение ширины диафиза к длине кости) обсуждаемой пястной кости значительно больше, чем у овец из железного века Туркменистана — 12,6% против 10,6%. Целая плюсневая кость овцы имеет длину 103,0 мм, при массивности 12,1%. По сравнению с костями овец из бронзового века Туркменистана она короче и массивнее. В целом по своей абсолютной длине метаподиальные кости близки к таковым овец современной Каракульской породы (Цалкин, 1961), но отличаются большей массивностью. Массивность может быть связана с адаптацией к горным условиям. Высота в холке овец, реконструируемая по длине метаподий, не превышала 60 см.

Длина промеренной плюсны козы составляет 105,3 мм, массивность — 11,9%. Размеры кости вполне соответствуют известным для животных раннего железного века Туркменистана (Цалкин, 1970а). Высота в холке козы была около 50 см.

От крупного рогатого скота происходит 16 костных фрагментов, принадлежащих одной взрослой особи (старше 1 г. 8 мес). Из имеющихся костей о размерах животного в некоторой степени, дает представление целая первая фаланга. Длина кости — 51,5 мм, что соответствует мелким животным с ростом в холке чуть более 1 м. В средней полосе Евразии близкие размеры имели средневековые коровы (Цалкин, 1970б). Однако небольшие размеры

здесь можно рассматривать, как адаптацию к горным условиям. Мелкая порода крупного рогатого скота содержится на Кавказе и в настоящее время.

От осла происходят два зуба (верхний М1/ и непрорезавшийся нижний Р/2) и 2 фрагмента ребер. Возраст животного не старше 2,5 лет. Для ближневосточного региона осел — древнейшее верховое, тягловое, вьючное и, в некоторых случаях, священное животное, сохраняющее часть своих функций по настоящее время. У современного населения Заграсса осел содержится в 70,5% хозяйств.

Собаке принадлежит правая ветвь нижней челюсти без зубов. Кость обломана перед альвеолой первого коренного зуба (М/1). Размеры кости сравнительно крупные — длина челюсти от сочленового отростка до переднего края альвеолы М/1 составляет 111,5 мм. Общая длина челюсти была не менее 140 мм, что вполне соответствует размерам челюстей собак железного века Средней Азии (Громова, 1940). Собака в хозяйстве древнего населения выполняла пастушеские функции, а ее редкость в материале имеет тафономические причины.

Об охоте древнего населения свидетельствуют остатки безоружного козла и кабана. В целом, редкость костей диких видов указывает на незначительную роль мяса добываемых животных в питании кочевников.

От дикого козла сохранились пястная и плюсневая кости с неприросшими нижними суставами, принадлежащие одной особи. Возраст особи от 1 г. до 2 лет. По своим размерам кости дикого козла существенно отличаются от домашних, так пястная кость до отпавшего нижнего сустава имеет длину 130,8 мм, а плюсневая — 120,2 мм. В настоящее время этот вид населяет скалистые участки гор Иранского нагорья.

Дикой свинье принадлежат 4 кости. Возраст животного около 1 г. Хотя размеры фрагментов зубного ряда нижней челюсти, имеющихся в нашем распоряжении относительно не крупные, мы склоны отнести их к дикой форме. Это связано с тем, что это единичная находка (кости свиньи в материале на других изученных нами объектах не обнаружены) и сведения о наличии свиньи в стаде кочевых племен отсутствуют. К тому же, дикие свиньи из южной части ареала (Турция, Иран) отличаются небольшими

размерами, заметно уступая европейским. В настоящее время, по словам местных жителей, кабаны в Загросских горах нередко заходят в долины рек.

Из погребения 2710 происходят остатки черепа козы. Голова животного была захоронена в ногах покойного. Череп разрушен и для исследования пригодна только нижняя челюсть. Животное старше 2 лет (третий нижний коренной зуб функционировал). Стоит отметить аномальное строение третьего нижнего коренного зуба на обеих ветвях челюсти. Вероятнее всего, это обусловлено не патологическим процессом, а генетическими причинами. Возможно, это эффект близкородственного скрещивания. Остатки мелкого рогатого скота в виде жертв и заупокойной пищи встречаются в погребениях различных культур в широком временном интервале. В основном, они принадлежат овце. Однако для племен, населявших в железном веке Загросса, коза была, по-видимому, более ценным в хозяйственном отношении и почитаемым животным, чем овца. Вероятнее всего, козы являлись основным источником молока и шерсти и на мясо забивались реже. Такое же положение коза занимает в жизни современного населения этой территории. Так, из 51 опрошенной нами семьи бахтияр, коз содержат 37 (72,5%) семей, а овец только 8 (15,6%).

Археозоологический материал из раскопок Derazou представлен 13 костями, из которых определены 6, принадлежащих взрослым особям козы и коровы. Кости имеют кухонную раздробленность, на двух фрагментах отмечаются следы термического воздействия (один фрагмент обожжен по излому, другой — озолен до стадии серого каления).

Из Т.Т.А. происходит 40 костей, до вида определены 29 костей. Остатки принадлежат мелкому рогатому скоту, крупному рогатому скоту и ослу. Мелкий рогатый скот представлен ягнёнком (в возрасте до 3 мес.) и взрослой козой (старше 2 лет — 3 нижний коренной функционировал).

Остатки коровы происходят от двух особей молодой (до 1 г.) и взрослой (старше 2,5 лет). Единичные промеры костей взрослого животного позволяют говорить о его небольших размерах. Ширина нижнего эпифиза пясти составляет 54,0 мм, а длина первой фаланги 54,6 мм, что наиболее соответствует таковому у

мелких средневековых коров северной Евразии (Цалкин, 1970), скорее всего они в среднем не превышали в холке 1,2 м. Таким образом, эти данные вполне согласуются с нашим представлением о мелкой породе коров, разводимой древним населением Загросских гор.

Ослу в изученном материале принадлежит левая пястная кость, очень мелких размеров. Возраст животного старше 1 г (дистальный эпифиз пясти полностью прирос). Длина пясти 152 мм, ширина диафиза 21 мм, массивность 13,8%. Кость принадлежит мелкому, тонконогому животному, с высотой в холке несколько более 1 метра. Изученные нами ослы бронзового и железного века Туркменистана (по нашим материалам с Гонур-Депе и Яз-Депе) были заметно крупнее. Возможно, мелкие размеры характеризуют породные особенности ослов, разводимых горцами.

Материал из Mourde-Bajau представлен 112 костями (Таблица). Все кости идентифицированы, они принадлежат мелкому рогатому скоту (козе и овце), а также серому варану (грудина, позвонок и бедренная кость).

Остатки овцы (67 костей) происходят от трех животных: новорожденного ягнёнка (30 костей), молодой особи в возрасте до 10 мес. (28 костей), и полувзрослой в возрасте от 1 г. до 2 лет (9 костей) особи. Неидентифицированные до вида кости (в основном фрагменты зубов, ребер, позвонков, лопатки) мелкого рогатого скота (всего 37 костей), скорее всего, также принадлежат овце. Нужно отметить, что обнаруженные компактно захороненными остатки скелета новорожденного ягнёнка, вероятнее всего происходят из специально устроенного жертвенника. Это может указывать на существовавшую практику жертвоприношений животных и устройства стационарных жертвенников у горцев. Аналоги, подобного жертвенника известны из бронзового века Туркменистана, по материалам с Гонур-Депе. Коза представлена 5 костями, минимально от 2 особей — новорожденной и молодой (1- 1,5 лет).

Сложность представляет вопрос о генезисе остатков серого варана (*Varanus griseus*). Скорее всего, остатки этой крупной ящерицы попали в культурный слой с кухонными отходами случайно. Однако не исключено, что варан мог быть объектом чело-

Таблица

Видовой состав и количество остатков животных из раскопок памятников позднезламского времени

Виды	Количество костей на изученных памятниках					
	Balutak IV		T.T.A.	Mourde-Bajau	Derazou	Deh-Der
	дом	погр. 2710				
Домашние животные						
Овца <i>Ovis aries</i>	21/2*		3/1	67/3		13/2
Коза <i>Capra hircus</i>	24/1	1 череп	9/1	5/2	4/1	
МРС (<i>Ovis et Capra</i>)	27/2			37/2		
Крупный рогатый скот <i>Bos taurus</i>	16/1		16/2		2/1	11/1
Осел <i>Equus asinus</i>	4/1		1/1			1/1
Собака <i>Canis familiaris</i>	1/1					
Дикие животные						
Безоаровый козел <i>Capra aegagrus</i>	2/1					
Кабан <i>Sus scrofa ferus</i>	4/1					
Серый варан <i>Varanus griseus</i>				3		
Неопределимые	17		11		7	84
Всего костей	116	1	109	112	13	109

* В числителе количество костей, в знаменателе минимальное число особей.

веческой охоты, так в странах Средней Азии (в частности в Туркменистане), варана добывали из-за кожи и мяса.

Из раскопок пещерной пастушеской стоянки Deh-Der происходит 109 сильно фрагментированных и частью обожженных костей животных (1 кость частично обожжена, 5 — находятся на стадии серого каления, 4 — на стадии белого каления). Кости представляют собой кухонные остатки. До вида и рода определены 25 костей, принадлежащие овце, корове и ослу. Овца представлена 13 костями от 2 особей — новорожденного ягненка и взрослого животного (старше 3,5 лет). От взрослой особи крупного рогатого скота (старше 2,5 лет) происходит 11 костей. Ослу принадлежит только один фрагмент диафиза большой берцовой кости.

Подытоживая результаты проведенных исследований, можно отметить следующее. Остатки костей животных на рассматриваемых памятниках немногочисленны, что возможно говорит о второстепенной роли мясной пищи в жизни древних пастухов. По-видимому, на первом месте в питании горцев стояли молочные продукты. Животных на мясо забивали редко, по мере необходимости, без строгой приуроченности к определенному сезону. Более 80% особей мелкого рогатого скота от тех, чьи остатки происходят из раскопок, были забиты в возрасте до 3 лет, что соответствует стратегии забоя на мясо. Однако, учитывая общую малочисленность костных остатков, это может говорить только о предпочтении мяса молодых животных. Наибольшее значение в хозяйстве пастухов, скорее всего, имели козы, являвшиеся основным источником молока и шерсти. Овцы, чаще забивались на мясо. Коза и овца, также использовались в ритуальной практике. Крупный рогатый скот забивался на мясо в возрасте до 3 лет, но в основном использовался для получения молока. Возможно в ограниченном количестве (или определенных ситуациях) в пищу использовалось мясо осли. Домашние животные, разводимые в железном веке населением Загросских гор, имели не крупные размеры, заметно уступая таковым с соседних равнинных территорий. Охота в системе жизнеобеспечения горцев играла незначительную роль, мясо диких копытных (безоарового козла и кабана) являлось лишь дополнением к их столу.

Литература

Громова В.И. Материалы к изучению древнейших домашних животных Средней Азии (по раскопкам Каунчи-Тепе в 1935 г.) // Григорьев Г.В. Каунчи-Тепе (раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940. С.41-62.

Цалкин В.И. Изменчивость метаподий у овец // Бюллетень МОИП. Отдел биологический, секция зоологии. 1961. Т.66. №5. С.115-132.

Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970. – 178 с.

Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Средней Азии// Бюллетень МОИП. Отдел биологический, секция зоологии. 1970. Т.75. №1. С.145-159.

РАЗДЕЛ II

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ШТРИХИ ЕВРАЗИЙСТВА

Б.А. Литвинский

**ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА
В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.
(Теоретический аспект)¹**

Наука располагает богатейшими источниками для исследования процессов этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана.² Это: а) Письменные исторические источники, начиная от «Авесты», древне-персидских и древне-греческих до документов XII и даже XX вв. Они написаны на различных языках. Исключительно обильны сведения по этнической истории в средневековых нарративных и актовых источниках, почти не затронутых разработкой в этом плане.

б) Литературные сочинения и эпос, которые перекликаются (и частично совпадают) с историческими источниками. Они исключительно важны для выявления линий развития духовной культуры (понятие которой много шире, включая, в частности, религию и др.); сложения феномена культуры того или иного народа в ее специфических формах развития; формирования и развития самосознания народа. Все это вообще не исследовано.

в) Археологические источники, которые содержат богатый материал, но в этническом плане разработаны лишь частично, т.к. их этническая атрибуция вызывает специфические сложности. К ним примыкают иконографические источники, которые, впрочем, могут быть выделены в особую группу.

¹ Этот текст представляет собой доклад, зачитанный в 1988 г. на Всесоюзном совещании, посвященном проблемам этногенеза народов Средней Азии и Казахстана (г. Звенигород). Он был опубликован в сборнике: «Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана». Вып.1 Общие проблемы. М., 1990. С. 21-41. Показательно, что до настоящего времени многие положения, высказанные десятилетия назад, не потеряли своей актуальности.

² Я не останавливаюсь на историографии – ее сжатая характеристика содержится в докладе Ю.В. Бромлея, сделанного на той же конференции и опубликованного в выше упомянутом сборнике.

г) Палеоантропологические и антропологические материалы; они очень обширны. Для научного освещения этногенеза существенно важно выяснить, из каких расовых компонентов сложился тот или иной народ Средней Азии, а также проследить динамику этого процесса в прошлом. При этом необходимо избегать упрощенных и ложных представлений о прямой и непосредственной связи этноса с входящими в него расовыми компонентами: разные этносы могут состоять из одних и тех же физических типов, историческая эволюция этноса, изменения в культуре и языковые изменения могут далеко опережать изменения в физическом типе.

д) Лингвистический материал огромен. Для этногенеза важны как синхронические, так и диахронические исследования с изучением отдельных языков и диалектов в их современном историческом развитии. К сожалению, по многим вопросам нет соответствующих исследований: например, нет капитальной монографии по истории таджикского языка. Очень важны результаты ареальных исследований, как иранских (В.И. Абаев, В.С. Соколова, В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман), так и тюркских (Н.З. Гаджиева) языков. В перспективе – исследование языкового союза. Эта задача была сформулирована уже выдающимся лингвистом Евгением Дмитриевичем Поливановым. Появились работы по топонимике и исторической топонимике (Р.Х. Додыхудоев, А.Л. Хромов), вскрывающие древнейшие языковые пласты. Работы в этой области иногда становятся уделом дилетантов.

е) Этнографические и фольклорные источники подробно анализировать в этнографо-антропологической аудитории нет необходимости. Отметим лишь, что совместные работы этнографов и специалистов по письменным источникам пока не налажены. Серьезные успехи в этнографическом изучении Средней Азии, целеустремленный историографический поиск в области этнической истории (см., в частности, работы С.М. Абрамзона, Г.П. Васильевой, В.В. Вострова, А.Д. Джикиева, Т.А. Жданко, Б.Х. Кармышевой, М.С. Муканова, Е.Л. Неменовой, А.К. Писарчик, О.А. Сухаревой, К.Ш. Шаниязова и др.) проходит почти исключительно в рамках отдельных народов и их частей. Чуть ли не исключением является замечательная работа Б.Х. Кармышевой, посвященная этнической истории и этническим связям узбеков и таджиков на юге Средней Азии. Региональных исследований ничтожно мало.

Ареальные исследования лишь начинаются – мы имеем в виду статьи Т.А. Жданко, статьи и монографию Л.А. Чвырь [1990].

Процесс этногенеза в Средней Азии и Казахстане – неразрывная часть обширных этногенетических процессов в Евразии. Безусловно, к нему приложимы те закономерности, которые выявлены нашими ведущими теоретиками этногенеза: прежде всего академиками Ю.В. Бромлеем и В.П. Алексеевым, а также целой плеядой исследователей-теоретиков. Конкретное исследование этногенеза и этнической истории Средней Азии и Казахстана (как и Востока в целом), может в свою очередь внести новые или дополнительные аспекты в разработку теории этноса. Особо существенное значение приобретает системный подход к изучению этногенеза («не перечень элементов, а система является основой типологии», – писал один из столпов современной лингвистики Р.О. Якобсон [1963. С. 97], введение понятия «этногенетической модели»; самое широкое применение ареальных понятий и методов, особенно лингвистических. Анализ среднеазиатско-казахстанского этногенетического и историко-культурного процесса выявляет, что этнические и культурные границы между этническими массивами были не жесткими, а подвижными и имели характер двусторонне-проницаемых мембран, причем этнокультурная «проницаемость» не была константной, а изменявшейся (по-разному в каждом направлении) величиной. В процессе экономических и культурных взаимодействий этносы и соответствующие культуры выступали как селекционирующие (в частности культурных и экономических элементов и структур) среды. При этом очень существенны адаптивные способности заимствованных элементов и структур в воспринимающей среде, а также процессы культурной аттракции. Все эти процессы носили ярко выраженный динамический характер [См. об этом: Гафуров Б.Г., Литвинский Б.А., 1976].

Исследователи этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана до сих пор полностью игнорировали религиозные факторы, что следует признать совершенно неверным. До арабского завоевания в Средней Азии и Казахстане было несколько религий; после арабского завоевания почти исключительно одна – ислам.

Роль ислама в процессе этногенеза была ведьма значительной. С одной стороны, он как бы отгораживал от какого-либо этничес-

кого (но не экономического и культурного) смешения с любыми немусульманскими народами. Лишь принятие ими ислама могло служить началом интенсивных процессов этнического взаимодействия. С другой стороны, действовала и противоположная тенденция. Принадлежность к числу мусульман была иерархически выше, чем национальная принадлежность, и нивелировала ее, способствуя интенсификации этнических процессов внутри мусульманской общины.

В Средней Азии и Казахстане этногенетический процесс помимо этого обладал рядом особенностей.

1. Экологическая обстановка создавала с эпохи бронзы возможности для двухукладного хозяйства: оседло-земледельческого и кочевого скотоводства. Позже сформировалась трехчленная система: город – сельская округа – кочевая степь.

2. Географическая ситуация и исторические судьбы региона способствовали созданию здесь обществ и государственных образований с высокоразвитой цивилизацией. Исторические, культурные и этнические связи взаимодействия соединяли их со странами Древнего Востока (в средние века – Переднего и Среднего Востока и Индии) и евразийского пояса степей.

3. С конца эпохи бронзы оазисы и степи Средней Азии и Казахстана заселяли по преимуществу индоевропейцы (протохарцы, протоиндийцы, протоиранцы и др.), среди которых преобладали с I тыс. до н.э. восточные иранцы, с начала II тыс. н.э. – таджики. Однако этногенетический процесс разрывался не внутри территории-изолята, а в обстановке постоянных миграций. Индоевропейский, собственно иранский, этнокультурный субстрат постоянно взаимодействовал с волнами мигрировавших этносов и непрерывными этническими инфильтрациями. Среди них были индоевропейские (в частности, греки, западные иранцы, индусы и др.), семитические (арабы, евреи, сирийцы и др.), тибетские, монгольские и др. И хотя некоторые из них были довольно значительными количественно и сыграли важную этнокультурную роль в плане этногенеза, несравненно более многочисленными и результативными (на несколько порядков выше) были волны тюркских племен и народов.

4. Этногенез каждого народа развивался не изолированно, а в полиэтнической среде, с чересполосным расселением народностей и в обстановке непрерывного притока новых этнических

компонентов. Как известно, «существенное влияние на этническую ситуацию оказывает и соотношение контактирующих этносов» (Ю.В. Бромлей). Исключительно важен тип этнического контакта. Это может быть контакт маргинальных частей двух (или нескольких) или дисперсные контакты двух (или нескольких) чересполосно расположенных этносов. Второй тип ведет к несравненно более интенсивному этно-культурно-лингвистическому взаимопроникновению.

В результате все это привело к многолинейному субстрат-суперстратному течению этнических процессов.³ Это было одностороннее последовательное развитие, как нередко пытаются представить, а многофакторный ветвистый процесс. Так, например, приток в Среднюю Азию тюркоязычного населения являлся длительным и многоактным процессом. По-существу, это целая система налагающихся и перекрывающих друг друга волн, каждая из которых взаимодействовала с исходным субстратом и предыдущими волнами. Несмотря на длительность и практическую непрерывность этого процесса на протяжении целого тысячелетия, он отнюдь не был равномерным. Его течение знало резкие ускорения, когда в Средней Азии или отдельных частях ее расселялись многочисленные тюркские племена или народы, причем нередко это были и целые группы племен и народов, когда этническая карта стремительно менялась и этнополитическое напряжение достигало предела. Такие периоды сменялись другими, характерными медленными инфильтрациями. Динамика тюркских вторжений не совпадала с ходом и динамикой культурного, этнического, языкового и расового взаимодействия пришлого (по преимуществу, как правило, кочевого) и местного (по преимуществу – оседлого) населения. Эти процессы шли значительно медленнее и притом с различной скоростью, причем нередко культурно-лингвистические процессы значительно, на столетия опережали весомые, отражающиеся в крепко логическом материале, антропологические изменения.

3 «Явление субстрата связано с этническим смешением и поэтому не является чисто лингвистическим, когда мы говорим о субстрате, – пишет В.И. Абаев, – мы предполагаем этногенетический процесс, сопровождающийся языковыми последствиями» [Абаев В.И., 1965. С. 145]. О роли субстратно-суперстратных процессов в этногенезе Средней Азии я писал в 1976 г. [Гафуров Б.Г., Литвинский Б.А., 1976].

Во всем этом играла роль целая совокупность факторов, в том числе социальных (типы взаимодействующих обществ, свойственным им структур и институтов), политических (культура и язык этноса, стоящего у власти, распространялись шире, чем собственно этнос), религиозных, эколого-географических и экономических (природные изоляторы – высокогорные долины с их населением, хозяйственно-культурные типы и т.д.). Разумеется, рассмотрение этногенетических и этнических процессов не может замыкаться внутри даже такого обширного региона как Средняя Азия и Казахстан (с прилегающими областями), который можно назвать, используя терминологию Н.Н. Чебоксарова [Чебоксаров Н.Н., 1976], среднеазиатско-казахстанской историко-этнографической провинцией. Дело не только в учете очаговых явлений в источниках этнических миграций, этнокультурных диффузий и интерференции, или фона, на котором протекают процессы в данной, пусть обширной области. В связи с выдвинутой В.П. Алексеевым очень плодотворной идеей этногенетических пучков, этногенез части среднеазиатских народов должен также рассматриваться в плане среднеазиатско-иранской, других – среднеазиатско-казахстанской этногенетической ветвей [Алексеев В.П., 1986. С. 99, 102].

Все эти выводы, сделанные на основании письменных, археологических и лингвистических источников, подкрепляются палеоантропологическими данными. По заключению В.П.Алексеева и И.И. Гохмана, в раннее средневековье «на территориях нынешних Узбекистана и Таджикистана как в сельской местности, так и в городах было распространено преимущественно европеоидное население... Наличие небольшой монголоидной примеси в составе населения весьма вероятно, хотя и недоказуемо». В целом описываемый краниологический комплекс сближается авторами с тем, который характерен для современных таджиков и узбеков, но не обнаруживает заметного влияния монголоидных комплексов. «Из Южного Казахстана и Северной Киргизии происходят серии... в основном того же краниологического комплекса, но гораздо более брахикранных и широколицых... О монголоидной примеси в составе этих серий можно говорить уже довольно уверенно, что выявляется не только в брахикрании и ширине лицевого скелета, но и в некоторой его уплощенности». Могильники тюркского кочевого населения

дали материал, характеризующийся брахикранией, умеренной шириной лица, умеренным выступанием носовых костей, уплощенностью лицевого скелета. В этих сериях по сравнению с тюркскими сериями из Южной Сибири «преобладание европеоидного комплекса становится заметным. Это антропологическое наблюдение приводит к важному выводу: тюркские кочевники в процессе расселения по Средней Азии постоянно состояли в генетических контактах с местным населением и впитывали здесь европеоидные элементы. В то же время несомненна волна монголизации местного населения, которую они вызвали...» [Алексеев В.П., Гохман И.И., 1984. С. 94. См. также: Ходжайов Т.К., 1976]. Монголоидная примесь четко прослеживается на материалах Семиречья, в остальных же регионах она незначительна. При этом, как показал Т.К. Ходжайов, степень монголизации на протяжении V-IX вв. не изменилась. Так, средняя величина индекса УЛС (уплощенности лицевого скелета) не изменилась, оставаясь равной 22,4.

В X-XIII вв. население Средней Азии становится в значительной мере смешанным, имеются как европеоидные, так и значительно монголизованные группы. Последние локализуются на севере Средней Азии, в других ее частях – главным образом в районах сельского расселения. Индекс УЛС, равный в среднем 26,6, в сельских сериях дает величину 36,0, а городских – 18,5.

В XIV – XVII вв. индекс УЛС в целом для Средней Азии равен 26,6, «т.е. несколько повышается по сравнению с предыдущим периодом. Однако увеличение этого индекса плавное, без скачков, и не настолько сильное чтобы можно было говорить о значительном притоке нового населения монголоидного облика в Среднюю Азию. Более 40% населения характеризуются европеоидными чертами, 50% – смешанными и лишь 10% населения монголоидными особенностями». Далее Т. Ходжайов пишет о том, что монголоидная примесь по сравнению с предыдущим периодом несколько увеличивается, «... но не в такой степени, как ранее предполагали многие исследователи. Монгольское завоевание значительно повлияло на расовый состав населения северной и северо-восточной областей» [Ходжайов Т.К., 1987. С. 6-31]. Эти заключения Т.К. Ходжайова – проникновенного исследователя антропологии Средней Азии – необычайно важны для изучения процессов этногенеза и этнической истории региона.

В эпоху развитого и позднего средневековья формируется характерный для современности антропологический облик народов Средней Азии. Это – горные таджики и памирцы, лишенные монголоидной примеси, туркмены, равнинные таджики и узбеки с монголоидной примесью, а также монголоидное население на территории Казахстана и Киргизии (у казахов европеоидная примесь более сильна, чем у киргизов) [Алексеев В.П., Гохман И.И., 1984. С. 145-148. Детальные материалы – Гинзбург В.В., Трофимова Т.А., 1972].

Ряд коренных проблем среднеазиатского этногенеза все еще недостаточно разработан и крайне далек от окончательного решения. К ним относятся этногенез и этническая история узбекского народа, этническая история таджикского народа, киргизский этногенез. Хотя этими проблемами занимались крупнейшие ученые и накоплен обширный материал, многие источники даже не затронуты в этом плане.

Так, совершенно не разработана этническая история городов Мавераннахра и Хорасана в средние века. Учитывая, что именно города являлись узлами этногенетических процессов, это представляет зияющую лакуну. Или, скажем, можно считать, что этногенез таджикского народа в основном длился до X-XI вв. Но мы ничего не знаем о его последующей этнической истории вплоть до XVIII-XIX вв. То же самое, впрочем, относится и к ряду других народов: все усилия сосредоточены на установлении истоков этногенетических процессов, последующая история разработана крайне слабо.

К тому же значительная часть среднеазиатских этногенетических исследований ведется на устаревшей методической базе. Общеизвестны огромные достижения советской науки в разработке общих проблем теории этногенетических процессов, методики их исследования. Я назову лишь труды Ю.В. Бромлея, В.П. Алексеева, К.В. Чистова, В.И. Козлова, М.В. Крюкова и мн. др. Однако все это практически до сих пор не использовалось. Существующие этногенетические схемы во многом покоятся на ныне устаревших идеях и приемах. В ряде случаев мы сталкиваемся с субъективистским стремлением «удревнить» этногенез того или иного народа, упростить и «сгладить» его ход и этническую историю. Имеются и другие негативные явления, особенно в области культурного наследия.

Фундаментальный вопрос о границе этногенетического процесса и начале этнической истории, если исходить из существующих теоретических разработок, опирается на определение, что такое собственно народ (или этнос в узком смысле слова), каковы его признаки?

По словам Ю.В. Бромлея и В.И. Козлова «...Этнос (в узком значении этого термина) может быть определен как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями языка и культуры, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированных в самоназвании (этнониме)». И еще: «Этносом является только та совокупность людей, которая осознает себя как таковую, отличая себя от других аналогичных общностей. Это осознание членами этноса своего группового единства принято именовать этническим самосознанием, внешним выражением которого является самоназвание (этноним). Самосознание членов этноса как бы фокусирует представления об общности территории («родной земли»), языка («родного языка»), отличительных особенностях культуры и психики, а также о какой-то общности происхождения и исторических судеб входящих в него людей». Этническое самосознание – не только важнейший этнический определитель, но и «...сила, объединяющая членов этноса и противопоставляющая их в этническом отношении другим этносам» [Современные..., 1975. С. 10-11. См., также: Бромлей Ю.В., 1973. С. 30-31; 1981. С. 258-259; 1983. С. 55-58; Козлов В.И., 1974; Крюков М.В., 1976; Алексеев В.П., 1989].

По мнению В.П. Алексеева, «... сложение языка, на котором говорит народ, формирование его культуры, образование характерных психологических стереотипов во всяком случае входят в число динамических процессов, охватываемых понятием этногенеза» [Алексеев В.П., 1986. С. 33]. Кроме того, он подчеркивает возможность таких определителей, как этническое самоназвание, самосознание, специфическая культура [Алексеев В.П., 1986. С. 26-31]. Его заключение: «Общее самосознание этнической общности автоматически связано с существованием общего самоназвания» [Алексеев В.П., 1986. С. 28].

На мой взгляд, все это бесспорно и в полной мере относится и к народам Средней Азии. Однако ни в одном из исследований по

среднеазиатско-казахстанскому этногенезу проблема этнического самосознания, несмотря на обилие письменных источников, в частности художественных произведений, даже не поднимается. Более того, даже важнейший признак – самоназвание – порой полностью игнорируется.

Так, во всех трудах по истории таджикского народа, в том числе написанных мною или вышедших под моей редакцией, завершение сложения таджикского народа традиционно относится к IX-X вв. Однако, строго говоря, это тоже требует более гибкого рассмотрения.

Первое упоминание термина «таджик» в качестве принятого сейчас этнонима зафиксировано в письменных источниках для первой половины XI в.: Абу-л-Фазл Бейхаки дважды упоминает его при описании событий 40-х гг. XI в. [Гафуров Б.Г., 1972. С. 375. См. также детальный анализ: Мандельштам А.М., 1954]. Поэтому сложение таджикского народа правильнее относить к X-XI вв., но при этом в IX-X вв. складывается основа этой народности с ее языком (таджикский – «дари»), замечательной литературой, наукой, духовной и материальной культурой.

В трудах по истории узбекского народа упор делается на расселении в Средней Азии тюркоязычных этносов. И это совершенно оправдано. А затем следует вывод, как в последнем издании «Истории Узбекской ССР» (1967 г.), что «в XI-XII вв. в основном завершается процесс формирования тюркоязычной народности, получившей впоследствии название узбеков». А.А. Аскаров акцентирует внимание на том, что «проникновение даштикипчацких племен в среднеазиатское междуречье в начале XVI в. не привело к существенному подъему экономики и культуры узбекского народа», и что это проникновение не изменило существенно антропологический облик населения Мавераннахра. Вместе с тем, А.А. Аскаров проявляет в высшей степени взвешенный и научный подход, размышляя о процессах иранизации тюркоязычных этносов и тюркизации ираноязычных, не делая никаких окончательных выводов [История Узбекской ССР, 1967. С. 380; Аскаров А.А., 1980].

Наши соображения сводятся к следующему.

Тюркоязычный этнос (или, точнее, этносы) XI-XII вв. отнюдь не воспринимал сам себя как узбекский. Тогда не было еще ни узбекского самосознания, ни узбекского языка, ни самого само-

названия «узбек». А ведь самосознание и отражающее его самоназвание, как указывалось выше, – важнейшие, причем маркирующие, элементы этногенеза как динамической системы.

Что касается самоназвания «узбек», решающий вклад в изучение этой проблемы внесли такие выдающиеся востоковеды как А.А. Семенов [1954] и Б.А. Ахмедов [1965]. Слово «узбек» зарегистрировано в источниках уже для XIII в., но лишь в качестве личного имени, антропонима. «Узбековцами» называли жителей Золотой Орды времени правления Узбек-хана (1312–1340 гг.), но и это, считают исследователи, не имеет отношения к происхождению узбекского народа. Лишь обозначение населения Дашти-Кипчака словом «узбеки» и название его «узбекской степью» связано с интересующей нас темой. Как установлено на основании анализа источников Б.А. Ахмедовым, «термин узбек как собирательное имя для всего тюрко-монгольского населения Дашти-Кипчака возник, по-видимому, лишь в 60-х годах XIV в.» [Ахмедов Б.А., 1965. С. 15]. И далее: «В начале XVI в. часть вышеуказанных племен (узбеки, узбеган у восточных авторов), сплотившихся вокруг Шайвана-хана, вторглась в Среднюю Азию и обосновалась на территории современного Узбекистана. С этого времени термин узбек получил этническое значение, и тюркоязычное население всей этой территории приняло имя узбек». «Тут речь идет, – продолжает Б.Л. Ахмедов, – лишь о времени происхождения термина *узбек* как этнонима [Ахмедов Б.А., 1965. С. 17]. Собственно также трактовал этот вопрос А.Ю. Якубовский, писавший, что кочевые узбеки, пришедшие в XVI в. из Дашти-Кипчака, растворились в тюркском населении Мавераннахра. «Кочевники узбеки вошли в это тюркоязычное население как последнее слагаемое в передали ему свое имя» [Якубовский А.Ф., 1941. С. 3].

Хронология возникновения и утверждения этнонима «узбек» перекликается с историей становления старо-узбекского языка. Один из крупнейших знатоков истории тюркских языков, А.М. Щербак относит возникновение и начальный период развития староузбекского языка к концу XIII и ко всему XIV вв. Тогда «на территории Ферганы, в Мавераннахре и Хорезме в различных пропорциях вступали в контакт и взаимодействовали представители трех основных диалектных групп: карлукско-уйгурской, уйгуро-огузской и кипчакской» [Щербак А.М., 1962. С.

223]. Завоевательное движение Абул-Хайра способствовало распространению западно-тюркских (кипчакских) элементов. Кочевники – узбеки заняли Мавераннахр. Указав на это, А.М. Щербак отмечает: «... возникновение узбекской народности и староузбекского языка явилось результатом сложного взаимодействия местного тюркского населения Мавераннахра и Ферганы с кочевниками Дешти-Кипчака и населением Хорезма. При этом местное тюркское население само по себе смешалось с иранским и поглотило ряд монгольских племен, известных под общим названием чагатаев» [Щербак А.М., 1962. С. 18–19]. Старо-узбекский язык достиг совершенства на следующем этапе – в XV–XVI вв.

При этом следует иметь в виду, что «подражание персидским образцам, стремление воспроизвести дух и форму персидской поэзии, как хорошо показал Нава'и в Мухаммат ал-лугатайн, составляли основную заботу абсолютного большинства тюркоязычных поэтов XIV и XV вв. В литературном языке «нередко преобладает персидская лексика, употребляются служебные слова и целые конструкции, не свойственные тюркской речи» [Щербак А.М., 1962. С. 225]. Наряду с таджикско-персидской лексикой немало и арабской лексики. Их суммарное содержание минимально составляет 30–40%, но бывают и в полтора раза больше [Щербак А.М., 1962. С. 227].

Таким образом, с XV–XVI вв., уже после прихода в Среднюю Азию и расселения в ней узбеков Шейбани-хана, строго говоря, можно считать существующим узбекский народ как отдельный этнос.

Вместе с тем, – и это следует сказать со всей определенностью, – это отнюдь не снимает и не отрицает древнее культурное наследие узбекского народа, ибо в его состав вошли и отуреченные согдийцы, и хорезмийцы, а также на протяжении многих веков принимавшие узбекский язык обширные пласты оседлого таджикского населения. Об этом свидетельствуют как археологические, так и письменные источники, а для последних столетий также лингвистические, этнографические и антропологические материалы. Во всех областях жизни – от языка до экономики, уже возникшие народы Средней Азии и Казахстана тесно взаимодействовали друг с другом. Именно в этом стержень этнической истории народов этого региона.

Отметим лишь отдельные моменты, Тюркско-согдийское взаимодействие началось уже в конце VI и в XVII вв. Во главе согдийского города Пенджикент стоял тюркский по происхождению правитель Чекин-чур Бильге, сын Бичути (ок. 694-700/9 или ок. 690-704 гг.). «О том, что наряду с согдийцами в городе Пенджикенте жили и тюрки, свидетельствуют и другие мугские документы: тюркское имя Ут ('*utt*) носил управляющий дворцовым хозяйством (*prm'nd'r*) Пенджикента, упоминаются и другие тюркские имена (например, *yrk'y*, *B-4=Irkāj*), а также представители тюркских племен (*tađuš* «тардуш»). Один из документов фиксирует брак знатного тюрка Ут-Тегина ('*utkyn*) с согдианкой. Тюркское имя носил и самаркандский царь Тархун, 700-710 гг. [Лившиц В.А., 1979. С. 58]. Это взаимодействие и взаимовлияние оставили яркие следы в духовной и материальной культуре тюрков и согдийцев.

Почти столь же тесно взаимодействовали и взаимовлияли таджикское население и тюркские племена. Это приводило, в частности к двуязычию. В Мавераннахре и в Хорасане в XV в. оно было широко распространено, не только в литературе, но и в широких слоях населения.

Навои писал буквально следующее: «Тюрки от большого до малого, от нукера до бека владеют языком сартов в такой степени, что могут говорить на нем о делах, относящихся и к повседневной жизни. Некоторое (при этом) говорят даже вполне литературно» [цит. по: Щербак А.М., 1962. С. 15]. Этот процесс, начавшийся задолго до Навои, протекал в сфере разговорного и литературного языка (и литературных форм) и много позже, вплоть до новейшего времени.

В результате взаимодействия в таджикский язык вошло большое количество тюркских, особенно узбекских, слов [Doerfer G., 1967].⁴ Вследствие тесного общения таджиков и узбеков, а северо-таджикских говорах, помимо лексических заимствований, есть инновации, идущие от узбекского, и распространяющиеся на область фонетики, синтаксиса и др.

Известный исследователь таджикского языка В.С. Расторгуев объясняет это применительно к таджикам Северного Тад-

4 В этой работе есть подсчеты (имеющие весьма условный характер) доли тюркских слов в литературном языке и в диалектах (С. 564-565), а также важный раздел о языковых пластах тюркских заимствований (С. 72-79).

жикистана и Узбекистана следующим образом: «Привыкнув пользоваться в повседневной речи узбекским языком, говорящие незаметно для себя начинают переносить некоторые свойственные ему нормы и на свой родной язык. В грамматическом строе северных таджикских говоров в связи с этим появляется тенденция к общему типологическому сближению с узбекским языком, к однотипности с ним в способах выражения различных грамматических значений» [Расторгуева В.С., 1964. С. 129 и след.].

В свою очередь, воздействием субстратного таджикского языка можно объяснить отсутствие такой характерной черты, как сингармонизм в некоторых узбекских говорах, обширный пласт иранизмов (т.е. таджикизмов) в узбекском языке и т.д.

По свидетельству Е.Д. Поливанова, в ташкентско-ходжентско-самаркандско-бухарских узбекских говорах не только нет сингармонизма, но они в значительной степени повторяют звуковую систему таджикского языка, в частности, вокализм из шести гласных *i, e, ə, a, o, u*. Происхождение этого явления он видит в том, что в процессе узбекско-таджикских языковых контактов, таджикское население, переходя к двуязычию «вселяло» тюркскую лексику в свою фонетическую систему, а когда таджикский язык полностью забывался, узбекский язык оставался метаморфизованным. В зависимости от равных причин, степень метаморфизации образовывала целую систему переходов [Поливанов Е.Д., 1926. С. 19-25; 1932. С. 12-13, 19; 1935. С. 20-29. См. также: Боровиков А.К., 1953; Решетов В.В., 1957, 1966. С. 359-361; Решетов В.В., Шоабдурахманов Ш., 1962. С. 70-85; Шоабдурахманов Ш., 1963. С. 74-75].

Концепция Е.Д. Поливанова неоднократно подвергалась критике, что, однако, по словам А.М. Щербака, «не поколебало ее устои» [Щербак А.М., 1976. С. 192⁵].

Иранские языки, как в средне-иранском состоянии, так и ново-иранском (прежде всего — таджикский) оказали определенное влияние и на другие тюркские языки Средней Азии, куда, в частности, вошел значительный пласт иранской, преимущественно

5 Н.З. Гаджиева высказала идею, что процессы утраты сингармонизма и т.д. шли спонтанно, а «иранское влияние явилось катализатором, ускорившим эти процессы» (1975. С. 24). В другом месте (на с. 25) говорится, что эти явления были «усилены» «иноязычным влиянием». См. также: Гаджиева Н.З., 1975а. С. 231-291.

таджикской лексики. Можно привести и другие факты. Например, воздействие памирских языков на южно-таджикские говоры и, в свою очередь таджикского – на памирские языки и т.д.

Диалекты южных киргизов находились (и находятся) в близком соприкосновении с местными узбекскими и таджикскими говорами, узбекское и таджикское влияние на эти говоры несомненно.

Можно говорить о языковой интерференции у двуязычных носителей казахского языка в Туркмении, параллельно владеющих туркменским языком; у носителей туркменского языка в Каракалпакии, параллельно владеющих своим и каракалпакским языком.

Изучив огромный материал по связям и соответствиям в тюркских языках Средней Азии, Н.З. Гаджиева сделала вывод: «Среднеазиатский (тюркский – *Б.Л.*) языковый регион характеризует целый ряд структурных особенностей, отличающих его от других тюркоязычных ареалов» [Гаджиева Н.З., 1975а. С. 98].

Обычно языковое взаимодействие – один из элементов целого комплекса этнокультурных контактов, как правило, имеющих экономическую базу. Существовало несколько моделей такого взаимодействия, отличающихся в городах и в сельских местностях [О них см.: Гафуров Б.Г., Литвинский Б.А., 1976].

Изучение культуры (духовной и материальной) древнего, средневекового и нового времени всей Средней Азии, процессов формирования культур отдельных народов и их взаимодействий необычайно важно для исследования процессов этногенеза и этнической истории. К сожалению, охарактеризовать даже основные закономерности, в силу ограниченности места, невозможно. Отметим, что наиболее этнически «окрашенной» и даже определенной является литература, включая, разумеется, фольклор, некоторые другие появления духовной и материальной культуры.

Наблюдаются значительные диффузионные явления не только в области жизни, но и в области культуры, явления культурной интерференции. При этом, как это установлено лингвистами в отношении языковых союзов, наряду с изоглоссами, связующими воедино весь ареал, есть изоглоссы, простирающиеся лишь в той или иной его части. Так, и в среднеазиатском ареальном континууме ареальные явления представляют довольно пеструю, на

первый взгляд, картину в виде то сгущающихся, то разрежающихся пучков изопрагм.

Приведем несколько примеров из области этнографии. В киргизском орнаменте есть много элементов и комплексов, восходящих к орнаменту оседлых народов Средней Азии и роднящие его с ним. Вместе с тем, киргизский орнамент во многом близок казахскому. Материальная культура киргизов также близка казахской (особенно у киргизов Северной Киргизии), а также каракалпакской и культуре кочевых узбеков. Выявлены соответствия обуви и женских налобных повязок киргизов и горных таджиков и т.д.

Целая группа ташкентских сузани имеет много общего с произведениями такого крупного центра народного искусства Таджикистана, как Ура-Тюбе.

В области брачного обряда народов Средней Азии можно выделить два субареала: I. Казахи, киргизы, каракалпаки, полукочевые узбеки; II. Таджики и оседлые узбеки. Особое место занимает туркменская свадьба, где, наряду со своеобразием, заметно смешение двух вышеназванных комплексов. Но и первый, и второй комплекс также имеют общие элементы. Так, например, в ритуале и терминологии бухарско-таджикской свадьбы прослеживаются узбекские элементы.

В отношении верований можно говорить о практически едином среднеазиатском пандемониуме.

Е.Д.Поливанов отметил, что «... вскрывая весь целиком материальный быт и народное литературное творчество узбеков, мы найдем картину, говорящую именно в пользу иранской (т.е. таджикской – *Б.Л.*) этнографической подпочвы у данного турецкого народа». Факты иранско-тюркской «... гибридизации мы будем встречать на каждом шагу – во всем, что составляет жизнь оседлого узбека...» Об этом же свидетельствует топонимика и узбекская демонология [Поливанов Е.Д., 1926. С. 26]. Перечень таких межэтнических сходств можно было бы продолжать бесконечно. Существенно важно то, что речь идет не только об изолированных явлениях, но и о целых пучках их и даже о пластах культуры. Чрезвычайно актуально создание монографии (или даже монографий), обобщающих и анализирующих этот материал.

Во взаимодействии языков, помимо чисто лингвистических закономерностей, большую роль играли экстралингвистические

факторы: географические (яркий пример дифференциаций, усилившихся природными факторами – языки населения Западного Памира) и социально-политические (границы государственных образований, престижность языка господствующего слоя, различие религий и т.д.) [Эдельман Д.И., 1968. С. 63-66].

При рассмотрении же вопросов этногенеза внеэтнические факторы также играют исключительно важную роль, ибо течение процесса зависит от взаимодействия этнических и внеэтнических факторов [Бромлей Ю.В., 1973. С. 35-46], как общественных, так и природно-экологических.

Сам характер слабо-коммуникативного феодального общества являлся препятствием для образования общей культуры вне узких локальных пределов и ограниченных этнических массивов, хотя эти узкие рамки феодальной культуры, как суммы целой серии частных субкультур, имели тенденцию разрушаться. Процессы этнической консолидации и интеграции, как имманентные, так и ускоряемые (замедляемые) внеэтническими факторами, оставались, вплоть до нового времени, незавершенными даже в рамках одного народа. Все это взаимодействовало с процессами этнокультурной и языковой интерференции, что еще больше осложнило ход и результаты этнических процессов.

В существующих исследованиях применительно к народам Средней Азии распространена формула: «завершение образования (или сложения, формирования) такого-то народа произошло...» и далее называется очень узкий временной интервал. Такая постановка проблемы представляется сейчас некорректной. Следует говорить скорее о длительном, растянувшемся на многие столетия, процессе становления, так сказать кристаллизации этнических организмов, которые вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции продолжали свое формирование. Совершенно ясно, что грань между «этногенезом» и «этнической историей» в Средней Азии и Казахстане очень зыбкая и условная. Появление этнонима чрезвычайно важно, но оно говорит лишь о первых проявлениях этнического самосознания. Вероятно, этим временем следует завершить этап этногенеза. Но затем начинается самое сложное и малоисследованное – этническая история. В ее процессе содержание, вкладывавшееся в этноним, могло меняться, даже сильно трансформироваться. Так, например, смысл терминов «таджик» и «узбек» (как и других средне-

азиатских этнонимов) не оставался неизменным. Они отнюдь не всегда имели исключительно этническое значение. Осознание своей принадлежности к одному из народов нередко было более слабым (или даже несравненно более слабым), чем более четкое и определенное чувство принадлежности к какой-то территориальной или родоплеменной группе. Кроме того, параллельно существовали, видоизменяясь, разные термин: параллельно с терминами «таджик» [Бартольд В.В., 1963. С. 455-457; Лившиц В.А., 1962. С. 87-88; Schaeder Н.Н., 1941] и «узбек» существовали термины «тат» [Люшкевич Ф.Д., 1971] и «сарт». Приходится констатировать, что письменные и этнографические материалы, характеризующие эти этнонимы в их реальном хронологическом и региональном контексте, практически еще не разработаны.

Охарактеризованная выше картина, существовавшая даже в новое время, отражает «размытость» и неопределенность этнического самосознания [Сухарева О.А., 1966. С. 113-181; Люшкевич Ф.Д., 1975 и др.] с его разными иерархическими уровнями, противоречивость происходящих в регионе этнических процессов.

Из всего сказанного выше вытекает, сколь много предстоит сделать в области изучения этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана.

Литература

- Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы М., 1965.
 Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. М., 1989.
 Алексеев В.П. Этногенез. М., 1986.
 Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология Азиатской части СССР. М., 1984.
 Аскарлов А.А. Некоторые аспекты изучения этногенеза и этнической истории узбекского народа // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1980.
 Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М., 1965.
 Бартольд В.В. Таджики. // Соч. Т. II 4.1. М., 1963.
 Боровков А.К. Вопросы классификации узбекских говоров // Известия АН Уз.ССР. 1953. № 5
 Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973.
 Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981.
 Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
 Гаджиева Н.З. Задачи и методы тюркской ареальной лингвистики // Вопросы языкознания. 1975. № 1.

- Гаджиева Н.З. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. Среднеазиатский ареал. М., 1975а.
- Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.
- Гафуров Б.Г., Литвинский Б.А. Узловые проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана (теоретический аспект). Тезисы. М., 1976.
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972
- История Узбекской ССР. Т. I. Ташкент, 1967.
- Козлов В.И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // СЭ. 1974. № 2.
- Крюков М.В. Эволюция этнического самосознания и проблемы этногенеза // Расы и народы. Вып. 6. М., 1976.
- Лившиц В.А. Правители Панча (Согдийцы и тюрки) // Народы Азии и Африки. 1979. № 4.
- Лившиц В.А. Юридические документы и письма. (Согдийские документы с горы Муг, II). Чтение, перевод и комментарии В.А. Лившица. М., 1962.
- Люшкевич Ф.Д. Термин «тат» как этноним в Средней Азии, Иране и Закавказье // СЭ. 1971. № 3.
- Люшкевич Ф.Д. Этнографические особенности таджикского населения Бухарского оазиса (конец XIX – начало XX вв.). Автореф. канд. дисс. Л., 1975.
- Мандельштам А.М. О некоторых вопросах сложения таджикской народности в среднеазиатском междуречье // СА. XX. М., 1954.
- Поливанов Е.Д. Этнографическая характеристика узбеков. Вып.1. Происхождение и наименование узбеков. Ташкент, 1926.
- Поливанов Е.Д. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. Ташкент, 1932.
- Поливанов Е.Д. Материалы по грамматике узбекского языка. Вып.1. Введение. Ташкент, 1935.
- Расторгуева В.С. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров. М., 1964.
- Решетов В.В. Изучение узбекских народных говоров. // Материалы по узбекской диалектологии. I. Ташкент, 1957.
- Решетов В.А. Узбекский язык // Языки народов СССР. Т.II. Тюркские языки. М., 1966.
- Семенов А.А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шибани-хана // Труды ИИАЭ. Т. XII. 1954.
- Современные этнические процессы в СССР. М., 1975.
- Сухарева О.А. Бухара. XIX – XX вв. (Поздний феодальный город и его население). М., 1966.
- Ходжайов Т.К. Материалы к антропологии средневекового населения Киргизии // ВА. Вып. 53. М., 1976.
- Ходжайов Т.К. Этнические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья (антропологические исследования). Ташкент, 1987.
- Чвырь Л.А. Уйгуры Восточного Туркменстана и соседние народы в конце XIX – начале XX вв. 1990.

- Чебоксаров Н.Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // СЭ. 1976. № 4.
- Шоабдурахманов Ш. Узбек диалектологияси. Ташкент. 1962.
- Шоабдурахманов Ш. Узбекский литературный язык и узбекские народные говоры. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1963.
- Щербак А.М. Грамматика староузбекского языка. М.-Л., 1962.
- Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1976.
- Эдельман Д.И. Основные вопросы лингвистической географии. На материале индоиранских языков. М., 1968.
- Якобсон Р.О. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963.
- Якубовский А.Ю. К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент. 1941.
- Doerfer G. Türkische Lehnwörter im Tadschikischen. Wiesbaden. 1967 (Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes. XXXVII/3).
- Schaefer H.H. Türkische Namen der Iranier // Die Welt des Islam (Sonderband). Berlin, 1941.

В.И. Сарияниди

РАННИЙ ЗОРОАСТРИЗМ В ПУСТЫНЕ КАРАКУМ

В юго-восточной части Туркмении более 100 лет тому назад русским археологам удалось впервые открыть дотолее неизвестную древнюю страну, которая в древности называлась Маргуш, как об этом свидетельствует Бехистунская клинописная надпись Дария I, выбитая на скале в Иране.

Общеизвестно, что во второй половине III тыс. до н.э. Ближний Восток был охвачен глобальным ксеротермическим кризисом (или иначе – жесточайшей засухой), в результате которого земледельцы и скотоводы были вынуждены покинуть веками насиженные места обитания и направиться на поиски новой родины. Поскольку древняя Месопотамия и Малая Азия оказались перенаселенными, оставался свободным только один путь, ведущий на восток, в сторону древнего Ирана. Поэтому, перевалив горные кряжи Загросских гор, невольные эмигранты из Малой Азии и древней Сирии, сначала пересекли территорию современного Ирана, а затем попали в Туркменистан. Эти племена несли с собой не только свой личный скраб, но и свои верования и ритуалы, свои мифы и сказания, свои отличные от местных погребальные обряды, свои архитектурные приемы, высочайшее для своего времени ремесло, глиптику и сфрагистику. Многие до удивления близко напоминают такое же, распространенное в Восточном Средиземноморье, частично в Месопотамии, вплоть до древнего Ирана.

Перевалив горы Копетдага и попав в подгорную полосу современного Туркменистана, пришельцы оказались в настоящем раю с бесчисленными ручьями, стекавшими с гор. Основывая здесь новые поселения, пришедшие племена попали в родственную для них среду древних земледельцев и скотоводов. Но настало время, когда и здесь, в предгорьях Копетдага все земли оказались занятыми. Поэтому уже ставшие местными, древние земледельцы и скотоводы вынуждены были двигаться еще далее на восток. Так они, в последних веках III тыс. до н.э. достигли долины и дельтовой части р. Мургаб, где в незаселенных тогда благодатных краях

они и основали страну, которая когда-то, судя по Авесте, называлась Моуру. В ахеменидское время это название страны трансформировалось в Маргуш, в античный период – в Маргиану, в средневековье – в Мерв, а в настоящее время в Мары.

Современные археологические раскопки открыли здесь, среди песков и барханов огромные, монументальные дворцы и храмы, резиденции царей и царственных фамилии, которые до удивления близко напоминают дворцы и храмы Алааллаха, Угарита и Мари в древней Сирии (Сарияниди, 1990, 2002).

Особо показателен полностью раскопанный памятник Гонур Депе (рис. 1), центром которого является дворец, расположенный в укрепленном кремле, с боевыми башнями и стреловидными бойницами (Сарияниди, 2000). Перед дворцом располагается своеобразная небольшая «дворцовая площадь», под которой строители дворца соорудили своеобразную дренажную систему, состоящую из вставленных друг в друга гончарных труб для вывода накопившихся сточных и особенно дождевых вод. Двойной проход из главного портала ведет в двойной аудиенц-зал. Причем если первый из них ничем не украшен, то интерьер второго зала декорирован так называемыми «слепыми окнами», боковые стороны которых имеют зубчатое оформление. Точно такие же «слепые окна» были встречены в соседней Бактрии в Храме Дашлы-3, в пом. 50 (Сарияниди, 2009, рис. 15, 16). Они, бесспорно, имели ритуальное назначение. Подобные «слепые окна», но относящиеся к IV тыс. до н.э., были встречены в иранском Годин Тепе, откуда они затем распространились вместе с пришлыми племенами вплоть до Бактрии и Маргианы.

Во дворце располагалась царская резиденция, где проживал сам царь и вся его семья. Показателен также «царский некрополь» Гонура (Дубова, 2004; Сарияниди, 2006, 2007), гробницы которого украшены внутри цветной мозаикой в виде борющихся между собой разъяренных крылатых львов, рогатых козлов и фантастических чудищ преследующих их, нападающих на них змеиных драконов. Особенно эффектен ярко красочный фриз в виде орлов, изображенных в геральдической позе, с широко распростертыми крыльями и гордо повернутой в сторону головой. И это все было сделано маргушскими мастерами в то время, когда в Передней Азии и Месопотамии, хотя и была известна цветная мозаика, но исключительно в виде простых геометрических узо-

ров и орнаментов. Особенно высокий талант проявили местные умельцы при изображении людей, особенно женщин, со сложной, порой замысловатой прической на голове и длинным носом, передающих через прошедшие тысячелетия, внешний облик людей того времени живших в древней Маргиане (Дубова, 2006; Dubova, 2006).

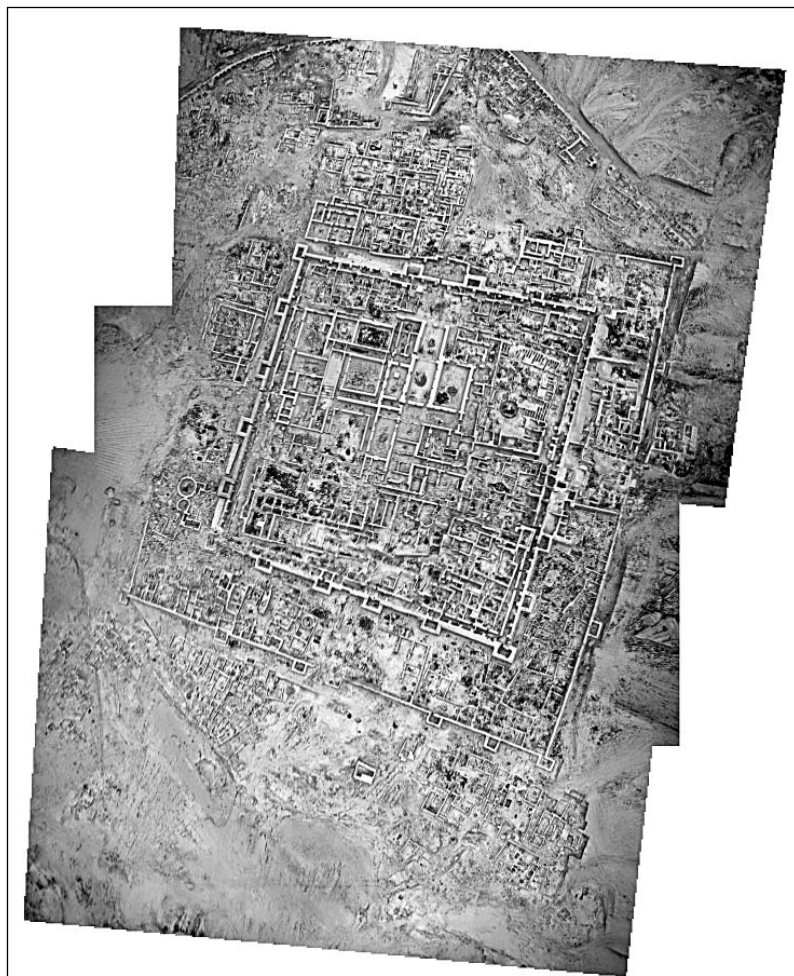

Рис. 1. Аэрофото центрального комплекса Гонур Депе, 2009 г.

Исключительно высокого уровня изобразительного искусства достигли маргушские мастера-камнерезы, изготавливая каменные статуэтки, в виде сидящих матрон, со спокойно сложенными на коленях руками. У таких статуэток тела, одетые в свободные, просторные одежды типа каунакес, а нередко и прически, всегда выточены из мягкого, легко поддающегося обработке стеатитового камня, в то время как отдельно изготовленные головы и руки вырезаны из белоснежного мрамора. Но особенно знамениты маргушские мастера изготовлением печатей и амулетов из разных пород камня (Sarianidi, 1998). На лицевой стороне подобных печатей и амулетов имеются гравированные изображения то в виде птиц и животных, то насекомых и рептилий, то двугорбых верблюдов, то орлов, показанных в геральдической позе с широко распростертыми крыльями и гордо повернутой в сторону хищной головой. Многие такие печати и амулеты проникнуты одной, генеральной идеей: борьбой между собой змей, символизирующих силы Добра, и драконов, олицетворяющих вселенское Зло (Сарияниди, 1986а). Очевидно, древние маргушцы считали, что от результатов такой борьбы, в конечном счете, зависит судьба всего известного им человечества. При археологических раскопках встречены были печати и амулеты, имеющие на лицевой поверхности целые повествовательные композиции. Это и коленапреклоненный человек, борющийся с парой змеиных драконов, и охотник, несущий на плечах пару поверженных длиннорогих козлов-архаров, и божества с птичьими головами, спокойно восседающие на тронах, и крылатые, коленапреклоненные люди с птичьими головами...

Рядом с дворцом Гонура располагается бесспорный Храм Огня (Сарияниди, 1989, 1989а) с четырьмя прямоугольными алтарями, в которых горел «Вечный Огонь», свидетельствуя о существовании у маргушцев «культа Огня». Когда первый, и самый ранний Храм совсем обветшал, на его руинах был построен второй, а потом и третий Храм Огня со своими круглыми или прямоугольными алтарями. Особенно интересен второй Храм со стоящим в стороне святилищем имеющим пять «слепых окон». Как оказалось, дворец и Храм Огня были заключены в своеобразное каре оборонительных стен, которые усилены боевыми башнями по всему периметру. Это каре составляло первую линию обороны от возможного нападения врагов.

При археологических раскопках Гонура, кроме монументального дворца и расположенного рядом Храма Огня, было раскопано и несколько других Храмов, указывающих на существование других культов: Храм Воды, который свидетельствует о бытовании культа Воды у маргушцев; Храма Жертвоприношений с огромным

числом культовых двухкамерных, в которых готовилось мясо для жертвоприношений. Для того чтобы огонь не касался напрямую приготовленного в духовке кровавого (и потому греховного, нечистого) мяса пространство внутри печи было разделено невысокой перегородкой на две части (рис. 2). Одна из них была «топкой» и всегда заполнена сгоревшим углем, а вторая своеобразной «духовкой» куда помещалось само приготовляемое жертвенное мясо. «Домом Песнопений» условно названо было большое, явно общественное здание, в котором могли проходить религиозные моления, сопровождавшиеся пением гимнов, проходившие под руководством жрецов.

Культ огня

Кроме Храма Огня о бытовании поклонения огню свидетельствует наличие на памятниках Маргианы круглых алтарей. Так, на западном фасае Гонура, между кремлевской стеной и стеной каре располагается алтарь около 7 м в диаметре, хотя и без перекрытия, но с культовой печью, устроенной в стене. Здесь, кроме того, была найдена каменная, выточенной из прозрачного оникса, чаша. Когда этот алтарь обветшал и пришел в негодность, рядом был выстроен второй, но меньший (диаметром около 5 м). Судя по всему, основные ритуальные церемонии проходили внутри этих ранних алтарей. Еще один такой же круглый алтарь (диаметром около 4 м) был раскопан с другой южной стороны гонурского дворца, который сохранил изнутри следы сильного обожжения от переносных светильников или жертвенников (Сарияниди, 2008). Самый круп-

Рис. 2. Двухкамерная ритуальная печь.
Гонур Деде, раскоп 7, пом. 88.

ный подобный алтарь раскопан на западном фасае Гонура за пределами стены каре. Он достигает диаметра 11 м. Рядом с этим сооружением имеется обширная прямоугольная комната с культовой печью, а также модель «комплекса келий», которые безусловно имеют культовое назначение. Неподалеку от них найден еще один полуразрушенный круглый алтарь, «погибший» в огне сильного пожара, что подтверждает сильнейшее (до красна) прокаливание не только стен, но и полов комнаты, а также двух культовых двухкамерных печей, стоящих рядом друг с другом.

Все вышепересмотренные алтари, также как и подобные им на другом известном памятнике Маргианы – Тоголок 21 (Sarianidi, 1990a и др.), являются алтарями Огня. Причем тот, что имеет диаметр 11 м, в значительной степени напоминает центральную часть «круглого Храма» Дашлы-3 в северном Афганистане (Сарияниди, 1977, с. 34, рис. 11). Все эти алтари и в Афганистане, и в Туркмении, безусловно связаны с культом Огня. Еще одним документальным доказательством этому служат так называемые «хранилища священной золы» – своеобразные кирпичные контейнеры, располагающиеся рядом с алтарями, куда ссыпалась тщательно отсортированная по цвету от белого до серого зола из вышеупомянутых алтарей.

«Киоск». При раскопках на территории к северо-западу от гонурского дворца был найден небольшой микрокомплекс, состоящий из нескольких помещений, связанных между собой общими проходами. Центральным, безусловно, было пом. № 115, которое представляет собой довольно обширную прямоугольную комнату, стены которой тщательно обмазаны глиняной, тонко отмученной штукатуркой. Характерная особенность этой комнаты – наличие десяти «слепых окон» (Сарияниди, 2005, с. 116), а также устройство в центре ее четырех угловых «устоев», между которыми располагаются широкие, но невысокие «пороги». В центре порогов вкопаны деревянные столбы, на которых, по-видимому, ранее держалось отдельное, не совпадающее с крышей перекрытие. Пока подобные помещения на Ближнем Востоке практически нигде неизвестны. Единственная возможная аналогия – это пом. XXIII в Мохенджодаро, которое вопреки Маршаллу два индийских археолога Дхваликар и Арте вполне убедительно определяют как Храм Огня (Dhavalikar and Arte, 1989, P. 196).

Культ земли

У маргушцев существовал и культ Земли, доказательством чего является стремление оградить эту «чистую субстанцию» от загрязнения. И весьма важным подтверждением этого тезиса являются маргианские *погребальные обряды*. Раскопки «главного некрополя Гонура» с бесспорностью свидетельствуют, что маргушцам была присуща поливариантность погребального обряда. У них существовали шахтные (подбойные) погребения (85,1%), ямные (около 11%), ямные обожженные могилы (5,8%), кирпичные (наземные) цисты (2,1%) и камерные гробницы (1,9%). Наряду с этим, царские лица практиковали коллективный обряд захоронений родичей в гробницах, представляющих собой модели домов, которые, по мнению М. Гимбутас, были чрезвычайно характерны именно для арийских, индоиранских племен (Сариниди, 2001, с. 15) и прямо напоминающих аналогичные, расположенные по среднему течению реки Евфрат в Месопотамии (могильник Талл-и-Туттулл – Strommenger, Kohlmeier, 1998). На «главном некрополе Гонура» было встречено и раскопано около 50 таких гробниц, где имелись «спальни» с лежанками, столами и стенными шкафами, нередко «забитыми» столовой посудой. Хотя большинство таких гробниц было ограблено в древности, есть все основания предполагать, что первоначально они имели богатые погребальные приношения и личные украшения. Важно подчеркнуть, что в большинстве таких гробниц была найдена лишь одна «костяная пыль» от тщательно убранных в какое-то другое место костных останков. Думается, это могли быть «временные» могилы, упоминаемые в Авесте. О таких обрядах В.Ю. Крюкова пишет: «Тело оставляли во “временной могиле”, которая представляла собой... камеру» (Крюкова, 2005).

Маргушцы стремились до минимума свести контакты между мертвым телом и «чистой стихией» Землей. Поэтому, например, умерших, имевших какие либо физические или психические недостатки, хоронили в специальных ямах, которые изнутри были обожжены докрасна (Бабаков и др., 2001; Дубова, 2005; Dubova, Rykushina, 2007). Обычных умерших помещали в могильной яме на небольшом возвышении, на слое песка, золы, иногда на сырцовых кирпичах. В этом отношении В. Крюкова справедливо замечает: страх перед смертью и трупной скверной буквально пронизывает всю зороастрийскую религию. В сравнительно более позднее

время для сохранения ритуальной чистоты Земли стали использовать оссуарии (или костехранилища), которые служат в этом отношении классическим примером (Крюкова, 2005, с. 241-245).

Покойников, относящихся к царской фамилии, маргушцы хоронили в кирпичных камерах, частично открытых сверху для свободного проникновения внутрь специально обученных собак и птиц-грифов. Эти животные и птицы очищали скелеты умерших от мягких тканей, и только после этого останки помещались в землю, т.е. контакт между землей и «нечистыми» останками начисто исключался. Такую гробницу археологи обнаружили на территории царской резиденции в одной из дворцовых камер, внутри которой находились останки 10 человек разного возраста в самом хаотическом состоянии. Последний по времени захоронения покойник был в ненарушенном состоянии помещен около входа в камеру. Останки захороненных ранее были сдвинуты в сторону для освобождения места для вновь умершего. Таким образом, судя по всему, у правящей маргианской элиты существовал коллективный обряд захоронений в дахме.

Пави. В теменосе Гонура и особенно в Храме Тоголок-21 рядом с прямоугольными алтарями были найдены парные прямоугольные кирпичные «выкладки», открытые сверху, т.е. не имевшие перекрытий. Такие конструкции близко напоминают так называемые «чистые места» у зороастрийцев (Воусе, 1982), на которых, по поверью индоиранцев, незримо восседают Боги, в честь которых и горели алтари.

Культ воды

Одним из доказательств существования Культа Воды у жителей Маргианы служат несколько бассейнов, расположенных на всех фасах центральной части Гонура. Общеизвестно, что культовые очищения для зороастрийцев – нравственный долг. Не совершив утреннего омовения с головы до ног и жертвоприношений, а также не помолившись огню и воде, они не приступали к своим ежедневным делам. Два огромных водоема устроены в южной части Гонура. «Большой Бассейн» был длиной около 200 м и шириной около 100 м. Второй, меньших размеров бассейн служил для приготовления жертвоприношений, для чего требовалась чистая, прозрачная вода. Для этого набожные маргушцы устроили специальный желоб, по которому вода из Большого бассейна

попадала в «фильтр», где отстаивалась и уже очищенной вытекала в малый бассейн, откуда ее брали для приготовления жертвенной пищи.

Имелись на Гонуре и значительно более мелкие *очистительные бассейны для омовений*. Они устраивались около больших, незастроенных *площадей общественных трапез* (см. ниже). К таким бассейнам снаружи, из-за внешней обводной стены, со стороны такыров, тянутся длинные канавы, доставлявшие дождевую воду. Показательно, что в северной части Гонура такие канавы были устроены с самого основания города на этом месте. Сооружались такие канавы и в самый последний период обитания на Гонуре. Дождевая вода поступала внутрь города самотеком, посредством устройства гончарных труб (кобуров), уложенных в основание «обводной стены».

«Площади общественных трапез»

Археологические работы на Гонуре выявили несколько огромных, абсолютно ничем незастроенных площадей, достигающих 10 000 м² – так называемых «площадей общественных трапез». Площади представляют собой ровные открытые «площадки» без каких либо построек внутри. Все они перекрыты сплошной черной золой, которая начинается от самого материка и продолжается до дневной поверхности. Как оказалось, вся эта толща состоит из чередующихся слоев черной пережженной золы и чистого, предположительно речного песка. Думается, горелые слои, оставшиеся после больших общественных собраний – «общественных трапез» – специально послойно засыпались чистым песком, чтобы предотвратить гниение отходов с пищей и растаскивания их по всему поселению животными. Такая ситуация документально засвидетельствована во много более поздних кумранских рукописях Мертвого моря, где также существовали подобного рода трапезы. Рядом с «площадями» всегда находятся бассейны, где, вероятно, производились очистительные омовения перед такими трапезами. Возможно, на таких площадях проходили празднества в честь семи главных праздников, существовавших у ранних зороастрийцев, которые в Иране назывались *ида*, а в древней Индии – *иза*.

Здесь надо сказать, что главный праздник, который у зороастрийцев называется *Науруз* (по-персидски – Новый день), как

считала М. Бойс, «отмечается в первый день нового года, то есть во время весеннего равноденствия, и как бы ежегодно предвещает “Новый день”. Именно поэтому он празднуется очень радостно, со множеством красивых обрядов, символизирующих обновление и блаженство». И далее: «В связи этим священнойшим из празднеств развилась целая череда из шести других..., так что возникло семь празднеств в честь семи творений» (Бойс, 2003, с. 61).

Весьма показательно, что на «царском некрополе» Гонура весной 2009 г. была обнаружена и раскопана гробница № 3900, где было погребено именно семь молодых юношей, семь убитых собак (причем восьмая, также явно убитая, была захоронена в специальной могиле, устроенной у верхнего края этого мавзолея). Кроме того, в гробнице находился медно-бронзовый «символ», состоявший из закрепленных друг на друге семи шаров (рис. 3), что вместе с четырехколесной повозкой и огромным медным котлом (куда помещалось около 200 л жидкой пищи) и медной «совковой лопатой» составляло своего рода «погребальный инвентарь» этой гробницы. Вышеупомянутый медный котел на удивление близко напоминает точно такие же по форме, но много меньших размеров «котлы», известные в «царских гробницах» Ура в Месопотамии (Woolley, 1934), откуда они, скорее всего, вместе с пришлыми племенами попали в дельту Мургаба. Хотя число «семь» является магическим и ритуальным и широко распространено у многих народов мира, думается, что такое число погребенных людей и собак, а также погребальных приношений в этой конкретной гробнице не случайно, а является глубоко символическим и показательным. Скорее всего, все вышеупомянутые находки этой гробницы составляют аксессуары, необходимые для празднования религиозного праздника

Рис. 3. Бронзовый предмет (сосуд?) из погребений 3900 «царского некрополя» Гонура.

наподобие Науруза и не являются случайными. Как отмечает М. Бойс по поводу празднования праздника Науруз: «...Каждая зороастрийская община отмечала этот праздник тем, что утром все прихожане присутствовали на праздничном богослужении..., а затем собирались на веселое угощение, где вместе ели пищу, благословленную во время богослужения. На празднество собирались и богатые, и бедные – это было время всеобщего благорасположения: прекращались раздоры, возобновлялись и укреплялись дружеские отношения (Бойс, 2003, с. 61).

С площадями общественных трапез связаны и *площадки для жертвенных животных*. Известно, что индоиранцы испытывали благоговейный страх и трепет, отнимая жизнь у животных. Они никогда не убивали животных без освященной молитвы, благодаря которой душа животного продолжала жить. В этом отношении очень интересны две небольшие «площадки», встреченные в Храмах Тоголок-1 и Тоголок 21, выложенные большими кусками битой керамики и даже кусками гончарного шлака, от которых далеко в сторону, понижаясь, отходят соответственно два желоба для стока крови. Эти «площадки» в обоих Храмах были построены не изначально, а много позднее, когда Храмы пришли в запустение. Судя по всему, это были специальные «площадки» для закалывания животных, которые первоначально располагались вне Храмов. Их конструкция и возможно планировка должны были быть направлены на то, чтобы воспрепятствовать прямому контакту между пролитой кровью животных и «чистой стихией» Землей. В Авесте прямо отмечается, что проливая непосредственно на землю кровь животных заключает в себе своего рода преступление против жертвы, и потому было необходимо совершить особые ритуалы (Боусе, 1982, р. 140). К сожалению, ни Авеста, ни Ригведа не сохранили сведений о том, какие точно части тела животных следовало приносить в жертву Богу. Зато такая информация имеется в рукописях Мертвого Моря, где говорится: «Они выберут для Бога (Яхве) в качестве жертвы от барана и агнцев правую ногу, грудь, челюсти, желудок и лопатку до верхней кости передней ноги» (Martinez, 1994, р. 158).

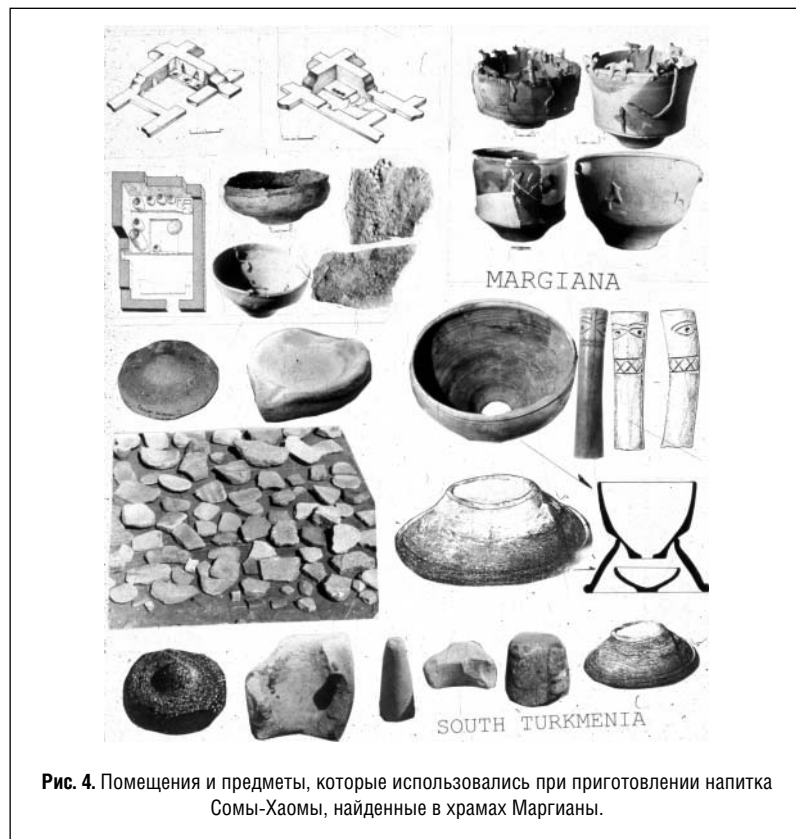
Вспомним, что такой крупный исследователь как М. Бойс предлагала называть зороастрийцев не только «огнепоклонниками», но и «водопоклонниками», что в свете маргианских находок представляется весьма важным.

Культ Сомы–Хаомы

Кроме основных культов (Огня, Воды и Земли) на Гонуре имелись и другие менее значительные культы, которые находят свое бесспорное продолжение у последующих зороастрийцев. Есть все основания предполагать, что большой популярностью у маргушцев пользовалось ритуальное питье, которое в Иране называется Хаома, а в Индии – Сома. Из пяти Храмов, раскопанных в Маргиане, четыре (северный и южный Гонур, Тоголок 1 и Тоголок-21) связаны с процессом изготовления этого тонизирующего питья. Для его изготовления употребляли сок алкалоидных растений, наподобие эфедры и конопли, из которых специальными давящими камнями выдавливали сок. Затем его смешивали с водой, ячменем и кислым молоком и оставляли бродить в течение большого срока. После того, как брожение заканчивалось, жидкость процеживали через специальное сито и очищали от сухих обломков стеблей, и культовое питье для жрецов было готово. Все инструменты, необходимые для приготовления подобного напитка, были встречены в раскопанных Храмах Сомы-Хаомы в Маргиане (рис. 4).

Для разливания сока существовали специальные *культовые сосуды* со скульптурными фризами по венчику. Такие культовые сосуды известны еще только в Эгейско-Малоазийском регионе, откуда они могли вместе с пришельцами попасть в Бактрию и Маргиану. Приведенные данные со всей убедительностью свидетельствуют, что пришлые в Бактрию и бассейн древней дельты Мургаба племена и были теми ранними зороастрийцами, которых так долго искали лингвисты и историки религии в разных частях мира.

Среди культовых сосудов Бактрии и особенно Маргианы выделяются сосуды средних размеров, в которых после своего изготовления сливался готовый сок типа Сома-хаома. Такие сосуды встречены были особенно в большом количестве в раскопанных храмах Сомы-Хаомы и вместе с тем ни одного не было встречено в гонурском дворце. Как правило, эти культовые сосуды имеют прямые стенки и резко подкошенные поддоны. На их венчиках имеются маленькие наклепные скульптурные фризы, состоящие из фигурок домашних животных (верблюды, бараны, козлы, коровы, быки, а так же птицы и люди). В Храме Тоголок-1 был встречен один такой целый сосуд, внутри которого находилось

несколько миниатюрных сосудинок (рис. 5). В его скульптурном фризе выделяются стоящие рядом мужской и женский персонажи. Причем женщина показана в явно униженной позе с опущенной вниз головой и заведенными за спину руками, а мужчина изображен с младенцем на груди. Обе они до удивления близко напоминают один миф из Ригведы, в котором говорится о том, что отец ребенка (бог грома) забирает у жены против ее воли их общего ребенка и возносит его на небо, чтобы сделать его богом. Показательно, что из Бактрии происходит другой культовый сосуд, где мужчина с заткнутым за кушак топором (бог грома?) находится в противоборствующей позиции с рядом находящейся женщиной. Наконец, в Храме Тоголок-21 был

найден закопанный в землю небольшой сосуд типа кринки, внутри которого находились две глиняные фигурки – женская с заведенными за спину руками и явно мужская с младенцем в объятиях (Сарияниди, 2008, рис. 18, 19).

Второй тип культовых сосудов представлен аналогичной формы сосуда, но без скульптурного фриза по венчику, а с трубчатыми носиками, оформленными в виде рогатой головы быка, удивительно близко напоминающие малоазийские котлы. Как правило, тулова таких сосудов имеют процарапанный рисунок дерева, по обеим сторонам которого помещены две наклепные фигурки козлов, иногда изображенные стоящими на задних ногах. Важно подчеркнуть, что почти вся керамика Маргианы не орнаментирована, а такие изображения являются единственными на сосудах Гонура.

Саки-хаомаварга. В ахеменидских надписях саками называются все кочевники скифы, которые по-гречески еще называются скифами амюргийскими. Как это показали акад. В.В. Струве и М.А. Дандамаев, эта группа проживала на востоке Средней Азии. Заметное фонетическое сходство между их именем и названием реки указывает на то, что они обитали неподалеку от реки Мургаб. Судя по всему, они обитали и в древней дельте Мургаба (отдельные позднекочевнические стоянки, встреченные в окрестностях Гонура, относятся никак не ранее, чем к середине II тыс. до н.э. – см., например: Hiebert, Moore, 2004) и находились в достаточно тесных контактах с маргушцами. Доказательством тому служит лепная (а не изготовленная на гончарном круге), часто валиковая керамика, встреченная в теменосе Гонура (Сарияниди, 1989а, рис. 11). В одном из помещений, на полу «башенного комплекса» теменоса находился почти целый пифос, три каменные терки, половинка «миниатюрной колонки», костяная трубочка для питья культового сока типа Сомы-Хаома с выгравированным лицевым изображением и ря-

Рис. 5. Культовый керамический сосуд из храма Тоголок 1.

дом, также на полу, – совершенно целый лепной сосуд андроновского типа (подробнее см.: Сарияниди, 1990).

Кроме свидетельств бытования у древних маргушцев культов «чистых стихий» Огня, Воды и Земли, есть *другие разнообразные свидетельства* того, что зороастрийские ритуалы могли сформироваться на основе их воззрений.

ВАРА. Упоминаемая в Авесте Вара (поселение, усадьба) традиционно считалась четырехугольным поселением, пока проф. Б. Брентъес и К. Йеттмар независимо друг от друга не пришли к выводу, что Вара в действительности была круглой. Это мнение подтвердило и новое прочтение данных Авесты акад. И.М. Стеблин-Каменским (Steblyn-Kamensky, 1995, p. 307-310). Оказалось, что Вара в действительности была круглым в плане сооружением с тремя кольцевыми стенами. Первая стена имела девять проходов, средняя – шесть, а последняя – три. Это описание до удивления близко напоминает устройство бактрийского Храма Дашлы-3, где внутренняя стена имеет только три прохода (Сарияниди, 1977, рис. 11). Проф. Дж. Туччи высказал мнение, что другое здание, расположенное рядом с Храмом Дашлы-3, имеющее Т-образные коридоры по всем четырем фасадам, чрезвычайно близко напоминает древнеиндийскую мандалу, где проходила коронация индо-иранских правителей. Наконец, в той же Южной Бактрии был обнаружен и раскопан небольшой храм Кутлуг Тепе, относящийся к раннеакхеменидскому (возможно, мидийскому) времени, общий план которого близко совпадает с круглым храмом Дашлы-3, свидетельствуя о тысячелетней преемственности традиций развития культовой архитектуры Бактрии.

Глиптика и сфрагистика Бактрии и Маргианы

В самом начале данной статьи я уже останавливался на одном из важных мифологических сюжетов на каменных амулетах и медных печатях Маргианы. Но они, бесспорно, намного более многообразны и занимают очень важное место в системе искусства всей Передней Азии, и особенно Бактрии и Маргианы. Как на амулетах, так и на печатях, происходящих из этих двух исторических областей, нередко изображены различные животные, часто обычные змеи, которые борются со змеиными драконами за право обладания жизненной силой, заключенной в мирных животных. На таких композициях мирные змеи или наоборот

злые драконы изображены с головами всегда тянущимся к задним ногам птиц и животных, обладающих «жизненной силой». По удачному выражению проф. П. Амье, все такие сюжеты являются ярким выражением «фаллического символизма»: борьбой за право обладания «живительной силой», т.е. за право продолжения жизни на земле. Змеиные драконы обычно изображаются с широко раскрытыми зубастыми пастьми, зло вытаращенными глазами, с рогом на носу и бородкой, которые ведут бескомпромиссную борьбу с противостоящими им драконами. Их взаимная бескомпромиссная борьба, как уже отмечалось, олицетворяет генеральную идею борьбы между собой сил Добра и Зла, что является, кроме того, основополагающей дуалистической концепцией зороастрийской философии.

Среди маргианских каменных цилиндров выделяется один с Тоголок-21, где на втором плане изображен антропоморфный персонаж, держащий в руках булаву или своеобразный скипетр с несколькими шарами, которые часто встречаются в сирохеттской традиции. Все персонажи тоголокского цилиндра имеют обезьяньи головы, что представляет собой также характерную черту искусства этой области древнего мира. Необходимо подчеркнуть, что «жезлы с шарами» (Порада, Франкфорт), безусловно, являются миттаннийскими эмблемами, а немецкий ученый Б. Брентъес высказал вполне вероятную мысль о связи «бактрийских бронз» с миттаннийским стилем. В этой связи необходимо отметить, что в сиро-миттаннийской глиптике весьма широко распространена композиция, с однотипной рисунком, в виде центрального дерева (Мировое Дерево), по бокам которого стоят пара козлов (Schaeffer-Forrer, 1983, P.L XXV1, XXXIV, N 12, 14, 15; Contenau, 1922, PL.XXX, N 201, 205. PL. XXXIV N 240, 241, XXXVII). Сходство настолько близкое, что не оставляет никакого сомнения в близости маргианской печати, а также упоминавшихся изображений на культовых сосудах к аналогичным миттаннийским сюжетам.

Среди сирохеттских композиций выделяются также изображения коленопреклоненных фигур, одно колено которых всегда согнуто и выставлено вверх (Schaeffer-Forrer, 1983. PL XXXI, i, k, m). Такого рода сюжеты имеются и в Маргиане. К сказанному следует добавить антропоморфные изображения с крыльями вместо рук в окружении птиц и животных, составляющих бак-

трийско-маргианский пантеон и, вместе с тем, напоминающие сиро-анатолийские божества.

Кэрэсаспа. Среди Бактрийско-Маргианских печатей и амулетов выделяется небольшая группа с изображением «величайшего героя Авесты» Кэрэсасы, которого М.Бойс характеризует следующими словами: «у него торчащие, изогнутые волосы, свирепый звериный вид» (Боусе, 1982, р. 97). На единичных бактрийских и маргианских печатях и амулетах имеются однотипные изображения Кэрэсасы где он показан с разделенными на две изогнутые пряди волосами, имеет длинные бакенбарды и зло вытаращенные глаза. Тот факт, что такие изображения Кэрэсасы имеются как в Бактрии так и в Маргиане, указывает на распространение древних сказаний о нем в обеих этих исторических областях. Он прославляется в Авесте, как герой, который побеждает многочисленных врагов рода человеческого,

Мраморная головка быка. Во время раскопок Храма Тоголок-21, на полу пом. 32 была найдена мраморная головка быка с несохранившимися рогами, изготовленными предположительно из другого материала: лазурита, сердолика или из золота. В месте излома по линии шеи головка заполирована до блеска, а сбоку по краям сделано три сквозных отверстия для крепления этой головки на ручке-основе. Точно такие жезлы употребляются современными зороастрийскими парсами при посвящении в зороастрийский сан, в знак того, что человек вступает в борьбу с силами зла.

Итак, подведем некоторые итоги. Хотя зороастризм существует до настоящего времени, мы до сих пор мы не имели сведений о той культуре, бытовавшей до рождения пророка Зороастра, на основе которой он сформировался. Благодаря археологическим работам в древней дельте Мургаба стало ясно, что существовал особый протозороастрийский период, когда складывались и практиковались многие ритуалы, обычаи, традиции, позднее ставшие основой зороастризма. Многолетние археологические работы в Маргиане привели к открытию того факта, что население страны Маргуш бесспорно поклонялось Огню, Воде, Земле и Соме-Хаоме. Конечно, связь с водой и ее культ есть во многих жарких или маловодных странах. Огонь занимает важное место в ритуалах множества древних народов. Земля является священной до наших дней в разных концах света. Но поклонения всем этим трем «чистым стихиям» вместе, а также изготовление «магического»

напитка Сомы-Хаомы и обожествление растения, из которого он изготавливался – находят свое продолжение, пожалуй, только в первой мировой религии – в зороастризме.

Материальная культура широкой области, охватывающей Переднюю и Малую Азию вплоть до Шахдада и Гиссара в Восточном Иране, и до Кветты и Мергара-Сибри в Белуджистане, указывает на активные миграционные процессы, которые охватили эту обширную территорию. В настоящее время сенсационные открытия в Китае (бассейн р. Тарим) привели крупнейшего специалиста по арийской проблеме Дж. Маллори к заключению: «Наконец, БМАК (Бактрийско-Маргианский Археологический Комплекс) является сильным кандидатом для культуры ранних индоиранцев и поэтому, может быть сопоставлена с главной языковой группой, с которой мы столкнулись в бассейне Тарима» (Mallory, Mair, 2000, р. 305). Это показывает, что миграционная волна с запада могла достигать и этих районов современного Китая.

Одним из связующих звеньев творцов этой цивилизации были идеологические, религиозные представления, которые мы с большой долей вероятности можем считать протозороастризмом. На основе таких или очень близких традиций, ритуалов и верований в более позднее время сложился сам, более знакомый нам, зороастризм. Будущие исследования древней страны Маргуш должны внести ясность во многие темные вопросы и выявить корни зороастрийской религии.

Литература

- Бабаков О., Рыкушина Г.В., Дубова Н.А., Васильев С.В., Пестряков А.П., Ходжайов Т.К. Антропологическая характеристика некрополя Гонур-Депе // Сарияниди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001. С. 105-132.
- Бойс М. Зороастрийцы верования и обычаи. СПб, 2003.
- Дубова Н.А. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. М., 2004. С. 254-281
- Дубова Н.А. Население эпохи бронзы Южного Туркменистана: новейшие данные // Полевые исследования Института этнологии и антропологии РАН, 2002. М., 2005.
- Дубова Н.А. Антропологический облик населения Маргианы в антропоморфной пластике Гонура // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. М., 2006. Т. 1. С. 301-306 и 23 цв. илл.
- Крюкова В.Ю. Зороастризм. СПб., 2005.

- Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
- Монументальный комплекс Тоголок 21 в Маргиане // АО 1984 г. М., 1986. С. 473-474.
- Сарианиди В.И. Змеи и драконы в глиптике Бактрии и Маргианы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986а. С. 66-71.
- Сарианиди В.И. Протозороастрийский храм в Маргиане, и проблема возникновения зороастризма // ВДИ. 1989. № 1. С. 152-169.
- Сарианиди В.И. Храм огнепоклонников в сердце Каракумов // Памятники Туркменистана. 1989а. № 1(47). С. 13-15.
- Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. М., 1990.
- Сарианиди В.И. Дворец Северного Гонура // ВДИ. 2000. № 2. С. 248-259.
- Сарианиди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.
- Сарианиди В.И. Маргуш. Древневосточное царство в древней дельте реки Мургаб. Ашхабад, 2002 (на русском, английском и туркменском языках).
- Сарианиди В.И. Гонур Деде. Город царей и богов. Ашхабад, 2005 (на русском, английском и туркменском языках).
- Сарианиди В.И. Царский некрополь на Северном Гонуре // ВДИ. 2006. № 2 (257) С. 155-192.
- Сарианиди В.И. Дворцово-храмовый комплекс Северного Гонура // Российская археология. 2007. № 1. С. 49-63.
- Сарианиди В.И. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад, 2008 (на русском, английском и туркменском языках).
- Сарианиди В.И. Археологические доказательства раннего зороастризма в Бактрии и Маргиане // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. М., 2009.
- Boyce M. A History of Zoroastrianism, Vol. 1 (Handbuch der Orientalistik Series). Leiden, 1975 (Repr. 1996 as A History of Zoroastrianism: Vol. 1. The Early Period).
- Boyce M. A History of Zoroastrianism, Vol. 2 (Handbuch der Orientalistik Series). Leiden, 1982 (Repr. 1996 as "A History of Zoroastrianism: Vol. 2. Under the Achaemenians").
- Boyce M., Grenet F. A History of Zoroastrianism: Vol. 3, Zoroastrianism Under Macedonian and Roman Rule (Handbuch der Orientalistik Series). Leiden, 1991.
- Contenau G. Chargé de missions archéologiques en Syrie. La civilisation Assyro-Babylonienne. Avec 30 figures dans le texte. Collection Payot. P., 1922.
- Dhavalikar M., Atre, S. The Fire cult and Virgin sacrifice – some Harappan rituals // Old problems and new perspectives in the archaeology of South Asia \ Ed. J. Kenoyer. L., 1989.
- Dubova N. Qui vivait a Gonur Depe? // Dossier de l'archeologie et sciences des origines. No 317. Octobre 2006. S. 40-45.
- Dubova N.A., Rykushina G.V. New data on anthropology of the necropolis of Gonur-Depe // Sarianidi V. Necropolis of Gonur. 2nd Edition. Athens, Kapon Editions, 2007. P. 296-329.

- Heibert F.T., Moore K.M. A small steppe site near Gonur // У истоков цивилизации. М., 2004. С. 294-302.
- Martinez F.G. The Dead Sea Scrolls Translated: The Qumran Texts in English. (Translated from Spanish into English by Wilfred G.E. Watson). Leiden, 1994.
- Sarianidi V. Togolok-21: an Indo-Iranian Temple in the Karakum // Bulletin of the Asia Institute. 1990a. Vol. 4. P. 159-165.
- Sarianidi V. Myths of ancient Bactria and Margiana on its seals and amulets. M., 1998.
- Schaeffer-Forrer C.F.A. Corpus des cylindres-sceaux de Ras Shamra-Ugarit et d'Enkomi-Alasia I. P., 1983.
- Steblin-Kamensky I.M. Avestan kamčit caṇrušanam // East and West. Vol. 45. № 1-4. Roma, 1995.
- Strommenger E., Kohlmeier K. Tall'i al Tuttul. Saarbrücken, 1998.
- Woolley C.L. The Royal Cemetery. Ur excavations. Vol. II. L., 1934.

Л.Б. Кирчо

О НЕКОТОРЫХ ИСТОЧНИКАХ СЫРЬЯ ПРОИЗВОДСТВА РАННЕГОРОДСКИХ ЦЕНТРОВ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА

Открытие и изучение раннегородских центров эпохи бронзы на юге Средней Азии и, в особенности, многолетние исследования, которые ведет Маргианская археологическая экспедиция под руководством В. И. Сарияниди, показали что в конце III – начале II тыс. до н. э. в древней дельте р. Мургаб сформировалось протогосударственное образование древневосточного типа со столицей на Гонур-депе (Сарияниди 1990; 2001; 2002, 2005; Sarianidi, 2002; 2007). Среди исследователей Гонур-депе особое место занимает антрополог, доктор исторических наук Надежда Анатольевна Дубова – ближайший помощник и заместитель начальника экспедиции. Роль Надежды Анатольевны в этих работах трудно переоценить. Помимо собственных антропологических исследований (Дубова, 2005; 2006 и др.) именно она несет основной груз организации и проведения экспедиции, фиксации материалов раскопок, пропаганды и издания результатов изучения Гонура, часто своими руками готовя многочисленные публикации и книги об этом великолепном памятнике. Присущие Н. А. Дубовой высокий уровень требовательности к качеству научных исследований и спокойная доброжелательность помогли привлечь к изучению памятника специалистов разных наук и тем самым обеспечить комплексный подход к этим уникальным материалам. Особенно активно в последние годы ведутся антропологические и палеозоологические исследования, изучение металлургии и металлообработки, растительных остатков, а также пород камня, из которых были изготовлены разнообразные изделия Гонур-депе (Труды Маргианской археологической экспедиции, 2008. Т. 2).

Данные этих исследований позволяют по новому взглянуть на материалы других памятников, в частности, поселения Алтын-депе – одного из двух крупнейших протогородских центров III

тыс. до н. э. подгорной зоны Южного Туркменистана, древняя культура которой послужила основой формирования маргианской цивилизации.

Среди многочисленных изделий из камня, обнаруженных на Алтын-депе второй половины III тыс. до н. э., особый интерес представляют несколько предметов. Три из них относятся к периоду Алтын 4 времени позднего Намазга IV (около 2400-х гг. до н. э.). Это два косметических сосуда из инвентаря захоронения девушки – *конический стаканчик* с приостренным венчиком и миниатюрный *двойной сосуд* из двух полусферических не сообщающихся чашечек разного размера с уплощенным краем венчиков (рис. 1, 1 и 2), а также вытянутый подпрямоугольный *светильник-факел* с усеченно-конической крышкой (рис. 1, 3), найденный снаружи, под стеной погребальной камеры. Несмотря на то, что формы горизонтального сечения светильника и крышки разные (у светильника – подквадратная, а у крышки – круглая), они идеально пригнаны друг к другу, включая и полное совпадение формы и размеров верхней части емкости для горючего и отверстия для фитиля на внутренней поверхности крышки – и светильник, и крышка явно изготовлены из одного куска камня.

Еще две небольшие *чаши* с округлым туловом, уплощенным дном, плоским или чуть скошенным наружу подтреугольным венчиком и обломок тулова *горшковидного сосуда* с обломанным горлом относятся к периоду средней бронзы. Чаши обнаружены в индивидуальном захоронении и в погребальной камере (рис. 1, 4) времени раннего и среднего Намазга V (периоды Алтын 3 и 2), а обломок тулова сосуда (рис. 1, 5) – в культурном слое времени среднего Намазга V (около 2200–2100-х гг. до н. э.).

Перечисленные изделия изготовлены из желтоватой породы с тонкими белыми прослоями доломита. Более или менее выраженная слоистая структура, где цветные или полупрозрачные слои известняковых натеков перемежаются прослоями белого доломита, присуща всем мраморовидным породам камня, из которых выполнены разнообразные изделия на Алтын-депе (Кирчо, Ковнурко, 1999. С. 76, 77) и других поселениях III–II тыс. до н. э. Средней Азии, Ирана и Афганистана. Такие породы отечественными археологами именуются обычно мраморовидным известняком, известняком с прослоями доломита или, для краткости, доломитом, а зарубежные исследователи называют их алебастром

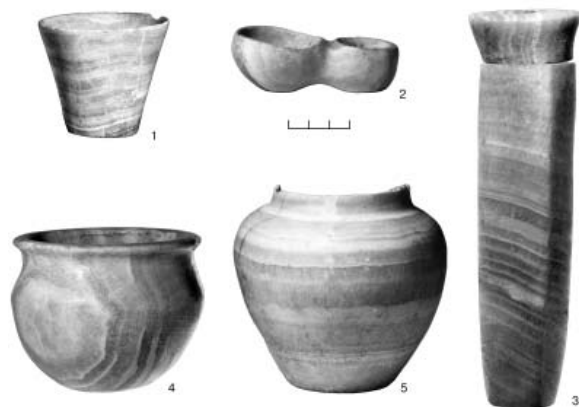

Рис. 1. Алтын-депе, Южный Туркменистан. Косметические сосуды и светильник (3) из мраморного оникса (?) конца периода ранней – периода средней бронзы (около 2400–2100 гг. до н. э.)

(по аналогии с полосчатыми алебастровыми сосудами Древнего Египта) или кальцитом (по химическому составу цветных известняковых прослоев) (Casanova, 1991. Р. 13–15)/

Минералогическое исследование каменных изделий из Гонур-депе показало, что для их изготовления использованы разнообразные породы камня, происходящие, вероятно, из Восточного Туркменистана, где на границе с Узбекистаном и Афганистаном в долинах Кугитанского хребта находятся крупные месторождения гипса, мраморного оникса и отработанные свинцовые рудники (Климкин, 2004). Карлюкское месторождение мраморного оникса медово-желтого цвета в карстовых пещерах Кугитантау – одно из наиболее крупных на территории бывшего СССР и разрабатывалось и в советский период (Самсонов, Туринге, 1985. С. 177–179). Именно из мраморного оникса изготовлен сосуд на ножке (ваза)¹, обнаруженный в 2006 г. на Гонур-депе (Дубова, 2008. С. 98, рис. 33). Судя по описанию этого камня и цветным

иллюстрациям, изображающим изделия из него (Самсонов, Туринге, 1985. Рис. 64, вверху, в центре), можно предполагать, что светильник и вышеописанные сосуды времени позднего Намазга IV – Намазга V из Алтын-депе также сделаны из мраморного оникса, доставленного из Восточного Туркменистана.

Предположение об импорте этого материала в конце периода ранней – периоде средней бронзы из Карлюкского месторождения хорошо согласуется и с информацией о том, что в районе этого месторождения имеется древний свинцовый рудник. Напомним, что для целого ряда художественных литых изделий (печатей-штампов, украшений, предметов туалета) периода средней бронзы (времени Намазга V) Алтын-депе характерна значительная присадка свинца (Егорьков, 2001. С. 91, табл. 1 и 3; Терехова, 2001. С. 112, 113, табл. 1). Из свинца изготовлены и массивные навершия на каменные жезлы, найденные в мужских захоронениях могильника Гонура (Сарианиди 2001: 68, рис. 35, приложение 1).

Таким образом, вероятно, что Восточный Туркменистан был одним из районов добычи и импорта на Алтын-депе и Гонур-депе (и другие поселения) поделочного каменного материала и свинцовой руды. Доставка этих видов сырья в Южный Туркменистан осуществлялась, видимо, с помощью вьючных верблюдов, которых широко использовали в качестве транспортных животных, начиная со второй половины III тыс. до н. э. (Кирчо 2009. С. 30, 31, 33).

В этой заметке мы коснулись лишь одной небольшой темы, связанной с новыми материалами исследований, ведущихся под руководством В. И. Сарианиди и Н. А. Дубовой. Безусловно, продолжающееся изучение Гонур-депе принесет еще множество интересных данных. Хотелось пожелать уважаемой Надежде Анатольевне дальнейшей плодотворной работы и успеха в поиске и творческих начинаниях.

Литература

Дубова, Н.А. Могильник и царский некрополь на берегах большого Бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации: Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарианиди. – М.: Старый сад, 2004. – 470 с.

Дубова, Н.А. Население эпохи бронзы Южного Туркменистана: новейшие данные // Полевые исследования Института этнологии и антропологии РАН 2003. – М., 2005. – С. 32–49.

¹ Форма сосуда имеет прямые аналогии среди керамических сосудов времени среднего Намазга V из захоронений на Алтын-депе (Кирчо, 2005. Рис. 10, 4). Такие же каменные сосуды на монолитной ножке найдены в могильниках Тахтабазар (Удеумурадов, 1993. С. 45, рис. 34, 3) и Гонура (Sarianidi, 2002. Fig. on page 38), а также широко представлены в материалах других поселений эпохи бронзы Маргианы (Сарианиди, 1990. Табл. IV, 1–4).

Дубова, Н.А. Мастерская по производству сплавов на основе меди Северного Гонура // Труды Маргианской археологической экспедиции. – М.: Старый сад, 2008. – Т. 2. – С. 94–104.

Егорьков, А.Н. Особенности состава металла Алтын-депе // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. – Материалы Южно-Туркменистан. археол. комплексн. экспедиции. – СПб.: ИИМК РАН, 2001. – Вып. 5. – С. 85–103.

Кирчо, Л.Б. Погребальный инвентарь Алтын-депе // Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). – Тр. ИИМК РАН. – СПб.: Нестор-История, 2005 – Т. 16. – С. 347–421.

Кирчо, Л.Б. Древнейший колесный транспорт на юге Средней Азии (новые материалы Алтын-депе) // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2009. – № 1 (37). – С. 25–33.

Кирчо, Л.Б., Ковнурко, Г.М. Минералого-петрографическая характеристика находок из погребений Алтын-депе и вопросы хронологии // Археологические вести. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – № 6. – С. 76–85.

Климкин, А. Материалы для каменных изделий из Гонура // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди. – М.: Старый сад, 2004. – С. 316.

Самсонов, Я. П., Туринге, А.П. Самоцветы СССР. – М.: «Недра», 1985. – 335 с.
Сарияниди, В.И. Древности страны Маргуш. – Ашхабад: Ылым, 1990. – 315 с.
Сарияниди, В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. – М.: Мир медиа, 2001. – 246 с.

Сарияниди, В.И. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. – Aşgabat: Türkmençiwlethabarlary, 2002. – 360 с.

Сарияниди, В.И. Гонур-депе: Город царей и богов. – Ашхабад: Мирас, 2005. – 328 с.

Терехова, Н.Н. Техника металлообработки на поселении Алтын-депе // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. – Материалы Южно-Туркменистан. археол. комплексн. экспедиции. – СПб.: ИИМК РАН. 2001. – С. 104–117.

Труды Маргианской археологической экспедиции. – М.: Старый сад, 2008. Т. 2.
Удеумурадов, Б.Н. Алтын-депе и Маргиана. Связи, хронология, происхождение. – Ашхабад: Ылым, 1993. – 148 с.

Casanova, M. La vaisselle d'albâtre de Mésopotamie, d'Iran et d'Asie centrale aux IIIe et IIe millénaires av. J.-C. – Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations, 1991. – 112 p., 12 figs et 11 plates.

Sarianidi V. I. The Palace and Necropolis of Gonur // Margiana. Gonur-depe Necropolis. – Venice: Il Punto Edizioni, 2002. – P. 17–55.

Sarianidi, V. Necropolis of Gonur. 2nd edition. – Athens: Kapon Editions, 2007. – 340 p.

Е.Г. Царева

МЕЖДУ ЛЬВОМ И ТИГРОМ (МЕСТО И ВРЕМЯ ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ)

Предлагаемая статья написана в рамках работы над большим международным проектом, названным авторами «Рождение ковра» [1]. Целью исследования является выявление истоков ворсового ткачества, прослеживание путей его распространения и описание тех известных нам локальных вариантов, которые сложились на территории Старого Света к 14-му веку нашей эры. Одной из ярчайших страниц в истории ворсового ткачества населения Евразии являются ковры так называемой «бактрийской группы». Определение «ковры бактрийской группы» складывалось постепенно, практически параллельно с началом работы по систематизированию и атрибуции той сравнительно небольшой группы артефактов (на сегодняшний день известно около 30), структурные и художественные особенности которых позволяют объединить их в единый тип и определить его принадлежность к памятникам бактрийского круга. В научный обиход термин был введен авторами проекта недавно, буквально два-три года назад, но получил широкое распространение в силу своей точности и выразительности.

Значительная часть ковровых изделий бактрийской группы, как цельных, так и фрагментарных, являются археологическими находками. Ареал распространения последних очень широк: он охватывает зону распространения бактрийской культуры и включает в себя территории проживания таких ее важнейших носителей, как центрально-азиатские сакские племена, в частности, Кушанскую империю.

Важным обстоятельством, способствующим правильному пониманию места изучаемых ковров в истории ворсового ткачества, является тот факт, что большая их часть датирована по углероду. По времени изготовления ковры бактрийской группы фиксируются в диапазоне от середины первой половины I тысячелетия до нашей эры (Башадар-1) [2] и до 6-го века нашей эры, при этом

большая их часть относится к периоду расцвета кушанской империи.

Следует пояснить, что внутри массы ковров бактрийского типа выделяются **собственно бактрийские** изделия, созданные в пределах 2—6 века н.э. и включаемые в названную группу вне зависимости от времени изготовления и места обнаружения (вопрос о конкретных точках изготовления пока вообще остается за скобками). В данной работе будут рассмотрены ворсовые ковры именно этой, собственно бактрийской группы.

Вплоть до последних лет бактрийские ворсовые находки изучались мало, в отличие, скажем, от знаменитого пазырыкского ковра середины 3-го века до нашей эры, представляющего собой исключительное произведение текстильного искусства и воплощающего высочайшие идеи своего времени [3]. Ковер найден на территории расселения конфедерации сакских племен (Алтай), но был изготовлен, по моему мнению, профессиональными мастерами в одном из ковродельческих центров северо-западных окраин Ахеменидской империи. Далеко не каждый найденный археологами тканый объект может быть изучен и интерпретирован так тщательно, как Пазырыкский ковер, который был достаточно быстро опубликован Руденко на русском и английском языках и благодаря этому стал известен широкому кругу исследователей [4]. В процессе изучения истории развития техники ковроделия, однако, важен каждый, даже крошечный кусочек ткани (ярким примером может служить башадарский фрагмент). В тех же случаях, когда на изделии сохранился декор, мы можем попытаться выявить рисунок, определить характер, стиль, ареал распространения изображения, иногда его символику, и др. В этом отношении бактрийские ковры, с их ярким, хорошо читаемым декором, представляют прекрасный материал.

Причины слабой изученности бактрийских ковров достаточно многочисленны. Первое – круг памятников формировался очень медленно, в течение ста с лишним лет. Вполне естественно, что единичные, разрозненные и зачастую анонимные находки долгое время существовали дискретно и до последнего времени не были объединены в единую группу.

Второе – в силу длительности периода накопления материалов наиболее яркие и выразительные экспонаты рассматриваемой группы попали в разные коллекции, как музейные, так и

частные, что невероятно затрудняет их изучение. Третье: значительная часть ранних по времени обнаружения памятников представляет собой фрагменты, обычно, к сожалению, мало ценимые археологами и историками искусства, поэтому не описанные и не изданные. В результате названных обстоятельств возникла ситуация, при которой даже опубликованные и хорошо известные материалы (например, коллекции Сэра А. Стайна) долгое время оставались за рамками фундированных исторических исследований.

Прослеживание истории сложения круга интересующих нас артефактов показывает, что, в силу разных обстоятельств, основные находки были сосредоточены в Восточном Туркестане, в поселениях бассейна реки Тарим, преимущественно в его древних торгово-ремесленных центрах. Первыми по времени обнаружения зафиксированными ворсовыми фрагментами были находки экспедиций сэра Ауреля Стайна, Альберта ван Ле Кока, Свена Хедина, др. [5]. Самыми ранними и наиболее известными из них стали фрагменты из коллекций А. Стайна [A. Stein, 1921, 1928], ныне находящиеся в Британском музее и в Национальном музее Индии, Дели. Хотя, следует отметить, столь же полно описанными и опубликованными являются ткани, обнаруженные экспедициями Хедина [6].

Проводимые в последние годы китайскими археологами раскопки поселений Восточного Туркестана (Синцзян-Уйгурской автономной области КНР по современной терминологии) значительно дополнили фонд ковров бактрийского типа. К настоящему времени нам известно около 20 образцов разной, в том числе и достаточно полной сохранности, хранящихся в музеях Урумчи, Хотана и Турфана. Большая часть последних опубликована, к сожалению, в основном на китайском языке [7]. Отдельные предметы, однако, вошли в каталоги зарубежных выставок: они, как правило, описаны, хотя и без структурных характеристик, и сопровождаются прекрасными иллюстрациями [8]. Что касается мелких фрагментов, сведения о них отсутствуют.

С началом войны в Афганистане появляются случайные поступления бактрийских ковров, обнаруженных в пещерах Гиндукуша, расположенных по Южной трассе Великого Шелкового Пути. Все известные нам «афганские» бактрийские ковры стали экспонатами частных коллекций, рассеянных по странам Старо-

го и Нового Света от Бангкока до США. Ни один из них, включая интереснейшие высоко художественные образцы, до настоящего времени не опубликован, хотя многие владельцы позволили сделать структурные описания последних и включить их в состав формирующейся выставки «Рождение ковра».

В 1967 году был найден самый ранний известный нам иранский фрагмент бактрийского круга изделий, обнаруженный археологами в Шахри Кумисе, Хорасан [Т. Kawami, 1991]. К сожалению, точных сведений о более поздних иранских находках нет, хотя есть неопубликованная информация об их обнаружении.

В связи с малой изученностью вопроса, практически любая работа по теме бактрийского ковроделия является новым исследованием. Это касается и таких основных моментов как базовые идентификационные признаки ковров бактрийской группы, а именно: формы изделий, описания структур, круг изображений и их стилистика, и др. Объектом дискуссии данного сообщения являются сюжеты с изображениями кошачьих на рассматриваемых коврах. Однако представляется возможным привести хотя бы самые общие сведения о характеристиках, на основании которых мы относим те или иные археологические ткани к коврам бактрийского типа.

Начнем с такого формального признака, как форма. Бактрийские ковры вытянуты, соотношение ширины к длине близко к 2:1 при общих размерах в пределах 140—160х280—300 см [9], и часто имеют заоваленные углы. Обязательным показателем является введение с изнанки ворса длиной до 20 см. Убедительным подтверждением данного наблюдения стало опубликованное недавно изображение ковра с названными показателями на рельефе из Гандахары, 2-ой век нашей эры (рис. 1).

Отличительным качеством бактрийских ковров является использование в структурах ворсовых тканей узлов разных типов, при доминировании асимметричного открытого влево, часто сочетающегося с вязкой на одной нити основы, симметричными узлами (часть ковров выполнена исключительно симметричной вязкой), с приемом пэкинг и др. (рис. 2a—d) [10]. Помимо орнаментированных узелковых, широкое распространение имели не декорированные петлевые изделия (рис. 2e). Также были выявлены ковры, выполненные одноярусной вязкой, которую я

рассматриваю как промежуточную между петлевой и узелковой техниками (рис. 2f).

Третьим характерным признаком является цветовая гамма, отличающаяся богатством ярких теплых тонов (рис. 3).

Четвертое: это определенный набор каймовой орнаментики, сочетающей эллинистические меандры (лист аканта, др.) с типично центрально-азиатскими геометрическими мотивами в виде шашечной клетки, пирамидок-гор и др. Пятое: разнообразие, можно даже сказать, эклектичность в выборе сюжетов центрального поля.

Даже самый поверхностный анализ демонстрирует принадлежность последних к нескольким стилистическим группам, разнесенным на эпохи по времени и на разные континенты по ареалам сложения и распространения. Самые архаичные, геометрические по характеру мотивы соотносятся с рисунками на энеолитической керамике из поселений северных предгорий Копет-Дага (Геоксюр, др.). Показательным примером может служить клетка: как прямая, так и диагональная. Та и другая могут просто накладываться на фон центрального поля, но часто имеют заполнение, иногда достаточно сложное (рис. 4).

Другим ранним слоем являются сюжеты, главным образом зооморфные, но также и растительные, характерные для памятников Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (рис. 5) [11]. В качестве стилистического и сюжетного аналога к мотивам сакского типа можно привести изображение лошадок с большими опущенными к ногам головами, подобных той, что украшает килимную вставку на композитной юбке из Шампулы (долина реки Тарим, период Хань) [Fabulous, 2001, fig.8]. К широко известному скифскому кругу изображений тяготеет мотив летящих оленей (известный автору образец датирован 380—640 гг.).

Еще одна группа изображений близка по иконографии и тематике к сюжетам, типичным для художественных изделий древнеиранской ахеменидской и сасанидской культуры. Один из самых ярких предметов такого типа – ковер, вернее, фрагмент ковра с изображением ног ибекса, с лентами (рис. 3). Типичный для сасанидского искусства мотив встречается на различных памятниках периода раннего средневековья, от скальных рельефов иранских шахиншахов до шелковых самитов [12].

В известных нам коврах достаточно часто встречаются также эллинистические по характеру и бактрийско-кушанские по содержанию сцены с изображениями любовных пар; в то время как на одном из ковров представлен сидящий бодисатва с адорантами (датируется 260–532 гг.).

С точки зрения организации рисунка, в декоре центрального поля бактрийских ковров преобладают панельные композиции (рис. 5) и компартмент, как с прямой, заполненной анималистическими сюжетами (например, лошадами); так и с косой клеткой. Образцом может служить многократно публиковавшийся наседельник из собрания Синьцзянского археологического музея, Урумчи (рис. 6). Встречаются также полосатые построения (примером может служить описанный выше «каменный» ковер, рис. 1) и фризовые. К сожалению, как было сказано выше, большая часть известных нам ковров бактрийского типа не опубликована и не будет опубликована до момента появления в печати каталога выставки «Рождение ковра».

Однако, среди самых популярных, а по мнению ряда специалистов, и наиболее часто встречающихся, были ковры с изображениями идущих и лежащих львов и тигров. Нас интересует история появления данных сюжетов на бактрийской «почве» и сложение их иконографии. Начнем со льва, образ которого имел невероятно широкое распространение на Востоке с периода древности. Самое раннее из известных нам изображений датируется неолитическим периодом, и происходит из Малой Азии. Это фигура Богини Солнца Аринны, с фланкирующими львами, Чатал-Хюк, ок. 6000 до н.э. [Der Alte Orient, p.50]. По-видимому, данный вариант стал в какой-то момент каноничным, поскольку композиционно и сюжетно близкие изображения существовали и в эллинистический период [13].

Лев был одним из важнейших животных для искусства Месопотамии и Египта, индийского, иранского и скифского мира. Достаточно часто фигура льва несет охранную функцию, однако обычно мы находим его изображения в сценах царской охоты, борьбы и победы царя и героя над зверем. Они могут также служить ездовыми животными богов и царей. Все эти варианты соответствуют композитному, если можно так сказать, характеру образа льва – символу божественной (царственной) власти, силы, огня и солнца, покровительства и защиты, обретавшего свои

черты постепенно, в разные эпохи и в разных мифологических системах, что особенно ярко демонстрируют образы сфинксов и грифонов (невероятно выразителен львинозмей змееголовый грифон из Гонура, кон. 3-го тыс до н.э. (рис. 7).

Хотя каждая традиционная культура преломляла данный символ по-своему, все ранние изображения, за редчайшими исключениями, имеют определенную общность в образе – они свирепы. То есть львы либо нападают, либо защищаются, либо защищают. Однако существует еще один, достаточно распространенный – и самый важный для нас вариант. Это лев идущий – или шествие львов. Этот мотив особенно активно развивается на территориях, так или иначе связанных с теми группами населения Евразии, основным занятием населения которых с периода Бронзы стало подвижное скотоводство.

Вероятно, одним из самых ранних изображений такого рода являются львы ворот городской стены Малатийи, Арслантепе, 1050–850 гг. до н.э. [E. Akurgal, 2001, с.211]. Близкими по времени являются идущий лев с Урартского рельефа 7 в. до н.э. [E. Akurgal, 2001, p.227], и невероятные по мощи и выразительности львы ворот Иштар, Вавилон, 6 в. до н.э. (рис. 8).

Аналогичны по стилю и иконографии львы на двух рельефах Персеполиса (522–486 BC). Один из них представляет сцену аудиенции Дария I, на котором могущественный правитель сидит под балдахином с изображением шествия львов; на другом львы украшают рукава одежды Ксеркса [D. Stronah, 1993, fig. 6, 10]. Проникнув в иранский мир, шествующие львы стали одним из символов мощи шахиншахов Ахеменидской Империи. Мы находим их также на нагруднике со львами из 5-го Пазырыкского кургана, выполненном египетскими мастерами в ахеменидском каноне [Е. Царева, 2005], то есть на памятниках генетически близкой бактрийцам культуры ахеменидского Ирана.

Образ идущих кошачьих (их часто невозможно определить точнее) абсолютно типичен для бестиария всей территории Центральной Азии как более раннего, так и более позднего времени. Наверно, наиболее раннее зафиксированное изображение такого рода было обнаружено на сосуде из поселения Намазга поздне-неолитического времени, Южный Туркменистан, конец 4-го – 1-ая половина 3-го тыс. до н.э. (рис. 9). Судя по Царским курганам зоны Степного Коридора, в период Ранних кочевников ряды

кошачьих стали характерным украшением одежды скифской и сакской знати: блистательным примером являются нашивки на плаще спутницы вождя из парного захоронения в кургане Аржан-2, Тува, 7-й век до н.э. [Im Zeichen, 2007, p. 76].

В период раннего средневековья не нашивные, но тканые львы в кругах с перлами украшали любимые согдийской и сасанидской знатью роскошные самиты [14]. К этому времени образ шествующего льва также прочно вошел в «репертуар» сюжетов бактрийских ковров. Но! Создается впечатление, что у создателей ковров бактрийского типа еще большей популярностью пользовался образ спокойно лежащего льва. Так, нам известны по меньшей мере три ворсовых панели с такими изображениями. Хронологически мотив столь же древен, как сфинксы Египта, и зафиксирован во множестве разновременных вариантов. В позе «бактрийского» лежащего льва, однако, присутствует характерная особенность: «царь зверей» повернул голову к зрителям и смотрит на нас большими выразительными глазами (рис. 5). Подобная иконография восходит к культовым памятникам Древнего Востока и характерна, в частности, для северо-индийских скульптурных изображений: в тех и других львы служат подножиями для стоящих на них божеств. Судя по фрагменту обнаруженной в Пенджикенте скульптуры такого типа (сохранился лев с попонкой, скульптура божества утрачена [Памятник Афрасиаба, № 128]), иконография лежащего льва с фронтально повернутой головой была распространена и на северных территориях Кушанской империи, включая Среднеазиатское Междуречье. Кардинальное отличие между ткаными и скульптурными изображениями состоит в том, что в коврах, в отличие от каменных изваяний, лежащий лев является вполне самостоятельной фигурой. Причем некоторые детали композиций бактрийских ковров с лежащими львами позволяют предположить, что в Бактрии и Согде образ сформировался под влиянием символики христианства (символ Христа, Марии Египетской, св. Павла Отшельника и др.), получившего широкое распространение в Средней Азии с проникновением сюда в 5-ом веке несториан [А.Б. Никитин, 1984].

В отличие от изображений львов, образ тигра, видимо, не был «аборигенным» для искусства рассматриваемых территорий, и проник в искусство Бактрии достаточно поздно и, вероятно, несколькими путями. Один из таких путей уводит нас на восток, во

всяком случае, абсолютно узнаваемое изображение идущего тигра появилось у восточных обитателей сако-скифского мира раньше, чем у их западных родственников. Ярким и выразительным примером этому служит саркофаг из 2-го Башадарского кургана, относящийся к памятникам пазырыкской культуры и датированный 6-м веком до н.э. (рис. 10).

С другой стороны, шествующий тигр мог прийти в Среднеазиатское Междуречье и с юга, из Северной Индии, причем в гораздо более раннее время, поскольку контакты Цивилизации Инда с территорией БМАК прослеживаются по крайней мере с 3-го тыс. до н.э. Как бы то ни было, в изобразительном искусстве стран западной части Центральной Азии и в Иране иконография шествующего тигра (а не кошачьих в целом) сложилась, по-видимому, только в поздний Сасанидский период [15].

В связи с затронутой темой отметим, что в килимах ранних ковчегов встречается интереснейший вариант «тигриной» темы, представленный изображениями распластанной полосатой шкуры. Наиболее ранние постилочные ковры с таким рисунком происходят из кургана Аржан-2 [Аржан, 2004, стр. 62] [16]. Вполне узнаваемые тигры вышиты на коврах бактрийской работы из Ноин-Улы, конец 1 до н.э. (рис. 11). Данная линия активно разрабатывалась тибетскими ткачами, и поныне создающими ковры с рисунком тигровой шкуры, использующиеся для украшения колонн буддийских храмов. В связи со сказанным можно также вспомнить индийскую традицию использования собственно тигровой шкуры в качестве постилочного коврика. В ворсовой технике рисунок в виде распластанной тигровой шкуры представлен фрагментом ковра центрально-азиатской работы, датированным 1-м — началом 4-го в. н.э. [Glanz, 2005, fig. 1].

Но вернемся к образу идущего тигра. В узелковых коврах названных территорий мотив выявлен в раннесредневековых изделиях 3-го — конца 6-го веков, причем они более многочисленны, чем ковры со львами (известно 3 ковра и один фрагмент). В какой-то момент лев и тигр встретились, можно сказать, неизбежно, на «территории» центрального поля бактрийских ворсовых тканей. Одна из самых выразительных композиций такого типа — идущие друг другу навстречу лев и тигр на фоне трех деревьев [17]. Ковер выполнен в каноне зрелого эллинистического искусства, что включает, в частности, определенный набор коим и манеру

изображения деревьев, характерные для коптских гобеленовых завес [А.Я. Каковкин, 2004, кат. 33, 80] и мозаик [K.M.D. Dunbabin, 1999, pp. 95, 207, др.]. Особо важным сопоставлением при рассмотрении темы является сюжет трех деревьев, служащих в ряде мозаик фоном для звериных сцен [18].

Постепенное угасание идеологии, питавшей бактрийскую изобразительную традицию в странах ислама, привело к исчезновению звериных сюжетов из репертуара ворсовых ковров [19]. Все более важное место в них занимают растительные мотивы, в том числе и изображения деревьев, прежде имевшие значение фоновых сюжетов и располагавшиеся на заднем плане и между фигурами хищников. Но даже и такие, крайне стилизованные образы деревьев сохранились только в молитвенных коврах намазлык, изготавливавшихся городским населением таких оазисов как Хотанский на восточной и Средне-Амударьинский на западной территории бывшей Кушанской империи.

Примечания:

[1] Публикация каталога будет осуществлена в составе проекта («Рождение ковра» – «The Birth of the Carpet») и планируется на 2012 год.

[2] Башадар-1 относится к курганам Пазырыкского скифского типа, датирован 6-м веком до н.э. В кургане был найден выполненный в узелковой вязке фрагмент наседельника, по техническим характеристикам попадающий в круг ковров бактрийского типа. Сделанное Е. Царевой структурное описание см.: L. Barkova, 1999, p. 69.

[3] Литература о Пазырыкском ковре необычайно обширна. Важнейшие работы см.: L. Barkova, 1999, p. 110.

[4] Тканям и коврам была посвящена публикация С.И. Руденко на английском языке [S.Iv. Rudenko, 1970].

[5] Литературу по истории первых экспедиций в бассейн реки Тарим см.: [P. Hopkirk, 1980].

[6] Обнаруженные экспедициями Хедина ткани были опубликованы в серии специальных изданий. Интересующие нас ворсовые шерстяные фрагменты в: [V. Sylwan, 1949].

[7] Наиболее полная информация содержится в журнале, издаваемом ежегодной студенческой экспедицией под руководством проф. Фэнг Чжао, университет Шанхая.

[8] В реальности мы можем говорить только о нескольких фрагментах, среди которых часть каймы рассматриваемого ниже ковра со львом и тигром [Ursprünge, 2007, fig. 140]; фрагмент с конскими ногами, с бантами [Glanz der Himmelssöhne, 2006, fig. 76]; и др. Из ковров с близкой к полной сохранности опубликован «лежащий лев» [H. König, 1999, p. 87]; он же: [Li Wenying, 2006, fig. 198, 199].

[9] Как было сказано выше, большая часть находок является фрагментами, поэтому выводы о размерах бактрийских постилочных ковров основаны на ограниченном материале и, следовательно, весьма неполны.

[10] По разнообразию применяемых в узловязании приемов бактрийские ковры могут сравниться только с классическими туркменскими. Ни в какой другой группе ворсового ковроделия подобная вариативность не наблюдается.

[11] Сравните, например, с рисунком на бактрийских каменных печатях 2-го тысячелетия до н.э. [В.И. Сарианиди, 2002, с.275, др.].

[12] Пример – прорисовка ткани с настенной росписи храма в Пенджикенте [Y. Kazuko, 2006, fig. 108].

[13] К данному кругу памятников, например, относится копия статуи малоазиатской богини Кибелы, владычицы людей и зверей из 2-го века н.э., Изник [The Treasures of Istanbul, p.63.].

[14] См., например, ткань костюма участника пира на настенной росписи храма Пенджикента, 400—750 гг. [B.I. Marshak, 2006, fig.28].

[15] Великолепное изображение идущего тигра представлено на Сасанидском серебряном блюде, 5—6 век н.э., собрание Государственного Эрмитажа.

[16] Примечательно, что найденные в кургане Аржан-2 килимы такого типа выполнены в архаичной технике твайн.

[17] Ковер «Лев и тигр» (282x163 см) принадлежит частной коллекции. Точное место обнаружения владельцу не известно; судя по недавно опубликованному фрагменту [Ursprünge der Seidenstraße, fig. 140] был найден в Лоулане; датировка по карбону: 244—416 гг.).

[18] Сцены противостояния диких животных также встречаются на эллинистических мозаиках [K. M. D. Dunbabin, 1999, pp.24—25].

[19] Исключением является традиционное ковроделие Средней Амударьи (18 – начало 20 века), с его многочисленными анималистическими сюжетами. Следует, однако, подчеркнуть иной, чем у льва, генезис таких изображений, уходящих корнями в неолитическое прошлое региона и получивших дальнейшее развитие в культуре БМАК [Е.Г. Царева, 2006]).

Литература:

Аржан. Источник в Долине царей. Археологические открытия в Туве. СПб.-, 2004.

Каковкин А.Я. Сокровища коптской коллекции Государственного Эрмитажа. СПб., 2004.

Никитин А.Б. Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье)// Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М., 1984, стр. 121—137.

Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.—Л., 1962.

Сарианиди В.И. Мургуш. Древневосточное царство в старой дельте руки Мургаб. Ашхабад, 2002. (с. 317)

Царева Е.Г. Тотемные изображения на ворсовых коврах Средней Амударьи // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди. М., 2004, стр. 202—224.

Царева Е.Г. Ворсовое ткачество Средней Амударьи в контексте евразийской традиции // И.Ю. Котин, М.А. Родионов, Е.Г. Царева. Социум и окружающий мир в традициях Центральной, Южной и Юго-Западной Азии. СПб., 2006, с. 7—98.

Akurgal E. The Hattian and Hittite Civilizations. Ankara, 2001.

Barkova L. The Pazyryk – Fifty Years On//Hali. The International Magazine of Antique Carpet and textile Art. Issue 107, 1999, p. 64—69.

Dunbabin K.M.D. Mosaics of the Greek and Roman World. Cambridge, 1999.

Fabulous Creatures from the Desert Sands. Central Asian Woolen textiles from the Second Century BC to the Second Century AD // Riggisberger Berichte, 10. Abegg-Stiftung, 2001.

Glanz der Himmelssöhne. Kaiserliche Teppiche aus China 1400—1750. Köln—London, 2005.

Hopkirk P. Foreign Devils on the Silk Road. The Search for the Lost treasures of Central Asia. Oxford, 1980.

Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Skythen. Berlin, 2007.

Kazuko Y. The Horyu-ji Lion-hunting Silk and Related Silks // Central Asian Textiles and Their Contexts in the Early Middle Ages. Riggisberger Berichte, 9. Abegg-Stiftung, 2006, pp.155—173.

Marshak B.I. The So-called Zandaniji Silks: Comparisons with the Art of Sogdia // Central Asian Textiles and Their Contexts in the Early Middle Ages. Riggisberger Berichte, 9. Abegg-Stiftung, 2006, pp.49—60.

Marzahn J. The Ishtar Gate. The Processional Way. The New Year Festival of Babylon. Berlin, 1995.

Rudenko S.Iv. Frozen Tombs of Siberia: The Pazyryk Burials of Iron-Age Horseman. Berkley and Los Angeles, 1970.

Stein M. Aurel Serindia: Detailed Report of Explorations in Central Asia and Westernmost China, 5 vols, Oxford, 1921.

Stein M. Aurel Innermost Asia: Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kansu and Eastern Iran, 4 vols, Oxford, 1928.

Stronah D. Patterns of Prestige in the Pazyryk Carpet: Notes on the Representational Role of Textiles in the First Millennium BC // oriental carpet and Textile Studies, Vol. IV, Berkeley, 1993.

Sylvan V. Investigation of Silk from Edsen-Gol and Lop-Nor and a Survey of Wool and Vegetable Materials // Reports from the Scientific Expedition to the North-Western Provinces of China under the Leadership of Dr. Sven Hedin. The Sino-Swedish Expedition. Publication 32. VII. Archaeology, 6. Stockholm, 1949.

Ursprünge der Seidenstrasse. Sensationelle Neufunde aus Xinjiang, China. Herausgegeben von A. Wiezyorek und Ch. Lind. Stuttgart, 2007.

Wenying Li. Textiles of the Second to Fifth Century Unearthed from Yingpan Cemetery // Central Asian Textiles and Their Contexts in the Early Middle Ages. Riggisberger Berichte, 9. Abegg-Stiftung, 2006, pp. 243—264.

Рис. 1. Рельеф из Гандахары, 2-ой век нэ. Публикуется по: [Central Asian Textiles, fig. 55].

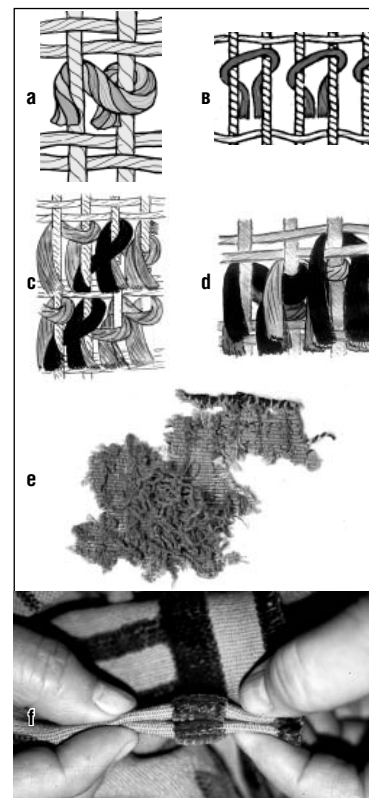

Рис. 2. а: асимметричный открытый влево узел; 2в: симметричный узел; 2с: узел на одной нити основы; 2д: прием пэкинг; 2е: петлевая техника вязки; 2ф: однарусная вязка.

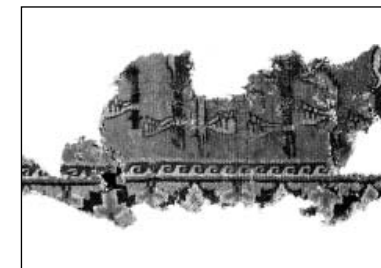

Рис. 3. Фрагмент ковра с изображением ног ибекса, с лентами (85x79см); 254-428 гг. Катар. Опубликовано: [E. Tsareva, 2004, p. 192].

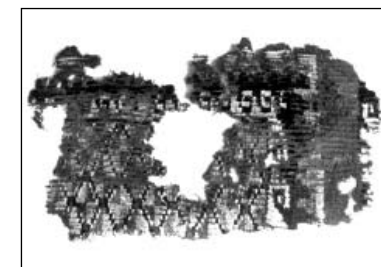

Рис. 4. Центральное поле ковра с геометрическими мотивами из Лоулана, реконструкция. Оригинал принадлежит Синьцзянскому институту археологии, Урумчи.

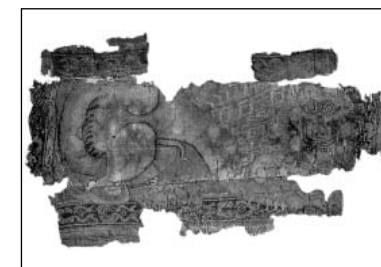

Рис. 5. Ковер «Лев лежащий» (312 x 178 см). Йинган, Лоулан (Западная Хань – Цзинь, 2–4 вв.). Собрание Синьцзянского института археологии, Урумчи. Публикуется по: [Central Asian Textiles, fig. 198].

Рис. 6. Ворсовый шерстяной наседельник (74x76 см); 1–2 в. н.э.
Собрание Синьцзянского института археологии, Урумчи.

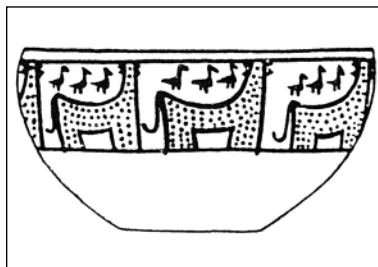

Рис. 9. Сосуд с «шестием гепардов», прорисовка. Намазга, Южный Туркменистан, конец 4-го – 1-ая половина 3-го тыс. до н.э.

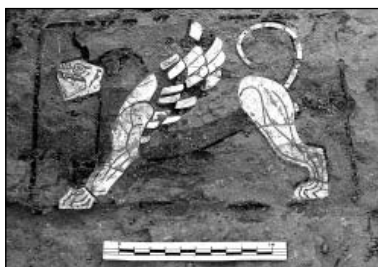

Рис. 7. Львиноотелый змееголовый грифон.
Деталь настенной мозаики.
Гонур-депе, царская гробница № 3210.

Рис. 10. Башадарский саркофаг, деталь. Пазырыкская культура, Алтай, 6 в. до н.э. Собрание Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург.

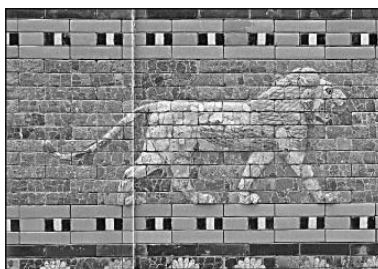

Рис. 8. Лев из сцены «шестия львов». Ворота Иштар, Вавилон, 6 в. до н.э.
Собрание Vorderasiatisches Museum, Staatliche Museen zu Berlin.

Рис. 11. Деталь ковра с «тигриным» рисунком.
Ноин-Ула, 1 век до н.э.
Собрание Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург. Воспроизводится по: [С.И. Руденко, 1962, табл. L].

В.В. Куфтерин

К ПАЛЕОЭКОЛОГИИ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА (МАТЕРИАЛЫ ГОНУР-ДЕПЕ)*

Посвящается юбилею уважаемой Надежды Анатольевны Дубовой – неугомонного исследователя антропологии древнего и современного населения Средней Азии, человека редкой душевной силы и красоты, нашего Друга и Наставника, без чьей всемерной поддержки сложно представить осуществление целого ряда благих начинаний...

...С момента относительно недавнего персонального знакомства с юбиларом не устаю поражаться замечательному сочетанию личностных качеств Надежды Анатольевны – открытость, простота в общении, отсутствие всякого «профессорского снобизма» и потрясающая научная «экстраверсия», широкая эрудиция, высокий профессионализм, фантастическая работоспособность, инициативность и упорство в достижении целей. Невозможно не упомянуть и о том, что Надежда Анатольевна неизменно является постоянным источником оптимизма и бодрости духа для окружающих, в чем регулярно доводилось убеждаться во время совместных выездов и работы в составе Маргианской археологической экспедиции. А как же поистине «восточное» гостеприимство и радушие дорогого юбиляра, не раз «испытанное» автором (и не только им) во время визитов в столицу? Хотелось бы присоединиться ко всем поздравлениям в адрес Надежды Анатольевны, а также пожелать ей крепкого здоровья и новых творческих свершений от себя лично и всего коллектива Уфимского Музея естественной истории.

* * *

Экологический подход к исследованию палеоантропологического материала методологически базируется на модифициро-

* Исследование проводится в рамках проекта РФФИ № 07-06-00062а.

ванной концепции физиологического стресса Г. Селье. Применительно к палеопопуляциям (отдельным их представителям) он, в том числе, подразумевает изучение специфических «следов» (маркеров стресса), остающихся на скелете при длительном / интенсивном воздействии неблагоприятных условий среды, а также маркеров специфических заболеваний. Последнее входит в «предметное поле» самостоятельной научной дисциплины – палеопатологии, ретроспективно исследующей патологию в качестве фактора формирования биологической изменчивости и следствия уровня и образа жизни.

Использование палеопатологических данных при палеоэкологических и археологических реконструкциях, оценке распространенности тех или иных заболеваний древнего населения, а также определении «качества» его жизни в настоящее время становится традиционной процедурой. В данной работе приводятся некоторые результаты палеопатологического исследования скелетной серии из раскопок одного из крупнейших памятников Бактрийско-Маргианского археологического комплекса – столичного поселения древней страны Маргуш – Гонур-Депе (юго-восточный Туркменистан, III – II тыс. до н.э.) (Сарианиди, 2002; 2005; 2008 и др.). Из применяемой большинством отечественных специалистов программы палеопатологического обследования (Бужилова, 1998) нами был выбран ряд стрессовых маркеров, обладающих известным реконструктивным потенциалом. Основным критерием отбора выступала относительная простота фиксации, не требующая комбинации определенных патологических признаков. Такой подход был продиктован, в первую очередь, тем обстоятельством, что материал из многолетних раскопок Гонура исследовался разными специалистами. Рассматривалась частота встречаемости патологических маркеров в скелетной серии из относительно поздних (середина II тыс. до н.э.) захоронений (т.н. «погребения в руинах»). В общей сложности в анализ вошли скелетные останки 920 индивидов (из них детей до 14 лет – 537, мужчин – 164, женщин – 219). Скелеты неудовлетворительной сохранности, а также с неопределенными половозрастными параметрами из анализа исключены.

Для реконструкции «качества» жизни поздней гонурской популяции использовались следующие патологические маркеры: *Cribra orbitalia* – показатель анемии и паразитарных заболева-

ний, болезни суставов (артриты, артрозы) и позвоночника, кариес и сопутствующий остеомиелит, воспалительные процессы на черепе и костях посткраниального скелета, травматические повреждения, ушные экзостозы.

Cribra orbitalia – локальный вариант поротического гиперостоза во внутренней области орбит, рассматривается как индикатор генерализованного стресса, маркирующий негативные средовые факторы, приводящие к появлению анемии. На остеологическом материале поротический гиперостоз фиксируется преимущественно у подростков и детей. У взрослых он трактуется как результат неполного восстановления костной ткани после перенесенной анемии в детстве или проявления хронической анемии, появившейся в детском возрасте (Бужилова, 2001). Наличие признака оценивается по 3-х балльной шкале.

На гонурском материале *Cribra orbitalia* определялась вне зависимости от степени развития патологии. Частота встречаемости показателя в серии, в целом, невысока (7,6%). В детско-подростковой подгруппе, что закономерно, *Cribra orbitalia* отмечалась значительно чаще, чем у взрослых (11%). Существенных различий по обсуждаемому показателю между мужской и женской подгруппами не наблюдается. В обоих случаях его частота низка (2,1% и 1,5%). У детей *Cribra orbitalia* являлась наиболее распространенной патологией (Дубова, Куфтерин, 2008).

Болезни суставов и позвоночника. Общеизвестно, что дегенеративно-дистрофические изменения и поражения костно-суставного аппарата (артрозные и спондилозные изменения, последствия остеохондроза) могут рассматриваться как маркеры физических нагрузок. На обсуждаемых материалах патологические изменения суставов и позвоночника фиксировались в общем ключе, вне зависимости от характера морфологических изменений (эрозия / пролиферация) и тяжести поражения. Суммарно частоту встречаемости заболеваний суставов и позвоночника у взрослого населения, захороненного в руинах дворцово-храмового комплекса, можно охарактеризовать как довольно высокую (32,8%). Примечательно, что у женщин данные патологии отмечались несколько чаще, чем у мужчин (34,2% и 31% соответственно). Исключение составляет возмужалая возрастная группа (*adultus*, 18 – 35 лет). Закономерно, что наблюдается прямо пропорциональная зависимость между возрастными характери-

ками и увеличением процента заболеваний суставов и позвоночника. У женщин из Гонур-Депе костно-суставный аппарат, по всей видимости, был подвержен более быстрому изнашиванию.

Кариес и остеомиелит. Относительно распространенности кариеса на Гонуре были получены достаточно противоречивые данные. В частности, О. Бабаковым на небольшом одонтологическом материале кариозные поражения зафиксированы всего в 3,5% случаев (Бабаков, 2008), а Г.В. Рыкушиной, уделившей распространению зубных патологий на памятнике (материалы гонурского некрополя) специальное внимание – в 33% (у мужчин реже – 28%, чем у женщин – 37,1%) (Dubova, Rykushina, 2007). Такой существенный разброс показателя, по-видимому, объясняется различием подходов к фиксации признака, а также поправкой на численность материала. Последние цифровые показатели, полученные в результате камеральной обработки, представляются более достоверными.

Развитие кариеса, характеризующееся прогрессирующим разрушением твердых тканей зуба с образованием полостного дефекта, как известно, нередко вызывает альвеолярные абсцессы и прижизненную утрату зубов. По этой причине, мы сочли возможным рассмотреть данные патологии не дифференцированно. Признаки определялись независимо от степени поражения, количества зубов, порядкового номера зуба и челюсти. Частота встречаемости кариеса в анализируемой серии, по данным Г.В. Рыкушиной (Dubova, Rykushina, 2007), очень высокая, одонтогенного остеомиелита (альвеолярного абсцесса) – также довольно высокая. Можно предполагать, что отмеченные случаи прижизненной утраты зубов чаще связаны именно с поражениями кариесом, что в целом типично для земледельческих популяций (Бужилова, 1998, с. 131 – 132; White, Folkens, 2005 и др.). С возрастом частота общих зубных патологий закономерно увеличивается, причем у мужчин более быстрыми темпами.

Воспалительные процессы. Признаки воспалительного процесса, выступающие маркерами специфических и неспецифических инфекций, рассматривались нами без категориальной классификации, отдельно для черепа и костей посткраниума. В целом, по группе частота патологических изменений воспалительного характера невысока (2,7% – череп, 1% – посткраниальный скелет). Относительно внутригруппового распределения

показателей можно отметить, что в детско-подростковой и женской подгруппах воспалительные процессы чаще были локализованы на черепе, в мужской – на длинных костях скелета. Последнее обстоятельство представляется интересным в свете одной из интерпретаций периостальных реакций длинных костей как следствия регулярных переохлаждений конечностей (см., напр., Боруцкая, 2004, с. 102). Однако, принимая во внимание относительную немногочисленность наблюдений и отсутствие статистической значимости отмеченных различий, их корректную трактовку мы считаем делом будущего. Отметим также, что в абсолютном выражении на детскую группу приходится наибольшее количество воспалительных заболеваний черепа (в первую очередь мастоидита и отита), по-видимому, нередко являвшихся непосредственной причиной смерти.

Травмы. Уровень травматизма в поздней гонурской серии можно охарактеризовать как относительно невысокий. Суммарно преобладают травматические повреждения пояса и свободной верхней конечности, отмечающиеся и в детско-подростковой подгруппе (2,5%). При рассмотрении гендерного распределения травм обращает внимание закономерное преобладание мужской подгруппы над женской. Особенно это касается распределения различных черепных повреждений (от небольших повреждений носовой области до тяжелых сочетанных травм) (7,8% – мужчины, 2% – женщины). Показатель распространенности черепных травм традиционно выступает своеобразным маркером агрессивности, неблагополучия социальной атмосферы в популяции (Бужилова, 1998). В нашем случае некоторое увеличение частоты встречаемости травматических повреждений черепа можно объяснить достаточно высокой численностью и плотностью населения столичного города Древней Маргианы. Последнее приводит к повышению агрессивного фона, что, в первую очередь, касается мужчин как наиболее социально активной группы.

Травмы посткраниального скелета в подавляющем большинстве случаев, вероятно, следует рассматривать как носящие бытовой характер. Об этом, по-видимому, свидетельствует значительное сходство показателей распределения травм посткраниума у мужчин и женщин. Относительно возрастной динамики травматических повреждений можно отметить, что наибольший процент черепных травм у мужчин приходится на старческий возраст (в

абсолютном выражении – на зрелый), а у женщин – на зрелый. Посткраниальные повреждения преобладают у мужчин зрелого возраста и пожилых женщин. У женщин старческого возраста повышение вероятности переломов костей конечностей связано, очевидно, с закономерным увеличением хрупкости костей.

Ушные экзостозы. Экзостозы ушного канала представляют собой опухоли остеобластического происхождения, располагающиеся чаще билатерально. Данная патология встречается преимущественно у мужчин и связывается рядом исследователей (Harrison, Capasso, Standen et al. и др.) с негативным воздействием холодной воды, способствующей сужению кровеносных сосудов в ушном канале (по Бужилова, 1998). На материалах из раскопок руин Гонура наличие оссеофитных образований в ушном проходе фиксировалось исключительно у мужчин зрелого возраста (три случая – погребения №№ 3331, 3683 и 3702). В условиях аридного климата систематическое воздействие холодной воды, возможно, могло иметь место при гидротехнических работах по налаживанию и чистке водосборных и водораспределительных сооружений (Дубова, Куфтерин, 2008). Такое предположение представляется весьма правдоподобным в свете наличия на Гонуре развитой и достаточно сложной гидротехнической системы (Сарианиди, 2005; 2008). Индивиды из погребений 3331, 3683 и 3702 могли являться членами специальной «гидротехнической команды». На эту мысль наталкивает, во-первых, единичность наблюдений и, во-вторых, принадлежность субъектов с данной патологией к одной возрастной когорте. Более позднюю аналогию представляют собой города средневекового Туркменистана, в которых за состоянием водосборов и водораспределителей тщательно следили (Ходжаниязов, Нургельдыев, 2004).

Говоря о «качестве» жизни позднего населения Гонур-Депе, следует отметить, что в свете палеопатологических характеристик данная группа демонстрирует достаточно хорошую адаптированность к условиям окружающей среды. Об этом мы можем судить по относительно невысокой, в целом, частоте встречаемости комплекса различных патологических маркеров. К основным патогенным факторам, характеризующим палеопатологический профиль рассмотренной выборки, следует отнести механический стресс (обуславливающий некоторое завышение процента заболеваний суставов и позвоночника),

а также значительную плотность и скученность (несмотря на постепенное «запустение» Гонура) населения. Характер распределения показателя *Cribra orbitalia*, возможно, отражает последствия адаптации к высокому содержанию патогенных микроорганизмов в среде (Бужилова, 2001). Значительная инфекционная опасность, свойственная столичному городу с большой численностью населения, прежде всего, затрагивала детскую часть популяции, демонстрирующую наиболее высокий процент встречаемости поротического гиперостоза. У взрослого населения фактор «урбанизированности» проявлялся в некотором повышении агрессивного фона. Об этом свидетельствует характер черепного травматизма мужской подгруппы. Анализ зубочелюстных патологий позволяет констатировать наличие определенного пищевого стресса, связанного, в первую очередь, с преобладанием в диете продуктов растительного происхождения. Однако более глубокая разработка данного вопроса требует специального рассмотрения дентальных патологий. В заключение, еще раз подчеркнем достаточно хорошую приспособленность позднего населения Гонура к комплексу местных природно-климатических условий. В перспективе интересным представляется сопоставление палеопатологического профиля населения, оставившего группу ранних захоронений (большой некрополь Гонура) и рассмотренной серии.

Благодарности

Пользуясь случаем, автор хотел бы выразить искреннюю признательность своему научному руководителю – Надежде Анатольевне Дубовой и начальнику Маргианской археологической экспедиции – Виктору Ивановичу Сарианиди за помощь, поддержку и возможность работы с материалом из раскопок Гонур-Депе, а также еще раз поздравить их с замечательными юбилеями.

Литература

Бабаков О. Болезни и травмы древнего и средневекового населения Туркменистана // Труды Маргианской археологической экспедиции. 2008. Т. 2. С. 121 – 124.

Боруцкая С.Б. Палеоантропологическое исследование погребений Усть-Иерусалимского могильника г. Болгар (Татарстан) // Вестник антропологии. 2004. Вып. 11. С. 102 – 107.

Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998. С. 87 – 146.

Бужилова А.П. Анемия у древнего населения как один из индикаторов окружающей среды: анализ остеологических маркеров // Вестник антропологии. 2001. Вып. 7. С. 227 – 236.

Дубова Н.А., Куфтерин В.В. Фактор адаптации в формировании физического типа древнего населения юга Средней Азии: пример Гонур-Депе, Туркменистан // Актуальные направления антропологии. М., 2008. С. 113 – 116.

Сарианиди В.И. Маргуш. Древневосточное царство в древней дельте реки Мургаб. Ашхабад, 2002. 360 с.

Сарианиди В.И. Гонур. Город царей и богов. Ашхабад, 2005. 328 с.

Сарианиди В.И. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад, 2008. 342 с.

Ходжаниязов Т., Нургельдыев Я. Средневековые общественные водохранилища в городах Южного Туркменистана // У истоков цивилизации. М., 2004. С. 458 – 461.

Dubova N.A., Rykushina G.V. New data on anthropology of the necropolis of Gonur-Depe // Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur. 2nd Edition. Athens, 2007. P. 296 – 329.

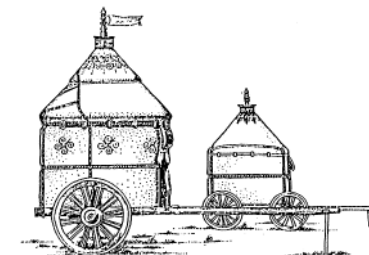
White T.D., Folkens P.A. The human bone manual. San Diego, 2005. 464 p.

С.Е. Ажигали

ДРЕВНОСТИ «СТРАНЫ-КРАТЕРА». ОБ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ КОЧЕВОГО АРАЛО-КАСПИЯ

Прикаспий, Арало-Каспий... В последние годы эти названия вызывают ассоциации, прежде всего, с бурным освоением находящихся здесь нефтегазовых месторождений. (Если, конечно, на мгновение отрешиться от грустной и весьма серьезной аральской трагедии). К сожалению, гораздо меньше и совершенно незаслуженно, обращается внимание на уникальное историко-культурное значение Арало-Каспийского региона, в частности его центральной, аридно-степной зоны.

Показательно, что еще Александр Гумбольдт, посетивший Северный Прикаспий в 1829 г, отметил в своем труде «Asie Centrale» наиважнейшие географические особенности пониженных пространств от Черного моря до Восточного Приаралья включительно – как величайшей в мире котловины или «страны-кратера». Впоследствии специалисты-естественники немало занимались изучением Арало-Каспийского региона и его особенностей. *Культурно-историческое своеобразие* этого степного (пустынно-степного) *ареала*, с глубокой древности осваивавшегося скотоводами, *изначально оказалось*, как бы, *сродни его общегеографической специфике*. Не случайно субстратные факторы сыграли первостепенную роль в этно- и культурогенезе этого специфического региона; перманентное их значение в немалой степени было связано с межаралокаспийской экокультурной нишей (исторический Мангышлак). Вследствие этих естественноисторических условий громадная территория аридно-степного Арало-Каспия на протяжении почти 3-х тысячелетий являлась, по существу,

Арба-күймелердегі тұрғын.
Б. Ибраевтың суреті
Жилище на повозках – күйме.
Рис. Б. Ибраева

классической страной кочевничества – пожалуй, наиболее ярко выраженной и крупной в Евразии.

Арало-Каспийский историко-культурный регион, географически включающий в себя территории равнинной страны Турана, Прикаспийской низменности и южной оконечности Уральских гор, давно признается специалистами как важнейший очаг этногенетических и этнокультурных процессов в Старом Свете. В геополитическом плане характерно издревле стыковочное положение региона, который наряду с соседней Сарыаркой находился в окружении и даже «вклинивался» в крупные историко-культурные ареалы: Средняя Азия, Алтае-Саянское нагорье, Кавказ, Восточная Европа. Здесь пролегали связи континентального масштаба, которые объединяли эти области, Азию и Европу. В северной своей части Арало-Каспийский регион со временем становится составной частью крупнейшего историко-культурного пространства – Великого пояса степей.

В целом рассматриваемый регион предстает перед нами как важнейший культурно-генетический очаг, с которым связана историческая судьба многих народов древности, средневековья и нового времени: массагетов, дахов-парфян, алан, мадьяр-венгров, огузов-сельджуков, кыпчаков, казахов, туркмен, башкир, каракалпаков и др. Ареал, с которым связано становление скотоводства в умеренном поясе, в связи с нахождением на северной и южной его окраинах вероятных центров доместикации коня и овцы; возвышение и падение крупнейших этнополитических объединений, государств – Массagetского Турана, Государства огузских ябгу, Ногайской Орды.

Центральную часть обширного региона – то есть Арало-Каспий в узком смысле – занимает Западный Казахстан и прилегающие территории: п-ов Мангышлак (Манкыс-тау), плато Устюрт, Северное Приаралье и Прикаспий. В данном

Түрік иконографиясының үлгісі. Тува тас мүсінінің сұлба суреті
Образец тюркской иконографии.
Прорисовка каменного изваяния из Тувы

издании, в основном, пойдет речь об историко-культурном значении, памятниках этой, достаточно крупной, аридно-степной зоны Евразии.

* * *

Особенности географических, естественно-климатических условий послужили основой развития в Арало-Каспийских степях в прошлом экстенсивных форм скотоводства с широкой амплитудой посезонного использования пастбищ – единственно

Қабіртастардың түрлері Типы каменных надгробий

рентабельных форм хозяйствования в доиндустриальную эпоху в аридной зоне умеренного пояса. Издревле здесь шел процесс формирования очень своеобразной культуры кочевников-скотоводов, которая, в частности, ярко воплотилась в традиционной культуре казахов Западного Казахстана, а также туркмен, каракалпаков, башкир, ногайцев и др. Несмотря на то, что население региона на протяжении 3-х тысячелетий (I тыс. до н.э. – II тыс. н.э., вплоть до начала XX в.) вело кочевой образ жизни, им оставлено огромное число памятников культурно-исторического значения. В этом отношении Арало-Каспий представляет собой уникальную историко-культурную область, не имеющую прецедентов в исторически кочевнических районах Евразии.

В конкретно-историческом плане рассматриваемая территория представляет особый интерес. Древнейшие следы жизнедеятельности человека обнаруживаются на Мангышлаке: палеолитические стоянки Шагбагата, у пос. Сенек, Онежек I-VII. Памятники мезолитической эпохи известны в Северном Прикаспии – стоянки Шошканы и Копалак на западе песков Нарынкум. Более изучены древности эпохи неолита (новокаменного века) в мангышлакско-устюртском районе и на Эмбе. Это – стоянки охотников и рыболовов по берегам рек и водоемов («озерный» этап в ранне-среднем голоцене), датирующиеся VI–II тыс. до н.э. И, в частности, основным занятием населения плато Устюрт в этот период была охота с частой перекочевкой с одной стоянки на другую.

С эпохи энеолита (стоянки III – начала II тыс. до н.э. в Нарынкумах, на Манкыстау) и в особенности с бронзового века (II тыс.

Салт атты. Маңкыстау түріктері.
Шақпақ-ата мешітінің жанындағы граффити-суретінің үзіндісі
Всадник. Тюрки Манкыстау.
Фрагмент рисунка-граффити у мечети Шақпақ-ата

до н.э.) в Западном Казахстане развивается скотоводческое хозяйство на базе овцеводства и коневодства. При этом в отдельных районах обнаруживаются следы древнейших стационарных, либо временно-стационарных, поселений – Токсанбай на Северном Устюрте. В эпоху бронзы в Арало-Каспии расселялись племена андроновской и срубной культур, границей которых являлась р. Урал. Памятники их (могильники, изредка поселения) исследованы соответственно: в долинах рр. Ори, Эмбы, на Мангышлаке

и в Урало-Волжском междуречье. Интересен, например, могильник Актау на восточном побережье Каспия с характерными каменными надмогильными, поминальными сооружениями. Культура андроновцев-коневонов, как видно, преобладала в регионе.

Преемниками андроновцев на территории Казахстана в I тыс. до н.э. были племена т.н. «ранних кочевников» – саков, массагетов, исседонов, сарматов и т.д. Многие из этих народов были зафиксированы в древнейшем источнике, сборнике религиозных гимнов зороастризма – Авесте: Tura, Sairima, Saini, Dahi и др. В Арало-Каспийском регионе расселялись многочисленные племена массагетской конфедерации (авестийские «туры», в персидских источниках: саки-тиграхауда), получившие в древности широкую известность в связи с неудачными походами на них иранских царей Кира II Великого (530 г. до н.э. – Кир и Томирис) и Дария (519-518 гг. до н.э.). Массагеты являлись кочевым народом, проживали на обширных пространствах Мангышлака, Устюрта, Северного Прикаспия и Приаралья. Северными их соседями были родственные племена «савроматов»-сарматов. Эти народы (которых большинство ученых считают ираноязычными) вели экстенсивное скотоводческое хозяйство с длинными меридиональными перекочевками; зимние их стойбища располагались в южных районах – Манкыстау, отдельные местности Устюрта, Кызылкумов, – где концентрировались основные мемориально-культурные комплексы кочевников и полукочевников региона (некрополи, святилища). В Северо-Восточном Прикаспии зафиксирован ряд памятников V-II вв. до н.э., оставленных массагетами и их потомками, – в т.ч. «царские» курганы на п-ове Бузачи, Эмбе, уникальные святилища Байте на Устюрте и комплекс Дмлтас на Тюпкарагане.

Группа замечательных памятников, связываемых с массагетской этнической средой, известна в Юго-Восточном Приаралье: поздние сооружения некрополя Тагискен (Тупскен), мавзолей Баланды II и др.

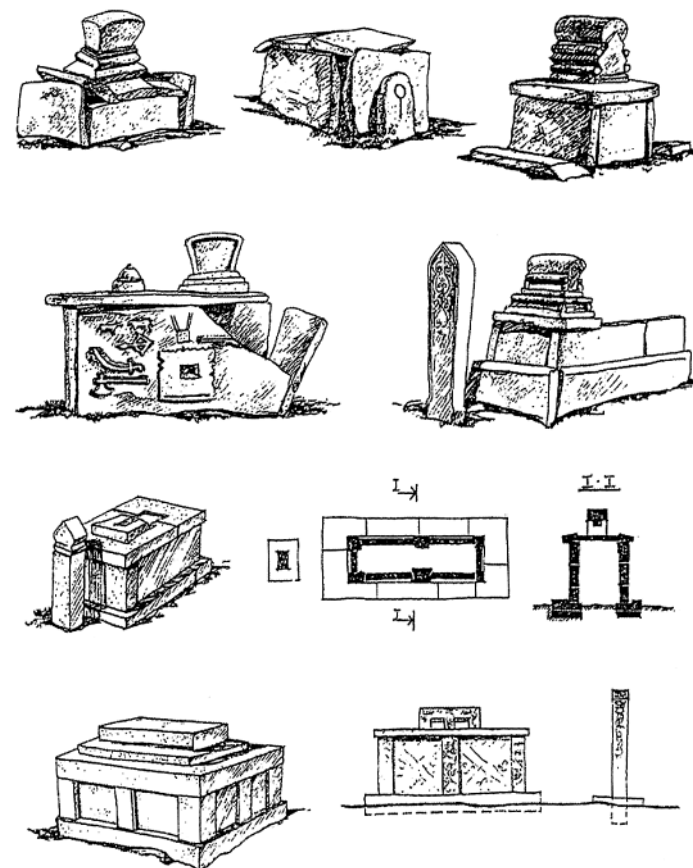
В IV-III вв. до н.э. – III-IV вв. н.э. в Западном Казахстане проживали родственные масса-

Салт атты хазар. Граффити.
(Салтов-маяк мәдениеті)
Хазарский всадник. Граффити.
(Салтово-маяцкая культура)

гетам племена дахов/даев – Dahi Авесты, затем аланов. Первые сыграли весьма важную роль в истории Среднего Востока: в середине III в. до н.э. одно из крупных племен арало-каспийских дахов-парнов во главе с Аршаком захватило юго-восток Прикаспия, в результате чего образовалось мощнейшее Парфянское царство, просуществовавшее почти 5 веков. (Кочевники оказали сильнейшее воздействие на парфянскую культуру, общество. И,

Жәшік-саркофагтардың (сандықтастардың) түрлері Типы ящиков-саркофагов (сандыктасов)

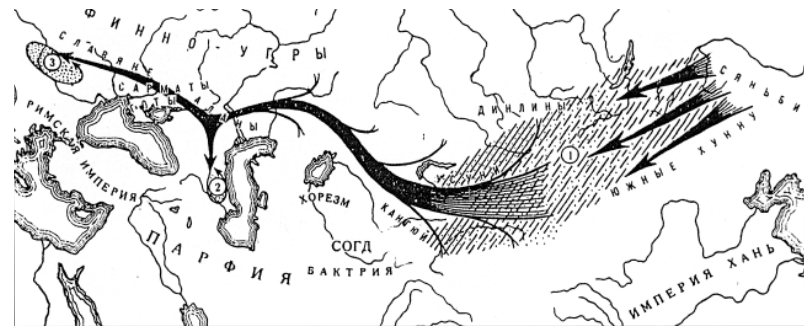

например, грандиозная победа парфян над римлянами в битве при Каррах в 53 г. до н.э. была достигнута благодаря особой военной тактике, выработанной степняками на их арало-каспийской родине). С именем «дахов-даев», видимо, связано древнее название р.Урал в форме «Даикс» (на карте Птолемея II в. н.э.): каз. Жайык, – Яик. Аланы же создали в конце I тыс. до н.э. в Северном Арало-Каспии довольно крупное государство Яньцай (Аланья), которое прекратило свое существование с приходом с востока хунну – гуннов. Племена и народы массагетского корня явили собой древний этнокультурный субстрат, проявившийся в культуре более поздних кочевых этносов региона: казахов, туркмен, каракалпаков, отчасти башкир. Племенное объединение массагетов, как считают ученые, являлось отдаленным предшественником казахского Младшего жуза.

С приходом в Северный Прикаспий хунну и формированием здесь во II–IV вв. н.э. мощного гуннского племенного союза, затем продвинувшегося далее на запад, начинается процесс активной тюркизации древних насельников Арало-Каспия. Он завершился в течение раннего средневековья (VI–X вв.), главным образом, благодаря племенам огузского происхождения. Этот период характеризуется сложной политической борьбой между огузами, печенегами, Хазарией и Хорезмом в Западном Казахстане. Так, в конце VIII–IX вв. северо-восточное побережье Каспия и Мангышлак входят в состав Хазарского каганата. Тем не менее, основные степные пространства Арало-Каспия занимали в этот период кочевники-огузы, у которых также имелись небольшие города-крепости в Северном Прикаспии и Мугоджарах: Даранда или Денде-ра (по-казахски: Дендер-Индер), Дарку. Погребальные сооружения степняков представляли собой курганы. К X–XI вв. относятся первые сведения о Мангышлаке – как «местности в стране гузов», а затем крепости одноименного названия.

Салт атты гун. Кытай суреті
Хунский всадник. Китайское изображение

Еуразиядагы хунну-гундар (С. Плетнева бойынша)
Хунну-гунны в Евразии (по С. Плетневой)

Начало средневековой эпохи ознаменовалось появлением на севере Арало-Каспия в XI в. кыпчакских племен. Наступает огузо-кыпчакский период истории Западного Казахстана (X–XIII вв.), когда наряду с кыпчаками в южных частях региона расселялись и огузо-туркменские племена т.н. язырского объединения (прибрежные районы Мангышлака, Бузачи). В это время в степях Арало-Каспия широко распространяются курганные памятники, в южных его районах, на Манкыстау появляются первые архитектурные комплексы: некрополи Шопан-ата, Караман-ата, Султан-Эпе, скальная мечеть Шакпак-ата.

В результате монгольского завоевания Западный Казахстан вошел в состав Улуса Жошы – золотоордынского государства (середина XIII – начало XV вв.), произошло временное поредение основного кочевого населения – кыпчаков. К этому периоду относится формирование и развитие крупных городских центров, крепостей в Прикаспии: Сарай (Селитренное городище) – столица Золотой Орды, Сарайчик (Сарайшык), Пайете (городище Актобе), Трестарго (городище Ушкан), Сам (в одноименных песках), Мельмеселак (Мангышлак), Вазир (городище Дэвкескенкала), а также строительство каравансараяв на Устюрте и в низовьях Эмбы, из которых наиболее известен знаменитый каравансарай Белеули. Среди кочевого населения постепенно распространяется ислам – строятся мечети в сугубо скотоводческих районах: например, на комплексе Канга-баба в Манкыстау.

К XIII–XIV вв. относятся значительные региональные перемещения групп огузо-туркменских племен, которые известны в народной традиции как «скитания салоров». Они затронули

и Северо-Восточный Прикаспий: салорский этап на Мангышлаке, Бузахи. В этот период в межаралокаспийском районе получают распространение особые типы каменных архитектурных сооружений – ступенчатые надгробия «койтас», скульптурные памятники «кошкартас», ящики-саркофаги (сандыктасы), надмогильные стелы, купольные мавзолеи, принадлежавшие как огузо-туркменским, так и протоказахским – кыпчакским племенам. Одновременно в северных степных районах исчезает древняя традиция возведения курганов. Надмогильные сооружения кочевников становятся более архитектурными и концентрируются в основном на родовых некрополях в южных районах зимования: к югу от Эмбы.

В XV—XVI вв. территории степного Арало-Каспия входят в состав Ногайской Орды, в рамках которой формируется родоплеменной костяк западных казахов под эгидой крупного племени алшын. Определяются политические ориентиры и другой крупной группы кочевников региона, южной его части, – туркмен: тяготение к Хивинскому ханству, образовавшемуся в начале XVI в. Впоследствии и у казахов устанавливаются довольно тесные, хотя и противоречивые, взаимоотношения с районом низовьев Амударьи, который в народе называется Бескала (Пять городов). Вместе с тем, к началу нового времени (конец XVII – начало XVIII вв.), несмотря на весьма сложные этнополитические условия, в особенности периодические нашествия калмыков (джунгар), окончательно оформилась этнотерриториальная общность казахов Младшего жуза в рамках единого народа. В течение XVIII—XIX вв. кочевники-казахи расселяются на всей территории Западного Казахстана по соседству с другими родственными народами региона. В политическом же плане территория Казахстана в этот период поэтапно входит в состав Российской империи, при этом значительная, северная, часть Арало-Каспия наиболее рано подвергается колонизации. Постепенно происходят существенные изменения в хозяйстве и культуре кочевников-скотоводов в связи с началом перехода к полуседлости.

В течение многовековой истории скотоводческие народы Арало-Каспия достигли значительных высот *хозяйственно-культурного освоения* этой, весьма суровой, по существу пустынной зоны. Это, например, колоссальный опыт животноводства, на основе которого были выведены особо ценные и поныне породы домашнего

скота. Причем нередко эти достижения базировались на взаимообогащении культур: так, широко известная едильбаевская порода овец, выведенная скотоводами Северного Прикаспия, явилась результатом скрещивания казахских овец и калмыцких баранов; выносливые верховые лошади «адаевской породы» сложились в результате длительной метизации казахской степной породы «жабы» и туркменской лошади; то же можно сказать о западно-казахстанских и астраханских верблюдах-бактрианах. В районах Манкыстау и Устюрта получила распространение уникальная традиция рытья глубоких (до 100 м) колодцев, искусно обложенных камнем, которые у казахов называются «шыщырау».

В Западном Казахстане особое развитие приобрело многоликое и синкретичное декоративно-прикладное искусство – в частности в Прикаспий выработался специфический «геометрический стиль» в ювелирном искусстве, который находит аналогии с традициями металлообработки у туркмен, каракалпаков, народов Северного Кавказа. Существенными утилитарными особенностями, обусловленными ярко выраженной исторической формой хозяйствования, характеризовались другие виды народного искусства насельников региона и, прежде всего, казахов: художественная обработка кожи, текстиля и даже малодоступного дерева, изделия из которых были приспособлены к сугубо кочевой жизни (например, специфические компактные подголовники – «жастык, агаш» и т.д.). Исключительным своеобразием и силой отличается музыкальное творчество народов Арало-Каспия, которое находит взаимные переключки в инструментальной технике, репертуаре, других особенностях. У западных казахов – это выдающаяся домбровая традиция. Специфическим примером культурных особенностей, сложившихся на древней «туранской», арало-каспийской почве (массагетский субстрат) является наличие поминок на сотый день (жузі), характерных для туркмен, каракалпаков и западных казахов. Особо следует отметить уникальное народное зодчество и мемориальное камнерезное искусство Западного Казахстана, которые наиболее ярко отражают особенности истории и культуры региона. Об этом будет сказано отдельно.

Определенные проявления специфики регионального культурогенеза обнаруживаются и в этнопсихологических особенностях. В суровых природно-климатических и сложных исто-

рических условиях у кочевников Арало-Каспия – этой наиболее классической страны номадизма в Евразии – сложился особый («пассионарный», по выражению Л.Н. Гумилева) менталитет, нашедший яркое выражение в деятельности талантливых государственных деятелей, отважных народных предводителей, батыров: массагетская царица Томирис, дахский Аршак – основатель могущественного Парфянского государства; хазарский Елтигер (Алп-Илитвер), совершавший походы в Восточный Прикаспий, вошедшие в эпос Салор-Казан и Кобланды; знаменитый эмир Едыге, Абат-батыр, Жалантос-бахадур – строитель медресе Ширдор и Тиллякари в Самарканде; Сырым Датұлы, Исатай и Махамбет, Барак-батыр, Сююнкара, Есет Котебарұлы, которого российские современники называли Шамилем степи, и многие др.

* * *

Наиболее репрезентативной частью историко-культурного наследия Арало-Каспия является массовый **комплекс памятников мемориально-культовой архитектуры** кочевников и полукочевников региона II тыс. н.э. По нашим оценкам, основанным на 25-летних изысканиях, в Западном Казахстане и прилегающих территориях насчитывается не менее 50 тыс. памятников историко-культурного, художественного значения, хотя и эта цифра представляется несколько заниженной. Показательным в этом отношении является, например, сравнение с традицией монументальных надгробий-стечаків богомилов в Боснии и Герцеговине X-XV вв., количество которых, по различным данным, достигает от 30 до 50 тыс. По своему размаху арало-каспийский феномен, складывавшийся в неблагоприятных условиях аридно-степной зоны, в недрах кочевнического общества, как видим, сопоставим с аналогичными общепризнанными достижениями цивилизации.

Многообразные памятники мемориально-культовой архитектуры эпохи средневековья и нового времени – мечети, мавзолеи, архитектурные ограды, надмогильные стелы, надгробия и т.д. – распространены на всей территории Западного Казахстана и прилегающих областях. В основном они сосредоточены на крупных и небольших некрополях, кладбищах (*к.орым. бейіт*), культовых комплексах (*аулие*). Многие из них поистине

являются «городами мертвых», как, например, крупнейший мемориально-культовый комплекс степной Евразии – Шопан-ата, насчитывающий более 2 тыс. надмогильных сооружений. Значительное число памятников Арало-Каспия, в соответствии с обилием в регионе строительных материалов (известняк, песчаник), представляют собой камнерезные сооружения. В целом в ареале выделяются два характерных комплекса мемориально-культовых памятников:

1. южный – манкыстау-устюртский, для которого свойственны обилие и массовость надмогильных сооружений, архаизм их облика, преимущественная концентрация на ранних средневековых некрополях и кладбищах;
2. северный – менее насыщенный типичными (камнерезными) памятниками и отражающий некоторое влияние южно- и центрально-казахстанской архитектурных традиций.

Такое положение связано с очаговым культурно-историческим значением мангышлакско-устюртской области, как основного района зимования кочевых скотоводов Арало-Каспия (вплоть до середины XIX в.). Именно здесь в течение средневековья складывались крупные мемориально-культовые комплексы, выработалась оригинальная архитектурная камнерезная школа. Распространение аналогичных памятников (групповых и одиночных) на севере в основном происходило в новое время. В этом плане показательна хронология (начало формирования) комплексов, распределяющихся на три основные группы:

1. средневековые огузо-кыпчакского периода – XI-XIII вв. (Шопан-ата, Султан-Эпе, Шакпак-ата, Караман-ата, возможно Балгасын);
2. позднесредневековые – XIV (изредка), XV–XVIII вв. (Канга-баба, Кенттг баба, Уштам, Масат-ата, Сисем-ата, Абат-Байтак, Карасакал, Асан-кожа и др.);
3. нового времени – XVIII–XIX вв. (Карашык, Кызылсу, Сагындык, Бейсембай, Алып-ана, Даумшар, Тайлан, Даут-ата, Улькен Жыбыскы, Сулікті Сейит-Бабай, Алтын, Карабас-аулие, Хан моласы, Хан зираты в Орде и т.д.). Верхней временной границей всех комплексов является XIX и начало XX в.

Соответственно имеются различия в этническом, родоплеменном составе некрополей. Так, в некоторых районах Манкыстау и Устюрта распространены туркменские, разнородные казахско-

туркменские комплексы. Основная масса некрополей и кладбищ исследованного района – казахские, относящиеся к эпохе позднего средневековья и нового времени (XV—XIX вв.). По родоплеменной принадлежности почти все они разнообразны.

И, наконец, географически в Западном Казахстане выделяются семь достаточно выраженных локальных групп памятников – мангышлакская (манкыстауская), устюртская, северо-устюртская (донызтауская), эмбо-сагызская, северо-прикаспийская (с атырауской, букеевско-ординской, восточно-прижайыкской подгруппами), хобдинско-илекская, северо-приаральская. На основе полного ареального обследования, произведенного автором, главным образом, в течение 1978-1998 гг., выявлено уникальное многообразие мемориально-культурной архитектуры кочевников Арало-Каспия XI – начала XX вв. Детально разработаны проблемы типологии, генезиса и культурно-исторической интерпретации памятников. Здесь вкратце остановимся лишь на характеристике основных видов мемориально-культовых сооружений.

В аридно-степной зоне Арало-Каспия распространены следующие характерные виды (категории) мемориально-культовых памятников:

I. Мечети. Имеют наибольшее распространение на Манкыстау, Северном Устюрте, в отдельных районах Северного Приаралья. Типы: скально-подземные, степные напольные (простые), наземные стеновые («архитектурные»). В Северо-Восточном Прикаспий встречаются подземный и наземный варианты этих сооружений. Выдающимися образцами памятников являются мечети Шакпак-ата, Канга-баба, Бекет-ата, Досжан-ишана (Кайнар), Ишан-ата, акына Дюйсемби, Исатая.

II. Купольные мавзолеи («там», «кумбез», «мазар») – один из наиболее популярных видов мемориальных зданий, распространенных повсеместно. Выделяются две группы памятников – однокамерные и многокамерные. Среди них различаются многочисленные типы, подтипы и варианты: по планировке – округлая, подквадратная, многогранная, прямоугольная, крестообразная, радиальная; по особому оформлению входной части длинным коридором, порталом – «тамбурные», портално-купольные; по материалу – сырцовый и жженный кирпич, отесанные и опиленные каменные блоки и плиты, деревянные

конструкции, кованое железо. Памятники, построенные в подражание кочевому жилищу – юрте, называются «уйтам». В Арало-Каспии имеется немало уникальных мавзолеев общерегионального и даже мирового значения: Баланды, Кок-кумбет, Абат-Байтак, Балгасын (разв.), Карагула, Омара и Тура, Айтмана, Алмата Тобабергенулы.

III. Архитектурные ограды типа «торткулак». Четырехугольные в плане сооружения без перекрытия, выполненные из сырцового кирпича и необработанного или слабо-обработанного камня (плитняк, блоки). Типы различаются по характеру строительного материала и конструкции стен: с угловыми возвышениями и без них.

IV. Саганатамы, называемые также в народе «керегетамы» – тоже четырехугольные (редко многогранные) в плане архитектурные ограды, сооруженные из тщательно опиленных каменных блоков и плит, очень редко из жженного кирпича, с декоративной обработкой стен. Это сугубо казахский вид монументальных сооружений мемориального зодчества. Основным ареал: Манкыстау, Устюрт, Эмба, Сагыз. Известны выдающиеся образцы памятников – саганатамы Нурмаганбета в Асан-кожа, Базара Мендалиулы в Жолболды, сооружение с колоннами в м. Медет и многие др.

V. Кулпытасы – надмогильные стелы казахов, представляющие собой вкопанный каменный резной столб, плиту у изголовья захоронения (с западной стороны). Наиболее массовая и разнообразная категория памятников Западного Казахстана. Различается множество типов и вариантов по характеру объемно-декоративного решения, наличию арабграфичных надписей и т.п. На кулпытасах, как правило, высекается в нижней части родовой знак – тамга (тацба). Весьма интересен вопрос происхождения, семантики этих самобытных памятников, которые, очевидно, олицетворяют идею ритуальной коновязи, в связи с широко распространенным культом коня в погребальном обряде степняков.

VI. Надгробия – представляют собой также массовый вид каменных памятников, но распространены лишь в районах к югу от долины р. Сагыз. Выделяются два основных разряда: стилизованные (типа «койтас») и скульптурно-стилизованные (кошкартас или аркартас). Надгробия типа «койтас» очень разнообразны

по типам, вариантам; «кошкартасы», в основе которых лежит образ барана, муфлона, весьма редки.

VII. *Ящики-саркофаги (сандык-тасы)* – достаточно распространенный в Восточном Прикаспии, на Устюрте, Эмбе вид надмогильных сооружений из каменных плит. Различаются архаичные (из слабообработанных плит) и архитектурно-художественные сандыктасы.

VIII. *Ограды (простые) типа «Корган»* – овальные и округлые в плане стеновые сооружения из камня, кирпича, дерна (шым), камыша (типа «шеген»), металлических конструкций.

IX. *Надмогильные насыпи, наброски* – традиционный древний вид мемориальных сооружений, распространенных повсеместно. Различаются по материалу: земляные, каменно-земляные, каменные.

Все уникальное многообразие архитектуры Арало-Каспия создают в основном *композиционные (сложные) виды памятников*, поскольку в «чистом» виде указанные категории, типы мемориальных сооружений (в т.ч. и монументальных) встречаются крайне редко. Наиболее популярным видом композиционного памятника является система кулпытас-койтас.

Массовый комплекс мемориально-культовых сооружений рассматриваемого региона имеет важнейшее историко-культурное, этнографическое значение, поскольку памятники окружены многочисленными историческими преданиями и легендами, являются местами захоронения многих выдающихся деятелей прошлого, поверхности их покрыты арабо-графическими эпитафиями, тамгами, разнообразными рисунками и орнаментальным декором. Например, на ранних камнерезных сооружениях Манкыстау и Устюрта выявляются знаки племен огузо-кыпчакского периода – т.н. «тамги детей Огуза», – которые согласуются со сведениями Махмуда Кашгарского и Рашидаддина, дополняют их. Восстанавливается также достоверная система тамг казахов Младшего жуза и т.д.

Таким образом, архитектурные памятники Арало-Каспия уникальны по своей многочисленности, разнообразию и несомой ими историко-культурной информации. В настоящее время особо остро стоят вопросы их охраны, поскольку большинство из них расположено в зонах активного нефтегазового освоения региона. Следует помнить, что замечательные памятники древних кочев-

ников и полукочевников Арало-Каспийского региона (ставшего сейчас средоточием экономических и геополитических интересов) являют собой национальную гордость и непреходящее достоинство не только казахского народа, но и всех тюркских народов, многих других этносов, история и культура которых связана с землей древнего Турана.

В.Н. Калущков

НАРОДНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В РОССИИ XVIII-XX ВЕКОВ (на материале русских географических песен)

Представление о народном путешествии

В обширной литературе о путешествиях, включая собственно географическую литературу, сложилось устойчивое представление о путешествии как сугубо личностном акте преодоления (посижения) новых пространств [например, Замятин, 2003 и др.]. Сам общественный статус путешественника и самого путешествия вплоть до эпохи развития массового туризма был довольно высок. Можно утверждать, что вплоть до XX века путешествие было делом элиты общества.

Знаменитые путешественники и их выдающиеся произведения всегда отражали определенные общественные позиции, например, Н.М. Карамзин и де Кюстин демонстрировали отношение русского общества к Европе и, соответственно, европейского общества к России [Карамзин, 1983, Записки..., 1990]. При этом, всегда сохранялся авторский, личностный взгляд, который и служил основой для литературного творчества.

Народное путешествие – деперсонифицированное путешествие. В отличие от элитарного путешествия, его осуществляли анонимные авторы, люди «из народа» – купцы, плотогоны, крестьяне.

В его основе также лежит личностный опыт преодоления пространств. Но это такой личностный опыт, который был осмыслен и выражен в культурных формах, воспринят окружающим региональным или локальным сообществом и через него введен в устную народную культуру. Найденные текстовые формулы описания окружающего пространства зачастую оказывались настолько удачными, что воспринимались и распространялись по территории целых регионов, приобретая при этом свои локальные варианты. Так, например, произошло с географической песней «Не отдай меня, батюшка», широко известной на обширной территории Поонежья, или «Сыроелью река протек-

ла», варианты которой записаны на всем пространстве Русского Севера.

В отличие от элитарного (литературного или научного) путешествия, которые тесно связаны с письменной, литературной традицией, для народного путешествия важнейшую роль играет устная традиция и, соответственно, фольклорные тексты, живые и записанные.

Основные задачи настоящего исследования заключаются в представлении оригинального материала русских географических песен и введении их в научный оборот географического и «окологеографического» сообщества; среди других задач – разработка концепта путешествия и на ее основе интерпретация представленного фольклорно-ландшафтного материала.

Что такое географические песни?

Термин «географические песни» введен крупным русским этнографом и фольклористом Дмитрием Константиновичем Зелениным в начале XX века [Зеленин, 1904]. Первично им обозначались авторские стихотворные тексты о странах, городах и их жителях, позволяющие лучше усваивать школьные уроки по географии. Тем самым сначала географические песни представляли собой дидактические, «дважды» географические тексты – о географических объектах и для географов.

У Д.К. Зеленина есть и собственно фольклорные, неавторские тексты географических песен, записанные им у крестьян Вятской губернии: «Таких песен для Вятской губернии нам известно две. Обе относятся к окраинам. Одна записана мною в с. Шулке Яранского уезда; в ней мы находим характеристики 19 деревень юго-восточной части Яранского уезда...» [Зеленин, 1994]. Другая «... песня записана в 1893 г. Она только частью принадлежит к Вятской губернии, частью же к пограничным губерниям: Казанской и Уфимской. И записана она вне пределов нашей губернии, а именно в с. Соколях Мамадышского уезда Казанской губернии...

Гладенькая лошадушка – Шарыгинская (1);*

То высока дуга – Щепалинская слуга (2).

Гречушные блинцы – то и Яковлевцы (3);

А Казыльски мужики – настоящи вотяки (4):

* Названия местных сообществ и названия мест оцифрованы нами по мере их упоминания в тексте.

*Они белочек ловили, гостей потчевали.
 Сукова подоплека – то Еловская (5);
 Язык молодят – Сентяковские (6);
 Худенький халатишка – Елабужской (7);
 С закалой калачи – Мамадышевски (8).
 Кувькувакушки – Свиногорски девки-лапушки (9).
 В Котловке – люди ловки (10),
 А в Сентяке – люди всяки (6).*

*А в Соколке (11) во селе (вар.: на горе. – Д.З.)
 Тужат девки о себе,
 Они тужат и горюют.
 И не знают, как и быть:
 В селе некого любить.
 Афанасовски ребята (12)
 Серебром девок дарят –
 Кому рубль, кому два,
 Мне – полтину серебра.
 Что Сокольские ребята (11)
 Яблок к яблоку набрать;
 Все пошили дипломаты;
 Распахнулись их полы –
 У них вышиты подолы.
 А Граханские ребята (13) –
 Уж как они горбаты!...»*

В нашем исследовании под географическими песнями (или географическими спевами) понимаются фольклорные тексты с пространственно-географической доминантой.

Эти тексты можно назвать географически ориентированным фольклором. Они всегда связаны с определенной территорией – страной, краем, местностью, городом, деревней. С формальной позиции географические песни всегда содержат топонимы, этнонимы или этникины*. Однако к ним не может быть отнесен любой фольклорный текст с такой спецификой. В географичес-

* Под этником понимается название (и самоназвание) регионального или локального сообщества, в явном виде не имеющее этнического компонента, например, сибиряки, поморы, москвичи.

ких песнях топонимы и этникины задают и удерживают географическое пространство, пространство определенного культурного ландшафта.

Географические песни – это тексты-описания, тексты-оценки определенного культурного (этнокультурного) ландшафта. При этом выявить сам ландшафт, определить его своеобразие и границы можно только в процессе комплексного исследования этих текстов.

Для этнокультурного ландшафтоведения важна не только историческая или этнокультурная информация, содержащаяся в таких текстах, но и ее территориально-пространственная «упаковка», ее собственно географическое измерение. Их большая культурная и научная ценность заключается в том, что в них заключен народный (этнический) опыт освоения пространства. Эти тексты несут важную информацию о состоянии культурных ландшафтов регионов, городов, деревень в определенные временные срезы. Тем самым географические песни позволяют представить (репрезентировать) ландшафтные пространственно-временные хронотопы [Калущков, 2000, 2008].

В то же время по тому, как организована эта пространственная информация, можно судить об отношении людей к тем или иным географическим объектам. Это ландшафтное пространство определенным образом организовано – центрировано, трансформировано, искривлено. Перед нами предстают **живые культурные ландшафты**, «представленные» с позиции определенного человеческого сообщества (регионального, локального) или социально-профессиональной группы.

Жанровый состав таких текстов довольно широк – от былин до свадебных песен и частушек. Исследователями выявлены сотни таких географических текстов в разных регионах России – от Архангельской до Астраханской области, от Латвии до Урала. Фольклористы и этнографы плодотворно занимаются этим материалом и потому этнокультурные аспекты исследованы относительно хорошо [Бахтин, 1976, Кругляшова, Карташева, 1980, Карташева, 1985, Иванова, 1998, Дранникова 2002, Ковпик, Кулагина, 2003, Мороз, Иванова, Слепцова, 2003]. Разработана комплексная с учетом географических аспектов классификация «географических песен» [Калущков, 2003, Иванова, Калущков, 2006].

Репрезентация и интерпретация географических песен

Для понимания географических песен важны внетекстовые – географические, точнее ландшафтно-географические – связи. Без географии и этнокультурного ландшафтоведения эти фольклорные тексты не могут быть адекватно поняты, полноценно описаны и проинтерпретированы. Иначе, эти тексты географические не только по характеру материала, но и по методу их исследования и интерпретации.

Сложный характер самих текстов, значительная роль внетекстовых факторов предполагает необходимость комплексного подхода к их репрезентации и интерпретации. Многоаспектность такого рода материала хорошо «схватывается» при применении междисциплинарной концепции культурного ландшафта [Иванова, 1998, Калущков, 2000].

Важную роль играет **текстовая репрезентация** с представлением региональных и локальных вариантов текстов. Например, географическая песня «Сыроелью река протекла» широко распространена на Русском Севере, по жанру она относится к свадебным песням. Представим несколько ее вариантов.

Вариант 1:

«Сыроелью река протекла
Протекла подо все города
Под Москву (I) и под Вологду (II)
Под высокие Матигоры (1)
Под прекрасные Холмогоры (2)
Да под Бел-град Архангельской (3)
Под весёлое Кегострово (4)
Под вельмудрое Кудмозеро (5)
Да под чистую Солзу-реку (6)
Под богатую Нёноксу (7)
Да ко Белому морюшку (III).»

(Записано в 1997 г. Ю.А. Давыдовой от В.И. Владимировой и Н.Ф. Елиной, уроженцев Каргопольского района Архангельской области в Северодвинске: личный архив Ю.А. Давыдовой).

Вариант 2:

Сырой елью река протекала,
Подо все города подошла:
Ой, под Москву (I) и под Вологду (II)
Да под третьего град Архангельский (1),
Да под славные Матигоры (2),
Под высокие Хаврогоры (3),
Да под калачное Емецко (4),
Да под перву-то Селецкую (5),
Да что под кислое Меландово (6),
Что под болотце сред Мехреньги (7),
Да под деревню под Кривечку (8).
Да во дворе во Кривецком
Да мужики живут богатые,
Ой да хлебом-солью тароватые.
Да у родителя у батюшка
Да полон двор лошадей стоит,
Да полна горенка гостей сидит,
Да одного-то гостя нет как нет,
Да нет одного гостя любимого,
Да нету брателка родимого,
Да Василья Николаевича.

(Записано в 1969 г. А. Панковым в д. Заборье Холмогорского р-на Архангельской обл. от Е.А. Ермолиной, 74 г., уроженки д. Мехреньга Холмогор р-на: АКФ 1969, т. 34, № 102; ФЭ 08:0262-0263).

Вариант 3:

Ель-елью,
Протекает река быстра
Да из Москвой (I), из-под Вологду (II),
Ель-елью,
Православной вот наш город Архангельский (III),
Ели-ель-елию.
Вот сосновы (...)
От нашей славный Мезень-град (1),
Ели-ель-елию,
Под Кузьмин-городок (2),
Ели-ель-елию.

Протекала река быстрая,
 Ели-ель-елию,
 Под наше славно Азаполье (3),
 Ели-ель-елию,
 На горы высокою,
 Ели-ель-елию,
 На красоты-то на великою,
 Ели-ель-елию.
 Что в нашем славном Азаполье,
 Ели-ель-елию,
 Мужики живут богатые,
 Ели-ель-елию,
 Все крестьяне да тароватые,
 Ели-ель-елию,
 Старушки-то богомольщицы.

(Записано в 1975 г. И. Жуковой и И. Ванюшиной в д. Азаполье Мезенского р-на Архангельской обл. от П.Ф. Юдиной, 71 г., грам., мест.; АКФ 1975, т. 193, № 11; ФЭ 10:6315-6316).

Для репрезентации и интерпретации географических песен важны **этнокультурные комментарии** собирателя или самого исполнителя, а при их отсутствии «вторичные» полевые поездки для сбора собственно комментариев. Они задают важный для понимания географических песен территориальный и этнокультурный локально-региональный контексты.

К примеру, для песни «Гладенькая лошадушка – Шарыгинская» Д.К. Зеленин приводит очень подробный географический и этнографический комментарий: «1) Шарыгин († 1830) и 2) Щепалов († 1855) – помещики Елабужского уезда; в дер. Старой Мурзихе Козыльской волости называются по фамилиям улицы: *Шарыгина* (вотчина) и *Щепалина*. 3) *Яковлева* – русская деревня Козыльской же вол. (жители ее «сивяки»). 4) *Казыли* – русская дер. На левом берегу Вятки. 5) *Елово* (татарское Ждаловой) на р. Вятке в Черкасовской вол. Елабужского у. 6) *Сентяк* на р. Каме (Покровское) село Лекаревской вол. того же уезда. 7) Гор. *Мамадыш* – Казанской губ. 8) *Свиные горы* – село на Каме Козыльской вол. 9) *Котловка* там же. 10) *Сокольи горы* – село Мамадышского у. На р. Каме. 11) *Афанасово* (Покровское) – село Мензелинского у. на р. Каме. 12) *Грахань* – дер. Мамадышского у., около устья р.

Вятки» (Зеленин, 1994). Такой комментарий позволяет не только лучше понять природу топонимов, особенности прозвищ, но и территориально локализовать каждый упомянутый этникон.

Другого типа комментарий, комментарий исполнителя приводит собиратель во втором варианте песни «Сыроелью река протекла», в нем поясняются характеристики названных мест: «Калачный Емецк – там пекли сушку, кислое Меландово – там делали кожи».

При всей значимости комментариев в исследовании географических песен важнейшую роль играет картографическая, или **картосхематическая репрезентация** (рис. 1).

Благодаря картографической локализации топонимов «проявляется» географическое пространство и появляется возможность полноценной **географической интерпретации** текста.

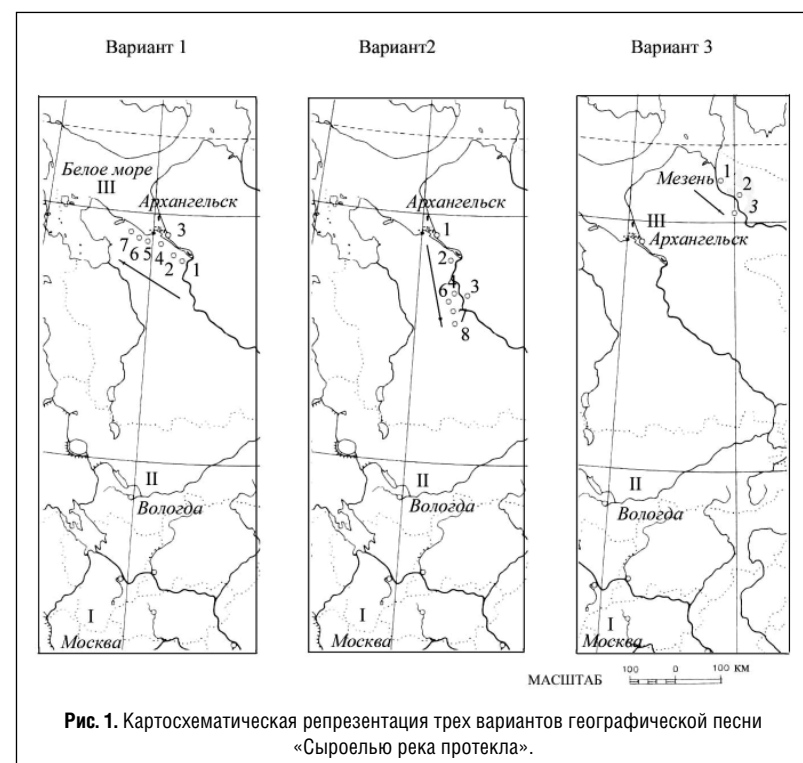
Так, благодаря картографической фиксации, хорошо видно, что первый вариант песни «Сыроелью река протекла» охватывает огромную территорию от Москвы до Белого моря (рис. 1). В ней названо всего 10 географических объектов, причем объекты разного типа – города, деревни, озера, реки, моря. Пространственными конфигураторами выступают неназванная в тексте река Северная Двина и побережье Белого моря. Она относится к линейным географическим песням, поскольку все названные географические объекты перечислены последовательно друг за другом, по течению реки, сверху вниз [Калущков, 2003].

Причем образ реки, которым объединяются все названные места, оказывается настолько сильным, что негеографический читатель может и не заметить, что песенная Северная Двина, начинается в ... Москве и соединяет Москву, Вологду, расположенную на притоке Сухоны, Холмогоры, старую столицу Поморья, и его новую столицу – Архангельск. Песенная река «Северная Двина» продолжается дальше, уже за устьем гидрологической Северной Двины. Она вбирает в себя «вельмудрое Кудмозеро», лежащее вдалеке от Двины и от Белого моря (окрестности современного Северодвинска), «чистую Солзу-реку», впадающую в Белое море, знаменитый посад Нёноксу, расположенный на Белом море, и даже само Белое море (рис. 1).

Более внимательное прочтение текста позволяет сузить реальный географический охват песни до 120 километров, пос-

кольку Москва, Вологда и само Белое море в данном тексте играют статусную функцию, т.е. придают другим местам более высокий статус (в тексте и на карте они отмечены римскими цифрами). Гармония текста достигается за счет сочетания статусных, задающих высокую планку, и реальных мест.

Все песенные топонимы сопровождаются необычайно образными прилагательными. Учитывая, что в тексте песни в ряду других общеизвестных приведены такие мало известные объекты, как озеро Кудмозеро и река Солза, явно претендующие на роль семантического центра, мы предполагаем, что автор песни – уроженец этих мест, возможно поморской деревни Солзы. Поэтому этот вариант песни мы назвали Солзинским. Вполне возможно, что безымянный автор, помор, регулярно совершал поездки от Нёноксы, известной своими соляными промыслами до Архангельска и Холмогор.

Представленный текст, несмотря на лаконичность, передает гармоничный светлый, почти былинный образ традиционного севернорусского культурного ландшафта дельты Северной Двины и прилегающего к ней Поморья.

Второй вариант песни «Сыроелью река протекла» отличается от первого варианта (рис. 1). В данном случае песенная Северная Двина начинается с устья физической Северной Двины, от Архангельска и «течет» вверх по течению, переходя сначала на приток Двины реку Емца, а затем на приток Емцы – Мехреньгу. Как и в первом варианте, в данном тексте Москва и Вологда играют статусно-символическую роль.

Третий вариант песни «Сыроелью река протекла» разворачивается уже не на двинском, а на мезенском материале, где в качестве объекта-конфигуратора выступает неназванная река Мезень (рис. 1). Песенная Мезень, как и во втором варианте, песенная Северная Двина, «течет» от устья к верховьям, что, очевидно, соответствует, реальному путешествию от Архангельска по Белому морю до устья Мезени и дальше вверх по реке. Кроме того, такое физическое движение совпадает со статусно-иерархическим перемещением – от мест, обладающих более высоким общественным статусом (от Москвы к Вологде, от Вологды к Архангельску), к местам, находящимся на более низких уровнях иерархии.

Наряду с географической интерпретацией, возможны специальные интерпретации материала географических песен – этнокультурная, фольклористическая, лингвистическая и другие.

При этом во всех случаях желательно концептуальное прочтение текстов географических песен, их **концептуальная интерпретация**, для реализации которой необходима теоретическая разработка адекватной концепции интерпретации. В данном случае в качестве основы выступает концепт народного путешествия.

Концепт народного путешествия и типология народных путешествий

Концепт народного путешествия – органичен для интерпретации географических песен. Это следует из названия самих песен, стилистики текстов, из комментариев исполнителей. Мотив

движения, дороги проявляется в названиях таких песен, как «На дорожке, на пути-то» (Вохомский район Костромской области), «Ныне Тайбола идет» (Удорский район Коми), «По Рубцовой дорожка прошла» (Пудожский район Карелии), «Шел Ванюша по угору» (Лешуконский район Архангельской области), «От Варнавина в Урень Сорок восемь деревень» (Варнавинский район Нижегородской области) и многих других. Один из самых ярких образов движения, плавания по реке задается в представленной выше песне «Сыроелью река протекла» и ее многочисленных вариантах.

Как и любое путешествие, народное путешествие – сложное пространственное действие. С одной стороны, оно представляет собой реальный жизненный опыт физического перемещения в пространстве с определенными целями (торговыми – опыт купца, профессиональными – опыт плотогона, бурлака, семейными, праздничными – опыт крестьянина и т.д.). С другой стороны, это опыт ментальный, связанный с переживанием, ассоциативной памятью, осмыслением, вплоть до пространственной рефлексии своего опыта перемещения. От творческого потенциала автора зависит, каким образом происходит осмысление опыта. Будет ли это сухое перечисление увиденных населенных пунктов или, напротив, будет создан образ края, или будет придумана формула текста, которая впоследствии будет неоднократно тиражироваться.

Народное путешествие – это многослойное движение по разным культурным ландшафтам и по разным пространствам. Таких пространств выделяется четыре: естественно-географическое (физическое) пространство, этнокультурное пространство, статусное пространство и пространство рефлексии. У каждого из пространств разные функции.

Естественно-географическое пространство представляет собой пространство физического перемещения. Оно – довольно жесткое. В нем осуществляется локализация и закрепление материала на карте – ментальной карте сообщества, причем территория песни чаще всего соотносится с этнокультурными границами сообщества. В этом пространстве происходит пейзажное представление культурного ландшафта.

* Тайбола – лесная дорога в малолюдных местах на Русском Севере.

Этнокультурное пространство – это пространство общественных отношений. Оно относительно «мягкое», может трансформироваться, изменяться, центрироваться, масштабироваться. В этом пространстве осуществляется представление сообществ культурного ландшафта, их этнокультурная идентификация и самоидентификация.

Статусное пространство представляет собой пространство повышения собственного социального (этнокультурного) статуса и «расширения» верхних иерархических границ сообщества. Как и естественно-географическое пространство, статусное пространство, также довольно жесткое пространство. Это связано с тем, что в традиционной культуре статусных центров немного, а их иерархия выстраивается столетиями. К ним относятся центры страны: Москва, Петербург, а также региональные центры (Новгород, Архангельск, Казань и другие).

Четвертое пространство – пространство рефлексии (относительно трех других пространств оно находится в ортогональной плоскости), хотя примеры рефлексивного осмысления пространства в фольклорных текстах встречаются нечасто.

В соответствии с разработанными представлениями о пространствах путешествия выделяются четыре типа народных путешествий: «туристическое» перемещение, вертикальное «путешествие», этнокультурное путешествие и комплексное путешествие.

Первый тип народного путешествия:

«туристическое» перемещение по ландшафту

Народное путешествие такого типа происходит только в одном – физическом пространстве. Его отличительной особенностью является **внешнее** («туристическое») видение культурного ландшафта. Незнание местных сообществ, их культурных особенностей приводят к резкому усилению визуальной (визуально-эстетической) стороны такого путешествия. Тем самым «туристическое» перемещение всегда связано с визуальной репрезентацией культурного ландшафта. В текстах географических песен такой тип встречается довольно редко. В качестве примера приведем Посухонскую географическую песню [Мороз, Иванова, Слепцова, 2003].

«Вот такая. На двадцать километров песня.
Сверху идёт.
На Исадах пароходы пристаю́т,
На Мутовине лесок не высок,
На Чермянине рассыпался песок,
Большая Кичуга в логу-таки в логу,
Ишо Печерза на самом берегу,
Опонасовец крутые берега,
На Коневнице гора высока,
А на Востром зелёные луга,
На Берёзове река широка,
На Скоретине деревня велика,
А в Давыдовском вода глубока,
На Лодейке-то школа велика,
Под Соловьёвым приста́вала верхота,
На Прилук-от ходят бережком,
На Каликине угор велик,
На Красавине весело жить,
Под Красавиным горка крута,
По этой горочке поедут некрута».

(Записано в 2000 г. И.С. Слепцовой от Ф.Н. Шильцевой, 1928 г. р., уроженки д. Чернянино Стреленского с/с Велико-Устюгского р-на Вологодской обл., прож. в г. Великий Устюг; СИС Ф2000-22Волог., № 57).

Это плясовая припевка, записанная в Велико-Устюгском районе Вологодской области, является своеобразной «навигационной картой», в которой перечислены все деревни, расположенные вдоль Сухоны от деревни Исады до Красавино. Песня охватывает территорию в 20 км, удерживая 16 селений. Основная географическая единица текста – топоним. Это действительно точная навигационная карта, на которой последовательно по течению реки перечислены все деревни, расположенные по Сухоне.

В песне предъясняется прибрежная территория с физико-географическими и визуально-пейзажными характеристиками культурных ландшафтов такими, как примечательное местоположение селения, приметные архитектурные объекты (храмы, дома), специфику рельефа, горных пород, растительности.

По характеру описания – это внеландшафтная песня, созданная внешним наблюдателем – плотогоном, может быть, капитаном или матросом речного судна, слабо знакомым с этнокультурным своеобразием местных сообществ и потому обращающим основное внимание на визуальные особенности культурных ландшафтов и на важные для плавания особенности реки.

Пространство песни простое, жесткое, неподвижное.

В рамках наших представлений о народном путешествии песня вписывается только в одно пространство – естественно-географическое. Это внешний «туристический» взгляд на окружающий мир и задает он, прежде всего, визуальный образ культурного ландшафта.

Второй тип народного путешествия: вертикальное «путешествие»

Вертикальное «путешествие» представляет собой «путешествие» по статусам мест, относящихся к разным культурно-иерархическим уровням (без перемещения по ландшафту). Поэтому это путешествие не по горизонтали, а по «вертикали» и осуществляется оно не на территории, а в статусном пространстве, выстроенном иерархически, от верхних статусов, самых высоких и значимых, до нижних статусов.

Результатом таких «путешествий» выступает образно-символическое представление культурных ландшафтов разных иерархических уровней.

Примером путешествия такого типа является песня «Нет такого молодца».

*«Рай, рай, рай.
Нет такого молодца
Ни в Питере, ни в Москве.
Проявился молодец
Во Кирилловском уезде,
В Сороском приходе,
В Назоховой деревне,
У Ивана на дворе,
У Лукее на сених,
У Калиндее в терему.
За дубовым за столом,*

*За бранным скатертям,
За ествам сахарным
И за питьем за пьяным.
Сидит молодец хорош
Степан Китович».*

(Перепечатано из сборника: Сказки, песни, частушки Вологодского края / Под ред. В.В. Гура. Вологда, 1965. С. 44, № 98. Зап. Соколовы в д. Жохове, Вогнемс. вол., Кирилловс. у.; Соколовы № 265. Вар.; там же, № 266; Истомин и Ляпунов, с. 128–129 (Вологодский у.).

Вертикальное статусное «путешествие» напоминает соревнование парашютистов на точность приземления. Сначала «парашютист» минует пространство столиц, затем уезда, волости, прихода и, наконец, дома. Все. Казалось бы, на этом можно закончить. Но «полет» продолжается уже в пространстве огромного северного дома-корабля: двор (дом в расширенном смысле) – сени – терем (дом в узком смысле) – стол. И... дальше новый неожиданный поворот. Пространство материализуется в некоем молодце Степане Китовиче.

Другим примером таких географических песен выступает плясовая песня «Уж ты, Аннушка, не плачь».

*Уж ты, Аннушка, не плачь,
Душа радость, не вопи,
Твои слезы дороги: (2)
Во Казань-город текут,
Дунай-речку делают.
Дунай-речка глубока,
Будто Кемска река,
Будто архангельска Двина,
Камжемски ручейки
В Бело море протекли,
Летом высохли,
Зимой вымерзли.*

(Записано в 1968 г. в г. Т.В. Рютиной, Н.Р. Ивановой в г. Кеми Карелии от Ломовой Зинаиды Михайловны, 61 г., грам.; АКФ 1968, т. 29, № 183; ФЭ 07:5441-5442).

В этой песне Казань-город, Дунай-река представляют собой значимые национальные символы, Белое море и Северная Дви-

на – символы региональной, поморской культуры. Река Кемь, на которой расположен одноименный город, – одна из самых крупных рек Карельского берега Белого моря. А безвестные Камжемские ручьи, возможно, были особенно близки для народного автора песни.

По сути, в статусных «путешествиях» нет территориальных отношений между топонимами-местами, преобладают отношения иерархии, символические отношения. Поэтому картосхематическая репрезентация таких тестов бессмысленна.

Третий тип народного путешествия этнокультурное путешествие

Этнокультурное путешествие – один из самых распространенных типов народного путешествия. Оно осуществляется в этнокультурном пространстве и представляет собой, прежде всего, «движение по сообществам» и, соответственно, по определенным местам, поскольку все локальные сообщества «прикреплены» к конкретной территории, связаны с определенными культурными ландшафтами. К такому типу относится записанная Д.К. Зелениным песня «Гладенькая лошадушка – Шарыгинская», представленная в начале статьи.

В отличие от первого типа этнокультурное путешествие – «**внутреннее**» путешествие, перемещение по «своему» или «своим» культурным ландшафтам. «Движение по сообществам» сопровождается их характеристиками и оценками, зачастую насмешливыми и негативными. Абсолютизация этого момента послужила основанием для отнесения географических песен к *песням-дразнилкам* [Бахтин 1976], *песням о прозвищах* [Кругляшова, Карташева 1980; Карташева 1985], *прозвищным, корильным песням о деревнях* [Дранникова 2002].

Применение картосхематической репрезентации позволяет выявить другие – пространственные закономерности. Продемонстрируем этот момент на примере уникальной географической песни, характеризующей расположенные в Каргопольском районе Архангельской области соседние кусты деревень – Волосовский и Усачевский (рис. 2). Хотя в тексте названо 35 деревень, песня получила название «Про 33 деревни».

«Про 33 деревни»

<i>У Хотьяновой (1) кривой ноги Макара,</i>	<i>А на Рецке (28) холодны</i>
<i>В Заболотье (2) Иванушка,</i>	<i>родники,</i>
<i>В Тоняцкой (3) шамаки,</i>	<i>В Торопоске (29) прикаицики,</i>
<i>Соболяна (4) – тюрики,</i>	<i>А в Ломакинской (30)</i>
<i>В Демьяной (5) куска не подают,</i>	<i>обманицики,</i>
<i>В Трегубоке (6) бурацкинцы,</i>	<i>В Шулепово (31) высокая гора,</i>
<i>В Русаново (7) табацкинцы,</i>	<i>В Корзихе (32) не построены</i>
<i>В Порядовской (8) помощницки,</i>	<i>дома,</i>
<i>На Погосте (9) могилёвицики,</i>	<i>А Антипино (33) заводницки,</i>
<i>В Семёнове (10) [нрзб.],</i>	<i>В Монастырской (34)</i>
<i>В Шушерино (11) шилуны,</i>	<i>перевозчицики,</i>
<i>Горяцiane (12) – горбуны,</i>	<i>На Стрелицу (35) так ни летом,</i>
<i>В Ереминской (13) сидуны',</i>	<i>ни зимой,</i>
<i>Маконейта (14) – воробы,</i>	<i>Погуляйте-ко, девушки,</i>
<i>В Климовичине (15) котоши,</i>	<i>Погуляйте-ко, красные,</i>
<i>А в Козлове (16) ребята</i>	<i>Не однакой замуж выйдется,</i>
<i>хороши,</i>	<i>Не однакой муж достанется,</i>
<i>В Титовской (17) учителя,</i>	<i>Ещё старый либо малый</i>
<i>На Устьице (18) люди –</i>	<i>попадёт,</i>
<i>господа,</i>	<i>Старый уродливый,</i>
<i>В Ореховской (19) плотницки,</i>	<i>А молодой недолюбливый,</i>
<i>В Кардычихе (20) не</i>	<i>А в ровницу пьяница-дурак,</i>
<i>работницки,</i>	<i>Он не выпустит на улицу</i>
<i>Во Хролоське (21) плетут бураки,</i>	<i>гулять,</i>
<i>А в Холминске (22) ребята –</i>	<i>Во большие хороводы</i>
<i>дураки,</i>	<i>танцевать,</i>
<i>А в Окулове (23) скрытницки,</i>	<i>В хороводе девке на ногу</i>
<i>А в Савинской (24) меленка,</i>	<i>ступил,</i>
<i>А в Онаньевской (25) деревня грязна,</i>	<i>Не за то ли ему ленту подарил,</i>
<i>А по Романовой (26) не шел бы неко-</i>	<i>За ту лентоцу он три года</i>
<i>гда,</i>	<i>ходил,</i>
<i>Туровска (27) не нашей земли,</i>	<i>На четвёртый год отстал,</i>
	<i>ходить устал.</i>
	<i>Погуляйте-ко, девушки,</i>
	<i>Погуляйте-ко, красные».</i>

(Записано в 1961 г. Б. Федоровым, А. Михеевым в д. Речка Усть-Сольского с/с Каргопольского р-на Архангельской обл. от Исакова Василия Ивановича, 1884 г. р., неграм.; АКФ 1961, т. 1, № 85 – ФЭ 04 : 0710–0712).

Последовательность описания местных сообществ в данной географической песне весьма показательна и не поддается формальной логике: сначала описываются жители правобережья Онеги, с первой по седьмую деревню (рис. 2). Затем вместо того, чтобы продолжить опевание по правобережью, песня «перекидывается» на левый берег и возвращается назад (с восьмой по шестнадцатую деревню), замыкая первое кольцо (рис. 2, верхняя часть). Затем следует «скачок» в двадцать километров и от деревень левобережья Онеги начинается второе кольцо (с семнадцатой по двадцать вторую деревню), затем происходит переход на правобережье Онеги, потом песня «поднимается» вверх по крупному притоку Онеги реке Волошка и «спускается» вниз по Волошке до ее устья, замыкая второе кольцо (рис. 2, нижняя часть).

Для понимания сущностных моментов песни формальная логика должна быть заменена на этнокультурную, связанную с идентификацией сообществ. Сверхзадачей этой географической песни, как и многих других, выступает **идентификация** микро-регионального **сообщества**. При этом сначала осуществляется идентификация сообществ одного, Волосовского, культурного ландшафта и только затем другого – Усачевского. В этом, наря-

Рис. 2. Волосовско-Усачевская географическая песня (песня «Про 33 деревни»).

ду с количеством называемых сообществ-мест, заключается уникальность текста песни.

Поэтому «нелогичная» последовательность «движения по сообществам» оказывается единственно возможной. Де-факто, через **приобщение** локальных сообществ к определенному микрорегиональному культурному ландшафту происходит **территориальное ограничение** самого культурного ландшафта. Тем самым, **предъявляется этноландшафтная граница**, в данном случае граница между культурными ландшафтами двух кустов деревень (рис. 2). Вот уж, действительно, из географической песни слова-топонима не выкинешь!

Таким образом, картосхематическая репрезентация фольклорных текстов позволяет выявить пространственные границы микрорегиональных сообществ и соответствующих им культурных ландшафтов.

Кроме того, только картосхематическая репрезентация позволяет выявить этнокультурный механизм, механизм **пространственного приобщения** к определенному культурному ландшафту через «очерчивание» его границы. При этом этнокультурные оценки сообществ отступают на второй план: «хоть плохой, но свой!».

Другой этнокультурный механизм, механизм **пространственного противопоставления** дальнего/чужого и ближнего/своего покажем на примере относящейся к типу этнокультурного путешествия Кенозерской географической песни «Не отдай меня, батюшка». В данном механизме этнокультурные оценки местных сообществ имеют важное значение: негативные описания соответствуют дальним/чужим местам, для своего же края, напротив, приводятся только хорошие, в худшем случае нейтральные оценки.

*«Не отдай меня, батюшка,
Не на Кену (А), не в Ундозеро (В),
А ты отдай меня, батюшка,
На своё весело Кенозеро (В),
На Погосте (1) – гуляньице,
За рекой – щеголяньице,
На Вершинино (2) дорожка торна,
Да мимо Шишкина (2) Нева проведена,
В паромоходах добры молодцы сидят.
Что Якимово (4) – победна сторона,*

*А Захарово (5) повыстроено.
Что Немята (6) на жёлтом на песку,
А Карпово (7) на крутой на горы,
В Черепановой (8) богаты мужики».*

(Записано от С.А. Кировой в д. Зихново Плесецкого района Архангельской области, АКФ 1959л, т.22, №32 (ФЭ 03: 3990-3991).

Кенозерская географическая песня относительно простая (рис. 3). Песня примечательна тем, что она относится к довольно редким поозерным песням. Территориальный охват незначительный, не превышает 5 километров: все деревни, указанные в тексте визуальнo (и не только) связаны друг с другом.

В тексте названо всего 11 географических объектов, из них 3 региональных культурных ландшафта – Кенский, располо-

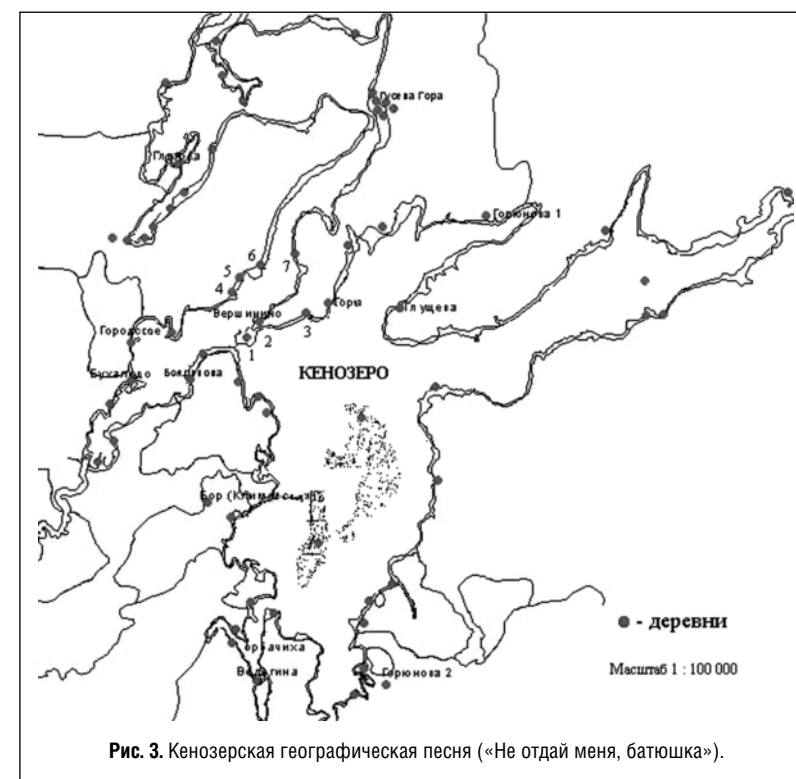

Рис. 3. Кенозерская географическая песня («Не отдай меня, батюшка»).

женный ниже, вдоль реки Кены, Ундозерский, или Ундозеро, лежащий примерно в 70 километрах от центра песни, и собственно Кенозерский. Остальные 8 мест представляют собой приозерные селения северной части Кенозера (они отмечены арабскими цифрами). Основная географическая единица – топоним.

«Свой» Кенозерский культурный ландшафт характеризуется через описания отдельных приближенных к столице Кенозерья деревень. Так, деревня Погост представлена как место традиционных народных гуляний (или метищ). Деревня Вершинино выступает как центр (к которому всегда проторены дороги); и ныне деревня Вершинино сохранила функции центра, будучи одним из административных центров Кенозерского национального парка, включив в свой состав в виде частей, или околосел, деревни Погост и Шишкину. В Шишкиной по-прежнему находится пристань. Песчаный характер грунта и прибрежное положение отражены в характеристике деревни Немыта, также как и нагорное местоположение Карповой.

Песня демонстрирует тип этнокультурного путешествия с предъявлением внешних границ регионального Кенозерского культурного ландшафта, который задан через противопоставление относительно других региональных культурных ландшафтов – Кенского и Ундозера. Если до Кены «всего» 20-30 километров, то Ундозеро выступает символом практически недоступного дальнего края, расположенного в 70 километрах и отделенного суземом, глухой северной тайгой.

Механизм пространственного противопоставления чужого/дальнего своему/ближнему способствует региональной самоидентификации, в данном случае кенозерского регионального сообщества относительно других.

Кроме того, в географической песне «Не отдай меня, батюшка» найдена удачная образная формула текста, способствующая пространственной рефлексии и пространственной самоидентификации любого северного сообщества: дальние сообщества с негативной оценкой оказываются на периферии своего мира, а свое, региональное или локальное, сообщество с положительной оценкой – в его центре. Эта пространственная формула оказалась подхвачена и растиражирована в местных вариантах на огромной территории Русского Севера.

Четвертый тип народного путешествия: комплексное путешествие

Основанием для отнесения к типу комплексного путешествия является движение не в одном пространстве, а в двух, например, в статусном и этнокультурном пространствах. Пример такого путешествия был подробно рассмотрен при описании вариантов географической песни «Сыроелью река протекла» (рис. 1).

Заключение

Богатейший материал географических песен представляет интерес для многих специалистов и краеведов. Он позволяет реконструировать многие значимые моменты недавней истории, лучше понять локальные особенности традиционной народной культуры. Перед нами, действительно, предстают ожившие культурные ландшафты, «представленные» под определенным углом зрения, с позиции местного сообщества.

В исследовании географических песен важнейшую роль играет их картографическая репрезентация и географическая интерпретация.

Литература

- Бахтин В. С. Один из неучтенных песенных жанров // Русский фольклор. Т. XIV. Л.: Наука, 1976. С. 227-235.
- Дранникова Н. В. Корильные песни о деревнях // Комплексное собрание, систематика, экспериментальная текстология. Архангельск, 2002. С. 68–76.
- Замятин Д.Н. Географические образы путешествий // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. М.: изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 32-41.
- Записки о России маркиза де Кюстина. М.: СП Интерпринт, 1990. 144 с.
- Зеленин Д. К. Географическая песня // Вестник воспитания. 1904, № 4.
- Зеленин Д. К. Великорусские народные присловья как материал для этнографии // Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М.: 1994. С. 38–58.
- Иванова А. А. Проблемы картографирования фольклорных текстов (на примере пинежских «географических» песен // Культурный ландшафт Русского Севера. Пинежье. Поморье. М.: 1998. С. 65–78.
- Иванова А.А., Мороз А.Б., Слепцова И.С. «Географические песни» в локальном песенном репертуаре // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 2. М. Изд-во Моск. ун-та. 2003. С. 122-171.
- Калущков В.Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения. Учебное пособие // М., Изд-во Моск. ун-та. 2000. 96 с.

Калуцков В.Н. «Географические песни»: пространственная морфология и организация: взгляд географа // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. Петрозаводск. ГИАЭМЗ «Кижи». 2003. С. 298-302.

Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии // М.:Новый хронограф.2008.320 с.

Калуцков В.Н., Иванова А. А. Географические песни в традиционном культурном ландшафте России // М.: Изд-во ПФОП, 2006. 212 с.

Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М.: Сов. Россия, 1983. 512 с.

Карташева Т. Ю. Прозвища как явления русского устного народного творчества. Автореф. ...канд. филол. наук. М.: 1985.

Карташева И. Ю., Кругляшова В. П. Из истории русского фольклора (песни о прозвищах) // Фольклор Урала: Фольклор и историческая действительность. Вып. 5. Свердловск, 1980. С. 105–112.

Ковлик В.А., Кулагина А.В. Песни о деревнях и их жителях в фольклоре Костромской и Нижегородской областей // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 2. М.: Изд-во Моск. ун-та. 2003. С. 171-197.

В.И.Козлов

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РОССИИ

О важном значении демографических факторов развития общества, о важности учета движения населения, как естественной базы общества, в настоящее время известно, кажется, всем. Мне придется пояснить лишь, что речь должна идти не о важном, а о **важнейшем** их значении (с чем пока не все согласны, хотя без населения нет общества) и при этом использовать материалы статистики населения в виде опубликованных данных переписей (особенно последней переписи 2002 г.) и текущего учета населения, что требует некоторых предварительных пояснений.

Всеобщая перепись населения Российской Федерации, проведенная в начале октября 2002 года, была первой в новом социально-политическом статусе Федерации, как суверенного государства. Предыдущие шесть всеобщих переписей населения на аналогичной территории – 1926, 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. – были проведены в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике, входящей в Союз Советских Социалистических республик, прекративший свое существование в конце 1991 г. Территориальные изменения, произошедшие в Российской Федерации в период между этими переписями были сравнительно небольшими, во всяком случае допускающими сравнение их результатов между собой, что я иногда и буду делать. Этого нельзя сказать о Первой Всеобщей переписи населения России (Российской империи), проведенной в феврале 1897 г., т.е. еще в досоветское время, когда на ее территории еще не возникли конституционно отдельные республики. Но забираться в досоветское прошлое мне не придется. Немало трудностей существует и при сравнении результатов переписи населения 2002г. с предыдущей переписью 1989 г., что вызвано различиями в их программах и во включенных в них вопросах, о чем далее в соответствующих местах еще пойдет речь.

Здесь замечу лишь, что часть этих трудностей создана довольно умышленно; вероятно, статистическое руководство не заботилось о сопоставимости результатов переписей населения, как об одном из главных их назначении – познании фиксируемых ими социально-экономических показателей в их хронологическом изменении.

Со времени создания РСФСР в 1918 г. численность её населения за весь советский период постепенно возрастала, составив по итогам проведенных переписей – 1926 г. – 92,7 млн человек, 1939 г. – 108,4 млн, 1959 г. – 117,2 млн, 1970 г. – 129,9 млн, 1979 г. – 137,4 млн и в 1989 г. – 147,0 млн человек. Наибольший прирост населения отмечен между переписями 1926 и 1939 годов, наименьший – между переписями 1970 и 1979 годов, но последнее объясняется главным образом краткостью этого межпереписного периода. Более детальный погодичный анализ по материалам текущей статистики показывает, что наиболее демографически ущербными были годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Страна потеряла за эти годы, по моим подсчетам, около 40 млн человек, из них армейские потери (с партизанами, полициями, власовцами и пр.) составили не менее 15 млн, потери (и преждевременные смерти) среди гражданского населения – около 25 млн человек. Уместно напомнить, что в наиболее тяжелые начальные 1941-1942 годы этой войны миллионные потери убитыми в рядах Красной Армии и среди мирного населения, оказавшегося в двигавшейся полосе военных действий, были дополнены миллионами бойцов, попавших в плен, примерно половина которых впоследствии погибла. В тот период наиболее пострадала западная часть республики, примерно от линии Ленинград—Москва—Курск—Сталинград—Грозный. Но в послевоенные годы области и районы Российской Федерации, оказавшиеся в зоне военных действий и оккупации, относительно быстро, по сравнению с Белоруссией, восстановили свой экономический и людской потенциал. Правда, после окончания войны демобилизация в СССР, в отличие от его стран-союзников, несколько затянулась, и вызванный ею подъем рождаемости (получивший там название «*бэби-бума*») был не столь резким, но уже примерно к середине 1950-х годов естественное воспроизводство населения стабилизировалось. Послевоенная

перепись населения 1959 г. определила число жителей Федерации в 117 млн. человек, что превысило довоенную почти на 20 млн., и все последовавшие за ней советские переписи подтверждали его, казалось бы, устойчивый рост. Половой дисбаланс по СССР в 20 млн. человек, вызванный большими потерями мужчин в годы войны, стал вначале в городах, а затем и в сельской местности постепенно сглаживаться. Если в 1959 г. на 1000 мужчин приходилось в среднем 1243 женщины, в том числе в городах – 1226 женщин, то в 1989 г. – 1140 женщин, в том числе в городах – 1145 женщин. По переписи 2002 г., на 1000 мужчин приходилось 1147 женщин, в том числе в городах – 1117 женщин. Общая численность населения Федерации составила, по этой переписи, 145,2 млн. человек, снизившись по сравнению с 1989 г. на 1,8 млн человек.

Некоторые изменения произошли в размещении населения по территории страны. Численность городского населения к 1959 г. сравнялась с сельской, после чего темпы урбанизации несколько замедлились и к 2002 г. почти приостановились на уровне 73%. Европейская часть Федерации остается более заселенной, чем восточная. Здесь находится и большинство городов – «миллионеров», в том числе столица – г. Москва с 10,4 млн. жителей и «северная столица» – Санкт-Петербург (в недавнем прошлом – Ленинград) с 4,7 млн. жителей. Всего в них и 11 других городах – «миллионерах» (Нижний Новгород, Ростов-на-Дону, Волгоград, Казань, Уфа, Самара, Пермь, Екатеринбург, Челябинск, Омск, Красноярск) живет почти треть всего городского населения Федерации. К востоку от сравнительно плотно заселенных регионов Среднего Поволжья и Южного Урала плотность населения клинообразно уменьшается и после сравнительно заселенного лесостепного юга Западной Сибири все сильнее тяготеет к Транссибирской железной дороге и Амуру. Громадные просторы таежно-тундровой зоны Сибири и Дальнего Востока заселены слабо, на большей части их плотность населения менее 1 человека на 1 квадратный километр. Предпринятая еще до Отечественной войны попытка привлечения поселенцев в богатые рыбой и полезными ископаемыми края и области Дальнего Востока оказалась малоудачной. Хуже того, в 1980-е годы отсюда начался отток населения на запад – в менее суровые для жилья области Федерации. Так, число жителей Са-

халина за межпереписной период с 1989 по 2002 год уменьшилось с 710 до 547 тысяч человек, Камчатской области – с 472 до 359 тысяч, Магаданской области – с 557 до 183 тысяч человек. Оказалась непривлекательной для жизни и богатая месторождениями нефти и газа Западно-Сибирская лесо-тундра. Повсеместно распространенная здесь вечная мерзлота препятствует сооружению крупных зданий, поэтому при добыче нефти и газа здесь преобладает вахтенно-бригадный метод с жильем рабочих в малоэтажных домах и временках. Отбыв положенную вахту, бригада возвращается на место постоянного, сравнительно благоустроенного «семейного» жилья, а на ее место прибывает другая. Территория же лесо-тундры сохраняет экологически мало пристойный необжитой вид.

Несмотря на сказанное, демографическая ситуация в РСФСР, как и в целом по СССР, по данным переписей населения, до 1989 г. не внушала серьезных беспокойств. Тревогу вызывала текущая статистика, которая с середины 1980-х годов стала фиксировать быстрое уменьшение числа рождений и увеличение числа умерших. Рождаемость за 9 лет – с 1987 по 1997 год уменьшилась с 2,5 млн. до 1,2 млн. рождений в год и в дальнейшем несколько колебалась на этом уровне. Число смертей, составившее в 1986 г. 1,5 млн., возросло к 1994 г. до 2,3 млн. и в дальнейшем не обнаруживало тенденции к уменьшению. В начале 1992 г. число гробов, образно говоря, сравнилось с числом колыбелей и начался процесс убыли населения с годичными амплитудами в 750-950 тысяч человек. Этот процесс вымирания населения несколько тормозился внешними миграциями, об этнической специфике которых еще пойдет речь. Пока отмечу, что за период с 1989 по 2002 год из России выбыло 5,4 млн. человек, прибыло в нее 11,0 млн. человек, что дало положительное сальдо в 5,6 млн. В результате этого численность населения Федерации, по переписи 2002 года, оказалась всего на 1,8 млн. человек меньше, чем было зафиксировано переписью 1989 г. Но процесс депопуляции России продолжается и, несмотря на некоторые принятые против него меры, о которых в дальнейшем еще пойдет речь, конца этого процесса не видно. Это заставляет меня рассмотреть сущность этого процесса более основательно.

Зафиксированный статистикой устойчивый рост численности населения России в конце XIX – начале XX столетия,

благодаря которому русские, например, к началу первой мировой войны 1914 г. составили 70 млн. человек и стали вторым по численности народом мира (после китайцев), объясняется главным образом высокими показателями рождаемости. Русские женщины обычно вступали в брак рано, нередко до 16 лет; противозачаточные средства, в отличие от экономически развитых стран Западной Европы, были мало известны, аборт осуждался общественным мнением, поэтому за репродуктивный период (примерно до 35-40 лет, когда бывшие «молодки» уже становились бабушками) в семьях рождалось в среднем по 8-10 детей. Вследствие высокой детской смертности, до зрелости доживала обычно лишь треть из них, но и этого хватало для расширенного воспроизводства. Во многом иной была, например, обстановка во Франции, где после введения кодекса Наполеона, отменившего принцип первородства и допустившего раздел крестьянских земельных участков между наследниками, идеальной среди крестьян стала считаться семья с двумя детьми – сыном, который наследовал неразделенный участок, и дочерью, которая могла выйти замуж за сына соседа. У русских крестьян, среди которых господствовало общинное землевладение с передачами земли по числу мужских «душ» или общих «едоков», существенных причин для перехода от традиционной многодетности к среднедетности и малодетности (1-2 ребенка) не было, и именно они, составляя около 70% жителей страны, определяли в то время картину демографических процессов. Впрочем, аналогичным образом вели себя другие христианизированные народы страны, да и мусульманские этносы, с четкими традициями многодетности.

Население России понесло тяжелые людские потери в первую мировую войну и еще более тяжелые в гражданскую войну, сопровождаемую эпидемиями сыпного тифа и вирусного гриппа («испанки»). За два неполных «мирных» десятилетия 1920–1930-х годов оно еще не вполне восстановило свой демографический потенциал, как грянула страшная война против мощной гитлеровской Германии и её сателлитов. Вследствие довольно быстрой вражеской оккупации Украины и Белоруссии, а также сравнительно слабом участии в войне коренных жителей кавказских и среднеазиатских республик, основные военные потери понесли русские люди. Даже по переписи 1989 г. русские

мужчины составляли 44,2% от общего числа русских. Многие миллионы русских женщин стали вдовами, миллионы девушек – без потенциальных мужей. Всё это, разумеется, неблагоприятно сказалось на уровне рождаемости не только в послевоенные годы, но в виде «демографического эха» более двух десятилетий спустя. Однако все более и более существенное влияние на демографическую ситуацию стало оказывать изменение репродуктивного поведения брачных пар, массовый переход их от среднедетности (3-5 ребенка в семье) к малодетности. Это требует некоторого объяснения.

Принято считать, что у людей имеется «половой инстинкт», под влиянием которого они склонны, как и животные, к совокуплению и размножению, сдерживаемому только болезнями и смертями. Но это – не так! Вместо «полового» инстинкта у людей имеется два инстинкта, которые относительно независимы друг от друга и могут быть названы «инстинктом совокупления» и «родительским инстинктом». В отличие от других инстинктов, они могут не удовлетворяться со сравнительно небольшим ущербом для здоровья, о чем свидетельствует, например, долголетие монахов-отшельников. Кроме того, инстинкт совокупления может удовлетворяться противоестественным путем (например, у гомосексуалистов), а родительский инстинкт может быть в значительной степени заменен заботой о домашних животных. Отсюда следует, что размножение людей не вполне подчинено инстинктам, а находится под влиянием сознания, личных и социальных установок репродуктивного поведения.

Причины массового перехода брачных пар к малодетности достаточно ясны. Главной из них является психологическая – изменение взгляда на детей как на «дар божий», а на деторождение как на выполнение как бы священной задачи по продолжению и укреплению своего рода или племени. Дети были поставлены в один ряд с другими ценностями жизни, соизмеряемыми между собой, как покупка мебели соизмеряется с поездкой на курорт. Часто на них просто не хватало полунисенской зарплаты. Такому перевороту в сознании брачных пар способствовала автономизация их жизни, обусловленная распадом сельских родовых общин, массовой миграцией из деревни в город или в другой далекий район страны, ослаблением контактов с кругом родственников, контролировавших в какой-то степени

их репродуктивное поведение. Жизнь в городах и промышленных поселках осложнялась жилищной неустроенностью, а на удаленных многочисленных новостройках было совсем плохо, прямо по стихотворению В.Маяковского о строителях Кузнецка – «По небу тучи бегают, дождями сумрак сжат, под грязною телегою рабочие лежат...». Да и женщина, по внедренной в массы социалистической идеологии, стала цениться не столько как жена и мать, сколько как работница общественного производства, в сущности приравненная к мужчине. Молоденькие девушки, надрываясь, катали тяжелые тачки или таскали шпалы, оставляя репродуктивные дела на «светлое будущее», которое отодвигалось как бы вместе с линией горизонта. Основным средством избегания нежелательных детей были аборты (в среднем по 3 аборта на одни роды), нередко приводящие к бесплодию. Законодательное запрещение абортов в 1936 г. привело лишь к небольшому временному подъему рождаемости, к росту числа криминальных абортов, а также к росту числа нежелательных детей в «неблагополучных» семьях с мало приятным для них будущим.

С 1950-х годов жизнь миллионов простых трудящихся стала понемногу улучшаться, а в 1962 году новый правитель страны Н.С.Хрущев, прославившийся безумными посадками кукурузы и строительством квартир с низкими потолками и совмещенными санузлами, от лица КПСС торжественно пообещал, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Однако и эти слова о «светлом будущем» оказались всего лишь очередным хвастовством, реальное улучшение жизни постоянно отставало от ожидаемого, и возникавшее от этого массовое недовольство жизнью отнюдь не способствовало восстановлению репродуктивных установок на среднедетную семью. Этому препятствовало и постепенное «удорожание» детей, вследствие их более позднего вступления в самостоятельную жизнь (особенно после введения при Л.Брежневле обязательного среднего образования), уменьшения их отдачи в семейный бюджет. Попытки правивших коммунистов облегчить родительские заботы путем распространения детских яслей и детских садов, пионерских лагерей и прочих учреждений общественного призрения и воспитания детей нарушало естественное желание родителей видеть в детях свое «продолжение», обостряло конфликт поко-

лений, не обеспечивало спокойную старость и в конечном счете опять-таки не способствовало среднететности. Молодые супруги обычно производили ребенка для того, чтобы укрепить свой союз и продемонстрировать свою физическую полноценность, нередко брачные пары заводили и второго ребенка, особенно если первый был нежелательного пола, но на третьего, тем более – четвертого решались всё меньшее их число. Около трети женщин оставались бездетными из-за безбрачия или из-за каких-то дефектов в репродуктивной сфере хотя бы одного из супругов. При этом количество безбрачных («никогда не вступавших в брак») женщин постепенно возрастало: среди женщин старше 16 лет в 1989 г. их было 13,2%, в 2002 г. – 17,5%.

Почти традиционно, по данным переписей населения, число якобы «замужних» женщин превышает число «женатых» мужчин (в 1989 г. – на 28 тыс. человек, в 2002 г. – на 65 тыс. человек). С начала 1980-х годов наблюдалось снижение числа зарегистрированных брачных союзов. Особенно существенным оно было в 1989-1995 годах, после чего наступила их относительная стабилизация. Переписью 2002 года было зарегистрировано немногим более одного миллиона браков (в 1989 г. – 1,4 млн.). Распространение незарегистрированных брачных союзов привело к увеличению числа детей, рожденных вне зарегистрированного брака. За период 1989 – 2002 годов доля таких детей удвоилась и составила около 30% от общего числа ежегодных рождений. Это явление характерно для большинства европейских стран, причем самый высокий показатель отмечен в Исландии (в 2000 г. – 65%), но там оно в более значительной степени, чем в России, компенсируется послеродовыми браками.

Выше говорилось о российском обществе в целом, но Российская Федерация – многонациональное (полиэтническое) государство, что отражено в слове «Федерация» и в наличии внутри него национальных (этнических) по своему содержанию «*республик*». Крупнейшим в стране является **русский** этнос, он составляет 80% всего населения, и все охарактеризованные выше демографические тенденции относятся главным образом к русскому этносу. Перепись населения 2002 года, как и предыдущие переписи, фиксировала этническую принадлежность жителей с некоторыми погрешностями, о которых еще пойдет речь. Она определила численность русских в 115,9 млн. человек

(перепись 1989 г. – в 119,9 млн.) и показала их размещение по всей территории страны, причем их доля в республиках составляла от 20% в Туве до 80% в Хакасии, а среди городского населения нередко превышала 90%. Исторически русские стали государственно образующим «*державным*» этносом и их демографическая судьба определяет судьбу Российского государства и всех населяющих его этносов. Это заставляет меня обратить особо пристальное внимание на подтвержденный переписью 2002 года начавшийся процесс вымирания русских.

Проблема вымирания русских людей не нова. Локальные симптомы этого явления – сокращение численности населения в некоторых преимущественно русских областях (Ивановской, Калининской и др.) – были зафиксированы текущей статистикой еще в 1970-х годах, но только в мае 1990 г. в журнале «Москва» была опубликована большая статья М.Бернштама с волнующим названием «*Сколько жить русскому народу? Размышления американского демографа.*» Её автор – бывший иммигрант из СССР на основании анализа советских статистических материалов до 1985 года сделал вывод, что в ближайшем будущем начнется сокращение абсолютной численности русских со 138,8 млн. в 1984 г. до 136,7 млн. в 2000 г., 107,2 млн. в 2050 г. и 64,9 млн. человек в 2100 году, в результате чего русские «*исчезнут из перечня крупнейших народов мира*». Бернштам привел в этой связи сделанное еще в 1922 г. предсказание известного немецкого философа О.Шпенглера о том, что коммунистическая революция 1917 года станет для русских тем же, чем для древних римлян было варварское завоевание, а потому уже в XXII веке больше не станет русских, как в VII веке больше не стало римлян. Бернштам обратил внимание и на то обстоятельство, что переписи населения бесспорно включали в число «русских» и многих «полурусских», определив число последних на 1984 г. в 1 млн. человек.

Как ни странно, но статья М.Бернштама с пессимистическими выводами осталась без должного внимания. Ведущие советские демографы, вероятно, старались не беспокоить начальство трудными проблемами и объясняли снижение рождаемости в стране по сути позитивной «*демографической революцией*», освобождающей трудящихся женщин от семейных забот. Тревога из-за обнаруженных фактов развивающейся депопуляции в

ряде исконно русских областей отводилась распространившимся в то время тезисом о сформировавшейся якобы новой исторической общности – «*советского народа*»; утверждалось, что малочисленность русских детей может быть вполне компенсирована избытком детей у среднеазиатских и других исламизированных этносов, сохраняющих традиции многодетности. Показательно, что журнал «Москва» опубликовал лишь несколько непрофессиональных откликов на статью Бернштама. Автор одного из них – известный историк и литератор В.Кожин – не утруждая себя аргументами, утверждал, что «*России депопуляция не грозит*».

Появившиеся через пять лет после статьи М.Бернштама результаты переписи населения 1989 г., согласно которым общая численность русских превысила 145 млн. человек, казалось, опровергли его мрачные прогнозы. Однако глубокий анализ результатов переписи не внушил оптимизма. Установки брачных пар на малодетную семью закрепились, локальная депопуляция на русской территории расширилась. На 1989 г. в Российской Федерации у русских, составлявших 82% её жителей, родилось почти столько же детей, сколько у всех в сумме нерусских национальностей государства (соответственно 289,6 и 287,1 тысяч человек). При таких параметрах репродукции с выбытием старшего поколения процент русских в Федерации должен неизбежно опуститься почти до 50%. Да и сама численность русских по данным переписи 1989 г. требует некоторых оговорок. Несложные подсчеты показали, что за межпереписной период 1979—1989 годов численность русских за счет их естественного прироста должна была возрасти на 3,8 млн. человек, а возросла на 6,2 млн. человек; разница между этими цифрами – 2,4 млн. возникла за счет ассимиляции русскими оказавшихся в их среде иноэтнческих групп, в частности, путем причисления к «русским» детей от этнически смешанных браков. Общая численность обрусевших иноэтнических групп на территории РСФСР составила к середине 1980-х годов не 1 млн. человек, как полагал Бернштам, а по моим подсчетам, более 10 млн.; один только мордовский этнос потерял при этом свыше 1 млн. человек. Такая ассимиляция усилила позиции русского языка, но ослабила этническое самосознание совокупности русских, их этническое бытие.

Мрачные прогнозы М.Бернштама стали явно сбываться в 1990-х годах. Проводимая последним советским правителем М.Горбачевым необдуманная «перестройка» социально-экономических основ государства с целью приближения недостроенного в сущности социализма к капитализму, уже к концу 1980-х годов стала превращаться, по меткому определению философа А.Зиновьева, в «катастрофу», которая резко усугубила демографическое неблагополучие. Новый тяжелый удар по репродукции населения нанесли экономические реформы первого президента ставшей суверенной Российской Федерации Б.Ельцина, под эгидой которого возник класс олигархов-капиталистов, разграбивших общественную собственность. Именно при нем в середине 1992 г. началось и до сих пор продолжается фиксируемое официальной статистикой сокращение общей численности населения страны, вызванное превышением смертности над рождаемостью со среднегодовым дефицитом в 0,8–0,9 млн. человек. При этом, однако, численность некоторых нерусских этносов, сохранивших традиции многодетности, продолжала возрастать, в сумме примерно на 150–200 тысяч человек в год, поэтому приведенная цифра среднегодового дефицита приходится главным образом на русских с ежегодной убылью примерно в 1 млн. человек. Таким образом, вымирание русских началось раньше и пошло даже более интенсивно, чем предсказывал М.Бернштам.

В процессе воспроизводства населения показатели смертности играют второстепенную роль по отношению к рождаемости. Это относится и к явлениям депопуляции или вымирания, которые могут возникнуть при любом практически возможном уровне смертности (никогда не сводимом к нулю), отягощая или облегчая эти явления, но не определяя, в отличие от рождаемости, их сущность. Катастрофичность демографической ситуации в России объясняется тем, что падение рождаемости произошло почти одновременно с ростом смертности, но в большинстве случаев по независимым причинам. Общей причиной считается ухудшение жизни миллионов трудящихся россиян. Молодые супруги, как и прежде, обычно не отказывались от рождения ребенка, однако, по возможности стали отодвигать это событие на более поздний срок; рождение второго ребенка стало чаще сталкиваться с трудно преодолимыми проблемами. Масса рус-

ских людей утратила веру в «светлое» будущее, а родить детей для плохого «темного» будущего, для их эксплуатации новоиспеченными капиталистами хотят далеко не все. Исследователи отметили более активное использование уже к концу 1980-х годов разрешенных с 1956 г. аборт, а также современных контрацептивных (главным образом оральных) средств, отнюдь не всегда безопасных.

Непрерывное увеличение смертности во второй половине 1980-х годов (и особенно резко с начала 1990-х годов) объясняется совместным действием нескольких неблагоприятных факторов, прежде всего развалом прежней советской, отнюдь не совершенной, но достаточно эффективной и общедоступной системы здравоохранения, введением и расширением дорогостоящей платной медицинской помощи, чрезмерным удорожанием лекарственных препаратов и т.д. Вследствие ухудшения санитарии и гигиены произошло распространение, казалось бы, почти полностью искорененных тяжелых болезней – дифтерии, дизентерии, туберкулеза, сифилиса и др. К этому присоединилось и ухудшение питания по его калорийности и составу. В середине 1990-х годов к этому добавилась задержка (в некоторых отраслях иногда на несколько месяцев) выплаты зарплат и пенсий, так что у людей порой не было денег даже на покупку хлеба. Такая ситуация была очень близка к направленной политике геноцида.

Пришедшие к власти вместе с Б.Ельциным демократы западной ориентации («демозапы») обвиняли коммунистов в ущемлении прав человека, но и сами мало заботились о них. Это проявилось в росте числа криминальных убийств; появились почти неизвестные ранее убийства по заказу и террористические акты, а также массовые убийства в межэтнических распрах. Уже в 1993 году число убийств составило около 40 тысяч и продолжало увеличиваться. Развязанная «демозапами» война в Чечне свелась, главным образом, к истреблению мирного населения путем воздушных «ковровых» бомбардировок и ракетно-артиллерийских обстрелов с применением установок «массового огня». Больше всего от этой войны пострадало русское население Чечни, сосредоточенное главным образом в городах и не имевшее родственников в селах, куда можно было бы на время переселиться. Только в разрушенном Грозном погибло

несколько десятков тысяч русских горожан. Как ни странно, но общая численность чеченцев за межпереписной период 1989 – 2002 годов, благодаря высокой рождаемости, увеличилась с 899 до 1361 тысячи человек при сокращении числа русских в Чечне и Ингушетии с 294 до 45 тыс. чел.

Особо следует отметить увеличение числа людей, неудовлетворенность жизнью которых толкала их на самоубийство. Показатель самоубийств в России, по сравнению с началом XX в. (в сопоставимых границах), возрос в десять раз. Только за 1993-й год он увеличился, по сравнению с предыдущим, на 23%, годовое число самоубийц составило 56 тысяч, что почти в четыре раза больше военных потерь за 10 лет войны в Афганистане. Среди самоубийц повысилась доля людей пожилого и старческого возраста, которых проводимые «демозапами» экономические реформы сделали полунимицами, а переход от не вполне удавшегося социализма к грабительскому капитализму лишил духовной основы существования. Особенно трагичными представлялись одновременные самоубийства старых супругов, в том числе ветеранов Великой Отечественной войны, лишенных должной заботы с стороны «демозапной» власти. Быстро росло число смертей от различного вида травм и несчастных случаев; в 1993 г. оно превысило даже смертность от онкологических заболеваний и несколько уступало лишь смертности от сердечно-сосудистых болезней.

Важной причиной роста числа смертей, действующей как непосредственно, так и через другие неблагоприятные факторы, было распространение и усиление алкоголизма. Это объяснялось, с одной стороны, различного рода стрессами и понижением жизненного тонуса у миллионов трудящихся, с другой – сравнительной дешевизной водки, бутылка которой, например, в Москве середины 1990-х годов была равноценной нескольким поездкам на городском транспорте. Это можно было рассматривать как политику спаивания трудящихся с целью их отупения и лишения способности к организованному социально-политическому сопротивлению капитализации страны. Число зарегистрированных алкоголиков к концу 1993 г. возросло до 2,5 млн. человек; число умерших от отравления суррогатным алкоголем выросло за тот же год на 80%. По имеющимся оценкам, реальное число алкоголиков в 1995 г. составило около 8 млн. человек,

включая около 2-х млн. женщин и 300 тысяч подростков. Очень быстро росла наркомания, особенно среди молодежи.

По показателю средней ожидаемой при рождении продолжительности жизни у мужчин, снизившемуся за период с 1987 по 1995 год почти на 3 года – с 58 до 55 лет, Россия оказалась в группе экономически отсталых стран Азии и Африки. При этом плохие количественные показатели усугублялись «качественными», свидетельствовавшими об ухудшении генофонда. Вследствие продолжавшегося загрязнения среды обитания в России вредными (в том числе радиоактивными) веществами, общего ухудшения здоровья и массового алкоголизма, дети всё чаще стали рождаться недоношенными, слабоумными и физически неполноценными. В начале 1990-х годов из российских родильных домов с характеристикой «здоровый» выписывалось менее 30% младенцев. По данным школьных медицинских обследований, в начальных классах 40-45% учащихся имели те или иные психо-неврологические заболевания, и с возрастом этот процент увеличивался.

Несмотря на приведенные выше факты, видные российские демографы в первой половине 1990-х годов либо не обращали внимания на угрожающую демографическую обстановку, либо старались умалить ее значение, представив вымирание россиян как «временное» и «легко устранимое». Это достаточно четко проявилось в конце 1993 г. в двух брошюрах, адресованных по сути правительственным органам. В брошюре «Население России. Ежегодный демографический доклад», подготовленной «Центром демографии и экологии человека» под руководством А.Вишневого (основного пропагандиста концепции «демографической революции»), утверждалось, что относительно рождаемости «с учетом даже самых последних лет никакой особой тенденции к снижению не прослеживается.» (4) В брошюре «Демографические перспективы России», подготовленной «Отделом демографии Госкомитета по статистике России» под руководством А.Волкова говорилось, что «в обозримой перспективе численность населения России не претерпит значительных изменений» (5). Будучи неплохо знаком с названными деятелями от демографии, не могу понять, что заставило их дезинформировать российскую общественность, неужели, какая-то патология мышления? Подобная патология проявилась и в появившейся

год спустя статье директора центрального «Института социально-экономических проблем народонаселения» И.Римашевской, которая заявила, что наблюдаемое снижение рождаемости – явление временное, якобы, обусловленное главным образом демографическим «эхом», явно ушедшей в прошлое войны 1941-1945 гг., и через несколько лет рождаемость, дескать, повысится сама собой до прежнего умеренного уровня. (6). Подобных лженаучных заявлений людей с высокими научными степенями было немало в период «катастрофы», но их пагубное воздействие ощущалось долго. В сентябре 1995 г. в центральном академическом журнале «Вестник Российской Академии Наук» была опубликована моя статья «Вымирание русских – историко-демографический кризис или катастрофа?», показывающая реальную возможность такой катастрофы и предлагавшая меры по её избежанию, но откликов на нее не последовало. Летом 1997 г. «Комитет по делам семьи и положению женщин» при Государственной Думе провел «Круглый стол» по обсуждению демографической ситуации в России, но большинство приглашенных на него специалистов (преимущественно экономистов), вероятно, под влиянием названных выше видных демографов (не присутствовавших на заседании) не выразили обеспокоенности ситуацией, а на мой призыв прибегнуть к материальному поощрению рождаемости, согласно заявили, что на такую затратную демографическую политику «денег нет!»

С точки зрения экономистов, ситуация в стране во второй половине 1990-х годов, действительно, не внушала большой тревоги. Вследствие сокращения числа детей, да и ускорившегося вымирания старых людей, «демографическая нагрузка» на работающую часть населения существенно уменьшилась. В группу «пенсионеров» стали входить малочисленные поколения, родившиеся в военные годы. Разрушенные «демозапами» тяжелая и легкая промышленность не требовали притока новых кадров. Спокойно обходилось без них и захиревшее сельское хозяйство; молодежи в деревнях делать было нечего и она устремлялась в города, а оставшиеся во многих деревнях старики безропотно вымирали. Необходимые товары стали покупать главным образом за рубежом на деньги, вырученные от продажи туда нефти, газа, алюминия, леса и даже электричества. Для такого ведения хозяйства, как показывал опыт стран – сырьевых

придатков ведущих индустриальных держав, при «вахтенном» методе – требовалось не так уж много рабочих рук; видная глава правительства Великобритании Маргарет Тэтчер определила потребность их для России всего в 15-20 млн. человек. Конечно, «железная лэди» имела в виду главным образом квалифицированных рабочих, к которым следует прибавить еще в несколько раз больше неквалифицированных и миллионы работающих в сфере обслуживания, но все же до ужасов вымирания, казалось, России еще далеко. Наиболее требовательной к людскому потенциалу страны была армия, но время любимых маршалом Жуковым больших армий уже давно прошло, изнурительной войны не предвиделось, от нее Россия загородилась ракетно-ядерным «зонтиком», а для малых войн много солдатского мяса не требовалось. Словом, имелось немало причин, по которым правители России могли спокойно вступить в новое XXI столетие.

К сказанному имелись однако и солидные контраргументы. Естественные ресурсы в стране, прежде всего запасы нефти и газа, отнюдь не беспредельны, а для возрождения продуктивной промышленности и сельского хозяйства требуется солидный людской потенциал. Между тем, половозрастная пирамида населения, напоминавшая в царской России равнобедренный треугольник с широким основанием, стала превращаться в стоящий ромб со все более сужающимся основанием. Демографическая нагрузка на трудящихся в ближайшие десятилетия, когда в пенсионный возраст войдут многочисленные когорты рожденных в послевоенное время, станет неизбежно и все более увеличиваться. Исходя из того, что у русских жителей Российской Федерации рождалось в год лишь около 1 млн. детей, а также учитывая ухудшение их «качества» и их естественную убыль до достижения совершеннолетия и получения надлежащего образования, можно ожидать, что уже к 2015 году российская экономика столкнется с нехваткой рабочей силы. Масса трудящихся уменьшится вдвое, но это отнюдь не предохранит общество от структурной и локальной безработицы. Развитые капиталистические страны (США, Великобритания, ФРГ и др.) решают такие проблемы путем привлечения массы иммигрантов, но Россия к такому развитию событий не вполне подготовлена. Надежда на переезд в Россию хотя бы трети из оставшихся за ее рубежами на милость местным националистам двух десят-

ков миллионов истинно русских людей (преимущественно горожан) – не оправдалась; здесь для них зачастую нет ни места для работы, ни квартир для жилья. А трудности адаптации на новом месте мало способствуют созданию ими даже малодетных семей. Для нерусских иммигрантов из бывших советских республик Средней Азии и Закавказья, число которых стало быстро расти, трудностей адаптации еще больше, вследствие плохого знания русского языка и своеобразных культурных ориентаций. Преобладающие среди них исламизированные группы не ищут занятий в промышленности, а стремятся работать в торговых структурах крупных городов, постепенно вытесняя из них русских, или на подсобной службе. Война Армении с Азербайджаном из-за Горного Карабаха привела к изгнанию из Азербайджана свыше 0,5 млн. армян, большинство которых осело в Ставропольском и Краснодарском краях, конкурируя с местными крестьянами-фермерами. Недавние столкновения в карельском городе Кандопе между местными горожанами и приселившимися там группами чеченцев показали, что с приезжавшими нерусскими мигрантами будет еще немало хлопот.

Несмотря на некоторое сокращение вооруженных сил примерно до 1,5 млн. человек (с войсками МВД) и применение контрактного метода, проблема их комплектования неизбежно обострится. Чтобы прийти к такому выводу, достаточно знать текущую статистику и два арифметических действия. При двухгодичном сроке службы в армии для пополнения её рядов (без офицерского состава и 50% контрактников) требовался ежегодный призыв примерно в 300-350 тысяч новобранцев, который при существующем отсеке по здоровью, отвлечении на учебу и прочих причин мог надежно обеспечить контингент в 2-3 млн. юношей призывного возраста. Снижение рождаемости в середине 1990-х годов до 1,4 млн. в год, из них мальчиков – 0,7 млн., означало, что к 2005 г. и далее призывные комиссии будут недобирать рекрутов. Перевод армии на контрактную основу нехватку новобранцев не восполнит, но вызовет сложные социально-психологические проблемы отчуждения вооруженных сил, трудно переносимые обществом даже по отношению к частям МВД с их специальными подразделениями, скрывающими свое лицо под черными масками. Плановое сокращение армейской службы до 1,5 года, а затем – до 1 года, требующее, разумеется,

увеличения числа новобранцев в полтора, а затем и в два раза, представляется трудно реализуемым.

И еще одно немаловажное обстоятельство. В XIX – начале XX вв. российская армия была по своему этно-культурному составу преимущественно русской, точнее – православной русской армией. Существенные иноэтнические вкрапления были только среди офицеров – выходцев из дворянского сословия, да в конных войсках (кавказская «Дикая дивизия»). Советская власть провозгласила полиэтничность армии, в ней были даже еврейские и китайские части, но реально набор в нее был ограничен знанием русского языка. Даже во время Великой Отечественной войны призывников с плохим знанием русского языка было немного и их направляли главным образом на нестроевые службы. «Демозапные» правители России, взявшие курс на возрождение видной роли православной церкви в жизни общества, распространили его и на жизнь армии – появились армейские церковные молебны, освящение знамен и прочие обряды. Демографические факторы при этом во внимание не принимались. Между тем, выше уже отмечалось, что еще до обвала рождаемости – в 1989 г. – в Российской Федерации у русских матерей родилось и было зарегистрировано примерно столько же детей, сколько у всех в сумме матерей другой этнической принадлежности. Обороноспособность Российской Федерации неминуемо потребует распространения воинского призыва на нерусскую, преимущественно исламизированную молодежь, которая в православной армии будет чувствовать себя очень неуютно...А армия с внутренним разделением на православных и мусульман вряд ли станет боеспособной. Неизбежное превращение русских людей, цементирующих существование громадного полиэтнического государства, в этническое меньшинство, будет способствовать развитию национал-сепаратистских движений.

Приведенное М.Бернштамом сравнение современных русских с римлянами времен упадка Римской империи и нашествия варваров представляется довольно удачным. Напомню, что тогда кризис мощного государства проявился прежде всего в упадке нравов и снижении рождаемости, что повлекло за собой практику набора в почти непобедимые римские легионы частично ассимилированных ими варваров из близлежащих провинций. Римские сенаторы, как и нынешние «демозапные»

правители, мало думали о будущем, погрязли в политических распрях. После того как вождь вест-готов Аларих в 410 г. сравнительно легко взял Рим и опустошил Италию, могучая империя распалась на части, в которых бывшие римские граждане были либо уничтожены, либо поглощены варварами, постепенно образовавшими новые этносы. Контуры новых этносов в России выступают пока недостаточно четко; наибольшей автономии добился Татарстан – он довольно свободно ведет торговлю с зарубежными странами и оставляет новобранцев служить внутри республики. Для дальнейшего развития татарского или какого-то другого сепаратизма понадобится еще немало времени, но при наметившихся к концу 1990-х годов этно-демографических тенденциях печальный конец русского этноса и российского государства представлялся неизбежным.

Я не знаю, кто был советником нового Российского президента В.Путина, но в своем первом послании Федеральному собранию 2001 года он мельком упомянул о существовании в России демографических проблем. Упомянул...и как бы забыл о них до 2006 года, когда в новом ежегодном послании Федеральному собранию он не только подчеркнул важность этих проблем, но и предложил способ решения главной из них – сокращения рождаемости – путем материального поощрения рождения женщиной второго ребенка. Это поощрение, по мнению Путина, должно составить 250 тысяч рублей, выдаваемое женщине через пару десятков лет на важные семейные расходы или добавляемое к её пенсии. Такую долгожданную демографическую политику без особых дополнений поддержало большинство депутатов Государственной Думы, хотя глубокий анализ ее приводит к выводу о необходимости дополнений и поправок. Во первых, такая политика центрирует внимание не на брачных парах, а как бы на матерях-одиночках, которые в норме не могут стать основой детопроизводства. Нынешняя демографическая политика, в принципе, должна быть нацелена, как уже говорилось выше, на превращение малодетных (в том числе бездетных) семей в семьи среднететные. Два ребенка на брачную пару не остановят вымирания; учитывая безбрачие и органическую бездетность части женщин, а также смертность рожденных детей до достижения ими возраста выполнения детородных функций, примерно треть женщин должна родить не двух, а трех детей. Для обеспечения

же создания и нормального существования трехдетных семей требуется иная демографическая политика, чем для создания двухдетных; здесь на первый план выходят, например, жилищные условия – наличие отдельных комнат для разнополых детей и т.п. Осуществление этого, как я понимаю, уходит в будущее. При теперешней установке на поощрение двухдетных матерей ежегодная демографическая убыль, вероятно, снизится с 800-900 тысяч до 500 тысяч (среди русских примерно до 600 тысяч). Текущая статистика позволит уже в ближайшие годы уточнить эти показатели, но ясно, что течение смертельно опасной для российского общества болезни не прервется.

Судьбоносное значение процесса вымирания русских для бытия всей Российской Федерации, со всеми входящими в нее этническими «республиками» и отдельными этносами заставило меня обратить на этот процесс первостепенное внимание, хотя познание его не входило в непосредственные задачи переписи. Целью её являлось определение этнического состава населения страны и некоторых важных демографических и социально-экономических характеристик российских этносов по полу, возрасту, состоянию в браке, уровню образования и др., к анализу которых я и намереваюсь теперь приступить. Целесообразно начать, однако, с пояснения понятия «этнос» и с простого вопроса о том, сколько этносов находится в составе Федерации? Но ответить на этот вопрос затруднительно. В Программе переписи населения 2002 года имелся вопрос 7 - «Ваша национальная принадлежность (по самоопределению опрашиваемого)». По этому вопросу было получено более 800 различных вариантов ответов; кроме того, около 1,5 млн. человек не указали свою национальную принадлежность. В итоговых материалах переписи фигурирует 192 «национальности и этнические группы», не включая «другие национальности, не перечисленные выше». Разобраться в этой цифровой кутерьме даже специалисту – почти невозможно! Термин «*национальность*» имеет нечеткое содержание (в зарубежной западной терминологии им обычно обозначают «подданство»). В Советской практике его обычно применяли к небольшим этносам; к большим республиканским этносам применялся термин «*нация*». Недостаточно четок и термин «*этническая группа*»; им можно назвать, например,

и «*этносы Поволжья*» и группы разноязычных иммигрантов. Короче говоря, разработчикам материалов переписи, обозначенных «*национальности и этнические группы*», придется еще немало потрудиться, чтобы привести их в достаточно стройную научную иерархическую систему.

Выполнению такой задачи в немалой степени мешает небрежение этнической терминологией в важных политических документах, начиная с кем-то наспех составленной и наскоро принятой «ельцинской» *Конституции Российской Федерации 1993 года*. Напомню, что она начинается (удивительно сходно с Конституцией США) словами «*Мы, многонациональный народ Российской Федерации ...*», но в Статье 5 говорится о «*самоопределении «народов» в Российской Федерации*», в Статье 9 – об «*основе жизни и деятельности «народов», проживающих на соответствующих территориях*» и далее термин «*народ*» используется то в своем социально-политическом, то в своем этническом значении. Строить на базе такой терминопонятийной зыбкости национальную политику было невозможно, и неудивительно, что существовавшее до того Министерство по делам национальностей было распущено. Имевшаяся в паспортах и служебных анкетах отметка о «*национальности*» была упразднена. Появившиеся рассуждения о существовании якобы единого (многонационального!) российского народа не претворились в околonaучную социально-политическую концепцию, каковой была во времена генсека Л.И.Брежнева и его преемников концепция «*советского народа*». Но вполне возможно, что таковая появится и внесет дополнительные трудности использования термина «*народ*» в его исконно этническом смысле, выбьет его из генетической иерархии **род-племя-народ**. Термин «*национальность*», вследствие его неоднозначности для научного анализа ситуации, также мало пригоден. Вот почему термин «*этнос*» представляется мне более надежным применительно и к материалам переписи населения 2002 года.

Вопрос «*сколько этносов живет в России?*» – не имеет четкого ответа. Основным признаком «этноса» является **самосознание**, выраженное в **самоназвании**. Поскольку в материалах переписи на вопрос о «*национальной*» (этнической) принадлежности фигурирует более 800 различных самоназваний, постольку резонно считать, что в России имелось более 800 этнических

подразделений – этносов или более или менее значительных частей этносов, отколовшихся когда-то от основной «родной» этнической массы вследствие миграций и в какой-то степени осознающих свое этно-культурное своеобразие. Разработчики материалов переписи, вероятно, с помощью каких-то экспертов (фамилии их не названы) провели искусственную этническую консолидацию, соединив небольшие этно-культурные («этнографические») группы с базовыми этносами. Так, в состав **«русских»** включены «затундренные крестьяне», «индигирщики», «каменщики», «кержаки», «колымчане», «ленские старожилы», «мезенцы», «обские старожилы», «походчане», «русско-устыинцы», «семейские», «якутяне», «ямские». В состав **«татар»** включены «мещеряки», мишари и тептяри. А, например, в состав **«эвенов»** – «ламуты», «мэнэ», «орочи», «эвены». Именно таким, отнюдь не всегда достаточно обоснованным способом число этнических подразделений при разработке материалов переписи было сокращено до 192.

При ближайшем рассмотрении рабочее, так сказать, значение числа 192 невелико. Включенные в него свыше 50 этнических наименований могут быть отнесены к разряду «иммигрантов», имеющих свои государства вне пределов Российской Федерации (азербайджанцы, армяне, болгары и др.). Часть из них (австрийцы – 0,3 тыс., албанцы – 0,3 тыс., бенгальцы – 0,5 тыс. и др.), а также свыше 40 прочих наименований имеют численность менее 5 тыс. человек, т.е. являются микроэтносами, не оказывающими почти никакого влияния на этно-политическую ситуацию в Российской Федерации. Такие микроэтносы были обречены историей на исчезновение в результате слияния с более крупными соседними этносами, и только этнические охранная политика, хозяйственные льготы (искусственный подкорм) и природная изоляция поддерживают их полумузейную самобытность в своего рода заповедниках. Таким образом, число реально значимых российских этносов, нуждающихся в переписном обеспечении с широкой публикацией результатов, сократится примерно до 100 единиц. Разработчики материалов переписи сократили это число до 40 *«национальностей»* или **этносов**. В это число вошли все этносы, отраженные в названиях *«субъектов»* Российской Федерации – 21 республики, 9 автономных округов и 1 автономной области, а также десяток

крупных этносов, не имеющих своего административно-территориального оформления. По этим этносам даны все социально-демографические показатели, согласно данным, полученным по программе переписи – поло-возрастной состав, состояние в браке, источники средств существования и др. По остальным – примерно 50 этносам – разработчики ограничились сведениями о численности, половом составе и степени урбанизации.

Численность (тыс. чел.)	Русские	Татары	Чеченцы	Мордва	Евреи
2002 г.	115869	5558	1361	843	230
1989 г.	119866	5522	899	1073	537
рост / убыль %	- 3,3	1,1	51,4	- 21,4	- 43,5

Из 40 этносов, по которым имеется полный набор переписных характеристик, я счел целесообразным кратко рассмотреть, кроме русских, еще 4 этноса с оригинальными показателями (см. табл.). Вызывает удивление, прежде всего, большой прирост численности чеченцев, выдержавших в конце XX – начале XXI в. две кровопролитных войны, и большая убыль численности мордвы, особенно за пределами Мордовской АССР из-за сильного смешения её с русскими. Чеченцы продемонстрировали, прежде всего, сильное положительное влияние на рождаемость установок исповедуемой ими мусульманской религии в сочетании с крепким национальным самосознанием. Татары, также исповедующие мусульманство (ислам), но более урбанизированные и по культуре толерантные, сильно уступают чеченцам по плодovitости, что и отразилось в невысоких темпах их прироста. Некоторое значение имело то обстоятельство, что находящиеся на территории России «татары крымские» по переписи 2002 г. (4,1 тыс.) были выделены из общей численности «татар». Что же касается «евреев», то сильное -- более чем двухразовое -- сокращение их численности объясняется эмиграцией значительных групп из Российской Федерации в Израиль и США; низкая рождаемость и высокая смертность их имели в этом отношении малое значение. Впрочем, есть мнение, что численность евреев в материалах переписи 2002 г. преуменьшена в несколько раз из-за ассимиляции их русскими.

Результаты переписи населения 2002 г., подтвердившие наличие процесса вымирания россиян, вызвали тревогу большинства демографов и в правительстве. Зафиксированное текущей статистикой с 2005 г. некоторое снижение смертности и повышение рождаемости несколько ослабило, но не сняло эту тревогу. И в начале октября 2007 г. тогдашний президент В.В.Путин подписал указ за №1351 об утверждении и претворении в жизнь Концепции демографической политики Российской Федерации (далее – КДП) на период до 2025 г. . В преамбуле указа президент поручил правительству в трехмесячный срок утвердить план мероприятий по реализации в 2008 – 2010 годах этой КДП. И сейчас, когда этот срок наполовину истек, целесообразно проанализировать действенность этой КДП.

Скажу сразу, что действенность КДП очень слаба, никакого «демографического развития» не наблюдается, процесс вымирания россиян и прежде всего русского народа продолжается, и хотя с 2005 г. он идет более медленно, чем раньше, но он отнюдь не остановлен. Вместо предполагаемой по КДП стабилизации численности населения РФ на уровне 142-143 млн человек, оно к середине 2009 г. сократилось до 141 млн и продолжает уменьшаться. Хуже того, в ближайшие годы темпы вымирания россиян вновь возрастут, так как в наиболее плодovitую когорту женщин в возрасте 20-29 лет войдут малочисленные группы рождения второй половины 1990-х – начала 2000-х годов. Численность наиболее плодovitой когорты уменьшится почти вдвое и предотвратить это не может даже господь Бог. Показатели смертности, вероятно, уменьшатся немного, предполагаемые успехи по борьбе с алкоголизмом, как это бывало уже не раз, окажутся иллюзорными, а другие радикальные способы охраны здоровья в ближайшие годы не просматриваются. Неблагоприятное влияние на демографические процессы (особенно на динамику рождаемости) оказывает экономический кризис, причем психологическое воздействие его наверняка сохранится и после того, как материальный ущерб будет преодолен. Короче говоря, КДП нуждается в доработке и поправках. Некоторые из них, надеюсь, очевидны из сказанного выше, поэтому остановлюсь на основных.

Первостепенной задачей демографической политики в России является повышение рождаемости до уровня в среднем 2-3

ребенка на каждую женщину способную к репродукции, находится ли она в зарегистрированном браке или нет, при должном материальном обеспечении. Это обеспечение, по моему разумению, должно составлять не менее среднего прожиточного минимума ежемесячно на первого и второго ребенка и вдвое больше на третьего ребенка, при котором женщина обычно вынуждена оставить квалифицированную работу. На четвертого и последующих детей вознаграждение приравнивается к первым двум. Денежное поощрение детопроизводства должно сочетаться с поощрением по обеспечению жильем и по другим социально ориентированным каналам. Это дополняется духовным поощрением детности на телевидении и других средствах массовой информации. Полезно пробуждать и укреплять чувство национальной (этнической) гордости, заветы умеренного этнофильства. Немаловажно присоединить к этому делу и проповеди Русской православной церкви, ныне ориентированной главным образом на «умерщвление плоти»; нынешний патриарх всея Руси Кирилл вроде не отвергает нововведений. Для меня остается неясным решение вопроса о степени материального и духовного поощрения в детопроизводстве состоящих в браке мужчин. В нынешней КДП об этом не говорится ни слова, авторы ее, вероятно, предполагали, что адресуя это поощрение только супружницам, они способствуют стойкости семейных уз. Но человек – существо сложное, и утрата мужчинами традиционного главенства в семье, может вогнать их в такой психологический стресс, что их обеспеченные жены не возрадуются...

Что касается снижения смертности, то с этим делом всё более ясно, только нужно в КДП переходить от общих фраз об охране здоровья к конкретным мероприятиям. Если речь идет о борьбе с массовым алкоголизмом, то следует рассмотреть все плюсы и минусы запрета спиртных напитков. Если речь идет о борьбе с болезнями системы кровообращения, дающими более половины всех нынешних смертей, то необходимо планировать резкое увеличение ныне небольшого числа квалифицированных кардиологов с соответствующей аппаратурой. И т.д. и т.п. Следует учитывать, конечно, кратковременность экономико-демографического эффекта от снижения смертности. Оно приведет, ведь, к увеличению числа пожилых и старых людей, что вместе с ожидаемым ростом числа детей ощутимо снизит в населении

долю рабочих возрастов, увеличит так называемую «демографическую нагрузку».

В наше смутное время долговременные прогнозы редко сбываются. Все же рискну предположить, что нам вряд ли удастся к 2015 г. стабилизировать численность населения Российской Федерации на уровне более 140 млн. человек, как предполагалось в КДП; реально нужно удержать ее снижение и стабилизировать на уровне 130–135 млн., что может быть достигнуто примерно к 2025 г. Численность русских к этому времени сократится, вероятно, до 70 млн. человек с соответствующим снижением их доли в промышленном производстве, в вооруженных структурах и т.д. Центральные области России с преимущественно русским населением останутся недозаселенными; пополнение их иноэтническими мигрантами в сельские местности проблематично. Области Дальнего Востока станут еще более сильно незаселенными, по существу открытыми для мигрантов из многолюдного Китая, двух Корей и Японии. Попутно отмечу возможность разумной передачи части Дальнего Востока в концессию каких-то из этих государств. Всё это необходимо учитывать в планах дальнейшего развития Российской Федерации.

А.Н. Ямсков

НАСЕЛЕНИЕ АБХАЗИИ: ПОСТСОВЕТСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЭТНОДЕМОГРАФИИ И ЭТНОГЕОГРАФИИ¹

После распада СССР, формально завершено 26 декабря 1991 г., население Абхазии, одной из наиболее полиэтничных республик этой исчезнувшей страны², претерпело поистине драматические изменения – оно сократилось, по любой из имеющихся оценок, более чем в два раза, существенно изменился этнический состав и расселение жителей этой территории. Даная работа посвящена определению истинных масштабов этих изменений в этнодемографической структуре населения и в этногеографии основных народов республики, прежде всего абхазов и грузин. При этом акцент делается на попытку оценить достоверность исчисления этнического состава и расселения населения Абхазии, проведенного в республике в 2003 г., и на выявление характера и причин возможных неточностей.

В основу данной работы положены материалы переписей 1989 и 2003 годов, сведения из немногочисленных научных публикаций по этнодемографии и этногеографии современной Абхазии, сообщения местной прессы, а также собственные наблюдения и полевые исследования автора, проведенные в ходе экспедиций 2003–2006 гг. в абхазские селения³. Основные результаты этих

- 1 Представленные ниже материалы составили авторскую часть совместного доклада Н.А. Дубовой и А.Н. Ямскова «Изменившаяся Абхазия: население и территория», прочитанного 4 марта 2009 г. на заседании Комиссии по культурной географии Русского Географического Общества совместно с Семинаром «Культурный ландшафт» (организаторы – В.Н. Калущков, Т.М. Красовская; Географический факультет МГУ).
- 2 Об этническом составе и языковых предпочтениях населения союзных и автономных республик СССР в 1989 г. см.: Yamskov A.N., 1994. Рр. 58–61.
- 3 Полевые работы в форме коллективных экспедиций длительностью около месяца каждая проводились совместно с Абхазским институтом гуманитарных исследований (АБИГИ) имени Д.И. Гулиа Академии Наук Республики Абхазия

исследований опубликованы, преимущественно в коллективных статьях (Дубова Н.А. и др., 2006; Дубова Н.А., Ямсков А.Н., 2006а; Григулевич Н.И. и др., 2007) и тематических сборниках, либо их разделах (Современная сельская Абхазия ..., 2006; Комплексные этноэкологические исследования ..., 2008).

Предваряя дальнейшее изложение, стоит кратко напомнить, какие трагические события произошли с населением Абхазии в последние 20 лет и какие факторы оказали основное влияние на динамику численности и миграции жителей республики.

Причины радикальной трансформации численности и этнического состава населения Абхазии в 1990-е гг.

Усугубление во второй половине – конце 1980-х гг. идеологического кризиса и обострение политической борьбы в высших эшелонах политического руководства СССР обернулись нарастающим вакуумом власти в союзном Центре. Как следствие, резко возросли реальное значение и относительная самостоятельность органов власти союзных республик. Но во многих из них, особенно в Прибалтике, Закавказье и Молдавии, тоже развернулись бурные процессы перераспределения властных полномочий внутри партийного и советского руководства, разные представители которого ориентировались на различные политико-идеологические течения в союзном Центре. При этом многие местные руководители стали опираться и на появившиеся тогда же массовые общественно-политические движения, возникшие как этнические, либо быстро приобретшие такую окраску (см. подробнее: Ямсков А.Н., 1991). Грузинская ССР не стала в этом плане исключением. Во входившей в её состав Абхазской АССР в конце 1980-х гг. первоначальные политические противоречия и трения, обострившиеся среди полиэтнического партийного и советского руководства и элитных слоёв интеллигенции в ходе «перестройки», оконча-

(г. Сухум). Выезд Н.А. Дубовой и А.Н. Ямскова в 2003 г. финансировался из бюджета Института этнологии и антропологии РАН (ИЭА РАН), экспедиция сотрудников ИЭА РАН и АБИГИ в 2004 г. – по проекту Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) № 04-01-18033е «Современная сельская Абхазия: социально-культурные и медико-демографические проблемы» (руководитель – Н.А. Дубова), экспедиции 2005 и 2006 гг. – по проекту РГНФ № 05-01-01069а «Медико-антропологические и демографические последствия социально-культурных изменений конца 1980-х – начала 2000-х гг. в сельской Абхазии» (руководитель – А.Н. Ямсков).

тельно переросли в абхазо-грузинский этнический конфликт и сопутствующее ему размежевание остальных групп населения автономии.

Впервые большая кровь в абхазо-грузинском конфликте фактически пролилась 15-16 июля 1989 г., когда в вооружённых столкновениях у города Очамчыра⁴ погибли 11 грузин, 5 абхазов и 1 грек, а намного большее количество человек получили ранения (Пачулия В., Ачугба Т., 2007. С. 97-98). Эскалация противостояния между абхазами и местными грузинами, которое после указанного трагического события было лишь на время заморожено вводом войск из федерального центра СССР, продолжилась и далее, вовлекая в себя всё население республики⁵. 14 августа 1992 г. правительство ставшей независимой Грузии ввело в Абхазию свои войска и началась полномасштабная абхазско-грузинская война, завершившаяся 30 сентября 1993 г. полной победой Абхазии. Её армия, созданная в ходе этой войны из ополченцев, установила контроль практически над всей территорией республики, выйдя на границу с Грузией по реке Ингур.

Исключением стала лишь верхняя часть Кодорского ущелья, или Абхазская Сванетия, которая была заселена сванами с конца XIX в. Сваны – одна из субэтнических групп, считающая себя грузинами и близкая к ним по языку и культуре, однако их язык непонятен собственно грузинам. После войны, в которой кодорские сваны деятельно участвовали на грузинской стороне, местные сванские лидеры только номинально признавали себя частью Грузии, а фактически сохраняли независимость как от Сухума, так и от Тбилиси. Лишь 25 июля 2006 г., после вооружённых столкновений присланных из Грузии армейских и полицейских подразделений со сторонниками местного сванского лидера, в Кодорском ущелье, этой небольшой части горной Абхазии, было установлено прямое управление из Тбилиси.

В ходе абхазо-грузинской войны 1992-1993 гг. только абхазская сторона потеряла не менее 2000 человек (Ачугба Т., Хашба А., 2007. С. 54), в большинстве своём этнических абхазов (военных и

4 Здесь и далее топонимы приведены в соответствии с правилами Республики Абхазия по отображению абхазских названий в печатных изданиях на русском языке – см.: Республика Абхазия. Карта ..., 1997.

5 О взглядах автора на ведущие причины этнических конфликтов в Закавказье см.: Yamskov A.N., 1991.

гражданских лиц). По другим источникам, на этой войне погибли около 2700 военнослужащих Абхазии, численность которых, вместе с добровольцами из других регионов бывшего СССР, доходила до 12000 человек (Ценою жизни отстояв ..., 2006). Основой вооруженных формирований Абхазии были абхазы, но вместе с ними в войну против Грузии включились значительная часть местных армян и многие русские, а также добровольцы из числа горских народов Северного Кавказа, казаков и русского населения южных регионов России. По данным экспертов Стокгольмского международного института проблем мира (Stockholm International Peace Research Institute), общие потери в этой войне составили около 12000 человек (Мукомель В.И., 1997. С. 301). По данным властей Абхазии и Грузии, среди погибших было соответственно 1510 военнослужащих и «несколько сотен гражданских лиц» с абхазской стороны (в большинстве своём абхазов), 3365 военнослужащих и «около 7000 мирных жителей» с грузинской стороны, то есть в основном грузин (Мукомель В.И., 1997. С. 302).

Однако крупномасштабные многодневные боевые действия, вследствие вторжения достаточно крупных вооруженных отрядов с территории Грузии, сопровождавшиеся гибелью многих военных и гражданских лиц из числа жителей Абхазии, имели место и позже, в Галском районе в мае 1998 г. и в средней части Кодорского ущелья в октябре 2001 г. (Пачулиа В., Ачугба Т., 2007. С. 108, 111, 115). На территории Галского района и в непосредственно прилегающих к нему частях республики вплоть до 2008 г. эпизодически происходили вооруженные акции, проводившиеся местными и приходившими из Грузии небольшими грузинскими диверсионными отрядами, в результате чего погибло в общей сложности тоже довольно значительное число абхазских военнослужащих, в том числе юношей-призывников, и местных жителей.

Наконец, 9-12 августа 2008 г. во время войны между Грузией и Россией в Южной Осетии, абхазские армейские подразделения практически без потерь захватили территорию Кодорского ущелья, вытеснив оттуда сванов. Ранее их численность, вместе с военными из Грузии, оценивалась примерно в 3000 человек (Ващенко А., 2005. С. 2), а после вытеснения сванов из Кодорского ущелья в августе 2008 г. грузинская сторона определила количество этих беженцев в 1893 человека (Панфилов В., 2009). 26 сентября 2008 г. Российская Федерация признала государственный суверени-

тет и независимость Республики Абхазия, и начался процесс установления дипломатических отношений и подготовки соглашений о сотрудничестве, в том числе в сфере обороны и охраны границы с Грузией.

Результатами обострившегося на рубеже 1980-1990-х г. абхазо-грузинского конфликта, войны 1992-1993 гг. и последующих вооруженных столкновений, а также послевоенной экономической разрухи и активизации криминальных элементов, стал массовый выезд из Абхазии большей части её жителей, устремившихся в Россию (представители всех этнических групп, включая грузин) или в Грузию (только грузины). Огромную негативную роль в середине – конце 1990-х гг. также сыграла жёсткая экономическая блокада Абхазии со стороны Российской Федерации, что фактически на десятилетие затянуло выход республики из послевоенного социально-экономического хаоса и породило массовую безработицу населения. Поэтому как только с конца 1990-х – начала 2000-х гг. режим блокады стал постепенно ослабевать, в Россию на временные заработки или на постоянное жительство начали выезжать и многие абхазы.

Лишь в первые годы XXI века эта блокада стала изживать себя, постепенно превращаясь в формальность, но официально она была полностью снята Россией только 6 марта 2008 г. Примерно с 2002-2004 гг. начинается довольно быстрое экономическое развитие Абхазии, устанавливается товарообмен между российскими и абхазскими предприятиями, возрождается массовый российский туризм в летний сезон, создающий спрос на сельскохозяйственную продукцию и стимулирующий ремонт и строительство жилья и дорог, благоустройство прибрежных городов и посёлков, развитие транспорта и т.п. Тогда же Россия разрешила переходить в российское гражданство жителям Абхазии, имевшим на это право в качестве бывших граждан СССР, не принявших после его распада никакого другого гражданства, и к середине 2005 г. этой возможностью воспользовалось абсолютное большинство (более 80%) ее постоянного населения⁶.

6 Например, ещё летом 2005 г. Президент Абхазии С.В. Багапш оценил долю жителей республики, имеющих российские паспорта, в 80% – 82% всего взрослого населения, и ещё 7-8 тысяч человек находились тогда в процессе оформления гражданства Российской Федерации [Интервью Президента РА ..., 2005. С. 3].

Все эти перипетии не могли не сказаться самым серьёзным образом на абсолютной численности, относительной доле в общем населении и на расселении основных народов Абхазии – абхазов, грузин, армян, русских, украинцев и греков.

Изменения в численности основных народов Абхазии в 1990-е гг.

Оценивая точность статистических сведений, получаемых в ходе переписи населения, следует понимать, что она в принципе не может быть абсолютной. Представленные ниже сомнения в точности проведённого в Абхазии в 2003 г. учёта населения ни в коей мере не должны восприниматься как критика властей или проводивших эту фактическую перепись населения экспертов.

Вспомним, что даже в России, в которой последняя перепись населения была проведена в 2002 г., то есть после нескольких лет уверенного роста экономики и в условиях социально-политической стабильности, эта перепись, по мнению ведущих экспертов и реальных разработчиков и кураторов сбора сведений о гражданстве, языке и этнической принадлежности, показала следующее: «не учтено примерно 5%–7% населения (максимум 10%–12%), среди которого жители крупных мегаполисов, мигранты из стран бывшего СССР, Китая и Вьетнама ...», а «в других случаях, как в Чечне, Ингушетии, людей насчитали с избытком» (Степанов В.В., Тишков В.А., 2007. С. 19). Мною ранее тоже отмечался вопиющий казус с «ингушами, которые в 2002 г. якобы заняли место № 22 в списке крупнейших народов Российской Федерации и тем самым продемонстрировали в 1989-2002 гг. прирост на примерно 92% – подобное невозможно в принципе и потому свидетельствует прежде всего о серьёзной ошибке переписчиков либо сознательном искажении ими информации о реальной численности ингушей в 2002 г.» (Ямсков А.Н., 2008а. С. 130).

Наряду с данными «Учёта населения» Абхазии в 2003 г., о которых речь пойдёт ниже, имеются также экспертные оценки, представляющие существенно иную этнодемографическую картину. Они частично уже были представлены и проанализированы автором этих строк в совместной публикации (Дубова Н.А., Ямсков А.Н., 2006б. С. 40-41). Вообще сам по себе вопрос об этнодемографической структуре населения республики, абсолютной и относительной численности основных этнических групп

приобрёл в современной Абхазии резко выраженный политизированный характер. До недавних пор в структурах власти абсолютно преобладали абхазы, но как долго им удастся удерживать всю полноту политической власти в условиях демократических выборов и отсутствия непосредственной военной угрозы, представители каких этнических групп, когда и в какой мере смогут разделить с ними эту власть и к чему подобное развитие событий может привести республику – всё это поистине взрывоопасные в условиях Абхазии вопросы. Отсюда и вытекает повышенное внимание общества и руководителей к этнической статистике, а также тот факт, что упомянутые материалы учёта населения были опубликованы под грифом «Для служебного пользования» (Население ..., 2005).

Итак, оценка численности и этнического состава населения республики была приведена в прессе находившимся тогда в оппозиции А. Анквабом, впоследствии ставшим премьер-министром, в ходе остро протекавшей кампании 2004 г. по выборам Президента. По его мнению, в Абхазии проживало всего около 225 тысяч человек, включая примерно 65 тысяч абхазов и около 60 тысяч грузин только в Галском районе, тогда как ещё около 40 тысяч абхазов были вынуждены выехать из республики после войны в Россию из-за экономической разрухи и безработицы (Шария В., 2004. С. 7).

Но российская статистика определяла численность абхазов, находившихся в пределах Российской Федерации в моменты проведения переписей населения, следующим образом: 1989 г. – 7239 человек (Этноязыковая ситуация ..., 1994. С. 441), 2002 г. – 11366 человек (Всероссийская перепись населения 2002 г. ...). Таким образом, с формальной точки зрения численность абхазов в России в 1990-е гг. выросла примерно на 4 тысячи человек, хотя в реальности, скорее всего, существенно (возможно, даже в несколько раз) больше, так как многие из вновь прибывших довольно долго оставались на положении нелегальных мигрантов. Однако трудно всё же поверить, что реальный прирост мог бы составить без малого 40 тысяч человек, как это должно было бы следовать из приведённого выше заявления А. Анкваба. Видимо, численность абхазов в Абхазии им была несколько занижена, а масштабы их выезда в Россию – явно завышены, так как оппозиция в то время активно обвиняла власть в сохраняющейся очень

тяжелой социально-экономической ситуации, провоцирующей массовый выезд жителей республики на работу в Россию.

Кроме того, в абхазской прессе летом 2005 г. выступил Алексей Ващенко, хорошо известный своими высказываниями в СМИ в поддержку Абхазии и Южной Осетии и являвшийся помощником Виктора Алксниса, бывшего в то время депутатом Государственной Думы Российской Федерации. По его словам, в комитетах Думы имеются якобы достаточно обоснованные данные о том, что в Абхазии проживают примерно 64 тысячи абхазов, около 20 тысяч русских и 75 тысяч грузин (включая 3 тысячи человек в Абхазской Сванетии), тогда как количество абхазов на территории Российской Федерации составляет порядка 30 тысяч человек (Ващенко А., 2005. С. 2). Видимо, и в этом случае российские эксперты довольно некритично подошли к оценкам, высказанным абхазскими оппозиционерами в пылу острейшей политической борьбы 2004 г., и вслед за ними занизили численность абхазов в республике.

Наконец, известный российский эксперт по Кавказу заявил, что в самом конце 1990-х гг. численность грузинского населения в Галском районе В. Арбзинба, тогдашний президент Абхазии, определял в 60 тысяч человек, а Э. Шеварднадзе, в то время президент Грузии – в 55 тысяч человек. Видимо, речь шла о территории в старых границах этого района, ибо после создания в послевоенной Абхазии Ткуарчалского района и перевода части селений в Очамчирский район в пределах Галского района осталось всего около 37% его довоенной площади (Маркедонов С., 2005. С. 6).

Материалы официального Учёта населения 2003 г. дают существенно иную картину (см. ниже таблицу №1). Однако имеются веские основания предположить, что и в данном случае в силу опять-таки политических причин присутствует, напротив, завышенная оценка численности абхазов в республике и явно заниженная – грузин. Вместе с тем очень существенную роль, как будет показано ниже, в завышении численности абхазов играют объективные обстоятельства, затрудняющие их перепись или текущий учёт.

Приведённая в таблице № 1 численность грузинского населения требует небольшого пояснения: реально в Абхазии в 2003 г. были учтены 40443 человека «грузин» и 3598 человек «мингрелов», но эти цифры объединены автором. В действительности

Таблица 1

**Изменения этнического состава и численности населения Абхазии
в 1989 – 2003 гг.**

Этническая группа	1989 год ¹		2003 год ²	
	Численность(чел.)	Доля в населении(%)	Численность(чел.)	Доля в населении(%)
Всё население	525061	100%	214016	100%
В том числе:				
абхазы	93267	17,8	94597	44,1
грузины	239872	45,7	44041	20,6
армяне	76541	14,6	44869	21,0
русские	74914	14,3	23420	11,0
украинцы	11655	2,2	1797	0,8
греки	14664	2,8	1486	0,7

1 См.: Распределение населения Абхазской АССР ..., 1991. С. 116-117.

2 См.: Национальный состав наличного населения ..., 2005. С. 15.

большинство грузинского населения Абхазии являются мегрелами и, например, весь Галский район ныне заселён ими, однако лишь небольшая часть считает необходимым обозначать себя именно мегрелами, а не грузинами. Как и сваны, мегрелы являются субэтнической группой грузин, близкой к ним по языку и культуре, но при этом их язык не понятен для собственно грузин. В 1926 г., когда перепись населения проводилась максимально подробно с точки зрения фиксации этнической и языковой принадлежности, а среди преимущественно крестьянского населения Абхазии идеи общегрузинского единства ещё не приобрели современного массового распространения, численность мегрелов в Абхазии более чем в 4 раза превышала численность тех, кто тогда называл себя грузинами, а все они вместе с родственными сванами насчитывали 67500 человек, или 31,8% населения республики (Ачугба Т., Хашба А., 2007. С. 53).

В данном случае вызывает большие сомнения численность грузинского населения в 2003 г., так как если принять эти данные на веру, то получается, что на территории Галского и прилегающих к нему частей Очамчырского и Ткуарчалского районов проживает всего около 40 тысяч грузин. Но ведь все приводившиеся выше оценки гораздо выше – 55-60 тысяч человек и более, вплоть до 65-70 тысяч. Например, в июле 2009 г. прозвучали новые цифры, тоже не соответствующие официальным данным на 2003 г. Так, по мнению Георгия Хуцишвили, представителя Международного центра по конфликтам и переговорам в г. Тбилиси (International Centre for Conflicts and Negotiation), только в Галском районе ныне проживают около 60 тысяч грузин (Mainville M., 2009). Президент Абхазии С. Багапш определил в 60 тысяч человек численность только тех грузин, которые вернулись в Галский район из Грузии (Klussmann U., 2009), а ведь какая-то часть из них оттуда и не выезжала (в обоих случаях речь идёт о районе в его старых границах). С другой стороны, можно считать достаточно точными сведения о грузинском населении г. Сухума, Гагрского, Гудаутского, Сухумского и Гулрыпшского районов, а это в сумме составляет примерно 4700 человек в 2003 г. (Национальный состав наличного населения ..., 2005. С. 14-15).

Следовательно, с учётом приводившихся выше экспертных оценок, можно предполагать, что в Абхазии из почти 240 тысяч грузин в действительности осталось около 65-70 тысяч, подавля-

ющее большинство которых проживает в Галском районе, составляя там около 99% населения, а также в сёлах в прилегающих частях Очамчырского и Ткуарчалского районов, которые в советский период тоже входили в этот район. Видимо, занижение численности грузин в Абхазии обусловлено в основном политическими соображениями, но отчасти и самой ситуацией в Галском районе, некоторые жители которого не скрывали намерений в конце концов переселиться в Грузию и даже тайно получили её гражданство. Кроме того, вплоть до осени 2008 г. многие галские мегрелы часто переходили на довольно длительный срок в Грузию с торгово-коммерческими целями или погостить к родственникам, так что население этого района было до определённой степени текучим. Достаточно крупные по численности группы грузин, в основном женщины и лица старшего возраста, сохранились также в городах Сухум и Гагра. В большинстве абхазских селений тоже имеется по несколько грузин, проживающих в различных абхазских семьях в результате бывших широко распространёнными в советский период межэтнических браков.

Не менее дискуссионными, как отмечалось выше, являются и данные учёта населения Абхазии, касающиеся численности абхазов в 2003 г. На фоне заметных потерь населения в годы войны⁷, резкого падения рождаемости⁸ и выезда части абхазов в Россию не вызывают полного доверия сведения учёта населения 2003 г. о якобы имевшем место небольшом приросте численности абхазского населения республики. Так что можно очень условно оценить его реальную численность на тот год примерно в 70-75 тысяч человек, считая, что ещё около 15-20 тысяч абхазов проживают ныне на территории России, из которых около 8-12 тысяч человек приехали из Абхазии в рассматриваемый период времени.

Принимая предлагаемые скорректированные оценки численности абхазов (70-75 тысяч человек вместо 95 тысяч) и грузин

7 Например, в абхазских селениях Джгерда и Члоу Очамчырского района и Дурипш Гудаутского района моя коллега Н.А. Дубова определила потери мужчин трудоспособного возраста в войне 1992-1993 г. и в последующих боевых действиях в примерно 10%-15% этой возрастной когорты – см. подробнее: Дубова Н.А., Ямсков А.Н., 2006б, С. 45.

8 Как образно сказала об абхазах известный демограф, «далеко уступая развитым странам по уровню социально-экономического развития ..., мы быстро переняли у них особенности воспроизводства населения», то есть низкую рождаемость и, в случае некоторых селений, депопуляцию (Шамба Р.П., 2003. С. 354).

(65-70 тысяч человек вместо 44 тысяч) в Абхазии, мы получаем примерно ту же самую общую численность населения республики в примерно 215 тысяч человек, что и в материалах учёта населения 2003 г. Однако летом 2009 г. президент Абхазии С.В. Багапш в одном из интервью оценил население республики в 242 тысячи человек (Klussmann U., 2009). В связи с этим можно предположить, что власти фактически признали сведения учёта населения 2003 г. в отношении грузин заниженными и теперь уже исходят из того, что реально в стране проживают примерно 70 тысяч представителей этого народа, что как раз и даёт прибавку в приблизительно 25 тысяч человек. Если это предположение верно, то получается, что в органах власти Абхазии продолжают воспринимать в качестве истинных явно завышенные сведения о численности абхазов в республике.

Изменения в расселении основных народов Абхазии в 1990-е – начале 2000-х гг.

Расселение населения в Абхазии изменилось весьма существенно, так как более чем двукратное его уменьшение сопровождалось ещё более значительным снижением общей численности городских жителей (см. ниже таблицу № 2), причём только за счёт грузин, русских, украинцев, греков и представителей некоторых других этнических групп. Лишь в Ткуарчале, расположенном изолированно в горах и испытывающем острый экономический кризис промышленном центре, имело место значительное, почти в 2 раза, снижение численности и абхазской части его жителей.

Серьёзные изменения произошли и с сельским населением – за счёт ухода грузин были окончательно заброшены многие селения за пределами территории бывшего Галского района. Я до сих пор отчётливо помню жутковатое зрелище полностью покинутого грузинского села Куачира (бывшая Кочара) в Очамчырском районе, с его пустыми домами и садами и зарастающими чайными плантациями, через которое мы довольно долго ехали по дороге из Члоу в Джгерду. Такие же бывшие грузинские, ныне заброшенные селения есть и в окрестностях Сухума.

В прибрежной полосе к югу от Сухума, особенно от устья реки Кодор и до Очамчыры, до войны представлявшей собой зону практически сплошной застройки вдоль железной и шоссейной дорог, в которой отдельные сёла непосредственно грани-

Таблица 2

Динамика численности населения городов Абхазии в 1991 – 2003 гг.

Город	Численность населения в 1991 г. (чел.) ¹	Численность населения в 2003 г. (чел.) ²
Сухум	120000	43700
Гагра	26900	10700
Ткуарчал	22000	4800
Очамчыра	20600	4700
Гал	15700	7200
Гудаута	15300	7700

- 1 По данным соответствующих справочных статей – см.: Большой энциклопедический словарь. 1997. С. 241, 246, 318, 864, 1167, 1206.
- 2 Округлённые автором данные из таблицы: Численность наличного населения ..., 2005. С. 14.

чили друг с другом, практически не осталось населения. Исключения немногочисленны и это в основном сохранившиеся, но резко уменьшившиеся по площади и населению поселения, находящиеся недалеко от Сухума, в приморской части Гулрыпшского района. Именно здесь шли самые ожесточенные бои (Маан О.В., 2009. С. 101), и теперь буйная вечнозелёная растительность, быстро разросшаяся в условиях влажного субтропического климата, полностью скрывает даже руины сельских домов, в которых когда-то жили грузины, армяне, русские и абхазы. Ещё в 2003 г. значительная часть автотрассы Сухум-Очамчыра проходила мимо этих зарослей, возникших на месте полностью разрушенных селений и помеченных табличками «Осторожно, мины!». Точно также во время боёв были разрушены и покинуты многие селения непосредственно вокруг Сухума, в которых ранее жило в основном полиэтническое население, но с преобладанием грузин и армян.

Итак, *расселение абхазов* изменилось весьма значительно в силу ряда причин, таких как: массовое переселение в города Сухум, Гагра и, отчасти, Гудаута; переселение в некоторые прибрежные посёлки городского типа и сёла Гагрского и Гудаутско-

го, Гулрыпшского районов; уход из наиболее отдалённых, периферийных частей горных селений⁹.

Урбанизация абхазов, ускоренно протекавшая в середине 1990-х гг., привела к росту их численности в 1989-2003 гг. в Сухуме – на 65%, в Гагре и прибрежных посёлках городского типа, в которых проживает 2/3 населения этого района – на 44%. С другой стороны, вследствие этого процесса заметно уменьшилась численность абхазов в преимущественно сельских по составу населения Гудаутском (на 10%) и, особенно, Очамчырском (на 32%) районах. Отмеченное переселение в приморские сёла и посёлки городского типа привело также к росту абхазского населения Гулрыпшского района на целых 277%¹⁰, поскольку ранее там проживали лишь единичные абхазские семьи или члены полиэтнических семей. Абхазские учёные тоже отмечают, что «наряду с переездом в город, также активизировался отток жителей из горных и предгорных абхазских сёл в приморские селения и посёлки (например, из с. Арасадзых в с. Уарча, Дранда, пгт Агудзера), где ранее абхазов было очень мало» (Ачугба Т., Хашба А., 2007. С. 55. См. также: Маан О.В., 2009. С. 102-103).

Анализируя данные учёта населения 2003 г., можно предположить, что немногим более половины абхазов проживают теперь в городах¹¹, тогда как в 1970 г. уровень их урбанизации составлял всего 11,4% (Ачугба Т., Хашба А., 2007. С. 53) и достаточно медленно повышался вплоть до 1989 г. По ряду косвенных признаков можно определить, как именно росла урбанизированность абхазов: так, доля проживающих в Сухуме, абсолютно доминирующем городском центре Абхазии¹², составляла среди них в 1970 г. – 10%, 1979 г. – 13%, 1989 г. – 16%, 2003 г. – 26%¹³. Аналогичным образом доля абхазов, проживающих в урбанизи-

рованным по меркам Абхазии Гагрском районе, выросла в 1989-2003 гг. с 7% до 11%, а оставшаяся часть абхазов-горожан – это жители Гудауты, Очамчыры, Ткуарчала и приморских посёлков городского типа Гудаутского и Гулрыпшского районов.

Ещё одним, но тоже косвенным аргументом в пользу вывода о превышении среди абхазов численности городского населения над сельским, служат данные учёта населения 2003 г. о том, что горожане составляют 44,9% населения Абхазии (Численность наличного населения ..., 2005. С. 13). Ведь грузинское население Абхазии, согласно этому же источнику, составляет около 20% жителей республики, но среди них 89% проживают в Галском, Ткуарчалском и Очамчырском районах, уровень урбанизации которых составляет соответственно 24%, 32% и 19%, и лишь город Гал заселён грузинами. Таким образом, ныне явное большинство грузинского населения Абхазии – сельские жители, и именно благодаря им сохраняется общее превышение сельского населения над городским в республике.

Однако не стоит забывать условность всех этих расчётов по состоянию на 2003 г. из-за весьма вероятного завышения численности абхазов и занижения численности грузин в материалах учёта населения, о чём было сказано выше.

Итак, урбанизация абхазов носила в середине – второй половине 1990-х гг. поистине взрывной характер, но, став городскими жителями, они всё ещё остались очень тесно связанными со своими родовыми селениями¹⁴. Причины этой ускоренной и отчасти даже искусственной урбанизации были многообразными. В первую очередь сказался эффект появившейся у абхазов возможности в ходе и сразу после абхазско-грузинской войны захватить в городах брошенные бежавшими грузинами и горожанами других нетитульных этнических групп так называемые «трофейные» дома и квартиры. Значительную роль сыграло также стремление абхазов молодого и среднего возраста осесть в городах как центрах социально-экономической жизни, где можно было иногда получить работу по найму и хоть что-то заработать в экономической очень тяжёлый период середины – конца 1990-х гг. Даже сам факт исчезновения в войну 1992-1993 гг. бытовавших в позднее советское время строгих ограничений на прописку в городах и острой конкуренции за получение права на городскую прописку

9 См. также подготовленный автором раздел в работе: Дубова Н.А., Ямсков А.Н., 2006б. С. 47.

10 Расчёты автора по данным, приводимым в работе: Ачугба Т., Хашба А., 2007. С. 54.

11 Вывод автора на основе сопоставления сведений из опубликованных таблиц: Численность наличного населения ..., 2005. С. 14; Национальный состав наличного населения ..., 2005. С. 15.

12 Об уникальном положении Сухума в системе городов Абхазии см.: Барцыц Л., 2004. С. 103.

13 Расчёты автора по данным, приводимым в работе: Ачугба Т., Хашба А., 2007. С. 54.

14 Об этом явлении см. также: Канделаки Д.А., Хашба А.Ш., 2006. С. 78-79.

с представителями грузинской и других основных этнических групп населения Советской Абхазии тоже стал своеобразным стимулом к послевоенной урбанизации. Кроме того, многие из абхазов, перебравшихся после войны в такие города и приморские посёлки городского типа, как Гагра, Пицунда, Новый Афон, Цандрыпш (бывший Гантиади), Сухум, Гудаута и т.д., также вполне обосновано надеялись, что рано или поздно в республике возродится массовый российский туризм и тогда городские дома и квартиры снова станут важным источником доходов в курортный сезон, что в итоге и произошло менее чем через десятилетие после их переселения.

Однако эта ускоренная и отчасти в какой-то мере «искусственная» урбанизация 1990-х гг. породила ещё один феномен, вероятно, уникальный именно для современной Абхазии. Видимо, в этой связи можно даже говорить об особом состоянии «полуюрбанизации» абхазов, при котором грань между городскими и сельскими жителями крайне размыта и условна. Дело в том, что многие люди, имеющие основное жильё и прописку в городе, большую или очень значительную часть своих трудозатрат вкладывают в сельское хозяйство на усадьбах близких родственников и получают именно там соответствующую часть своих денежных доходов после продажи сельскохозяйственной продукции. В Джггерде Очамчирского района и Хуапе Гудаутского района такие люди составляли соответственно 12% и 9% от всей официальной численности трудоспособного населения этих селений (Ямсков А.Н., 2008б. С. 151), не входя, естественно, в их число. Необходимо подчеркнуть, что речь в указанных случаях идёт не просто о родственниках сельских жителей, которые периодически приезжают к ним в село из города и при этом эпизодически помогают по хозяйству. Последних в Джггерде или Хуапе, как и в любом другом абхазском селении, неизмеримо больше, ибо практически все городские абхазы очень тесно связаны со своими родовыми селами и остающимися в них родственниками. Но в данном случае названные выше люди работают в сельском хозяйстве фактически на постоянной основе и получают от него, таким образом, существенную или наибольшую часть своих личных денежных доходов, проживая значительную часть года у деревенских родственников, хотя при этом они официально числятся горожанами, зарегистрированными в Сухуме, Гудауте или Очамчире.

С другой стороны, как и в других регионах продолжающейся урбанизации, значительная часть сельских жителей Абхазии фактически уже большую часть времени проводит в городе и именно там имеет основную работу и главный либо весомый источник доходов, а сельским хозяйством на своей усадьбе занимается преимущественно с целью производства продуктов питания для собственной семьи. Такие люди, составляющие 8% трудоспособного населения в Джггерде и 7% – в Хуапе, реально работают и значительную часть времени живут в городах, а в селе приусадебным хозяйством с целью получения от него денежных доходов практически не занимаются, но зарегистрированы они при этом в своих сёлах.

В результате в ходе переписи населения такие лица, как в первом (формально горожане, которые регулярно живут в селе у родственников и работают на их участке земли), так и во втором случае (формально сельчане, но работающие и в основном живущие в городе), могут учитываться дважды – по месту формальной регистрации и по реальному месту проживания, то есть и в городе, и в деревне. Именно отсюда и вырастает проблема завышения численности абхазов в Абхазии. Возможно, что-то похожее может иногда иметь место и с жителями некоторых армянских селений, но в гораздо меньшем масштабе. С другой стороны, этот феномен никак не затронул русских и грузин Абхазии – первых после войны 1992-1993 гг. почти не осталось среди сельского населения, а сельские грузины уже не могли более конкурировать с абхазами за овладение брошенным жильём и остро дефицитными рабочими местами в городах и приморских посёлках.

Наконец, в самые последние годы, благодаря развитию российского туризма и высокому сезонному спросу на рабочие руки в приморской курортной зоне Абхазии (от Гагры до Сухума), заметная часть жителей, особенно из наиболее отдалённых горных селений, превратилась во временных трудовых мигрантов. Так, из вышеупомянутого Хуапа на заработки в приморскую зону регулярно выезжают около 10% трудоспособного населения села, а из Калдахуары – примерно 8% всего населения. Эти люди весь курортный сезон (не менее 3-х месяцев, то есть в июле-сентябре, а иногда и дольше, то есть с середины июня и до начала октября) живут и работают в приморских городах и посёлках вдали

от дома, лишь изредка навещая родных. Многие из них в итоге окончательно оседают в городе.

Отток жителей из абхазского села в города после войны 1992-1993 гг. был достаточно массовым¹⁵, что подтверждается также данными таблицы № 3 (см. ниже).

Таблица № 3

Количество и доля абхазских хозяйств, заброшенных в сёлах после войны 1992-1993 гг.

Селение	Год	Официальное количество хозяйств в селе (включая покинутые хозяйствами-абхазами)(абс.)	Количество абхазских хозяйств, оставленных после 1993 г.(абс.)	Доля покинутых абхазских хозяйств в селе (%)
Члоу	2003	498	10	2
Джгерда	2003	259	11	4
Дурипш	2003	572	38	7
Хуап	2006	147	20	14
Калдахуара	2006	251	9 ¹	4

¹ Минимальная оценка, так как всего в Калдахуаре было заброшено 16 домохозяйств. Точную долю среди них абхазских хозяйств установить не удалось. Но в 9 из них у главы семьи была исконно абхазская фамилия. Впрочем, поскольку у многих абхазов фамилии ныне звучат аналогично мегрельским, то скорее всего общее количество покинутых абхазских хозяйств в Калдахуаре заметно больше, чем 9.

Анализируя данные таблицы № 3, необходимо учесть, что в неё, естественно, вообще не вошли сведения о тех грузинских (в большинстве мегрельских) хозяйствах, откуда люди бежали во время войны, бросив свои дома и усадьбы, и о тех абхазских хозяйствах, которые исчезли в ходе войны вследствие гибели главы семьи на фронте и отъезда оставшихся членов домохозяйства к родственникам. Но какая-то часть грузин, преимущественно пожилых, оста-

¹⁵ О. Маан также по сути подтверждает этот вывод, т.к. он отмечал, что, например, в Очамчырском районе после войны 1992-1993 гг. преимущественно в города из села Арасадзых выехало около 90% населения, из села Лашкендар (бывший Цхецкар) – примерно 60% семей (Маан О.В., 2009. С. 102-103, 104).

лась в этих (и многих других) сёлах и поэтому их хозяйства, как и немногочисленные хозяйства турок (Джгерда), отдельные хозяйства армян или русских (Дурипш, Калдахуара), тоже включены в соответствующую графу таблицы № 3. Разумеется, в эту же графу входит и довольно заметное количество этнически смешанных хозяйств (прежде всего абхазо-грузинских, а также абхазо-турецких, абхазо-армянских, абхазо-русских и других).

Однако в последние годы наблюдался не только ускоренный отток абхазского населения в города. Одновременно шёл и процесс концентрации жителей отдельных селений в их центральных или иных, лучше обеспеченных дорогами и транспортным обслуживанием частях. Вообще для абхазов традиционно было характерно очень разбросанное расселение, когда на обширной территории, считающейся ныне официально одним селением, отдельные дома или группы домов родственников перемежаются горными ручьями и реками, заросшими лесом оврагами, участками полей, садов или плантаций. Иногда бывает, что традиционная абхазская деревня с населением в несколько сотен человек может протянуться на десяток километров.

Такова, например, широко раскинувшаяся в низкогорьях и на предгорной равнине Джгерда, соединённая асфальтированной дорогой длиной около 15-20 км с приморской автотрассой Сухум – Очамчыра. К ней ещё в советские годы была административно присоединена территория лежавшего в соседних горах села Ахуца, в состав которого, наряду с другими отдельно стоявшими кварталами-ахаблами, входил и Чегем, прославленный его знаменитым уроженцем писателем Фазилом Искандером. Однако именно в конце 1990-х – начале 2000-х гг. кварталы-ахаблы Ахуцы, равно как и окраинные горные части самого села Джгерда, отрезанные от его центра и главной сельской дороги реками или оврагами и ручьями, через которые автомашины должны были проезжать вброд, окончательно обезлюдели. Сходную историю приводит О. Маан, сообщая о том, как после войны жители абхазского Верхнего Киндыга (бывший Киндги), расположенного выше в горах, почти полностью переехали в оставленный грузинами и расположенный вблизи автотрассы Нижний Киндыг (Маан О.В., 2009. С. 103).

К сожалению, сколько-нибудь подробную характеристику изменений в расселении других этнических групп населения Аб-

хазии в настоящее время дать невозможно в силу двух причин: во-первых, нет соответствующих опубликованных материалов, а во-вторых, в ходе наших экспедиций изучались только сельские абхазы. Поэтому можно сделать лишь несколько выводов самого общего характера.

Как было сказано выше о грузинах, очень резко уменьшилась их численность в крупнейших городах (Сухум, Гагра), а в основной части сельских районов на севере и в центре республики из них остались лишь единицы в составе этнически смешанных семей или же редкие семьи пожилых людей, чьи дети и внуки состоят в браке с абхазами. Исключением, однако, является юг Абхазии – Галский район и территории, отошедшие от него в состав Очамчирского и Ткуарчалского районов, где поныне абсолютно преобладает грузинское (как правило, мегрельское) население, живущее в практически моноэтнических сёлах и городе Гал.

Армянское и русское население было вынуждено почти полностью покинуть значительную часть приморской полосы в окрестностях Сухума и особенно к югу от него вследствие очень сильных разрушений этих посёлков в ходе войны, но в значительной части сохранилось в Гагрском районе и в Гудауте и её окрестностях. В условиях Абхазии украинцы почти не отделяют себя от русских и их расселение изменялось аналогичным образом. Из Сухума в Россию выехали большинство русских и многие армяне, но часть сельских армян переселилась в этот город после войны. Как и абхазы, армяне покинули многие отдалённые горные селения, передвинувшись ближе к границе России в посёлки Гагрского района или в Сухум и его пригородные сёла. Например, большинство жителей села Атара Армянская из Очамчирского района тоже переехали в Гагрский район к российской границе по реке Псоу.

Греческое население почти полностью покинуло Абхазию, в том числе сельские районы к северу от Сухума и сам город Сухум, а остались в республике в основном лишь члены этнически смешанных семей, как, например, в селении Калдахуара.

* * *

В заключение отметим, что вслед за планируемой Всероссийской переписью населения 2010 г. Республика Абхазия тоже собирается провести полноценную перепись своего населения в феврале 2011 г. (Россия предлагает пригласить международных

наблюдателей ..., 2009). Будущая перепись, которая пройдёт в гораздо более стабильной социально-политической обстановке и в намного лучшей экономической ситуации, чем это было в 2003 г., несомненно даст гораздо более точные сведения об этническом составе и расселении населения этой страны. Однако даже если в этом близком будущем политические соображения не будут более довлеть над специалистами, проводящими перепись и обрабатывающими её материалы, всё равно они вновь столкнутся со сложнейшей научной и практической проблемой – как корректно определить численность общего и, отдельно, городского и сельского населения Абхазии в условиях, когда очень многие абхазы по сути живут одновременно и в селе, и в городе. Поэтому, вероятно, и в будущем всё же не удастся полностью избежать некоторого искусственного завышения численности абхазов в Абхазии в силу именно этой объективной причины, обусловленной незавершенностью процессов урбанизации абхазской части населения республики.

Литература:

- Ачугба Т., Хашба А. Этнодемографическая характеристика и география населения // Абхазы. Отв. ред.: Ю.Д. Анчабадзе, Ю.Г. Аргун. – М.: Наука, 2007. С. 48-56.
- Барцыц Л. Национальная география Абхазии. Современное состояние, проблемы и перспективы её развития. – Сухум, 2004. 212 с.
- Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., переработанное и дополненное. Глав. ред. А.М. Прохоров. – М.: изд. «Большая Российская энциклопедия», 1997. 1456 с.
- Ващенко А.: «Грузия готовится к прыжку» [интервью] // Эхо Абхазии, 16 августа 2005 г., № 33, с. 2.
- Всероссийская перепись населения 2002 г. Том 4. «Национальный состав и владение языками, гражданство», часть 1. «Национальный состав населения». Сайт Госкомстата РФ – www.perepis2002.ru/ct/html/TOM_04_01.htm
- Григулевич Н.И., Дубова Н.А., Соловьёва Л.Т., Ямсков А.Н. Глава X. Постсоветские изменения в образе жизни и бытовой культуре абхазов // Абхазы. Отв. ред. Ю.Д. Анчабадзе, Ю.Г. Аргун. – М.: Наука, 2007. С. 476-526 [Серия «Народы и культуры»].
- Дубова Н.А., Григулевич Н.И., Соловьёва Л.Т., Ямсков А.Н. Социально-культурные и демографические особенности современного абхазского сельского насе-

ния // Полевые исследования Института этнологии и антропологии. 2004. Отв. ред. З.П. Соколова. – М.: Наука, 2006. С. 14–33.

Дубова Н.А., Ямсков А.Н. Демографическая ситуация в абхазских долгожителейских селениях // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Документ № 184. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2006а. 18 с.

Дубова Н.А., Ямсков А.Н. Социально-демографические особенности абхазских популяций в долгожителейских селениях // Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования. Ред.: Дубова Н.А., Козлов В.И., Ямсков А.Н. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2006б. С. 39–65.

Интервью Президента РА С.В. Багапша информационному агентству «Интерфакс» // Форум, 22 августа 2005 г., с. 3.

Канделаки Д.А., Хашба А.Ш. Трансформация половозрастной структуры сельских абхазов в постсоветский период // Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования. Ред.: Дубова Н.А., Козлов В.И., Ямсков А.Н. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2006. С. 66–80.

Комплексные этноэкологические исследования в современной Абхазии // Этническая экология: народы и их культуры. Ред.: Н.А. Дубова, Л.Т. Соловьёва. – М.: Старый сад, 2008. С. 9–257.

Маан О.В. Из истории семьи и семейного быта абжуйских абхазов (XIX – начало XXI в.) // Этнографическое обозрение, 2009, № 3. С. 101–117.

Маркедонов С. Непризнанную Абхазию признают // Чегемская правда, 9 августа 2005 г., № 30, с. 6.

Мукомель В.И. Вооруженные межнациональные и региональные конфликты: людские потери, экономический ущерб и социальные последствия // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. Ред.: М. Олкотт, В. Тишков, А. Малашенко. – М.: Московский Центр Карнеги, 1997. С. 298–324.

Население // Абхазия в цифрах. – Сухум: Управление Государственной Статистики Республики Абхазия, 2005. С. 12–18.

Национальный состав наличного населения по данным учёта населения 2003 года // Абхазия в цифрах. – Сухум: Управление Государственной Статистики Республики Абхазия, 2005. С. 15.

Панфилов В. Какие ваши доказательства? Россия и Грузия вспоминают войну // Lenta.ru (Интернет-сайт), 8 августа 2009 г. – <http://lenta.ru/articles/2009/08/08/war/>

Пачулиа В., Ачугба Т. Абхазия на рубеже XX – XXI веков // Абхазы. Отв. ред.: Ю.Д. Анчабадзе, Ю.Г. Аргун. – М.: Наука, 2007. С. 108–115.

Распределение населения Абхазской АССР по наиболее многочисленным национальностям и языку // Национальный состав населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М.: изд. «Финансы и статистика», 1991. С. 116–117.

Республика Абхазия. (Карта. М 1:200000). – Сухум: Алашара, 1997.

Россия предлагает пригласить международных наблюдателей на перепись в Абхазии // Кавказский узел (Интернет-сайт), 2 июля 2009 г. – <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/156096>

Современная сельская Абхазия: социально-этнографические и антропологические исследования. Ред.: Н.А. Дубова, В.И. Козлов, А.Н. Ямсков. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2006, 248 с.

Степанов В.В., Тишков В.А. Этническое измерение России // Этнокультурный облик России: перепись 2002 года. Отв. ред.: В.В. Степанов, В.А. Тишков. – М.: Наука, 2007. С. 17–63.

Ценою жизни отстояв Отчизну [передовица] // Республика Абхазия, 12–13 августа 2006 г., № 90, с. 1–2.

Численность наличного населения по г. Сухум и районам по данным учёта населения 2003 года // Абхазия в цифрах. – Сухум: Управление Государственной Статистики Республики Абхазия, 2005. С. 14.

Шамба Р.П. Особенности динамики и половозрастной структуры сельского населения Гудаутского района // Кавказ: история, культура, традиции, языки. По материалам Международной научной конференции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА 28–31 мая 2001 г. Ред. В.Ш. Авидзба. – Сухум: АБИГИ, 2003. С. 352–357.

Шария В. Александр Анкваб выступает на авансцену. Заметки с IV Съезда ОПД «Айтатра» (Возрождение) // Эхо Абхазии. 10 августа 2004 г., с. 7.

Этноязыковая ситуация у народов Российской Федерации (по данным переписи населения 1989) [таблица] // Народы России: Энциклопедия. Глав. ред. В.А. Тишков. – М.: изд. «Большая Российская Энциклопедия», 1994. С. 441–442.

Ямсков А.Н. Тревожное будущее «республик свободных» // Общественные науки и современность, 1991, № 4. С. 89–100.

Ямсков А.Н. Отработка навыков самостоятельного анализа этнодемографических процессов в регионах России в 1989–2002 гг. на практических занятиях по этногеографии в вузе // Учитель XXI века. Качество знаний студентов: содержание, организация, контроль: Материалы VII Межвузовской научно-практической конференции (г. Москва, 7–8 декабря 2007 г.). Ред.: Дмитриева В.Т. (отв. ред), Белобров В.П., Ямсков А.Н. – М.: изд. МГПУ, 2008а. С. 126–131.

Ямсков А.Н. Экономическое положение и социально-демографические особенности сельских абхазов // Этническая экология: народы и их культуры. Ред.: Н.А. Дубова, Л.Т. Соловьёва. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2008б. С. 122–163.

Klussmann U. «We Won't Beg for Diplomatic Recognition». Interview with Abkhazian President Sergei Bagapsh // Spiegel, June 16, 2009. Сайт – <http://www.spiegel.de/international/world/0,1518,636532,00.html>

Mainville M. Georgia warns of Abkhazia unrest after UN mission ends // Agence France-Presse (AFP), June 16, 2009. Сайт – http://news.yahoo.com/s/afp/20090616/wl_afp/georgiarussiaunabkhaziaconflictdiplomacy_20090616141732

Yamakov A.N. The «New Minorities» in Post-Soviet States: Linguistic Orientations and Political Conflict // Cultural Survival Quarterly, 1994, vol. 18, No 2-3. Pp. 58-61.

Yamakov A.N. Ethnic Conflict in the Transcaucasus: The Case of Nagorno-Karabakh // Theory and Society, 1991, vol. 20, No 5 (October). Pp. 631-660.

РАЗДЕЛ 3

СОЦИОНОРМАТИВНАЯ КУЛЬТУРА В ЗЕРКАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА И КУЛЬТУРЫ

С.П. Прокоп

ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ГОСТЕПРИИМСТВА
В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПОЭТОВ МОЛДОВЫ

Идея гостеприимства в творчестве современных русских поэтов Молдовы, как нам видится, вписывается в ряд проблем, несущих в себе информацию о различных традициях, обычаях и отношениях, сложившихся на протяжении веков на данной территории. Она реализуется в традиционной модели гостеприимства молдаван, отраженной в творчестве русских поэтов Молдовы, и тесно связана с мироощущением русского по происхождению человека в инокультурном пространстве. В это мироощущение входит и соотношение так называемых «двух родин»: России и Молдовы, их приоритетность и восприятие проявления гостеприимства как дружбы между различными этносами, неотделимой, по большому счету, от темы Молдовы вообще и гостеприимства ее жителей, что нашло свое достойное место в поэтических произведениях.

Первые послевоенные годы, объединившие местных русских и молдавских писателей общей проблематикой в рамках тогда еще общесоюзного литературного процесса, явились одним из наиболее насыщенных периодов, когда литераторы программно включали в арсенал своего творчества стихи о молдавско-русской дружбе, о творческой дружбе с молдавскими коллегами. Между русскими и молдавскими поэтами Молдовы существовал некий поэтический диалог, помогающий приехавшим в республику писателям адаптироваться к романскому миру. Таким образом, преодолев в себе ощущение пришлых, особенно это относится к русским писателям, оставшимся жить и работать в Молдове после войны или приехавшим по распределению в качестве молодых специалистов, они очень быстро, органично вписались в общереспубликанский литературный процесс. И с первых же дней своего пребывания попытались отразить в своем творчестве чувство благодарности гостя республике, тепло встретившей их. Не следует забывать, что местная русская литература во многом держалась за счет писателей, урожденных молдаван, украинцев, гагаузов,

болгар. Это была та часть литературной молодежи, родиной которой всегда была Молдова и которая, в силу многонациональности края, избрала языком своего общения русский, тем самым приобщившись к великой русской культуре.

Формируя в своих стихах образ родины и те, и другие отражали по сути традиции молдавского гостеприимства в своем творчестве. Так, например, эта тема достаточно полно нашла свое воплощение в стихотворении Константина Шишкана, который попытался передать радушие и доброту людей, живущих на этой земле, выбрав для этой цели особые метафоры и определения:

Иди,
Ступай смелее
По этой ласковой земле

Лоза протянет руки,
И обовьет и скроет
В своей ликующей листве.
Ступай,
Увидишь чудо,
Отлитое из солнца,
Земли, и зелени, и пота,
Из янтаря,
Каким лучится полдень.

Пей небо!
Глубок
Его колодец чистый.
Пей,
Пока на дне
Ты не увидишь, как восходят
Твердеющие капли виноградин.

(«Ты сам найди»)

В силу сложившихся обстоятельств русские поэты, живущие и творящие в инородном для себя пространстве, сумели отчасти не только не забыть о том крае, в котором родились и в свое время покинули, но и обрести новую для себя родину. Это относится, в первую очередь, к первому поколению поэтов послевоенной поры, которые по разным причинам прибыли в нашу республи-

ку, ставшую для многих из них второй родиной. Это, разумеется, не могло не отразиться на их творчестве. Так, например, прибыв в наш край уже серьезно больным человеком, Владимир Измайлов стал своего рода показательным примером человека-поэта, ярко проявившего свои гражданские, патриотические чувства по отношению к двум разным культурам. Стали программными следующие его строки:

Молдавия!
Прими меня, как сына,
Что б я не оставался сиротой.

И далее, словно продолжая начатый диалог о родине с молдавским поэтом Петру Заднипру, В. Измайлов пишет:

Не спрашивай меня сейчас,
Родным ли стал твой край прекрасный –
Он сам в мои стихи в свой час
Войдет уверенно и властно...
(«Другу-молдавину»)

Александра Юнко, словно раскрывая секреты своего гражданского мужества, приверженности родному краю, в котором родилась и живет, на высоком эмоциональном подъеме пытается решить проблему «двух родин»:

Над колыбелью пел щегол,
А было то – родное слово:
Летучий пушкинский глагол
И богатырский слог Толстого.
Родной язык – словно родник,
В жару спасающий от жажды.
И он к устам моим приник
И речь мне даровал однажды.

Но ты к России не ревнуй,
Отечество мое, Молдова!
И твой витает поцелуй/
Над здесь рожденным русским словом.
То ли метель слепит глаза,

То ль южные грохочут грозы,
И к белому стволу березы
Льнет виноградная лоза.
(А. Юнко «Родной язык»)

Уместным представляется в этом же контексте привести стихотворение Александра Миляха, посвященное Петру Дуднику, как свидетельство взаимной привязанности, дружбы молдавских и русских литераторов, межнациональной толерантности:

Какая певческая сила
В тебе бесхитростном была!
Жила в твоих стихах Россия,
Сраженьями добра и зла.

Ощущения поэта, родившегося далеко от молдавского края, но познавшего душу Молдовы, обозначили пространство новой для него родины:

В Молдавии, в стране слепых дождей,
Где снятся мне березовые страны,
Живу среди приветливых людей,
Которым я не показался странным.
(«Возвращение»)

В приведенных строках обращает на себя внимание щедрое использование поэтами сравнений и метафор, свидетельствующих не только о гостеприимстве местных жителей, но и благих намерениях приехавших в качестве гостей русских поэтов.

Не оправдываясь, а скорее заверяя в своей надежности, Григорий Коршак – поэт военного поколения, родившийся в Одесской области и переехавший после войны в нашу республику, занял свою нишу в ряду местных русских поэтов, определив однозначно свой статус пребывания: неважно, где ты родился, важно какую пользу, вклад ты можешь принести людям, республике, гостеприимно встретившей тебя:

Я здесь не случайный приезжий –
Я пахарь на поле и воин.

Нетрудно заметить, что, многие местные русские писатели, а это особенно касается приезжих, в своем творчестве словно пытаются выстроить мостик дружбы, объединяющий две совершенно разные культуры. И по обе стороны этого мостика располагают найденные ими образы, несущие на себе печать этнографических деталей. Они словно приглашают к диалогу о гостеприимстве, дружбе и творческом сотрудничестве. Преломляя в своем творчестве молдавские реалии, русские поэты словно заверяют своих собратьев по перу в преданности и признательности за оказанное гостеприимство.

Кстати сказать, задолго до перестройки, разъединившей многие народы, в первую очередь молдавские поэты отвечали радушием и гостеприимством, сложившимися веками на этой благодатной земле. Емилиан Буков провозглашает тост за дружбу:

Свой тост поднимает Молдова,
Традициям братства верна.
(«Тост»)

Автору 12 книг прозы и поэзии Софрону Бурлаке, родившемуся в Приднестровье, нетрудно было, вписывая этнографические детали молдавского быта в свои поэтические картины, создавать тот особый «молдавский дух», к которому стремились многие местные русские поэты, особенно приезжие, и который немногим из них удавалось передать. Еще при жизни С. Бурлака был назван «певцом родного края», «певцом Днестра», любовь к которому вдохновила его на написание сборников «У круч приднестровских» (1956), «Днестрянка» (1959), «Отчий дом» (1969), «Белый аист» (1973). У поэта тема родного края, родины неразрывно была связана с природой, в которой виноградникам и садам, аистам и журавлям, колодцам и деревенским хатам, прудам и Днестру отведено особое место и которые выступают своеобразными маркерами молдавского гостеприимства. Не журавль как таковой, а конструкция, его напоминающая, с помощью которой набирают воду из колодца. Журавль словно кланяется. Система поклона (мы на это еще обратим внимание) находит свое выражение во многих деталях молдавского гостеприимства.

За водой, что сладко пьется,
Поклонившись до земли,

Ведра – клювы в глубь колодцев
Опускают журавли.

И манит меня в ливадах
Лебединый всплеск прудов...
Край хмельного винограда,
Сторона степных садов.

(С. Бурлака «Край мой виноградный»)

Русские поэты, для которых Молдова стала «второй» родиной, осторожней подходят к включению этнографических деталей в тематику стиха. Для многих из них стихи на молдавскую тематику и есть тот ответ молдавскому гостеприимству, оказанному с таким радушием не только братьями по перу, но и окружающими.

Мы знаем, например, что детство поэтессы Аллы Коркиной проходило в Костромской области в небольшом селе, однако город Кишинев, в который она после окончания учебы переехала, вошел в сердце навсегда. Край, куда стремится вернуться ее героиня, ассоциируется с теплой маминой рукой:

Здесь солнце гладит изголовок,
Как мамы теплая рука.
(«Письмо из Кишинева»)

И, отмечая добросердечность молдавских жителей, поэт растворяет их душевные качества в окружающем мире:

Но знаю я, что аисты добры,
что в них тепло земли и голос неба...
(«Аисты»)

Для стихов Аллы Коркиной, как городского поэта, не характерны описания деревенского труда и быта. Тем более кажутся задушевными и доверительными лирические монологи, в которых колодезные журавли кланяются, словно люди:

Скрип колодца – это Ион,
Золотое волнение детства.
И медлительный этот поклон
до земли, от самого сердца.
(«Колодезные журавли»)

По-своему попытался отразить культуру молдавского гостеприимства Владимир Марфин, поэт, о котором сохранилось совсем немного сведений. Он жил и работал в 60-70-е годы в Молдове. О его дальнейшей судьбе мы узнаем из поэтических сборников, вышедших в Ярославле и Москве. Поэт активно вплетал в поэтическое полотно своих произведений детали и компоненты, символы и наименования молдавского быта. В первом же его поэтическом сборнике «Местоительство – Земля», вышедшем в 1969 году, мы встречаем в «Сказке», – так называется его поэтическое произведение – любопытный персонаж, которого автор ласково зовет *баде*. Вообще-то это слово очень интересно интерпретируется у нас в республике. В зависимости от того, кто его произносит, определяется его смысл. В системе родства *«баде»* – это, прежде всего, старший брат. В системе неродства – это неродной дядька, дядя, просто милый, дорогой, любимый (по отношению к девушке), но обязательно старший по возрасту юноша. В контексте сказки создана некая умиляющая взор картина, почти идиллия, в центре которой – некий *«бадя»* сидит в чистой рубаше на пороге и олицетворяет собой полный достаток, благоденствие и гостеприимство. И, по всей вероятности, неслучайно, так как урожай лежит в закромах, вино играет в старых бочках, пенный муст льется рекой. Так *«Бадя»* ждет гостей. Написанная в юмористическом ключе, изобилующая молдавскими этнографическими элементами и символами типа: *брынза, трайста, гайдук, кушма, кодры, аисты*, поэма представляет интерес с точки зрения восприятия русским человеком другой, иноэтничной реальности, где он не просто пришлый, чужой, путешественник в царстве аборигенов, а поэт, пытающийся найти свою творческую нишу в иноязычном пространстве.

С темой молдавского гостеприимства связан мотив осени, получивший в творчестве многих местных русских поэтов свое достойное воплощение, как мотив, знаменующий собой время, в котором традиции и обычаи молдаван проявляются особенно ярко.

«Особенно в Молдавии хороша осень, – пишет Е. Слепченко, – В эту пору зрелые гроздья винограда наливаются янтарным или рубиновым, светло-розовым или темно-бордовым, почти черным, густым и сладким соком. Через две-три недели все это становится вином, каким славятся молдаване на всех выставках и у всех гостей, даже у самых больших знатоков вина, а также у самых воздержанных. Все дают высокую оценку первоначальному образу вина, то есть винограду, но если кто примет гостеприимство

хозяев, то соблазнительная чарочка янтарного, точно волшебница, преобразует гостя, он становится неузнаваем. И куда девается его суровость. Лицо освещается улыбкой, глаза поблескивают искорками. В такие минуты он говорит много добрых слов, кажется, готов расцеловать весь мир. Хорошо бы это настроение передать всему миру и навсегда» (Слепченко, 1975. С. 42-43).

Осень в Молдове непременно связана с осенними ярмарками, молдавскими свадьбами, народным зажигательным танцем «жок», солнцем, переплавленным в вино, аистами, гордо проплывающими над теплыми зелеными холмами, «разбуженными погребями», так называемым «танцем бочек» – целым ареалом исконно молдавских поэтических образов, прочно вошедших в сознание местных русских поэтов, среди которых:

В лучах журавлиной зари
Янтарная гроздь винограда,
Как сердце Молдовы, горит.
(Р. Ольшевский)

Не секрет, что образ Молдовы, выделяющейся на карте мира словно гроздь винограда, принадлежит известному молдавскому поэту Петру Заднипру, написавшему однажды:

Молдавия – дойна
Высокого строя и лада
На карте страны
Ты сияешь,
Как гроздь винограда!

Нет, пожалуй, в мире уголка, не имеющего своей, только ему присущей характерной черты. Не только характерной, но и достойной занять свое место в гербе этой страны. Для Молдовы этой неотъемлемой чертой являются не только *кодры, чабаны*, но и аист, несущий в клюве *гроздь винограда*. Благодаря её когда-то обширным виноградникам, нашу южную республику воспринимали и продолжают воспринимать как край винограда, который наполняется жизнью именно осенью. Приверженец *Днестра*, придающий лирическому герою особую жизненную силу, поэт С. Бурлака считает, что и *виноград* обладает этим бесценным даром. В творчестве этого автора в целом ряду этнографических деталей,

среди которых *колодцы и аисты, сады, и Днестр, виноград* занимает свое коронное место:

Несут по полю маленькое солнце,
Остуженное в грозди золотой.
(«Подкрутив усы на лозах»)

Выдающийся натуралист, русский и польский ботаник, автор знаменитого труда «*Описание растительности Херсонской губернии*», И. К. Пачоский писал: «*По Днестру в плавневых лесах виноград достигает иногда грандиозных размеров. Так, например, против Тирасполя (в Кицканской лесной даче, уже на бес-сарабской стороне) я видел виноградные лозы, взбирающиеся до верхушки высоких дубов и затем ниспадающих оттуда чуть ли не до самой земли. Это уже настоящие лианы, придающие участкам леса чуждый нашей флоре вид. Такие лианы начинаются у земли чуть ли не в руку толщиной*» (Пачоский, 1975. С. 54-55).

Виноградная лоза, обвивающая древесный ствол, издавна считалась символом дружбы, постоянной привязанности.

Виноградной лозе многие поэты отдавали дань уважения, воспе-вая ее в своих стихах. Образец изящества и красоты, живительной влаги и прохлады, яркого праздника и застолья, виноград издавна вдохновлял поэтов и художников, скульпторов и музыкантов, служа причиной появления выдающихся произведений искусства и известных легенд. Сбор винограда зачастую в стихах выстраивается поэтами в один ряд не только с осенью, но и с танцем:

Зреют кисти – их не счесть.
Сладкий муст – награда.
Затевайте пляску в честь
Сбора винограда.

Сердце радуется с утра
Грозди запах пряный,
Урожайная пора
Осени румяной!
(В. Рошка. Сбор винограда)

Сбор винограда ассоциируется с некоторым магическим или ритуальным действием, сродни древнему танцу:

Пусть тяжело, пускай рука устанет,
Но весело корзины ставят в ряд,
Как будто исполняют древний танец,
Крестьяне, убирая виноград.
(Р. Ольшевский. Прозрение)

Однако в крае обширных виноградников отнюдь не «танец бо-чек» является лицом республики. Таким танцем испокон веков был танец «Жок», передающий всю гамму чувств исполняющих его людей. Очень точно ее передает К. Шишкан, в одном из своих стихотворений, живописно вырисовывая начало и высшую точку накала танца, нарастающую силу и сокрушительный взрыв страсти и темперамента. Есть смысл привести его целиком:

То руки – лед.
То губы – кровь.
Сейчас пойдет,
Ломая бровь.

Глядите – вот
Сверкнул зрачок.
Смеется рот,
Зол каблукочок.

Минута, миг –
Как смерть бледна,
Затем как крик
Раскалена.

Платок – с плеча,
Рука – легка
И горяча,
Как взмах смычка.

Лети, платок,
Качайся, пол,
Ударь, смычок,
Чтоб вихрь прошел!

Танцуй, танцуй,
Пусть градом – пот,

Кувшин-бурлуй
Плясать идет.

За ним под стол
Бегут ковши.
Пусть треснет пол,
А ты – пляши...

В моем краю
Танцуют так:
Тоску твою
Мы – под башмак!

Зло-нелюбовь
Растопчем в прах.
Кипит, что кровь,
Вино в ковшах...

Приди в мой дом –
Я горе сжег.
Горит костром
Мой древний жок.
(«Жок»)

Приглашение в гости в Молдове непременно ассоциируется с приглашением в «каса маре». Так, например, Анатол Кодру приглашает:

Эй!
Входите в каса маре!
Будем пить –
И будет песня
Пахаря и жаворонка...
Будем пить, и будет пляска
Молдаванина шальная...
Небо спустится на землю,
На кудрявый виноградник.
(«Вакхическая песня»)

Молдавия – край богатых природных возможностей, однако считается, что молдавское гостеприимство начинается не только

с «каса маре»¹, но и с погребка, в котором крестьяне берегут «переплавленное солнце»:

Остыл в дубовой бочке жар брожения,
Осел осадком каменным на дне.
Бунт сока усмирен. Землетрясение
На время успокоилось в вине.
Но вот струю перестоя льется
Густо, как кровь, прозрачно, как слеза,
В подвалах переплавленное солнце,
До времени молчавшая лоза.
(Р. Ольшевский «Вино»)

Так сложилось, что в Молдове так называемый «погребок» олицетворяет собой знаменитые Криковские подвалы. Один из первых поэтов, выпустивших свою первую книгу в послевоенный период в Кишиневе и восхитившихся этой молдавской достопримечательностью, был известный поэт Виктор Кочетков, написавший:

Ни много и ни мало:
Сто две ступеньки книзу;
Впускает зев подвала
Нас в царство Диониса.

Дубовых балок брусья
В мерцающих накрапах.
Чем уже хода устье,
Тем гуще винный запах.

Во тьме неясен очерк
Накатанных рядами,
Как луны, круглых бочек,
Скрепленных обручами.

В них до поры затихли,
Волшебным сном уснули
Горячих плясок вихри,
Веселых песен гулы...

¹ Каса маре – праздничная комната в молдавском крестьянском доме.

По шаткому настилу
Все дальше в подземелье
(Туда, поближе к тылу)
Ведет нас бог веселья...
(сб. «Соколиная страна»)

Известна в Молдове традиция угощать гостя самым лучшим, крепким и выдержанным *вином*. Молдавский поэт Богдан Истру в стихотворении «Молдавское вино» очень точно передал, на наш взгляд, атмосферу братства, дружбы и глубокой доброжелательности, царивших испокон веков в «солнечной Молдавии»:

Обычай есть в стране веселой нашей:
Мы в глиняные кружки льем вино
И пьем, чтоб жизнь кипела полной чашей,
Друзьям желаем счастья заодно...

И есть у молдаван обычай древний:
Старушка мать поит вином гостей,
Когда уходит пахарь из деревни
На бой за счастье родины своей.

Когда же с фронта возвратится воин,
Заслуженною славой осенен,
За подвиги награды удостоен,
И мать увидит на пороге он, –
Тогда уж сам с кувшином непочатым
Всех обойдет, и всем налив вина,
Насыщенного сладким ароматом,
Он исчерпает весь кувшин до дна.

Считается, что «общительность, которую вино сообщает человеку, делает этот напиток незаменимым. Вино, как никакой другой напиток, украшено человеческими доблестями и богато возможностями симпатии, дружбы и склонности. Вино возвышает наши души и возвышает наши сердца, оно разделяет наши радости и наши горести; за это поэты не перестают хвалить его благодетельства и рассматривают его как незаменимый символ дружбы между людьми» (Норберт Гот, 1975. С.30).

О традициях принимать радушно гостей пишет и Аурелиу Бусуйок:

Как пьют вино у нас,
В молдавских селах?..
Хозяин вас радушно принимает –
Нехватки нет в вине
И в разносолах –
И сам он кружку первым поднимает.
Ее не опрокидывая с ходу,
Он каждому поклонится степенно,
Прошедший день похвалит
и погоду,
сулящую тепло,
и постепенно
он разойдется и разговорится,
свой тост неторопливо продолжая,
за ту лозу,
которая родится
для большего, чем ныне, урожая,
за тех,
что здесь любили и страдали,
за племя их наследников веселых,
за ваш успех,
за счастье
и так дале...
Так пьют вино у нас,
в молдавских селах.
(«Так пьют вино у нас»)

Тема прошедшего в мае 2009 г. в Кишиневе IV Российско-молдавского симпозиума «Гостеприимство и ярмарки» чрезвычайно актуальна и важна, как для каждого из нас, так и для всей республики. Мир не стоит на месте: меняется власть и президенты, но остается народ со своей культурой, обычаями и традициями. Испокон веков молдавский народ приветливо встречал гостей, не задумываясь, какого они роду племени. Так сложилось, что на этой благословенной земле поселились рядом с коренным населением болгары и гагаузы, русские и евреи, цыгане и армяне. И к каждому из них могут быть адресованы строки молдавского поэта Николая Костенко в переводе

русского поэта Виктора Кочеткова, свидетельствующие о яркой и бесценной традиции молдавского народа – гостеприимстве:

Поэзия моя, ты с каса маре схожа,
где стол уже накрыт хозяйкою пригожей.
И радуется вином и всякой доброй снедью,
а на стенах щиты отсвечивают медью.

Здесь, в этой каса маре, немало песен пето,
тут храбрецы гайдуки гуляли до рассвета,

тут опустело много больших и малых бочек,
тут выдавали замуж отцы смуглявых дочек,

и на войну большую с врагами насмерть драться
отсюда уходили мальчишки-новобранцы.

Звучали смех и слезы за этими столами,
шумели злые ветры за этими долами.

И берегут донны седые эти стены
далеких наших предков и голоса, и тени...

А дверь опять открыта. Вино сверкает в чаре.
Входите в каса маре, входите в каса маре.

«Каса маре»

(Антология современной молдавской поэзии, 1984)

Литература

Антология современной молдавской поэзии / Сост. Г. Водэ, А. Коркина. Вступ. ст. Н. Савостина. Кишинев: Лит. артистикэ, 1984.

Норберт Гот. Книга любителей вина. // Виноград и вино. Сост. М. А. Пелях. Кишинев: Издательство «Картя Молдовеняскэ», 1975.

Пачоский И. К. Дикий херсонский виноград // Виноград и вино. Сост. М. А. Пелях. Кишинев: Издательство «Картя Молдовеняскэ», 1975.

Слепченко Е. Сто страниц о Молдавии // Виноград и вино. Сост. М. А. Пелях. Кишинев: Издательство «Картя Молдовеняскэ», 1975.

И. Дворнина

ТЕМА ТРАДИЦИОННОГО ГОСТЕПРИИМСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ И. ДРУЦЭ

Молдова – европейская страна с богатой многовековой историей и культурой. Народные традиции составляют неотъемлемую часть культурного наследия нашей страны, причём этническое многообразие этой территории не только не разрушает традиционный уклад, но и придает ему новый, местный колорит, образовывая оригинальный конгломерат обычаев, ритуалов, обрядов, передающихся из поколения в поколение в сёлах Молдовы.

Основная черта молдавского народа – это гостеприимство. В Молдове гость всегда принимается тепло и радушно. Вместе с тем, наш обычай гостеприимства не похож на широко известное *восточное гостеприимство*, которое стало своеобразным китчем культуры Востока.

Помимо внешнего проявления этой традиционной черты не одного европейского народа, гостеприимство молдавского крестьянина в творчестве Иона Друцэ очень многослойно, и можно рассматривать его в разных плоскостях и временных измерениях. Одновременно гостеприимство – это не просто черта, это часть более широкого местного культурного наследия, охватывающая такие местные обычаи и традиции как

– **терпимость к соседу** – *«И если бедный, голодный и промерзлый заяц забредет случайно ко мне в сад, а у меня саженцы соломой обвязаны, то не последним ли я человеком буду после этого? Да пускай их грызут на здоровье, на будущий год другие достанут...»* (Друцэ, 1984),

– **помощь ближнему в самую тяжелую минуту** – *«тетка Карабушей, которая приезжала в самые тяжелые годы и привозила с собой гостинцы в виде зерен, которые и есть жизнь»* (Друцэ, 1976).

– **Это в каком-то роде дань памяти предков** — Тетушка Арвира рассказывает в Звоннице *«у нас так принято — кто заглядывает сюда, не приходит с пустыми руками, Это, говорят, нехорошая примета»* (Друцэ, 1984).

Конечно же, гостеприимство – это, в первую очередь, праздник.

Тяжелая работа крестьянина не предполагает распоряжения своим временем, весь уклад жизни подчинен выращиванию урожая и только осень позволяет подвести итоги: «Осень — смысл всего года, хитрое переплетение того, чего людям хотелось, с тем, что им удалось».

И вместе с тем, «настала осень, а осень в Молдавии — это время гостей. И к бесчисленным заботам, которые одолевают молдаванок, добавилась еще одна — как бы не **проморгать** гостей, успеть хотя бы самую малость приготовить. Единственный их помощник и советчик в этом деле — петух, и, если он прокукарекал на пороге твоего дома, тогда нужно спешить» (Друцэ, 1974).

«Каждый дом сияет чистотой и доброй волей, в каждом доме гости произносят цветистые тосты, пьют вино, поют песни и едят куриный студень. А если гостей в доме нету, то значит, они только что были и вышли или вот-вот должны нагрянуть, и избежать этого загула немыслимо, потому что сам ты, откуда бы ты ни был родом и как бы тебя ни звали, должен уметь на храме сидеть за столом, пить вино и петь песни, иначе грош цена и тебе, и всему твоему роду...» (Друцэ, 1984).

Возможно, ошибочно предположение, что корни у этой молдавской традиции гнездятся в грехах хвастовства и гордыни. Однако очевидно, что если крестьянину есть чем угощать гостей — значит, не зря он все двенадцать месяцев работал, это своеобразный финальный отчет перед собой, перед своей семьей и предками, соседями и перед Богом.

У хозяина гостеприимного дома всегда найдется стакан доброго молдавского вина, а у хозяйки — самые вкусные блюда. Гости, как правило, приглашают в «Каса маре», самую красиво убранную комнату, где отмечаются все важные события и проходят семейные праздники. Но, как и многое у молдаванина имеющее скрытый смысл, Каса маре — это не просто комната, это именно Главный, Большой Дом, ее сакральный смысл заключается в том, что в ней, как в родной земле, черпает молдаванин энергию, успокоение, он получает советы, и видит, как сквозь подзорную трубу, Добро и Зло. Каса Маре — продолжение ряда «построить дом, посадить дерево, вырастить сына... обустроить Каса Маре».

Василуца: Отец, ну зачем вы тратитесь? Только заведется у вас копейка, сразу ее спускаете, будто лень гостит в кармане.

Дед Ион: Таков обычай, дочка. Если, значит, у кого-нибудь заведется своя каса маре, то ты должен что-то принести. Хотя пустячок какой-нибудь, потому что каса маре — все равно что ребенок: что ни принеси, будет рада, будет помнить и ждать.

Василуца: Отец, вы таки не хотите меня похвалить?

Дед Ион: Великое дело, когда у человека есть своя каса маре. Здесь хозяйка бережет свои лучшие песни, а хозяин — свои шутки, берегут так, чтоб всегда были под рукой. Сюда приходит Новый год и кладет свои подарки в детские башмачки, здесь справляются праздники, свадьбы, крестины... А иногда просто придешь сюда отдохнуть — только переступишь порог, и сразу жизнь милей, и ты себе кажешься моложе и умнее, чем ты на самом деле... (Пауза.) Нет у тебя крупницы воска?

Василуца: Зачем?

Дед Ион: Хотя скольконибудь...

Василуца достает из сундука огарок свечи, дает его отцу. Дед Ион подходит к порогу большой двери и натрирует воском внутреннюю часть порога.

Василуца (удивленно): А это зачем, отец?

Дед Ион: Чтoб гости не торопились домой. Стало быть, пойдут к порогу, поскользнутся и придется еще посидеть. (Возвращает ей огарок свечи, вытирает руки платком.) Теперь, дочка, вижу, выбилась и ты в люди. Хлеб-то у тебя в доме есть?

Василуца: Есть, отец.. Вы нас с детства все пугали, что будет нам худо, если не научимся хлеб беречь, — я и насобираала хлеба...

Дед Ион: И соль есть,

Василуца: И соль...

Дед Ион: И вода?

Василуца: На днях почистила колодец, и такая набежала вода, что целый день в поле жажду берегу. Лишь бы дома вечером напиться.

Дед Ион: И спички есть?

Василуца: Бедный отец. Нет у него своих забот, так он о других печалится. Принесу-ка я тебе стаканчик, раз пошла речь об обычаях... (Друцэ, 1976).

Гостеприимство – выражение национального колорита, национального образа мышления, Конечно же, общие корни и история у народностей восточной Европы способствует взаимопониманию местных традиций духовной жизни с их выражением на ином языке, вобравшем иной уклад духовной жизни, иные национальные реалии. Примечательно, что незнание языка не мешает восприятию происходящего и вовлеченности в традиционность.

Сноха из украинского села, не говорящая на молдавском, то и дело восклицаящая «мамонька моя ридная», *«находит время, чтобы каждые две-три минуты навестить сидящего в комнате отца и рассказать ему очередную историю из своего неистощимого запаса фрумушкинских новостей»*, а чуть позже *«почти всю ночь отец сидит за столом на почетном месте, в подаренной Андреем белой рубашке, а кругом идет гулянка.... Отец тоже поет со всеми, хотя видно, что он не знает ни слов ни мелодии.»* (Друцэ, 1984).

Воин Николай, не слышащий даже молдавской речи – Онакий из уважения не говорит при нем на незнакомом языке – оказывается одной крови с хозяевами:

«Вечерние встречи у калитки объяснили Карабушу всё. Это закон всех землепашцев: те, которые остаются на день дома, выходят по вечерам встречать возвращающихся с поля. Это дань уважения к бесхитростной и трудной профессии пахарей, это любовь людей земли, для которых летний день в поле — великое мучительное одиночество, и, возвращаясь, им приятно видеть у ворот домашних...» (Друцэ, 1976).

Не упущен в произведениях Друцэ и аспект переплетения традиций с соцреалиями.

Директор школы, по своим неведомым убеждениям противостоящий всему селу, где он директорствует, приглашает всех сотрудников к себе на новоселье. Жена его, Агафья, интересуется:

Коля, а может не следовало всех учителей приглашать? Ты как-никак директор, а они народ вечно недовольный, колкий... Посуди сам, какое это будет новоселье, когда за стол сядут люди, которые тебя не любят и которых ты сам не очень высоко ставишь... (Друцэ, 1984).

И, когда все односельчане отказываются разделить праздник, Николай Трофимович восклицает

– нет, гость, который начинает с того, что предлагает выпить у лошадиной морды — это не гость...

Вывод он, всё же, делает весьма неожиданный:

«...Мало ли что! В мире никто никого не любит, и тем не менее по вечерам добрая половина человечества прекрасно гуляет в гостях у другой половины...». Слова директора — это явная аллюзия на хождение по гостям, с точки зрения выгоды и поддержания полезных связей.

Неожиданно, в подтверждение этому, мы наблюдаем сцену в «Последнем месяце осени»:

«Появление лесника с родным отцом вызывает несказанное оживление. Каждый старается затащить их к себе в гости. Один ведет в свой дом, остальные идут гурьбой всячески отговаривая, заманивать гостей на прощание их к себе. В одном доме они пьют свежее вино и закусывают орехами, в другом тоже пьют вино, но закусывают уже куриным студнем. Потом они попадают куда-то на крестины. Отец, повеселев после первого стаканчика, смотрит на всех добрыми, влюбленными глазами, все ему мило и любо в этой деревне. Единственно, что несколько омрачает его радость, — это какой-то глупый обряд провожания гостей в Нэсэденах... что за привычка расстраивать гостей на прощание?». Старик отец, начисто лишенный качеств столь распространенных в новую эпоху в окружающем мире, делает неправильный вывод о меркантильном интересе к стратегической должности сына.

Еще один аспект гостеприимства — деление крова с путником, странником. Вроде бы вскользь, но, являясь ключевой, легенда о Данииле пустынноике не дает нам забыть, насколько молдавский народ добр, но не прост: *Господарь попросил его приютить его на ночь. Любой другой с радостью приютил бы его и стал бы потом придворным священником, епископом или митрополитом, но бедный наш Даниил рожден был говорить только то, что он думает. И, стоя в дверях своей лачуги, он сказал господарю, что отдых воина, потерпевшего поражение, находится на том же поле брани, где было разгромлено его войско!!!* (Друцэ, 1984).

Все повести и рассказы Друцэ – о народе и о том, как принимают друг друга человек и среда, традиции и современность, поколения старшее и младшее. Противопоставление присутствует,

но нам оно предстает сквозь призму единения, самобытных традиционных черт и социально-нравственного опыта.

Тем не менее, не создается ощущения утопичности деревни, традиции которой изложены в идеализированном виде. Молдавская Деревня в повестях и пьесах Друцэ — это не единая, статичная, но достаточно гибкая модель, которая впитывает и усваивает все изменения общества — этнические, языковые, временные, хотя и несколько с надрывом. *«Дело в том что у Николая, брата, живущего здесь, в райцентре, есть уборная в доме. Отец, стесняясь ею пользоваться, перед тем как навестить сына, заглядывает в этот перелесок.»*

«Да есть же что-то святое у человека!» Является ли гостеприимство неотъемлемой чертой молдаванина? В меру хитер, трудолюбив, смекалист народной мудростью... Характер молдаванина — скромность и кажущаяся простота. А святое для него — корни и традиции.

Онаке Карабуш, период жизни которого охватывает две значимые эпохи XX-го века, никогда не кажется молодым. Он — та самая «соль Земли молдавской». Много выпадает на его долю. Ему суждено пережить своих сыновей и жену, но на плаву его держат корни и традиции, и Земля. Его схожесть с городком Макондо из «100 лет одиночества» выводит нас за пределы Молдовы, но не позволяет забыть о ней. Традиционным элементом гостеприимства считается то, что хозяин встречает гостей перед входом — в дом, во двор, в деревню. Вспомним стремление Карабуша построить калитку:

«В тот день Онаке Карабуш с чего-то решил, что пора мастерить калитку. Была у него такая мечта с детства — построить дом, обнести его забором, смастерить калитку и пригласить хороших людей в гости. Дом, худо-бедно, а уже стоит. С забором спешить никогда не следует, ну а что до калитки, то, по его представлениям было самое время за нее взяться» (Друцэ, 1984).

«А как же гости в двор войдут если калитки нет,» справедливо рассуждает он, споря с женой.

Этот элемент встречи перекликается с древними обычаями. Традиции гостеприимства в целом переплетены с традициями семьи; обычай встречать молодых хлебом и солью существовал у многих земледельческих народов. С хлебом и солью встречают важного гостя. Этот обряд стал символом приобщения к основ-

ным жизненным ценностям встречающих его людей, это также означает, что он вступил с ними в дружеские отношения и готов съесть вместе с ними «пуд соли», то есть, разделить все их беды и заботы. Обычай приветствовать гостя с хлебом и солью известен с давних времен. Угощение гостя хлебом-солью устанавливало между ним и хозяином отношения приязни и доверия; отказ же от них расценивался как оскорбление.

Тема корней, народный фольклор и *coleur locale* у Друцэ пронизан «Любовью к родной земле — земле своих предков, земле родителей, земле детей», любовью к традициям и корням; сколько лирической грусти в отцовском ожидании сыновей, и в том, как вернулся он, посетив их, к жене, которой напрасно возвещал горластый петух скорый приезд гостей;

Его проза — это своеобразный гимн земле, которая есть закон сама по себе, земле, из которой крестьянин может сотворить все, что душе угодно, и которая представляет собой его способ жить, его умение, его фантазию, земле, которая гостеприимна к друзьям и к своим сынам.

Показывая черты жизни молдавского крестьянина Друцэ не морализирует, не поучает, не насаждает догмы, не рассказывает о шумных и длительных сборищах, по всей видимости ему неинтересно вдаваться в не самые светлые уголки человеческой души — он просто рисует образ — вечерние посиделки у Карабушей, хождения по сыновьям отца, Храм в селе... он наполняет их жизнью и проникновенностью, помогая осознать, кто мы и куда мы идем. Монументальность его прозы заключается в том, что, несмотря на отчетливые мотивы безысходности человеческой доли, ее бренности, ее суетности, есть ценности, святыни, над которыми эта обыденность не властна:

Петре: *Было там написано так: человек один не может перенести ни горя, ни радости... Нужно всем поделиться, а люди добры, они возьмут. Живи как тебе хочется»* (Друцэ, 1976).

И, пожалуй, именно в уста Василуцы вложены ключевые слова, выражающие суть молдавского гостеприимства и отношения к жизни:

Василуца: *Погодите, отец, не торопитесь. (Пауза.) А почему вы не говорите, что есть еще один старый обычай? Почему не говорите, что издавна заведено: когда человек уберет свою каса маре, он приглашает гостей. Приглашает их, чтоб отдохнуть*

с ними, чтоб посмотреть, сколько народу уместится за его столом, сколько песен может пройти через окна, сколько плясок могут выдержать полы...И когда все по-хозяйски проверено, когда веселье на исходе, тогда хозяйка выходит и танцует «Периницу» (Друцэ, 1976).

Народная история зиждется на преемственности, без корней человек превращается в листопад. Традиции и обычаи и есть те корни народа, которые связывают его дух с землей.

В творчестве Иона Друцэ нет прямого описания или объяснения ни того, что есть молдавский народ, ни его традиций. Но читая повести, пьесы и рассказы автора, создается стойкое ощущение близкого знакомства с духом предков, с цельностью жителей этого благодатного, прекрасного и измученного края, и ответственности за его будущее.

Литература

- Друцэ Ион, Бремя нашей доброты, М., 1983
Друцэ Ион, Последний месяц осени, М., 1984
Друцэ Ион, Избранное в 2-х томах, М., 1984
Друцэ Ион, Бремя нашей доброты, М., 1976.
Друцэ Ион, Возвращение на круги своя, М., 1974.

Д. Е. Никогло, Л. С. Чимпоеш

ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ГОСТЕПРИИМСТВА ГАГАУЗОВ В ФОЛЬКЛОРЕ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (к постановке проблемы)

В этнологии гостеприимство считается подсистемой такого явления как этикет. Этикет, в свою очередь, связан с моральными нормами и ценностями, такими как: почтительное отношение к старшим, родителям, женщинам, гостеприимство, понятия чести, достоинства, скромность, толерантность, благожелательность и т. д. (Байбурин, 1988. С. 22-23). Несомненно, что перечисленные нравственные ценности и установки характерны для любого народа. Специфику каждого этноса составляет иерархия этих установок. По этому поводу известный российский этнолог А. К. Байбурин пишет: «Принцип гостеприимства входит в моральные кодексы любого народа, но далеко не у всех стоит на первом месте. Почитание родителей занимает одну из верхних ступок в мусульманской системе моральных ценностей и весьма слабо выражено у европейских народов. Следует, однако, учитывать, что принятая в том или ином обществе иерархия принципов всегда является идеальной. В реальных условиях она легко трансформируется. В зависимости от характера ситуации на первый план выдвигается тот принцип (или то качество), которое является конструктивным именно для данной ситуации. Например, независимо от положения в идеальной системе таких качеств, как достоинство, честь, «сохранение своего лица», они будут определяющими в любой экстремальной этикетной ситуации» (Байбурин, 1988. С. 22-23). «Один и тот же принцип гостеприимства, – отмечает далее ученый, – у одних народов выливается в сложный (часто многодневный) церемониал с особыми почестями для гостя, у других же народов гость как бы не замечается, т. е. соблюдение принципов гостеприимства состоит в том, чтобы гость не почувствовал себя гостем» (Байбурин, 1988. С. 22-23).

Приведем несколько примеров, иллюстрирующих самобытность традиций гостеприимства у разных народов.

Например, для араба гость – священное лицо, независимо от возраста, пола, положения. Кроме того, это человек от Бога. «Гость – от Аллаха», – гласит народная пословица (Амирьянц, 1988. С. 73). Институт гостеприимства у арабов сформировался в бедуинском кочевом обществе, где помощь нуждающемуся в условиях пустыни зачастую становилась вопросом жизни и смерти человека (Погорельский, 1988. С. 107). Хорошо принять гостей – не только обязанность, но и святой долг. Поэтому этот обычай, зародившийся у бедуинов, прочно вошел в сознание всех арабов (Амирьянц, 1988. С. 73).

Подобное отношение к гостю существует у афганцев и пуштунов. Об этом также свидетельствуют многочисленные поговорки, фразеологизмы и приветствия: «Гость – посланник Бога», «Добро пожаловать, Бог тебя прислал!», «Чтобы ты не бедствовал! Пребывай во здравии, да простит тебе Бог!» (Намазов, 1988. С. 202).

Гостеприимство народов Кавказа представляет собой классическую интерпретацию данного феномена. Оно находит аналогии у многих народов, в частности, у южных славян Балканского полуострова. На Кавказе соблюдение законов гостеприимства считалось наиболее важной обязанностью и строго регулировалось и контролировалось обычным правом. Человек, переступивший порог дома горца попадает под его покровительство и защиту, даже если изначально является его врагом или кровником. Для гостя на Северном Кавказе строился специальный дом (кунацкая) (Бгажноков, 1985. С. 179). Кабардино-балкарская пословица гласит: «С гостем приходит счастье» (Инал-Ипа, 1984. С. 116).

Гостеприимство русского народа также имеет древние традиции. Издавна по причине трудности пути из-за постоянного бездорожья к странникам выражалось сочувственное и доброе отношение. Стремление приютить путника, накормить и напоить его, поделиться последним – черта, свойственная русским.

Цель предлагаемой статьи состоит в том, чтобы показать, как отражаются традиции гостеприимства гагаузов в фольклоре и национальной литературе.

Но вначале хотелось бы представить, как воспринималось гагаузское гостеприимство представителями других народов, а также самими гагаузами. В своих очерках «Гагаузы Бендерского

уезда» известный русский этнограф, член Русского географического общества В. А. Мошков писал, что гостеприимство для гагаузов «обязательно для каждого человека и составляет часть его культа» и по своему смыслу шире нашего (т.е. русского – Д. Н., Л. Ч.). В подтверждение этому ученый указывает, что «у гагаузов гостеприимство называется «адамлык», т.е. происходит от слова «адам» – человек в самом широком смысле этого слова, без различия его положения, национальности, языка, цвета кожи и т.д. ... во всяком случае можно думать, что те, кому принадлежало слово «адамлык», т.е. отдаленные предки гагаузов, придавали этому понятию очень важное значение». Культовое отношение к гостю отражается в гагаузской традиции строить два дома – один маленький и тесный для себя, а другой – большой, чистый, разукрашенный – предназначается исключительно для приема гостей (Мошков, 2004. С. 185). В данном примере мы видим аналогию с северо-кавказской традицией поселять гостя в специальном доме (Бгажноков, 1985. С. 175).

О том, что традиции гагаузского гостеприимства носят устойчивый характер, уже говорилось в работе Д. Е. Никогло «Традиционные трапезы и застольный этикет у гагаузов в контексте соционормативной культуры» (2009). Совместная трапеза, как известно, является кульминацией, апогеем ритуала гостеприимства. Это своеобразный путь приобщения гостя к своей семье, стремление сделать его «своим». В самом деле, у гагаузов существует довольно богатый арсенал различных вариантов приглашения к столу и приглашения отведать предлагаемую еду во время застолья (Никогло, 2009. С. 310-312). Это свидетельствует о том, что гостю уделялось большое внимание и выказывалось уважение. Следует отметить, что гагаузам не свойственна услужливость, выставление напоказ своего доброго отношения к гостю. Прием оказывается щедрый, искренний, но в эмоциональном отношении достаточно сдержанный. Гостя сажают на лучшее место, предлагают лучшую еду и вино, но не утомляют постоянными просьбами что-либо отведать. Однако для каждого гагауза важно соблюсти все необходимые правила, чтобы в лице общественности села (махалы, улицы) не прослыть негостеприимным, плохим хозяином.

Традиции гостеприимства находят отражение и в обрядовой практике гагаузов. Народные праздники и обычаи семейного цикла изобилуют примерами обходительного и внимательного

отношения к гостям. Это проявляется в различных рода массовых угощениях, устраиваемых по случаю календарных праздников, по поводу строительства колодца, дома, в угощениях невестой родственников после свадьбы и т. д. К некоторым из этих примеров мы обратимся ниже, когда будем рассматривать их отражение в художественной литературе.

Залогом гостеприимства (не только у гагаузов) являются такие нравственные характеристики как доброта, щедрость, бескорыстие, отзывчивость. Именно такими должны быть в равной степени, как хозяин, так и гость. Эти установки отражаются в следующих образцах паремии и афористического жанра гагаузского фольклора: «*Ekmek eldän su göldän*» – «Хлеб из рук, вода с родника»; «*İyilik yapasın, iyilik bulasın!*» – «Творишь добро, найдёшь добро!»; «*Ne verdiysen elinden o gider seninnän*» – «Что отдано твоей рукой, это остается с тобой»; «*İnsanın iyisi Allahta sevgilidir*» – «Хороший человек и у Бога пользуется любовью»; «*Kendi insanın iç, alış veriş uyma*» – «С близким человеком ешь, пей, но не торгуй».

Благожелательное отношение к путнику, гостю содержится в следующих пословицах, поговорках и афоризмах гагаузов. Например: «*Geleñnä, Hoş geldin, gidennä, Uurlar olsun!*» – «Добро пожаловать гостю! Счастливого пути путнику!»; «*İyi saatlan!*» – «В добрый час!» (прощальное пожелание); «*Yolunuz açık olsun!*» – «Добрый путь!» (напутственное пожелание); «*Alla doyursun!*» – «Да насытит Бог!» (Ответ, выражающий благодарность за угощение); «*Bulgur bulamaç olsun, gönül geniş olsun*» – «Пусть будет хоть пшеничная да мучная каша, лишь бы душа была щедрая».

В национальной гагаузской литературе традиции гостеприимства также находят свое отражение. Декларирование одной из самых основных общечеловеческих ценностей – доброты (и щедрости) содержится в стихотворениях классика гагаузской литературы Д. Н. Карачобана (1989):

Моя земля
Пьянит, как крепкий хмель
(мне никакой другой земли не нужно)...
Оружие наше-
Хрупкая свирель,
победа наша –
доброта и дружба!...

(Моя земля, «Азбука открытий»)

Я встретился с вежливым –
шапку поднял.
Я встретился с нищим –
рубаху отдал.
Я встретился с трусом –
приободрил.
Я встретился с другом –
всю душу открыл.
А встречу убийцу –
я пояс сниму.
и сделаю крепкую
петлю ему.

(«Азбука открытий»)

Щедрость, доброту своего народа и родной земли воспел Г. А. Гайдаржи (1972) в стихотворении «Ау Бусаам, Бусаам» («Буджак мой, Буджак»):

Ау Bucaam, Bucaam,	Буджак мой Буджак,
Türkülü Bucaam,	Песенный Буджак.
Çok sıcak tenin,	Теплом веет твоя земля,
Çok zengin kucaan!	Богата и щедра дарами.

и «Ana Tarafım...» («Край родной»):

Kök halkımı severim pek:	...Люблю свой коренной народ,
Becerikli, cömert kalbi,	Он талантлив щедрою душою,
Kadıncağı çaker çemrek,	Кадынжу* зажигает ловко он.
Şu alayda – cıvan kaavi.	И славится на всю округу силою.

Культура каждого народа является самобытной, оригинальной и содержит ряд этнодифференцирующих признаков (маркеров), к которым и относятся традиции гостеприимства. Само гостеприимство как один из институтов соционормативной культуры также включает в себя ряд маркирующих элементов, обладающих этнической спецификой. К ним относятся различные блюда, напитки, предметы утвари, посуда, названия обычаев, предполагающих массовое угощение, совместную трапезу. Например, для русской культуры такими маркерами являются: хлеб-да-соль, мед-пиво, пироги, ендова и т. п.; для традиций народов Кавказа и Закавказья – рог (сосуд для спиртных напитков), лепешки, мяс-

ные блюда, шашлык; для народов Центральной Азии – достархан, плов, шорпа (жидкое блюдо в виде супа на мясном бульоне).

К маркирующим элементам гагаузского гостеприимства можно отнести: чотра (ритуальный сосуд, используемый деверем во время приглашения на свадьбу), софра (деревянный круглый столик на трех ножках), вино, хлеб, кывырма (вид сырного пирога, залитого сметаной), каурма (поджарка из свежего мяса с приправами).

Так, у Д. Н. Карачобана встречается упоминание о вине, которое у гагаузов является не просто напитком, но и почитаемым продуктом человеческого труда, а в обрядах в сочетании с хлебом символизирует здоровье, достаток и изобилие:

... За дружбу, за удачу и за счастье
мы пили
гагаузское вино.
И было всем и радостно и просто,
и души раскрывались как цветы ...
(Тосты, «Азбука открытий»)

* * *

Кто счастлив,
тот счастлив –
ни в чем половины!
В подвале вино распирают кувшины,
густа мамалыга,
как сахар сметана,
и острые шутки
торчат из кармана
Кто счастлив,
тот счастлив...
(Счастье, «Азбука открытий»)

Настоящим гимном щедрости гагаузов, их гостеприимству и веселому нраву можно назвать одно из стихотворений Т. Занета (1989).

...Mancalar tatlı, səcək – Utanma, buyur konak! Kəvərmələr fərəndan, Kavurmələr atərdən! Təoer təoer filcannar- Şen oynər gagauzlar. Bey buyurun iyi dostlar! Konaklər gagauzlar!	Угощения с пылу жару, Не стесняйся, гость, заходи! Кывырма из печи. Каурма с огня! Разливается вино с бокалов, Танцует весело народ, Пейте, ешьте друзья! Угощают гагаузы!
--	---

(«Zamanersın evim»)

Автор также использует такие этнографические элементы, как вино, называет традиционные гагаузские блюда (кывырма и каурма). Это произведение довольно ярко обрисовывает национальный характер гагауза.

Наверное, поэтому оно было положено на музыку и стало визитной карточкой гагаузов на многих песенных фестивалях международного масштаба.

Широта души гагауза, его хлебосољство отражены в поэзии М. В. Кеся (1988).:

Biri düün, bak tutturmuş, Çok ta çalgıcı tutmuş, Biri ev kurbanına Toplamış sofrasına. Musafir yarım Bucaa- Var buna şaşasa	Кто-то свадьбу затевает, Музыкантов пригласив. Новоселье отмечают, Столы широкие накрыв. Половина Буджака, В гости к нам! на удивление?
--	--

(«Умутлар»)

Известно, что гагаузы отмечали свадьбы, крестины поминки с большим размахом, стараясь приготовить самые лучшие блюда, щедро и вкусно накормить людей. У гагаузов принято, чтобы столы ломились от яств, а блюда были бы приготовлены в соответствии с принятыми нормами. Для того чтобы в глазах общественности выглядеть респектабельно, многие семьи приглашали на дом мастериц кулинарного дела, называемых в народе *аюзэука* (повариха).

Согласно народной традиции, для любого гагауза, приход гостя в дом – большое счастье, удача, праздник и богоугодное дело. Искренне доброжелательное отношение к гостю и готовность помочь ему звучит в стихотворении М. В. Кеся «Как брат брату»:

Заходи во двор ко мне, гость дорогой!
 Нет замка на воротах моих.
 Ты их только легонько толкни рукой –
 Откроются в тот же миг.
 Поднимись на крыльцо, распахни мою дверь,
 Как водится у нас на селе.
 Угощу я на славу тебя, поверь,
 Всё давно уже на столе.
 ...Заходи мой брат! Если братья вдвоем –
 Можно всякой беде помочь.

Кроме того, в данной строфе достаточно четко обозначена основная идея гагаузской традиции гостеприимства – желанный гость становится таким же близким человеком для хозяина, как и родственник, например, брат.

Наиболее ярко отношение к гостю проявляется в творчестве поэта и профессионального этнографа С. С. Курогло (Куроглу С., 1988), который широко использует в своих стихотворениях этнографические элементы:

Строимся – межи нас выручает,
 Сын родился – так на радость всем!
 И гостей, как праздники, встречает
 Мой народ, достойный всех поэм.
 (*«Родословное древо»*)

Как видно из содержания приведенного отрывка, автор упоминает о коллективном строительстве дома (межи), в конце которого устраивается угощение всех, кто участвовал в работе. С. С. Курогло, хорошо зная быт и культуру своего народа, воспринимает гостеприимство как основную нравственную ценность, свойственную гагаузам. Из содержания стихотворения видно, что автор гордится культурой своего народа и сам свято чтит традиции предков.

Радость от предстоящего визита гостя звучит и в стихотворении «На душе светло»:

...Мы ждем гостей! Ворвались в быт
 веселье и гулянка.
 В одно мгновение стол накрыт,
 Как скатерть – самобранка.

... Я видеть тебя рад, конак,
 Пока есть солнце в душах.
 ...Поговорим про молотьбу,
 Про счастье, про несчастье,
 Как хлеб разделим мы судьбу,
 Разделим на две части.
 (*На душе светло, «Родословное древо»*)

Таким образом, традиции гостеприимства гагаузов находят довольно яркое отражение в фольклоре и национальной гагаузской литературе. По нашим наблюдениям, среди всех жанров устного народного творчества элементы гостеприимства содержатся в пословицах и поговорках. Гагаузские поэты, являясь носителями культурных ценностей своего народа, широко используют в своих стихотворениях сюжеты, связанные с феноменом гостеприимства. В ряде произведений речь не идет непосредственно о гостеприимстве как таковом, – авторы говорят о щедрости, доброте и широте гагаузской души, т.е. о тех нравственных характеристиках, без которых, как известно, народ не может слиться гостеприимным и радушным. В подавляющем большинстве стихотворений гагаузские поэты описывают некоторые элементы гостеприимства и говорят о своем отношении к гостю. Например, приход гостя в дом воспринимается как большой праздник, ему оказываются почести и знаки внимания, его стараются щедро угостить. Описание этого отношения у гагаузских поэтов полностью соответствует народным традициям. Этническое своеобразие гагаузского гостеприимства обрисовывает такие черты национального характера как щедрость, доброта, отзывчивость, искренность, веселый нрав, а также доброжелательное отношение к человеку, независимо от его национальности и социального статуса.

Не случайно гагаузы славут в Молдове одним из самых гостеприимных народов. *Гостеприимство* как черта, лежащая в основе гетеростереотипа, является довольно устойчивой. Это подтверждают и современные реалии. Так, в своем выступлении на Первом Всемирном конгрессе гагаузов президент Молдовы В. Н. Воронин отметил, что красивые и сочные тюркские названия – Комрат, Авдарма, Чишмикиой, Конгаз «... в сознании каждого жителя Молдовы ассоциируются с <...> бесчисленными ви-

ноградниками, садами и *гостеприимным народом*» (Воронин, 2006. С. 9).

Несомненно, традиции гагаузского гостеприимства имеют глубокие исторические корни. Довольно сложно судить об истоках этого феномена. Можно предположить, что культовое отношение гагаузов к гостю сложилось еще у их кочевых предков, для которых приютить путника в суровых условиях степи являлось священной обязанностью.

Литература

- Амирьянц И. А., Самир ат-Тайяр Иракский этикет // Этикет у народов Передней Азии. М., 1988.
- Бабоглу Н. Тарафымын пеетлери. Стихлярю Кишинев, 1988.
- Байбурун А. К. Об этнографическом изучении этикета // Этикет у народов Передней Азии. М., 1988. С. 22-23.
- Бгажноков Б. Х. Прием почетного гостя в традиционной культуре адыгских (черкесских) народов // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985.
- Воронин В. Н. Горячее сердце Молдовы // Первый всемирный конгресс гагаузов. Chişinău, 2006.
- Гайдаржи Г. Анна тарафым. Стихи. Кишинев, 1972.
- Занет Т. Заманерсын евим. Кишинев, 1989.
- Инал-Ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете. Сухуми, 1984.
- Кара-Чобан Д. Азбука открытий. Стихи. (на рус. яз). Кишинев, 1989.
- Кеся Мина. Умутлар. Стихлар. Кишинев, 1988.
- Куроглу С. Родословное древо. Стихи. (на рус. яз). Кишинев, 1988.
- Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда. Кишинев. 2004.
- Намазов Э. С. «Китаб-и дэдэм Коркут» как источник для изучения этикета огузов // Этикет у народов Передней Азии. М., 1988. С. 202.
- Никогло Д. Е. Традиционные трапезы и застольный этикет у гагаузов // Курсом развивающейся Молдовы. Материалы III Российско-Молдавского симпозиума «Традиции и инновации в соционормативной культуре молдаван и гагаузов» 2008 г., г. Комрат. М., 2009.
- Погорельский П. И. К описанию этикета у арабов Хадрамаута (некоторые материалы) // Этикет у народов Передней Азии. М., 1988.

Д.Е. Никогло

ПРОЯВЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ГАГАУЗОВ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

Время от времени возникает потребность определить, как отражается проблема этнической специфики в трудах российских, молдавских и украинских исследователей, созданных во второй половине XIX – начале XXI вв. и как характеризуются основные тенденции в развитии этнической самобытности.

Выбор означенных временных рамок мотивируется тем, что до указанного времени сведения по этнографии гагаузов носили в основном фрагментарный, а подчас и случайный характер. Наблюдения исследователей касались лишь отдельных элементов культуры и быта гагаузов и довольно редко были нацелены на освещение данного аспекта в сравнительно-сопоставительном плане. Это объяснялось отчасти тем, что в литературе по этнографии Бессарабской области авторы того времени не отделяли гагаузов от болгар, называя и тех, и других задунайскими переселенцами. Однако в немногочисленных трудах, изданных еще в XIX веке, можно обнаружить некоторые черты, отличающие гагаузов от болгар и других жителей Бессарабии. Представленные исследователями этнографические характеристики этнических групп являются далеко не полными, порой не очень точными, а иногда и тенденциозными. В представленной статье речь идет об особенностях гагаузского языка, фольклора и материальной и духовной культуры (обычаев, обрядов, отдельных элементов соционормативной культуры).

1. Язык

Одним из наиболее значимых этнодифференцирующих признаков культуры гагаузов, отмечаемых исследователями XIX в., выступает гагаузский язык.

Для гагаузов языковой признак является наиболее важным, так как они, будучи православным народом, говорят на тюрк-

ском языке и тем самым отличаются от близких по культуре болгар. Не случайно Н. К. Дмитриев писал: «Учитывая то обстоятельство, что история гагаузов до начала XIX в., когда они поселились в русской Бессарабии, весьма неясна, их язык остается единственным прочным критерием их прошлого» (Дмитриев, 1962. С.203).

Следует отметить, что изучение специфики гагаузского языка имеет свою историю. Существует множество гипотез относительно его происхождения. Обозначим основные из них. В настоящее время в науке утвердилось мнение о том, что гагаузский язык относится к огузо-булгарской группе тюркских языков, которая вместе с огузо-сельджукской (азербайджанский, турецкий, южнобережный диалект крымско-татарского языка) и огузо-туркменской (туркменский, трухменский) составляют юго-западную, или огузскую, ветвь семьи тюркских языков. Данная точка зрения разделяется целым поколением ученых в рамках постсоветского пространства, несмотря на то, что болгарские ученые считают гагаузов отуреченными болгарями, а гагаузский язык относят к одному из диалектов турецкого (Боев, 1995.С.9).

Как правило, во многих работах XIX в. гагаузов называли болгарями, говорящими по-турецки (Защук, 1826.С.520). Некоторые авторы и вовсе не называют этноним «гагауз», а указывают только на то, что определенная часть населения Бессарабии говорит на турецком языке. В этом отношении весьма ценным источником являются «Походные письма ополченца из Южной Бессарабии (1855-1856)» А.В. Рачинского. Автор данных писем повествует о своем знакомстве с полковым знахарем по имени Хаджи-баба, характеризуя его следующим образом: «По-болгарски знает он едва несколько слов, говорит всегда по-турецки (*имеется в виду по-гагаузски* – Д. Н.), и все волонтеры, которым язык этот очень знаком, понимают его» (Рачинский, 1858. С. 4).

В конце XIX в. чешский ученый К. Иречек выдвинул гипотезу о том, современные гагаузы происходят от куманов, которые почти вплоть до середины XIII в., играли значительную роль в истории южнорусских степей (Иречек, 1890. С. 211-241; 1899. С. 829). Российский исследователь В.А. Мошков, по праву считающийся основателем гагаузоведения, предполагал, что гагаузы являются потомками торков (узов). Называя гагаузов «загадочным народом», он объяснял эту загадочность тем, что они испове-

дуют православие и говорят на тюркском языке (Мошков, 1904а; 1904б. С. 399-436). Академик В.В. Радлов считал гагаузов огузами, а этноним «гагауз» – искаженным сочетанием слов «гаг» – «огуз» (Мошков, 2004. С.17). Болгарский исследователь Д. Гаджанов, изучавший турецкие говоры северо-восточной Болгарии, и польский ученый Т. Ковальский, исследовавший гагаузов Добруджи, квалифицировали гагаузский язык (и язык делиорманских турок) как один из диалектов турецкого (Дмитриев, 1962. С.272) и подчеркивали, что эти диалекты близки, хотя и не идентичны. Т. Ковальский объяснял это общим историческим происхождением этих групп тюркоязычного населения в Северо-Восточной Болгарии (Покровская, 1966. С.56). Данной точки зрения придерживаются и другие болгарские лингвисты, в том числе и современные.

Н.К. Дмитриев видел причину этих расхождений в том, что гагаузский язык содержит многочисленные заимствования как в грамматическом строе, так и в лексике. Согласно его мнению, язык гагаузов является особым языком тюркской группы.

Н.К. Дмитриев был одним из первых исследователей, который, опираясь на собранные В.А. Мошковым, обладавшим безупречным музыкальным слухом, фольклорные тексты и материалы, выявил специфические особенности гагаузского языка на всех уровнях (фонетическом, морфологическом, синтаксическом, лексическом) и изложил свои выводы в книге «Строй тюркских языков» (1962 г.). Следует обратить внимание на то, что Н. К. Дмитриев сравнивает «гагаузские языковые формы с османскими <...>» (Дмитриев, 1962. С.204). При этом он высказывает сожаление по поводу того, что в научной литературе отсутствуют сравнительные исследования, посвященные османским говорам и балканско-османским диалектам. По его мнению, «было бы интересно непосредственно сопоставить их с гагаузским языком» (Дмитриев, 1962.С.205). Отмечая самобытный характер гагаузского языка, Н.К. Дмитриев указывал на то, что «многие фонетические явления, почти весь синтаксис и фразеология, равно как и большая часть морфологии и лексики гагаузов являются не тюркскими и не османскими (Дмитриев, 1962. С.203).

Приведем некоторые, наиболее очевидные примеры, выделенные ученым. Так, на **фонетическом уровне** Н.К. Дмитриев указывает на стяжение двух гласных в один долгий гласный и

отмечает, что этот процесс не находит в турецком языке никаких аналогий (гаг. *soka* – тур. *sokağa*, гаг. *saar* – тур. *sağar*, гаг. *büün* – тур. *büğün*, гаг. *saadiç* – тур. *sağadıç*). К особенностям гагаузского языка он относит также наличие двух видов дифтонгов, которые не стягиваются в монофтонги (гаг. *tauşan* – тур. *tavşan*, гаг. *auşam* – тур. *akşam*); редукцию и выпадение звука *r* в закрытом слове (гаг. *görü-sä* ‘если он видит’ = тур. *görür-se* < *görür-ise*; гаг. *götürüm* ‘я отнесу’ = тур. *götürürüm*, гаг. *getirim* тур. *getiririm* и т.п.); явление метатезы согласных (гаг. *trup* редька = тур. *turp*).

В области морфологии Н.К. Дмитриев обращает внимание на появление под влиянием славянских языков категории женского рода (не свойственной тюркским языкам), образующейся при помощи суффикса *-ка*. Например, *corbaçijka* ‘хозяйка’ < муж. р. *cobaçi* (Дмитриев, 1962. С.252). Другой особенностью являются формы настоящего времени. По мнению ученого, «в гагаузском языке в противоположность турецкому нет твердо установившегося настоящего времени. Здесь параллельно существуют несколько вариантов, и в этом отношении гагаузский язык скорее похож на туркменский, чем на турецкий. Отдельные формы настоящего времени, несомненно, дифференцируются по диалектам» (Дмитриев, 1962. С.255). Например, *urajor* ‘он бьет’ = тур. *uruşor*; *olajor* ‘он бывает’ = тур. *oluşor*; *gidier* ‘он уходит’ = тур. *gidior*; *gelierim* ‘я прихожу’ = тур. *geliorum*; *bilerim* ‘я знаю’ = тур. *biliorum* (Дмитриев, 1962. С.255-256).

Среди синтаксических особенностей гагаузского языка Н.К. Дмитриев обращает внимание на наличие союза *da* (употребляемого в значении ‘а’, ‘и’) и квалифицирует его как результат славянского (болгарского) влияния. Например: *Da agaları utandılar ani belâ jalañçi deji* ‘А старшим братьям стала стыдно, что он такой лжец’: *da*= ‘а»; *Da olmuşlar ikisi kardaşlık* ‘И оба стали братьями’: *da*= ‘и» (Дмитриев, 1962. С.263-264). Н.К. Дмитриев первый обратил внимание на «славянский» порядок слов в гагаузском языке. По его наблюдениям, в гагаузском языке «слова расположены так, как недопустимо ни в одном из тюркских языков» (Дмитриев, 1962. С.268). В качестве примеров ученый приводит ряд предложений, где видна существенная разница между турецким (османским) и гагаузским языком: *Сӱлеер она масал* ‘Рассказывает ему сказку’; по-турецки: *Ona bir masal söyüyor* (Дмитриев, 1962. С. 268). Как видим, в турецком языке сказуемое стоит в конце предложения.

В отношении лексического состава гагаузского языка, Н.К. Дмитриев представил греческий, славянский и романский пласты гагаузской лексики, а также выявил семантические отличия гагаузской лексики от турецкой. Приведем несколько примеров, иллюстрирующих эти различия: *азат олду* ‘он пропал’, ‘потерялся’ = тур. *azat oldu* ‘он освободился’; *бол* ‘слабый’, ‘нетугой’ = тур. *bol* ‘изобильный’, ‘богатый’; *дам* ‘сарай’, = тур. *dam* ‘крыша’ (в Малой Азии: *дом*); *дулгер* ‘бондарь’ = тур. *dülger* ‘плотник’; *фенди* ‘средство’, ‘секрет’ = тур.-перс. *fendi* ‘хитрый’; *гери* ‘корма лодки’ = тур. *geri* ‘назад’; *жанавар* ‘волк’ = тур.-перс. *çanaver* ‘животное’; *хал* ‘несчастье’ = тур.-араб. ‘обстоятельство’, ‘положение’, ‘дело’; *ичер* ‘комната’ = тур. *içeri* ‘внутри’; *есмер* ‘угрюмый’ = тур.-араб. *esmer* ‘смуглый’, ‘коричневый’ (цвет лица); *каба* ‘мягкий’, ‘рыхлый’ = тур. *kaba* ‘грубый’; *сенселе* ‘родственник’ ≠ тур. *silsele/selsele* ‘цепь’ и др. (Дмитриев, 1962. С.273-278).

Как было отмечено выше, Н.К. Дмитриев сравнивал гагаузский язык с османским. Его последователи Л.А. Покровская и Г.А. Гайдаржи проводили сравнение между современным гагаузским и современным турецким.

Неоценимый вклад в изучение гагаузского языка внесла ученица Н.К. Дмитриева, профессор Л.А. Покровская, продолжившая исследования специфики гагаузского языка. Ее перу принадлежат многочисленные работы, посвященные различным аспектам. В отличие от Н.К. Дмитриева, который использовал для сравнения с турецким языком в основном тексты В.А. Мошкова, Л.А. Покровская сама овладела гагаузским языком, не раз посещала гагаузские села, поэтому ее иллюстративный материал значительно шире и разнообразнее. В 1964 г. она опубликовала монографию «Грамматика гагаузского языка», в которой обосновала вывод о том, что гагаузский язык является самостоятельным в семье тюркских языков (Покровская, 1964). Ряд ее статей посвящен гагаузским говорам (Покровская, 1966; Покровская, 1963). В одной публикации она вслед за Т. Ковальским указывает на то, что «гагаузский язык существенно отличается от османско-турецких диалектов, чем делиорманский, так как в гагаузском, во-первых, сохранились многие первично-тюркские черты, исчезнувшие в делиорманском диалекте под влиянием турецкого литературного языка, и, во-вторых, появились вторичные явления, объясняющиеся, по-видимому,

значительным иноязычным влиянием (славянским, романским, греческим) (Покровская, 1964. С. 56).

В другой статье Л.А. Покровская детально проанализировала гагаузско-турецкие фонетические параллели и выявила ряд отличий. Приведем некоторые из них. Так, в области гласных были выделены следующие расхождения: гаг. *кодук*~*kuduk* 'осленок', *кјү*~*köy* 'село', *пынар*~*bınar* 'колодец', *йымышак*~*yımşak*//*yımşak* 'мягкий' и т.п. Существуют также различия по линии гармонии гласных: *кирез*~*kiraz* 'черешня', *хавез*~*hevez* 'охота', *ергиван*~*ergivan* 'иудино дерево'. Ряд слов различаются одним согласным: *синжир*~*zincir* 'цепь', *зүмбүл*~*sümbül* 'гиацинт', *чуфа*~*çiha* 'сукно' и т.п. (Покровская, 1971. С. 62-71).

В 1974 г. выходит в свет обстоятельная работа Л.А. Покровской «Мусульманские элементы в системе христианской религиозной терминологии гагаузов», которая отражает специфику лексического состава гагаузского языка, точнее религиозной терминологии. Исследовательница приходит к выводу, что в этой сфере «мусульманские термины отражают в основном абстрактные религиозные понятия, не связанные с вещественными реалиями христианской религии и потому допускающие переосмысление» (Покровская, 1974). Например, термином *аллах* в гагаузском языке обозначается «бог», но бог не мусульманский, а христианский бог (Покровская, 1974. С. 140). Примечательно, что ряд терминов имеют у гагаузов значения, противоположные их значениям у мусульман. Например, термин *хаж* у гагаузов обозначает титул паломника, побывавшего в Иерусалиме, а у турок *hacı* – паломник, побывавший в Мекке; словом *гяур* гагаузы называли османов, а в турецком языке *gavur* <араб. – 'неверующий', 'неверный', 'не мусульманин' (Покровская, 1974. С. 141).

Далее Л.А. Покровская приводит другие термины арабо-персидского происхождения, обозначающие такие отвлеченные религиозные понятия как «рай» – *женнет* (ср. тур. *cehnet* <араб.), «ад» – *джендем* (ср. тур. *cehennem* <араб.), «душа» – *жан* (ср. тур. *can* <араб.), «грех» – *гонах* (ср. тур. *günah* <перс.), «вера» – *дин* (ср. тур. *din* <араб.), «молитва, моление» – *дуа/дува* (ср. тур. *dua* <араб.), «пост» – *оруч* (ср. тур. *oruç* <перс.) и др. Гагаузские термины немусульманского происхождения, обозначающие вещный, предметный мир, служителей культа и культовые сооружения являются лексемами греческого происхождения («церковь» – *клиця*, «свя-

щенник» – *попаз*, «монах» – *калугер*, «алтарь» – *айдиму*, «святая вода» – *айазма*, «икона» – *йукона*, «крещение» – *ваатиз*, «венчание» – *стевноз* и т. д.). В меньшем числе используют славянские термины (*благословит* *етмää* 'благословить', *молебен* 'молебен', *пророк* 'пророк') (Покровская, 1974. С. 140-142). Специфичным для этой сферы лексики гагаузского языка является сочетание терминов, различного происхождения (турецкого (арабо-персидского), греческого, славянского, романского), что свидетельствует об этнокультурных контактах гагаузов с другими народами в различные исторические периоды.

Следующая по хронологии выхода в свет работа Л.А. Покровской посвящена синтаксису гагаузского языка, который подается в сравнительном освещении (Покровская, 1978). По данной теме написано также несколько обстоятельных статей (Покровская, 1964. С. 95; 1976. С. 240-241; 1978. С. 110; 1979. С. 207).

Вслед за Н.К. Дмитриевым исследовательница приходит к выводу, что порядок слов в гагаузском языке отличается от турецкого тем, что он соответствует славянской модели. По ее наблюдениям современный гагаузский язык характеризуется более свободным порядком слов в предложении. В одной из своих работ Л.А. Покровская выявила пять вариантов расположения главных и второстепенных членов предложения (Покровская, 1979. С. 216-217).

Другой особенностью гагаузского языка считается появление формы неизменяемого инфинитива на *маа/мää*, не свойственной другим огузским языкам (Покровская, 1978. С. 115). Например: *алмаа* – брат, *гөрмää* – видеть. В турецком языке инфинитив оканчивается на *tak/mek* (*almak, görmek*). Л.А. Покровская установила, что в гагаузском языке также имеется форма на *мак/мек*, но она является не именем действия, а отглагольным существительным (например: *дурмаа* – 'стоять' > *durmak* 'остановка') (Покровская, 1964. С. 95; 1976. С. 240-241; Покровская, 1978. С. 110; 1979. С. 207). Данные изменения возникли как результат приспособления к иноязычной среде. Значительное влияние оказал болгарский, а затем русский и молдавский языки. Так, под влиянием болгарского и других балканских языков в гагаузском языке появилась конструкция типа «модальный глагол + глагол в повелительно-желательных формах» (*истеерим гидейм* 'хочу пойти' вместо *гитмек истеерим*), что является «бесспорным грамматическим

балканизмом» (ср. болгарскую конструкцию, с которой калькируется гагаузская модель: *искам да отидам* ‘хочу пойти’) (Покровская, 1978. С. 222). Гораздо позже по соответствующим образцам сказуемого русского языка образовалось составное сказуемое с инфинитивом типа *истеерим ѱренмӓй* ‘хочу учиться’ (Покровская, 1976. С. 241). Приведенные примеры свидетельствуют о том, что иноязычные обороты адаптируются к грамматическим возможностям гагаузского языка.

По образному выражению Л.А. Покровской, «синтаксис гагаузского языка можно сравнить со зданием славянского типа, выполненным из тюркского строительного материала» (Покровская, 1979. С. 191).

Л.А. Покровской принадлежит исследование системы терминов родства у гагаузов. Впервые в научной литературе по гагаузоведению эта была затронута в статье «Гагаузские термины родства» (Покровская, 1995). Как пишет автор, «терминология родства считается одной из наиболее устойчивых семантических групп лексического состава языка. Однако и эта лексико-семантическая группа становится проницаемой для иноязычных влияний при столь длительных и интенсивных контактах, которые наблюдаются у гагаузов с болгарскими» (Покровская, 1995. С. 262). В гагаузской системе терминов родства (подобно религиозной терминологии) наблюдается сочетание различных пластов: тюркского (арабо-персидского) и славянского (болгарского). Исконно тюркскими терминами являются следующие: *оол/оолу* (сын), *кыз* (девочка, девушка, дочь), *кардаш* (младший брат), *гелин* (невеста, новобрачная, невестка), *кайнана* (свекровь, теща), *кайната* (свекор, тесть) и др. (Покровская, 1995. С. 262). Кроме того, сравнивая гагаузскую и турецкую систему терминов родства, Л.А. Покровская выявила термины, которые отсутствуют в современном гагаузском языке. Среди них: *abla* – ‘старшая сестра’, *baci* – ‘старшая сестра’ (со стороны матери), *teyze* – ‘тетя’ (сестра отца), *görümce* – ‘золовка’, ‘свояченица’ (сестра мужа), *damat* – ‘зять’ (<перс.), *torun* – ‘внук’ (Покровская, 1995. С. 266). Арабо-персидскими терминами являются: *хысым* – ‘родственник’ (< тур. *hisim* < араб.), *хысымка* ‘родственница’ (с болгарским показателем женского рода -ка), *сенселӓй* ‘род’, ‘родство’ (< тур. *silsile* < араб.), *дедӓй* ‘прадед’, ‘предок’ (< тур. *dede* < перс.), *деделдр* ‘предки’, *дедеси-бобасы* – ‘деды-прадеды’ (досл. ‘их деды-отцы’) (Покровская, 1995.

С. 266-267). К болгарским терминам относятся: *каку* – ‘старшая сестра’, ‘старшая сестра жены’, *булю* – ‘невестка’ (жена старшего брата или дяди), *лелю* – ‘тетя’ (сестра матери или отца), *кираца* – ‘золовка’ (младшая сестра мужа), *драгинку* – ‘деверь’ (младший брат мужа), *дяду* – ‘дед, старик’, *бабу* – ‘бабушка, старуха’, *унука* – ‘внук, внучка’ (Покровская, 1995, 265).

В заключении автор приходит к выводу о том, что гагаузская система терминов родства не совпадает с турецкой в своих существенных чертах, как вследствие употребления значительного числа болгарских терминов, так и ввиду отсутствия тюркских терминов (Покровская, 1995. С. 267).

Вопросы самобытности гагаузского языка отражены в ряде работ Г.А. Гайдаржи (Гайдаржи, 1992а. С. 11-13; 1992б. С. 11-15; 2000. С. 7-32). Являясь носителем и знатоком родного языка и аккумулируя опыт и научные наработки своих предшественников в лице Н.К. Дмитриева и Л.А. Покровской, Г.А. Гайдаржи также представил специфические черты гагаузского языка. Например, по его мнению, в системе счета отражены древнетюркские образцы сложных форм выражения количества: *ӱч ирми* – тринадцать, *бир отуз* – двадцать один и т. п. В речи продуктивно употребляются народные названия месяцев: *буӱк ай* – январь, *кирез айы* – июнь, *пастырма айы* – октябрь (Гайдаржи, 2000. С. 7-32). В современном турецком языке отсутствуют некоторые примеры общеупотребительной и терминологической лексики: *амаз* – наговор, донос, *бой* – берег, *бака* – отец, *гӱмӓ* – куст, *тулук* – корова, *текин* – спокойный. Г.А. Гайдаржи дополняет список лексем (гагаузского и турецкого языков), в которых наблюдаются семантические различия: *кырнак* – чистоплотный, опрятный, красивый (тур. *kırnak* (уст.) – рабыня, невольница и красавица); *хайыр* – польза, (тур. *hayır* – нет), *еркеч* – холостой козел (тур. *erkeç* – козел) (Гайдаржи, 2000. С. 13). Спецификой гагаузского языка, по мнению Г.А. Гайдаржи, является «скользящий счет поколений», который находит аналогию в тувинском языке. В подтверждение этому, исследователь приводит ряд примеров: *оолунун оолу* – внук от сына, *кызынын оолу* – внук от дочери, *кызынын кызы* – внучка от дочери, *дӓдунун (дединин) бобасы* – прадед, *дединин дедеси/дӓдунун дӓдусу* – прапрадед, *буӱк ананын (бабунун) анасы* – прабабушка, *бабунун бабусу* или *манинин маниси* – прапрабабушка (Гайдаржи, 1992б. С. 11-15).

На стыке двух наук – этнологии и лингвистики выполнена работа Е.С. Сорочяну «Гагаузская календарная обрядность» (2006 г.). Основной акцент сделан на терминологии народного календаря. Исследуя структуру, номинационную модель, характер лексико-семантических процессов гагаузской календарной обрядности, автор приходит к выводу о том, что она наиболее близка болгарской терминосистеме. Основной корпус обрядовых терминов представлен болгарскими, и в меньшей степени греческими кальками. Греческие заимствования шли через греческий церковный и болгарский языки. При этом наиболее сильное греческое влияние отразилось на терминологии южного диалекта (Сорочяну, 2006. С. 224).

Таким образом, вышеупомянутые исследователи-лингвисты видели специфику гагаузского языка в напластовании различных языковых элементов, отражающих этнокультурные контакты гагаузов с другими народами во времени и пространстве. Иными словами, язык, как и другие компоненты культуры, является тем источником, на основании которого можно проследить этапы этнической истории народа.

Вероятно, причиной полемики болгарских и российских (советских) исследователей (по поводу принадлежности гагаузского языка к турецкому диалекту и его самостоятельного характера) является та языковая база, вернее, те языковые реалии, на которых основывается каждая из школ тюркологии. Дело в том, что болгарские лингвисты считают гагаузов Болгарии отуреченными болгарами, а их язык – одним из диалектов турецкого. Российские (советские) специалисты исследуют язык бессарабских гагаузов (которые более двухсот лет находятся вне турецкой языковой среды) на базе центрального и южного говоров. Несомненно, гагаузский язык в Бессарабии, претерпел изменения под влиянием языков населения региона. Прекращение контактов с турками и болгарами обусловило как утрату гагаузским языком ряда характеристик, присущих ему на территории Болгарии, так и появление новых элементов.

Однако такой факт отнюдь не является свидетельством того, что гагаузский язык совсем утратил тюркские черты. Анализируя его синтаксис, Л.А. Покровская отметила, что «синтаксический строй гагаузского языка *не деформируется* (курсив мой), а *развивается и обогащается* в соответствии с новой типологичес-

кой ориентацией. Именно этот фактор в совокупности с большим процентом заимствованной лексики и некоторыми фонетическими особенностями и создает столь заметное своеобразие гагаузского языка в семье тюркских языков, и в частности – языков огузской группы» (Покровская, 1978. С.193).

Л.А. Покровская и Г.А. Гайдарджи, проводя сравнения между современным гагаузским и турецким языками, пришли к выводу, что данные языки не идентичны. К такому же заключению ранее пришел Н.К. Дмитриев, который сравнивал (на базе материалов В.А. Мошкова) гагаузский язык с османским. Все это позволяет говорить о преобладании мнений относительно изначальной лингвистической самостоятельности гагаузского языка в системе других тюркских языков.

II. Фольклор

Исследованиям в области фольклора посвящены работы российских, молдавских, украинских ученых: В.А. Мошкова, Л.А. Покровской, М.Б. Чернышевой, М.А. Дурбайло, Л.С. Чимпоеш, В.И. Сырфа, Б.П. Тукана, Ф.И. Арнаут. Почти все эти труды содержат информацию об специфических элементах.

Проблемами фольклора гагаузов Болгарии занимались и занимаются болгарские ученые, большинство работ которых посвящено отражению феномена двуязычия в гагаузском фольклоре.

Так, специалист в области этнографии В. Маринов, который является сторонником теории «болгарского» происхождения гагаузов (т. е. гагаузы – отуреченные болгары), опираясь на свои наблюдения, отмечает, что у гагаузов существуют песни на турецком языке. Автор приводит высказывания гагаузов, которых ему удалось опросить. Так, по словам одного из информаторов, эти песни такие же, как и болгарские, но передаются турецкими словами. Далее исследователь говорит о том, что гагаузы поют песни на болгарском языке, часто не понимая их смысла, так как эти песни в таком виде передаются из поколения в поколение (Маринов, 1956. С.54-55). Следует заметить, что В. Маринов не дает пояснения данному явлению. Известный болгарский тюрколог Е. Боев пишет, что фольклор гагаузов по своей сути соответствует фольклору их болгароязычных соседей. На основании этого он делает вывод о том, что гагаузов нельзя считать даже этнографической группой (Боев, 1995). По мнению Й. Коларовой,

двуязычие гагаузского фольклора является одной из его особенностей, возникшей в болгарском этнокультурном ареале (Жоларова, 1999. С. 70-81).

На наш взгляд, внимания заслуживает позиция Кр. Баева, специалиста по фольклору гагаузов Северо-Восточной Болгарии, который записал песни на гагаузском языке. Согласно его мнению, идентичность сюжетов исторических песен болгар и гагаузов объясняется общностью исторических судеб болгар и гагаузов, но отнюдь не влиянием болгарских песен на гагаузские (Баев, 1964. С. 107). Данное видение не соответствует общепринятой в болгарской науке точке зрения о том, что гагаузы – это отуреченные болгары. По сути Кр. Баев признает самобытный характер гагаузского фольклора.

Историографический обзор научной литературы по фольклору гагаузов Болгарии представлен в обстоятельной работе болгарского этнолога В. Матеевой. Автор приводит научные труды, в которых излагается позиция каждого ученого по данной проблеме. Исследовательница также считает, что двуязычие фольклора гагаузов является особенностью их культуры (Матеева, 1999. С. 112); 2006. С. 81-143).

Песенное творчество

Первенство в комплексном изучении фольклора гагаузов принадлежит Л.А. Покровской. Являясь признанным специалистом в области гагаузского языка и фольклора и обладая абсолютным музыкальным слухом, Л.А. Покровская собрала обширный полевой материал по песенному творчеству гагаузов. В своем диссертационном исследовании автор выявляет ряд особенностей песенного фольклора гагаузов, а также специфику его музыкальной стороны (Покровская, 1953). Следует указать на то, что специфика песенного фольклора гагаузов определяется его жанровым своеобразием. В песенном творчестве гагаузов сочетаются жанры, свойственные как европейским (балканским), так и азиатским тюркоязычным народам. Например, баллады и *маани* (песенные миниатюры). Если баллады – жанр европейского фольклора, то *маани* считаются наиболее древним и типичным жанром тюркской народной поэзии (Покровская, 1989. С. 4). *Баллады*, с одной стороны, сближают фольклор гагаузов с песенным фольклором народов балканского полуострова, а с другой отделяют от песенно-

го творчества других тюркоязычных народов (Покровская, 1989. С. 4). *Маани*, наоборот, сближают гагаузов с тюркоязычными народами Востока и отделяют их от народов Европы.

Л.А. Покровская, выделила специфические черты гагаузских песен в контексте их идейно-тематического содержания, в художественной форме (композиции, поэтического стиля, стихосложения) и в музыкальном сопровождении.

Так, в плане идейно-тематического содержания автором выявлены следующие особенности:

■ *Отсутствие героического эпоса у гагаузов.* Как считает исследовательница, эту функцию выполняют эпические песни, которые «представляют собой варианты болгарских народных баллад, юнацких и хайдутских песен» (Покровская, 1953. С. 6). «Это обстоятельство, – продолжает далее Л.А. Покровская, – ничуть не снижает идейно-художественной ценности указанных песен и их роли в гагаузском песенном творчестве; оно лишь свидетельствует об идейной близости гагаузского народа к героическому болгарскому народу» (Покровская, 1953. С. 8).

■ *Принципиальное различие гагаузских и болгарских хайдутских песен в плане идейной направленности.* «В то время как в большинстве болгарских песен отчетливо выявляется положительное и сочувственное отношение к хайдутам, в гагаузских песнях отношение к хайдутам почти всегда отрицательное. Причиной этого является различное значение слова «хайдут» в болгарском и гагаузском языках. Основное значение слова «хайдут» (или «хайдук») в болгарском языке – народный повстанец, партизан. В гагаузском же языке слово «хайдут» означает – разбойник, грабитель и употребляется преимущественно в отрицательном смысле. В гагаузских песнях под хайдутами подразумеваются, главным образом, турецкие разбойники – кирджалии, грабившие мирное население Болгарии в конце XVIII – начале XIX вв.» (Покровская, 1953. С. 9).

■ *Самобытностью (по сравнению с эпическими песнями) отличается гагаузская песенная лирика, которая имеет много общих черт с лирикой других тюркских народов (азербайджанцев, туркмен, турок).* Как правило, это проявляется во внешней форме песен и их поэтическом стиле (Покровская, 1953. С. 70).

■ *Турецкое происхождение песен о русско-турецких войнах XIX в.* Как указывает Л.А. Покровская, эти песни подвергались

у гагаузов значительным переделкам и получили совершенно иную идейную направленность. Так, в гагаузском варианте песни об осаде Плевны в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. «турки восхваляют своего генерала Османа-пашу; гагаузы, напротив, посылают проклятия ненавистному турецкому генералу и высмеивают его хвастливость и трусость» (Покровская, 1953. С.10).

В отношении художественной формы:

■ *Повторение предыдущего стиха или полустихия*, так называемое подхватывание стиха – наиболее характерный композиционно стилистический прием, сближающий гагаузскую песню с русской и болгарской народной песней. Данный прием не характерен для песен тюркских народностей. Однако «в любовных и женских песнях, где почти не чувствуется славянского влияния, повторения такого типа встречаются гораздо реже, чем в песнях других жанров (Покровская, 1953.С.14).

■ *Наличие традиционных «восточных» сравнений, имеющих первоначальные истоки в арабской и персидской поэзии и проникших в гагаузские песни*, по-видимому, через турецкую народную лирику (Покровская, 1953.С.15).

■ *Широкое распространение наряду с семисложным стихом десятисложного стиха, разделенного цезурой на два равных полустихия* – «явление, необычное для устной поэзии тюркоязычных народов, где десятисложник встречается очень редко и не может считаться характерным видом стиха. В русской и болгарской народной поэзии десятисложник, напротив, занимает очень важное место» (Покровская, 1953.С.15).

В отношении музыкальной стороны:

■ *Характерной чертой гагаузских песен является одноголосие*. В последние годы в быт гагаузов стало входить хоровое пение (всегда унисонное) (Покровская, 1953. С.17).

■ *Утрата с течением времени древних восточных корней в гагаузских песенных мелодиях* (Покровская, 1953. С.17).

■ *В ладово-интонационной и ритмической структуре гагаузских песенных мелодий ясно чувствуется влияние народной музыки болгар и молдаван. В то же время мелодии гагаузских песен обладают определенным своеобразием, отличающим их от песен других народов* (Покровская, 1953. С.17).

Российский музыковед М.Б. Чернышева, исследуя музыкально-стилевые черты гагаузского музыкального фольклора,

предприняла попытку обозначить некоторые особенности этого аспекта гагаузской песни:

■ *Наличие монодического (сольного) склада, характерного для песенных культур тюркских народов*. «...даже если песню поют двое, расхождения голосов практически отсутствуют или не имеют принципиального характера» (Покровская, Чернышева, 1989. С.8).

■ *Распевание слога двумя соседними звуками по нисходящей (реже по восходящей линии)*. Данный прием «можно считать специфически тюркским, причем относящимся к весьма ранним стадиям формирования соответствующих культур, когда они не были еще так разобщены территориально» (Покровская, Чернышева, 1989. С.9).

■ *Преобладание ямбизированных форм – ритмов суммирования, утяжеления к концу мотивов и фраз* является результатом влияния славянской музыкальной культуры (Покровская, Чернышева, 1989. С.10).

Завершая предварительный анализ песенного языка гагаузов, М. Б. Чернышева подчеркивает, что гагаузским напевам присуща тюркская монодийная культура (культура сольного исполнения), в которой «нашли отражения разнообразные влияния соседних народов». При этом «некоторые черты ладового мышления и строфическая организация напевов сближают ее с фольклором славянских и балканских народов (в частности, румын). А ритмическая изошренность и мелодическое орнаментирование, так же, как и способы звуковедения и некоторые принципы мелодического конструирования, ассоциируются с музыкой других тюркских и арабских народов» (Покровская, Чернышева, 1989. С.11). Как видим, выводы М. Б. Чернышевой относительно музыкальной стороны гагаузских песен, в частности, по наличию сольного исполнения и особенностям ладового мышления согласуются с результатами исследования Л.А. Покровской.

Молдавская исследовательница М.А. Дурбайло продолжила изыскания в области песенного творчества гагаузов. Результатом многолетней работы автора явилось издание сборника песен «*Баллада тюркүлери*» (1991 г.), в котором собраны образцы народных баллад. Во вступительной статье, опираясь на существующий в фольклористике опыт систематизации жанров, М.А. Дурбайло предлагает свою версию классификации гагаузских баллад.

Она подтверждает вывод Л.А. Покровской о том, что «на процесс складывания гагаузской баллады большое влияние оказали традиции южнославянской и европейской баллады» (Дурбайло, 1991.С.7). Мы разделяем мнение автора относительно того, что «развитие поэтики и сюжетики баллад у гагаузов и их соседей идет по пути типологической общности традиций» (Дурбайло, 1991.С.25-26).

В своей работе М.А. Дурбайло не выявляет непосредственно специфику данного жанра у гагаузов, но указывает на некоторые элементы, позволяющие квалифицировать их как особенные. Вслед за Л.А. Покровской исследовательница отмечает те черты, которые сближают гагаузские баллады с таковыми у балканских народов, прежде всего у болгар, а также с другими славянскими народами и народами Европы. Кроме того, автор приводит сравнения с фольклорными сюжетами других тюркоязычных народов.

Так, например, с фольклорными традициями южнославянских народов гагаузскую балладу роднят одноконфликтность, обилие диалогов, повторение отдельных поэтических формул; фантастические образы Желтой змеи, которая гложет юношу и многое др. (Дурбайло, 1991.С.7-8). С общеславянскими традициями сходство прослеживается в мотиве предсмертного завещания воина на поле битвы; мотив превращения влюбленных после смерти в дерево (у гагаузов в виноградную лозу) и др. (Дурбайло, 1991.С.11,21). С общеевропейскими традициями гагаузские баллады сближают: сочетание мотивов древних поверий с мотивами семейно-личных отношений (баллада о проклятой Йане); сюжет о жертвоприношении при строительстве; сюжет о сестре-отравительнице; тема о бесправном положении женщины и др. (Дурбайло, 1991.С.9, 15,16).

По мнению автора, общими с фольклорными традициями тюркоязычных народов являются следующие элементы:

■ Мотив ожидания героиней своей судьбы у реки (баллада о проклятой Йане) находит аналогии в эпосе алтайцев, где герой Алтын Коо ждет свою суженную у реки (Дурбайло, 1991.С.10).

■ Образы горы, змеи, дерева и тесно связанные с ними астральные мифологемы – небо, звезды, луна и солнце – отражают систему мифологических взглядов предков гагаузов (надо полагать, тюркоязычных предков – Д.Н.) (Дурбайло, 1991.С.14).

■ Отдельные фразеологические сочетания восходят к древнетюркской поэзии и обрядам. Например, «поэтическое выражение «кровавые слезы» является выражением глубокой скорби. Семантика его связана с похоронными обрядами древних тюрков. У орхонских знатных членов общества долго оплакивали, и в знак скорби родственники расцарапывали лицо так, что кровь и слезы вместе лились» (Дурбайло, 1991.С.24-25).

Жанр *маани* представляет собой песенные миниатюры, которые являются общетюркским элементом. Специфика этого жанра и его принадлежность тюркской традиции обозначена в работе украинского тюрколога Ф. И. Арнаут (Арнаут, 1999). Как правило, исследователи проводят аналогию *маани* с *бейтами* – одним из жанров восточной поэзии, характерной для азербайджанского фольклора. Например, Ф.И. Арнаут отмечает, что между *маани* и *бейтами* существует не только идейно-тематическая связь (мотивы разлуки, любви), но и композиционно-структурные сходства (Арнаут, 1999). С.14). Сходство с турецким и азербайджанским фольклором наблюдается и в наличии таких видов *маани* как *маани-диалоги*, *маани-загадки*, *маани-молитвы/проклятия* (Арнаут, 1999. С.17-19). Отличие состоит в том, что в Азербайджане и в Турции не встречаются *маани*, в содержании которых говорится об отношениях парня и девушки, а у гагаузов есть (Арнаут, 1999. С.17).

На основании этого исследовательница приходит к выводу, что *маани* гагаузов, турков и *бейты* азербайджанцев имеют генетическую и структурно-типологическую близость.

Дастанный эпос гагаузов

Существование данного жанра вызывает определенные дискуссии среди фольклористов. Как было отмечено выше, Л.А. Покровская отрицает наличие в фольклорной традиции гагаузов эпоса. Согласно ее мнению, эту роль выполняют баллады эпического содержания. Дастаны же представляют собой заимствованный жанр. Молдавский фольклорист Л.А. Чимпоеш в своей работе «Дастанный эпос гагаузов» считает, что именно гагаузские дастаны являются полноправным эпическим жанром. Выявление специфических черт гагаузского дастана представлено автором в главе «Общее и особенное в эпических традициях гагаузов» (Чимпоеш, 1997. С.84-94). Обозначая элементы, сближающие данный жанр гагаузского фольклора с традициями тюркоязычных

народов, Л.С. Чимпоеш отмечает, что гагаузский дастан нельзя считать самостоятельным первоисточником, так как он является ответвлением огузской эпической версии (Чимпоеш, 1997. С.84). При этом гагаузские версии дастанов находят наиболее близкие аналогии с азербайджанскими и турецкими вариантами, а также обнаруживают тесную связь с анатолийскими вариантами турецких дастанов.

В тематическом и сюжетном отношении сходство гагаузских дастанов с эпосами тюркоязычных народов наблюдается в следующих моментах:

- в наличии преемственности древних традиций и основной классической сюжетной канвы;
- в сохранении формы тюркского дастана – прозы, перемежающейся с поэзией;
- в соблюдении последовательности событий и узловых моментов;
- в сохранении функции главного героя – борца за справедливость (Чимпоеш, 1997. С.93).

В то же время в работе приводятся отличия от фольклорных версий других тюркоязычных народов. Среди них:

- *Отсутствие гагаузском эпосе эпической широты, обилия сцен, эпизодов, разработки деталей.* По мнению автора, это свидетельствует о неполной зрелости устнопоэтической традиции и объясняется многочисленными миграциями, постоянными передвижениями, сложностями исторической судьбы гагаузов (Чимпоеш, 1997. С.84).

- *Гагаузская версия считает циклопов представителями целого народа*, обитавшего во времена сотворения мира, в то время как огузский эпос говорит о циклопах как об единичных феноменах, а в анатолийском варианте речь идет об одном из племен (Чимпоеш, 1997. С.85-86).

- *Гагаузские дастаны носят менее воинственный и богатырский характер. Они в большей степени бытовые и житейские.* Автор связывает это с конкретными историческими условиями жизни народа в контактной зоне между этническими традициями Запада (Балканы и Европа) и Востока (тюркоязычный мир), а именно со сменой типа хозяйственной деятельности предков гагаузов, перешедших на оседлость и занявшихся земледелием (Чимпоеш, 1997. С. 87).

Эта черта в свою очередь проявляется в следующих моментах:

- a. В гагаузском эпосе (в отличие от анатолийской версии) наблюдается *отсутствие древних, восходящих к богатырской сказке мотивов* (чудесного рождения героя, его богатырского детства, обручения с колыбели, ритуала наречения героя именем (Чимпоеш, 1997. С.91).

- b. *Кёроглу гагаузского дастана – обыкновенный человек, в действиях которого мотив мести не является первостепенным.* Для него важнее набег с целью восстановления социальной справедливости. В восточных версиях эпоса Кёроглу – герой, обладающий сверхъестественными качествами, полученными от святых (Чимпоеш, 1997. С.91).

- c. *В гагаузском эпосе отсутствует генеалогическая циклизация*, когда знаменитый эпический герой становится отцом или родоначальником поколения «младших богатырей», продолжающих или варьирующих его подвиги (Чимпоеш, 1997. С.91-92).

- d. *В гагаузской версии Кёроглу отсутствует какой-либо религиозный мотив, т.е. идея воинствующего христианства не является идеологическим стержнем.* Косвенный намек на христианскую мораль содержится в гагаузском «Денгибозе», герой которого отвергает любовь девушки, так как христианская мораль не допускает двоеженства. Кроме того, подобный намек имеет место в сказании о Тепягезе, которого убивает паломник, вероятно христианин. Будучи христианами, гагаузы совершали паломничество на гору Афон и в Иерусалим. В огузском варианте и анатолийских сказках герой подвергается нападению гяура и попадает в плен к врагу-христианину (Чимпоеш, 1997. С.91-92).

Автор также обращает внимание на архаичные элементы дастанов, которые, на наш взгляд, тоже можно квалифицировать как специфические. По ее мнению, древность корней гагаузского эпоса прослеживается в том, что в нем сохранились признаки кочевых традиций предков гагаузов. К этим признакам относится тема дружбы между богатырем и его конем, которая широко распространена в сказаниях тюркоязычных народов. Общеизвестно, что коневодство играло важнейшую роль в кочевом быту. О наличии богатой терминологии по скотоводству свидетельствуют исследования М.Н. Губогло (Губогло, 1971. С. 217-236). Извлеченные Л.С. Чимпоеш из гагаузских дастанов лексемы, обознача-

чающие различные масти коня, подтверждают его выводы относительно существования отдельных номинативных единиц, специальных терминов, обслуживающих эту сферу словарного состава гагаузского языка, а также относительно того, что в этом плане гагаузская терминология гораздо более развита, чем терминология других тюркских языков (Губогло, 2006.С.63; Чимпоеш, 1997.С.87).

В заключение Л.С. Чимпоеш приходит к выводу о том, что создатели гагаузских дастанов прекрасно знали огузский героический эпос, творчески от него отталкивались и творчески от него зависели, как младшие от старшего (Чимпоеш, 1997.С.94). На наш взгляд, даже если дастаны были заимствованы гагаузами у турок, то в любом случае они подвергались во времени и пространстве различным трансформациям. Народ пропускал их через призму своего восприятия, интерпретировал по-своему, наполнял новыми оттенками идейно-тематическое содержание. Поэтому данные изменения вызывают интерес не только у фольклористов, но и у этнологов, которые широко используют фольклорные материалы для характеристики самобытных элементов культуры того или иного народа.

Народная проза (волшебная сказка)

Составной частью, народной прозы являются *волшебные сказки*, изучение которых нашло отражение в работах В. И. Сырфа (Сырф, 2003.С. 281-288). Автор в основном акцентирует внимание на заимствованиях и на общих чертах. Однако, как следует из содержания его статьи, поиск специфики этого фольклорного жанра гагаузов осуществляется посредством максимального выявления соответствий с тюркской традицией и обозначения архаичных элементов. По мнению В.И. Сырфа, с турецкой гагаузскую волшебную сказку сближают такие элементы как динамичность действия, отсутствие цветистых и длинных описаний пейзажа, выразительная краткость сказочных событий; поэтические описания женской красоты, гиперболизация в описании волшебных сил, меткие пословицы и поговорки (Сырф, 2003.С. 284). В виду того, что гагаузская волшебная сказка содержит в себе большую долю общеевропейских сюжетов, перечисленные нами элементы можно квалифицировать как этноспецифичные. К этой же категории относится наличие целого ряда мифических образов и пер-

сонажей (аждер, дэв, евреем и др.), восходящих своими корнями к культуре тюрков-кочевников (Сырф, 2003.С. 284).

От болгарской, румынской, русской сказок заимствуются имена собственные (болгарские – Стоян, Петрана, Тодур), образы героев (румынские – Făt-Frumos, Moti, Coti и т. п.), сюжеты и мотивы (русские – «Сивка-Бурка», «Жар-птица», «Конек-горбунук») (Сырф, 2003.С. 284-285). По мнению В. И. Сырфа, процессы заимствования обуславливаются одинаковым или близким историко-культурным уровнем развития взаимодействующих этносов, мобильностью сказочного жанра, структурно-типологическим сходством, близостью образных систем в фольклорной традиции данных народов (Сырф, 2003.С.285;287). Вероятно, мобильность волшебной сказки, а значит и ее проницаемость для иноэтнических традиций вызывает затруднения в поиске и выявлении этноспецифических элементов.

III. Материальная и духовная культура (этнографический аспект)

В поле зрения исследователей XIX века чаще всего оказывались внешние, антропологические признаки и довольно обобщенные представления о культуре и быте. Так, в своем статистическом описании Бессарабской области А. Защук отмечал, что в некоторых колониях близ реки Ялпук находятся «так называемые гагауцы (*т.е. гагаузы – Д.Н.*), которые наружностью, характером и жизнью резко отличаются от болгар». Далее исследователь приводил одну из точек зрения на происхождение гагаузов, отмечая, что гагаузы – незаконнорожденные дети турок от болгарок (Защук, 1826. С.520). Как видно, автор ограничивался только констатацией фактов и признаков, отличающих один этнос от другого, не рассматривая подробно отличительные черты. Если описанию обычаев болгар А.Защук уделял достаточно много внимания, то гагаузам посвящен всего лишь один абзац, на основании которого невозможно сделать значимые выводы. Однако труд А. Защука свидетельствует о том, что уже в середине XIX века авторы квалифицировали культуру гагаузов как самобытную, несмотря на большое ее сходство с культурой болгар.

Новый этап в исследовании культуры гагаузов связан с именем российского исследователя XIX – начала XX вв., члена Русского географического общества, В.А. Мошкова, который по пра-

ву считается основоположником гагаузоведения. В отличие от своих предшественников, В.А. Мошков представил комплексное исследование культуры и быта гагаузов. Его труд «Гагаузы Бендерского уезда», помимо подробного описания содержит богатый сравнительный материал с культурой как соседних народов, проживающих в Буджаке, так и ряда других этносов, в том числе и тюркоязычных. Применяя комплексный подход, автор признает самобытность культуры гагаузов, являясь при этом сторонником «тюркской» гипотезы о происхождении народа. Исследователь склоняется к тому, что «гагаузы не единственный народ, который может выводить свою родословную от древних узов, торков или черных клобуков» (Мошков, 2004. С.18).

В.А. Мошков не указывает непосредственно на отличительные признаки. Однако в комментариях и примечаниях в конце каждого раздела, где помещен сравнительный материал, можно обнаружить некоторые специфические черты (Мошков, 2004. С.100). Это касается, например, народных танцев (см. ниже в разделе «Соционормативная культура»).

В.А. Мошков приводит ряд характеристик, являющихся, по его мнению, специфическими. «В обыденной жизни, — отмечает он, — гагаузы по-прежнему придерживаются древних обычаев кочевников, принимая еду за низеньким деревянным столиком (гаг. *софра* — Д.Н.), сидя просто на земле, без всяких скамеек и табуреток, в лучшем случае подложив под себя подушку» (Мошков, 2004. С.100). Приведенное высказывание свидетельствует о том, что точка зрения автора на происхождение гагаузов определяет его взгляд на генезис тех или иных элементов культуры. Конечно, мы не можем однозначно говорить о специфичности данного элемента исключительно для культуры гагаузов, поскольку он широко распространен у многих народов, в том числе и у болгар, молдаван, украинцев Молдовы. Однако, если принимать во внимание точку зрения о тюркском происхождении народа, то этот атрибут повседневной жизни гагаузов вполне можно квалифицировать как самобытный.

В.А. Мошковым были зафиксированы интересные наблюдения о внешнем облике гагаузов. Так, в разделе «Одежда» исследователь отмечается, что «старика помнят, что прежде носили длинные волосы до плеч, а на висках висели длинные пряди волос, вроде еврейских пейсов, которые назывались «белые виски».

Кроме того, сохранилось предание, что когда предки нынешних гагаузов пришли в Бессарабию из Добруджи, то их старики носили еще косу» (Мошков, 2004. С.404).

В работе известного молдавского географа и этнографа начала XX века Л.С. Берга не выделены какие-нибудь отличительные характеристики народа и его культуры. Тем не менее самобытность гагаузов автор видит в их происхождении от огузов. При этом, как и его предшественники, Л.С. Берг подчеркивает особую религиозность, фанатическую приверженность верующих гагаузов православной церкви (Берг, 1993. С.124-126).

Во второй половине XX века, когда гагаузоведение стало оформляться как самостоятельное научное направление, в работах этого периода появилось стремление к выявлению этнической специфики.

В самом начале этот процесс носил спорадический характер. В конце шестидесятых годов появляется диссертационное исследование М.Н. Губогло «Малые тюркоязычные народы Балканского полуострова. К вопросу о происхождении гагаузов» (1967), в котором, кроме периодизации истории гагаузов впервые на научной основе были выявлены некоторые специфические элементы в материальной и духовной культуре гагаузов.

В работах, изданных в начале 80-х годов XX в., основное внимание уделяется выявлению в культуре гагаузов общеполитических и южнобессарабских элементов. Например, в монографии «Семейная обрядность гагаузов в XIX – в начале XX вв.» С.С. Курогло, хотя и не выделял четко самобытные элементы в данной области, однако, предпринял сравнительный анализ гагаузской свадьбы со свадебными обрядами других тюркоязычных народов, отметил их близость. К их числу относятся обряды *Емиш* (изюм), *Бояй гежеси* / *Хина гежеси* (букв. ночь красок / ночь хны) (Курогло, 1980. С.51-52, 59). Попытки выделения отличительных черт в сфере материальной культуры были предприняты в трудах молдавского этнографа М.В. Маруневич (1988; 1980).

Настоящий прорыв в исследовании обозначенной проблемы произошел в 1990-е годы, когда молдавская школа этнологии под руководством член-корреспондента АН Молдовы В.С. Зеленчука в качестве одной из методологических установок выдвинула проблему выявления этнической специфики в традиционной культуре. Уже в конце десятилетия появляются отдельные статьи по

данному вопросу, а в начале века – ряд монографий по духовной и материальной культуре, в которых этнической специфике посвящаются целые параграфы и главы, в том числе работы Д.Е. Никогло и Е.Н. Квилинковой по системе питания и календарной обрядности (Никогло, 2004; Квилинкова, 2002).

Хозяйственные занятия и материальная культура

Поиск специфических черт в области материальной культуры затруднен тем, что данная область, в отличие от духовной культуры наименее устойчива и, значит, более чувствительна к изменениям. Заимствования в этой сфере происходят гораздо чаще и интенсивнее. Кроме того, сходство с другими народами обеспечивается за счет единого хозяйственно-культурного типа, распространенного в историко-этнографической области Юго-Восточная Европа, куда входит и Молдова.

Важной с точки зрения этногенетических исследований является работа М.Н. Губогло «Гагаузская терминология по скотоводству» (1968 г.). Исследователь, придерживаясь тюркской гипотезы о происхождении народа, одной из отличительных характеристик хозяйственных занятий считает наличие мощного тюркского пласта в терминологии по скотоводству, что свидетельствует о кочевом прошлом предков гагаузов. М.Н. Губогло исходит из положения о том, что «...чем больше развита терминология в той или иной отрасли скотоводства, тем большее значение имела данная отрасль хозяйства в прошлой жизни народа» (Губогло, 1971; 2006. С. 59). В качестве доказательства приводится обширная лексика по коневодству. При этом автор сравнивает термины, бытующие в других тюркских языках и приходит к выводу, что гагаузская терминология по сравнению с таковой у остальных тюркоязычных народов более развита (например: в турецком языке буланая лошадь называется *кызыл боз ат*, в гагаузском – *кула*; гнедой конь – тур. *боз кыр ат*, гаг. *дору*. В киргизском языке словосочетанием *теңбил көк* именуется сивая в яблоках лошадь, в то время как в гагаузском – существует краткий термин – *гёк* и т. д.) (Губогло, 2006. С.63). Кроме того, М.Н. Губогло указывает на то, что и терминология по овцеводству имеет исконно тюркское происхождение и аналогии с другими тюркскими языками. Если в гагаузском языке понятие «холощенный баран» обозначается специальными самостоятельными терминами *хазман* и *еркек*, то у башкир – словосочетанием *бе-*

севга тока. Все это позволяет говорить о глубоких скотоводческих традициях народа (Губогло, 2006. С.69). Вместе с тем неразвитость гагаузской терминологии по свиноводству свидетельствует, «что гагаузы, по видимому, научились разводить свиней только после перехода на оседлость» (Губогло, 2006. С. 71). На наш взгляд, выводы, к которым пришел М.Н. Губогло, опровергают позицию болгарских исследователей относительно того, что гагаузы являются отуреченными болгарами.

В одной из работ, посвященных изучению *поселений, усадеб и жилищ*, Л.В. Маркова и М.В. Маруневич отмечают отсутствие этнической специфики в *организации поселений* гагаузов и болгар. По словам исследователей, тип жилой постройки, распространенный у этих народов квалифицируется как «болгарско-гагаузский» дом, принадлежащий типу «южнобессарабского жилища» (Маркова, Маруневич, 1997). Однако в отношении устройства гагаузской усадьбы наблюдается иная картина. Так, вслед за М.В. Маруневич А.В. Шабашов считает, что особенности гагаузской усадьбы имеют близкие параллели не только с ее эволюцией у окружающих народов: болгар, молдаван, украинцев и немцев, но и с характерными чертами усадьбы кочевых народов, в частности тюркоязычных народов среднего течения Сыр-Дарьи, из этнической среды которых, по всей видимости, вышло то ядро, вокруг которого цементировался будущий этнос. По мнению исследователей, подобные аналогии обнаруживаются в устройстве «длинного дома», который представляет собой цепочку поставленных в один ряд помещений или помещений, чередующихся с айванами, что аналогично схеме среднеазиатского равнинного жилища (Маруневич, 1980.С.31-36, 69; Шабашов, 2002.С.60). Согласно М.В. Маруневич, аналогия со среднеазиатской конструкцией жилища прослеживается в отсутствии в домах гагаузов потолка над центральным помещением (хайат), где располагался очаг (Маруневич, 1980.С.104). В подтверждение этому предположению А.В. Шабашов приводит аналогии с народами Средней Азии: с узбеками Южного Хорезма и дельты Амударьи, с припамирскими киргизами, южными туркменами в припамирских регионах (Шабашов, 2002.С.615). Другие элементы жилища, интерьера, отопительной системы, надворных построек совпадают с таковыми у народов Балкано-Дунайского региона и прежде всего с болгарами. Если к обозначенным выше аналогиям еще можно

относиться с какой-то долей скептицизма, то в отношении терминологии данной сферы, которая является тюркской и ирано-персидской по происхождению, сомнения вряд ли оправданы. Об этом довольно убедительно пишет А.В. Шабашов. Например: *дам* «сарай, хлев» (тюрк. «дом»), *аул* «усадыба», *арман* «усадыба, хозяйственный двор, ток» (тюрк. *орман* «лес»), *дувар* «стена, каменный глинобитный забор», *ода* «комната», *мердивен* «лестница» и т. д. В этом случае следует согласиться с мнением исследователя, полагающего, что «если бы гагаузы были отуреченными болгарами, следовало бы ожидать значительно большего процента у них славянской лексики именно в этой сфере культуры, поскольку у славян культура домостроительства, оседлого жилища, конечно, имеет более положительную и развитую традицию, чем у кочевых в прошлом народов» (Шабашов, 2002. С.617).

В области *одежды* исследователи выделяют следующие особенности: характерный для гагаузок костюм с шароварами, феской, чалмой, заплетание невесте множества косичек – в женской одежде; феской, чалмой, широкими штанами – в мужской, что свидетельствует о наличии ориенталистских мотивов и связи с восточными народами (Маруневич, 1988. С. 146). Конечно, данные элементы можно квалифицировать как специфические, однако некоторые из них встречаются и у болгар. Например, у болгар в далеком прошлом девочкам также заплетали множество косичек (Маруневич, 1988. С.123).

Что касается *традиций питания*, то следует отметить, что М.В. Маруневич в своей работе обозначает лишь некоторые, на ее взгляд, специфические черты. Специфическим элементом гагаузской кухни, по ее мнению, являются блюда, приготовленные на соусной основе (*манджа*). Кроме того, автор усматривает специфику в симбиозе кочевых скотоводческих традиций с балканскими и бессарабскими элементами (Маруневич, 1988. С.123).

В монографии Д.Е. Никогло приводится механизм выявления специфических элементов в традициях питания гагаузов. В данном случае исследователь апеллирует к мнению Ю.В. Бромлея, согласно которому «...неповторимый облик каждого этноса создается не отдельной его специфической чертой, а особым, характерным только для него состоянием объективных свойств, многие из которых могут быть одновременно присущи и каким-то другим этносам» (Никогло, 2004. С.152).

Исследователь отмечает большое типологическое сходство с пищевыми традициями болгар, которое объясняется единым типом хозяйства и единой конфессиональной принадлежностью. Традиции питания гагаузов и болгар, называемые в монографии «балканскими», вместе с традициями питания молдавского населения Южной Бессарабии сформировали южнобессарабскую модель питания, которая (также как и жилище и одежда) является составной частью южнобессарабского комплекса культуры.

Д.Е. Никогло считает, что именно в характере эволюции традиций питания заключается особенности этого элемента культуры. Большую роль при этом играют архаичные традиции, в данном случае – кочевого скотоводства (Никогло, 2001; 2000).

Автор приходит к выводу, что наибольшей информативностью по этнической специфике в системе питания гагаузов обладает терминология, сохранившая тюркское происхождение. Для гагаузов как для единственного тюркоязычного народа, проживающего на территории Бессарабии, данные термины выступают в качестве показателей национального своеобразия, этноспецифических элементов (Никогло, 2004. С.174). Например: гаг. *пастырма*, *каурма*, *сарма*, *сызырма* – термины, исконно тюркские по происхождению, хотя и распространены у болгар и молдаван, проживающих в Бессарабии.

Конечно, контакты с молдаванами не прошли бесследно. В результате этнокультурных взаимовлияний в гагаузском языке появились термины романского происхождения или термины, заимствованные через молдавский язык (*плачинта*, *гоголош*, *борч*). Лексический анализ показал, что заимствование затронуло в основном лексику, обозначающую мучные изделия, названия же мясных и молочных продуктов остаются неизменными, сохраняя общетюркский лексический пласт (Никогло, 2004. С.172). Анализ терминологии системы питания, в том числе названий мясо-молочных видов пищи (*пастырма*, *каурма*, *сарма*, *сызырма*, *йурт*, *пиинир*), которые являются тюркскими (и арабо-персидскими) по происхождению, свидетельствуют о наличии в культуре гагаузов скотоводческих элементов, связанных с кочевой жизнью (Никогло, 2004. С.172). Эти выводы соотносятся с результатами исследования М.Н. Губогло, который на примере богатой терминологии по скотоводству показал, что эта отрасль хозяйства имела древние традиции.

Приведем некоторые специфические черты, выявленные нами в системе питания народа:

1) Гагаузы, в отличие от молдаван, проживающих на севере Молдовы, предпочитают более перченые блюда, пасту из красного перца (вместо томата-пасты). Наличие пасты из красного перца у молдаван юга Молдовы позволяет предположить, что этот элемент был заимствован ими у гагаузов и болгар.

2) В отличие от болгар и турок гагаузский обряд жертвоприношения животного «*курбан*» отправляется исключительно за здоровье, но не по случаю смерти.

3) Ритуальное вкушение печени жертвенного животного на храмовый праздник (в том случае, если в селе церковь носит имя Святого Георгия) и при освящении нового дома. Данный элемент у болгар пока не зафиксирован.

4) Обрядовое блюдо «*курбан*» у гагаузов обязательно готовится с мясом и пшеничной крупой. Для турок и болгар характерен вареный «курбан» (Никогло, 1998; 2008, С. 90).

5) в отличие от турок в рацион питания гагаузов входит вино и почти отсутствуют «сладкие» традиции.

6) Для гагаузского сырного пирога «*кывырма*» (болг. *баница*) характерна присобранная форма, в то время как болгары и молдаване готовят его в виде жгута (вертуты).

7) Начинкой для мучных изделий служат в основном молочные продукты (брынза и творог), а также тыква, в то время как болгары, молдаване и украинцы используют картофель, капусту и фрукты (Никогло, 2004. С.174).

На первый взгляд указанные элементы не являются столь значительными, чтобы дистанцироваться от довольно близкой по своей сути системы питания болгар. Однако в совокупности с другими этнокультурными характеристиками (язык, верования, религия) они составляют достаточно самобытную картину как традиций питания народа в частности, так и этнического облика гагаузов, в целом.

Духовная культура

Календарная обрядность

В работе Е. Н. Квилинковой «Календарная обрядность гагаузов» и в ряде статей, посвященных данной теме, также предпринимается попытка обозначить некоторые особенности гагаузского народного календаря. Перечислим их:

1) Древние обряды и верования, связанные с почитанием восточной стороны неба, с ориентацией на Восходящее и Полуденное солнце.

2) Контаминация скотоводческой и земледельческой обрядности, которая проявляется в использовании скотоводческого и земледельческого календаря по отношению к земледельческой обрядности (отсчет начала сельскохозяйственных работ от праздника Касым); в поверьях, связанных с посевом; в обряде Курбан.

3) Обряды и верования, связанные в культом волка, являются пережитками тотемизма, дошедшие до начала XX в. в трансформированном виде.

4) Отсутствие развитой земледельческой обрядности, характерной для праздников солнцестояний.

5) Широкое использование древнего обряда жертвоприношения (курбан), в определенной степени отличающегося от подобного обряда у болгар и других тюркских народов (отсутствие поминального и вареного курбана).

6) Связь русальной обрядности с магией плодородия, которая по форме и содержанию во многом совпадает с аналогичной обрядностью восточных славян.

7) Сохранение отдельных пережитков почитания камней и источников, проявившихся в межсельских праздниках (Сборах) (Квилинкова, 2002.С. 22-23).

В других своих публикациях Е. Квилинкова более четко обозначает самобытность гагаузского календаря. Так, по ее мнению, спецификой можно считать «не только наличие обряда в календаре, не свойственного каким-либо другим народам, но также отсутствие у данного народа определенных обычаев и обрядов. Например, в гагаузском варианте праздника Драгайка (Рождество Иоанна Крестителя) нет коллективных обрядов, связанных с огнем, водой или зеленой растительностью в отличие от обрядовой практики славянских и восточно-романских народов (Квилинкова, 2002. С. 76-77). Рождественская обрядность у гагаузов, по данным Е.Н. Квилинковой, развита гораздо слабее, чем у других народов (болгар и молдаван). Например, в ней отсутствуют такие важнейшие элементы как обрядовый огонь и сжигание обрядового полена. Она объясняет этот факт механическим заимствованием гагаузами рождественской обрядности от соседних земледельческих народов, что «свидетельствует о специфичес-

ком восприятия гагаузами праздника зимнего солнцестояния и связано с их хозяйственно-культурным типом (*имеется в виду скотоводством* – Д.Н.): даже в конце XIX века, согласно сведениям В. Мошкова, «... скотоводство составляло одну из главных отраслей хозяйства гагаузов» (Квилинкова, 2002. С. 98-99).

Обстоятельно анализируя генезис обряда «русалии», Е. Н. Квилинкова обнаруживает черты, которые сближают русальную обрядность гагаузов и восточных славян. Однако некоторые моменты представляются не совсем ясными. Например, в исследованиях, посвященных данной теме, не указано, существует ли сходство образов болгарских русалий и демонических существ (*пири, пери*), широко распространенных у тюркских народов (Квилинкова, 2001.С. 226).

На наш взгляд специфическими является еще ряд черт, обозначенных исследовательницей как тюркские элементы календарной обрядности, но почему-то не включенные в перечень этноспецифических:

- 1) Воззрения на волка как на символ доброго предзнаменования;
- 2) Значительная часть терминов, обозначающих понятия времени и пространства являются тюркскими по происхождению;
- 3) Связь конных скачек с культом предков (перед началом скачек всадники трижды объезжали вокруг кладбища) (Квилинкова, 2002. С.24).

Ввиду того, что календарная обрядность гагаузов, впитавшая в себя балканские (греческие и южнославянские) черты, представляет собой своеобразный сплав народного (языческого) и христианского календарей, наличие некоторых элементов тюркского происхождения вполне может считаться спецификой.

Наиболее интересным является уже давно волнующий исследователей вопрос о происхождении культа волка в обрядности гагаузов. М.Н. Губогло в предыдущих своих работах, а также в одной из своих последних статей отмечает, что наличие в календарной обрядности гагаузов «Волчьих праздников» восходит своими корнями к культу волка, который выступал у древних тюрков в качестве тотема. По мнению ученого, цикл волчьих праздников гагаузов хронологически гораздо шире, чем у болгар, и имеет более широкую тематику обрядовых действий (Губогло, 1968; 2005).

Среди особенностей, связанных с этим культом, исследователь выделяет запрет на произношение слова «волк», использование в этих целях различных эвфемизмов, табу на выполнение определенного вида работ и т. д. (Губогло, 1968. С.57-60; 2005. С.411-419). Однако все эти элементы характерны для многих народов Карпато-Балканского ареала. Тем не менее, М.Н. Губогло, сравнивая обрядность и народные поверья у бессарабских гагаузов и болгар, справедливо отмечает, что у болгар запреты налагались не столько на работы, связанные со скотоводством, сколько на работы земледельческого характера. На основании этого исследователь приходит к заключению, что в обрядовой стороне «Волчьих праздников» и связанных с ними народных поверьях отразились различные формы хозяйственной деятельности: скотоводства – у гагаузов, земледелия – у болгар (Губогло, 2005. С.415).

Е.Н. Квилинкова считает, что обрядность «Волчьих праздников» у гагаузов имеет много общих черт с обрядностью других народов Балкано-Дунайского региона (Квилинкова, 2002. С. 74). Автор, не отрицает, что в далеком прошлом у предков гагаузов одним из тотемов был волк. В то же самое время она подчеркивает, что в отличие от других тюркских народов, у которых широко распространены тотемистические представления о волке как о прародителе, у гагаузов нет никаких мифов и легенд, в которых волк выступал бы в качестве их далекого предка (Квилинкова, 2002. С. 74). В качестве аргумента приводятся последние работы, в которых представлены народные легенды башкир с древнетюркским мотивом волчицы-прародительницы (Илимбетова, 2005; Назаров, Алиева, Юнусов, 2005).

М.Н. Губогло, в частности, приводит ряд мотивов из гагаузских народных сказок, связанных с образом волка, которые обнаруживают параллели с огузским героическим эпосом «Книга моего деда Коркута». Общим элементом, который удалось выявить исследователю, является представление о том, что лучше всего с волками могли справляться только пастухи (Губогло, 2005. С. 431). На наш взгляд, наличие таких параллелей не должно оставаться вне внимания исследователей. Тем более, что в некоторых гагаузских сказках волк предстает защитником народных интересов в борьбе против богачей царей и прочих притеснителей. Иногда заблудившийся в пустыне странник с помощью волка выходит на верную дорогу (Губогло, 2006а. С. 98). Такое отношение

к волку, по нашему мнению, имеет довольно древние корни. Оно могло сформироваться в представлениях народа только в том случае, если образ волка играл в прошлом весьма значимую роль в жизни этноса. Кроме того, впечатляют мотивы совпадения этого сюжета с сюжетами кочевых народов (Губогло, 2006б. С. 97-99). Словом, культ волка у гагаузов уходит своими корнями в кочевое прошлое этого народа, со временем уступившее место оседлой жизни земледельцев (Губогло, 2006б. С. 97-99).

Мы полагаем, что отсутствие в культуре гагаузов наиболее ярких свидетельств и мотивов о волке-прародителе вовсе не означает его отсутствие у предков гагаузов в прошлом. Степные кочевые традиции, придя во взаимодействие с земледельческими традициями населения Балканского полуострова, со временем были поглощены земледельческой культурной доминантой. Смена хозяйственно-культурного типа, религии и образа жизни в целом привела к изменениям в ментальности. Вполне возможно, что культ волка, присущий тюркоязычным кочевым предкам гагаузов, хлынувшим на Балканы, растворился в уже сложившихся здесь (если не в аналогичных, то в близких) «волчьих праздниках» земледельцев-христиан, т.е. произошла определенная трансформация образа волка. Но реликты и отголоски этих архаичных мотивов сохранились в некоторых элементах календарной обрядности гагаузов и сюжетах народных сказок, что и привлекло внимание М.Н. Губогло. В этом отношении мы считаем целесообразным обозначить его позицию, когда вслед за болгарскими историками в одном из изданий «История на България. Първата Българска държава» (1981 г., т. 3), подчеркивает, что тюркоязычные протоболгары привнесли на Балканы общие для тюркоязычных образований и групп культы волка, собаки и зайца, которые почитались у кочевников в качестве священных животных (Губогло, 2006а. С. 219). Аналогичные трансформационные процессы могли происходить и с обрядом жертвоприношения животного «курбан», свойственного многим народам с кочевым прошлым и населению Балканского полуострова.

М.Н. Губогло считает, что кроме культа волка у гагаузов распространен культ лошади и петуха. В контексте духовной культуры гагаузов заслуживает внимания точка зрения исследователя, который усматривает гагаузскую специфику в симбиозе этих трех культов: культе волка, как «символа независимости»,

культе петуха, как «символа воинственности маскулинности» и культе лошади «символа верности». Именно в этом сочетании, по мнению автора «... гнездится диалектическое цивилизационное единство тюркизма, византизма и славянства» (Губогло, 2005. С. 433-436).

Семейная обрядность

В цикле *семейной обрядности* гагаузов специфические черты попытался выделить А.В. Шабашов. Весьма привлекательным, по нашему мнению, является оригинальный подход к изучению свадебной обрядности. Стоит согласиться с его мнением, что в исследовании этого компонента духовной культуры «гораздо более перспективным представляется не метод «случайных сопоставлений», а выявление культурных комплексов, определение границ этих комплексов и дальнейшее их сопоставление между собой для выявления их глубинных корней». А.В. Шабашов берет за основу исследование российского этнографа Н.П. Лобачевой, которая выделяет в свадебной обрядности народов Средней Азии и Казахстана три этнокультурных комплекса: скотоводческие – «кипчакский» и «огузский», а также земледельческий – «иранский» (Шабашов, 2002. С. 642-653).

При этом подходе оказывается, что с «кипчакским» комплексом свадебную обрядность гагаузов сближают следующие элементы: конные скачки (*кош*), приглашение на свадьбу гостей конными гонцами (*изметчи*), угощение приглашаемых вином из деревянной фляги (*чотра*), которая по форме аналогична плоской кожаной фляге центральноазиатских кочевников, подстиление шкуры барана под молодоженов (Шабашов, 2002. С. 642-653). Среди «огузо-туркменских» черт выделяются элементы патрилокальности: свадьба проходит только в доме жениха, а родственники со стороны невесты не принимают участия в свадебном застолье; черты матрилокальных тенденций у гагаузов, как и у туркмен, выражаются в обычае возвращения невесты домой после свадьбы на определенное время (Шабашов, 2002. С. 642-653).

От себя добавим, что к матрилокальным тенденциям можно отнести обряд «кормления невесты», который распространен у гагаузов и болгар и отсутствует у молдаван. Суть его заключалась в том, что во время свадебного застолья к невесте со стороны ма-

тери приходили посланники и дарили ей калач с отварной курицей или кормили молодых рисовой кашей, сваренной на молоке.

«Иранский» комплекс включает в себя использование обрядового хлеба с отварной курицей, вино, изюм, сладости, орехи, мед, яблоки. Явно иранским можно считать обычай «ночь хны». А.В. Шабашов предполагает, что к данному комплексу обрядов можно отнести и обряд разламывания калача над головой невесты и ритуал обсыпания мукой.

Обсыпание новобрачных мукой, по мнению С.С. Курогло, было призвано обеспечить охрану от злых духов (Курогло, 1980. С. 79). Однако, на наш взгляд, данный обряд, по своей функциональной направленности более близок к традициям припамирских народностей. Например, при поздравлении с Новым годом хозяйка дома обсыпала мукой правое плечо своего мужа и ребенка. По народным представлениям припамирских народов, мука является символом счастья, а обсыпание мукой – обрядовое действие, с помощью которого старались в Новом году обеспечить счастье и благополучие в семье (Мухиддинов, 1986. С. 79-80).

Соционормативная культура

Еще в XIX в. В.А. Мошков отмечал, что «в общественном и семейном положении гагаузской женщины еще много чисто восточного». К «восточным» элементам он относил: налагаемый на женщину запрет переходить дорогу мужчине, стоять впереди мужчины в церкви, обязанность ходить по улице с опущенной головой, быть осторожной в отношении с молодыми людьми и т. д. (Мошков, 2004.С 129-131). Необычными для русского этнографа показались отношения между отцом и сыном. «Есть в отношениях гагаузского отца к его сыновьям еще одна оригинальная черта, от которой веет чем-то библейским, – удивлялся автор. – Для мальчика большим стыдом считается показаться отцу голым. Точно также и отцу явиться голым перед мальчиком сыном, хотя бы и на купаниях, считается большим стыдом. Но, впрочем, стыдным считается и вообще для всякого взрослого мужчины быть голым при мальчиках. В этом отношении мальчики почему-то совершенно приравниваются к женщинам» (Мошков, 2004.С 175). Внимание В. А. Мошкова привлекала приверженность гагаузов патриархальным устоям, что являлось залогом их высокой нравственности и религиозности.

Характеризуя народные танцы гагаузов, исследователь указывал: «Для девушки считается большим стыдом танцевать рядом с мужчинами неродными. Поэтому в *хору* рядом танцуют только братья и сестры или родственники с родственницами, неродные же или незнакомые держатся за руки только мужчины с мужчинами, а женщины с женщинами» У болгар, по наблюдениям автора, несколько иная картина: «У болгар «хоро» танцуют две цепи: в одной парни, а другой девушки. В цепи девушек из мужчин могут танцевать только женихи рядом со своими невестами» (Мошков, 2004.С. 82,98). В данном случае налицо аналогия между болгарскими и гагаузскими танцами, которая прослеживается в половой дифференциации, детерминированной нормами традиционной морали. У гагаузов, по наблюдениям В.А. Мошкова, имеет место не только половая дифференциация, но и дифференциация по родовому признаку, в то время как у болгар этот принцип не соблюдается. Далее, сравнивая искусство танца гагаузов с османской традицией, исследователь отмечает, что «любовь к танцам у гагаузов – черта вовсе не тюркская, так как о турках-османах пишут, что они никогда не пляшут и считают танец унижительным ...» (Мошков, 2004.С.100).

В ткани соционормативной культуры В.А. Мошков обратил внимание на такую яркую характеристику гагаузов как гостеприимство. Он отмечает, что гостеприимство для гагаузов «составляет часть культа» и по своему смыслу «шире нашего» (*т.е. русского – Д.Н.*). В подтверждение он указывал, что «у гагаузов гостеприимство называется «адамлык», т.е. происходит от слова «адам» – человек в самом широком смысле этого слова, без различия его положения, национальности, языка, цвета кожи и т.д. ... во всяком случае можно думать, что те, кому принадлежало слово «адамлык», т.е. отдаленные предки гагаузов, придавали этому понятию очень важное значение» (Мошков, 2004.С.186). Пристрастное отношение к гостю отражается в гагаузской традиции строить два дома – один маленький и тесный для себя, а другой – большой, чистый, разукрашенный – предназначается исключительно для приема гостей (Мошков, 2004.С.185-186).

Рассматривая вопрос о системе терминов родства у гагаузов, А.В. Шабашов отмечает, что в отличие от болгар и молдаван у гагаузов не практикуется институт побратимства и посестримства (Шабашов, 2002. С.166). Он, в частности, считает, что авторы

преувеличивали роль славяно-болгарского компонента в формировании терминов родства и не учитывали тюрко-болгарского пласта. По его мнению, такие термины как *каку*, *булю*, *лелю*, *кираца* (которые раньше исследователи считали славяно-болгарскими) являются по происхождению тюрко-болгарскими. Данная этимология устанавливается посредством поиска параллелей в чувашском языке (Шабашов, 2002. С.208). Выводы А.В. Шабашова вступают в противоречие с результатами исследований Л.А. Покровской, которая считает перечисленные термины славянскими (болгарскими).

* * *

Невозможно выявить принципиально различные элементы культуры, если народы находятся на одинаковой ступени социально-экономического развития, если у них общие исторические судьбы, общая религия. Этническая специфика явственно проявляется только при наличии фактора контрастности культур. Сходство между культурой гагаузов и болгар является следствием их типологической близости. В такой же степени близкими по культуре являются этносы, проживающие в одних и тех же историко-этнографических областях. Много общих черт можно обнаружить у народов Кавказа, Средней Азии, Африки.

Несмотря на наличие общих черт, отрицать факт существования самобытных элементов в отдельно взятой культуре нельзя. Те особенные черты культуры гагаузов, которые были выявлены в ряде работ, несомненно, представляют для исследователей огромный интерес, поскольку помогают понять истоки того или иного явления, проследить его эволюцию, определить интенсивность межкультурных контактов. Остается не выясненным, почему гагаузы Молдовы готовят обрядовое блюдо «курбан» с пшеничной крупой, а болгары в основном варят мясо, почему гагаузская русальная обрядность обнаруживает такое сходство с обрядностью восточных славян. В какой период контакты гагаузов со славянским населением Бессарабии стали более интенсивными и привели к таким результатам?

Ясным остается только одно – специфика складывается из множества элементов, взаимосвязанных между собой. Это касается всех трех областей традиционно-бытовой культуры: языка, фольклора и народных традиций. Во всех этих компонентах на-

блюдаются напластования различных эпох, отражаются этнокультурные взаимосвязи с другими народами.

Наиболее четко суть самобытности гагаузского языка Л.А. Покровская сформулировала в статье, посвященной 100-летию Н.К. Дмитриева: «...существенной причиной глубоких структурных изменений в этом языке исторически сложившийся сильно смешанный этнический состав его носителей (на тюркскую этническую основу – средневековых огузов Средней Азии – постепенно наложился болгарский, македонский, сербский, греческий, албанский этнические компоненты на Балканах, а в Бессарабии еще молдавский, украинский и русский)» (Покровская, 2001. С. 75).

Аналогичный симбиоз присущ и гагаузскому фольклору. Это отражается в наличии ряда жанров, принадлежащих фольклорным традициям различных по происхождению народов (баллады – общеевропейский жанр, маани и дастаны – тюркский жанр), в своеобразии художественной формы (наличие традиционных «восточных» сравнений, имеющих первоначальные истоки в арабской и персидской поэзии), в музыкально-стилевых чертах (сольное исполнение, присущее тюркской традиции). Именно сочетание южнославянской и тюркской традиций создает оригинальный и самобытный облик фольклора гагаузов.

Очевидно, что самобытность заключается в структурных связях между элементами культуры, количественных показателях, степени интенсивности признаков и т.д. Поиск специалистами различных направлений специфических элементов посредством сравнительного и сопоставительного анализа (это касается, прежде всего, фольклора и традиций) представляет собой лишь один из методов исследования данного вопроса.

Литература

Арнаут Ф.И. Жанр маані в гагаузскому фольклорі (зіставлення з жанрами *маані* й *байати* в турецькій та азербайджанській усній народній творчості). Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук. Баку, 1999.

Баев Кр. Исторически народни песни у гагаузите // Известия на варненското археологическо дружество. Варна, 1964, №15. С. 61-74.

Берг Л. С. Бессарабия. Страна-Люди-Хозяйство. Кишинев, 1993.

Боев Е. Не заблудата, а лъжата за гагаузите. Добрич, 1995.

- Гайдаржи Г. А. Гагаузский язык: проблема самобытности // Словесник Молдовы, 1992а. № 4. С. 11-13.
- Гайдаржи Г. А. Гагаузский язык: проблема самобытности // Словесник Молдовы, 1992б. № 5. С. 11-15.
- Гайдаржи Г. А. Гагаузский язык // Сын Буджака. Кишинэу, 2000. С. 7-32.
- Губогло М. Н. Гагаузская терминология по скотоводству // Тюркская лексикология и лексикография. М., 1971. С. 217-236.
- Губогло М. Н. Именем языка. М., 2006а.
- Губогло М. Н. Культ волка у гагаузов. Этнокультурные параллели в тюркском мире // Русский язык в тюрко-славянских этнокультурных взаимодействиях. М., 2005. С. 408 – 446.
- Губогло М. Н. Малые тюркоязычные народы Балканского полуострова. К вопросу о происхождении гагаузов. Автореферат диссерт. к.и.н. М., 1967.
- Губогло М. Н. О религиозной (ли?) идентичности гагаузов // Курсом изменяющейся Молдовы. Материалы I Российско-молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвященного 40-летию этносоциологических исследований. (25-26 сентября 2006 г., г. Комрат). М., 2006 б. С. 206-231.
- Губогло М. Н. Этнокультурные данные о кочевом прошлом гагаузов // Археология, этнография и искусствоведение в Молдавии. Кишинев, 1968. С. 57-60.
- Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962.
- Дурбайло М. А. Баллада тякялери. Кишинев, 1991.
- Защук А. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: Бессарабская область. Ч. 1. СПб., 1826.
- Илимбетова А. Ф. Пережитки культа волка в мифологии, обрядах и обычаях башкир // Русский язык в тюрко-славянских этнокультурных взаимодействиях. М.? 2005/ С. 379-388.
- Иречек К. Княжество България. Пътуване по България. Пловдив, 1899. Ч. 2.
- Иречек К. Няколко бележки върху остатците от Печенежи, Кумани, както и върху тъй наречените народи Гагаузи и Сургучи в днешната България // Периодическо списание на Бкд. Кн. XXXII XXXIII, 1890. С. 211-241.
- Квилинкова Е. Н. Календарная обрядность гагаузов в конце XIX – начале XX вв. (автореф. к. ист. н.). М., 2002.
- Квилинкова Е. Н. Общее и особенное в гагаузско-славянской русальной обрядности // Вестник славянского университета. Кишинев, 2001. Вып. 5.
- Квилинкова Е. Н. Этническая специфика гагаузской календарной обрядности // Вестник славянского университета. Кишинев, 2002. Вып. 7. С. 70-83.
- Коларова И. Одринските гагаузи и техният българоезичен фолклор // Украина и България. Этнокултурни и етнолингвистични аспекти. София, 1999. С. 70-81.
- Курогло С. С. Семейная обрядность гагаузов в XIX – начале XX вв. Кишинев, 1980.
- Маринов В. Принос към изучаването на бита и културата на турците и гагаузите в Североизточна България. София, 1956.
- Маркова Л. В., Маруневич М. В. Жилище народов Пруто-Днестровского междуречья // Традиционное жилище народов России: XIX – начало XX вв. М., 1997.

- Маруневич М. В. Материальная культура гагаузов XIX – начало XX вв. Кишинев, 1988.
- Маруневич М. В. Поселение, усадьба и жилища и усадьба гагаузов Южной Бессарабии конца XIX – начала XX вв. Кишинев, 1980.
- Матеева В. Гагаузи – още един поглед. София, 2006.
- Матеева В. Поглед върху етноложките изследвания за фолклора на гагаузите // Български фолклор. Кн.1-2, 1999. С.103-112.
- Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда. Кишинев, 2004.
- Мошков В. А. Наречия бессарабских гагаузов // Образцы народной литературы тюркских племен. 1904а. Т. 10.
- Мошков В. А. Турецкие племена на Балканском полуострове. Отчет о поездке на Балканский полуостров летом 1903г. // Известия Русского географического общества. 1904б. Т. 40, С. 399-436.
- Муриддинов И. Обряды и обычаи припамирских народностей, связанные с циклом сельскохозяйственных работ // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии, М., 1986. С. 70-94.
- Назаров Р. Р., Алиева В. Р., Юнусов Д. М. Образ волка в тюркской мифологии // Русский язык в тюрко-славянских этнокультурных взаимодействиях. М., 2005. С. 389-403
- Никогло Д. Е. Архаичный лексико-этнографический пласт в традициях питания гагаузов // Ежегодник ИМИ. Кишинэу, 2001 Том. 2. С. 89-92.
- Никогло Д. Е. К вопросу о сочетании аграрных и скотоводческих элементов в обрядовой пище гагаузов // Al 3- lea simpozion național de istorie și retrologie agrară a Moldovei, Chișinău 23 – 24 octombrie, Chișinău, 1998. С. 40 – 41.
- Никогло Д. Е. Очерки М. Чакира в контексте современных исследований по гагаузоведению // Revista de etnologie și cultorologie. 2008, vol. 4. С. 88-94.
- Никогло Д. Е. Система питания гагаузов XIX – начала XX вв. Кишинев, 2004.
- Никогло Д. Е. Этническая специфика системы питания гагаузов // Ежегодник ИМИ. Кишинев, 2000. Т. 1. С. 94-97.
- Покровская Л. А. Гагаузские термины родства // Алгебра родства. Вып. 1, СПб, 1995. С. 260-267.
- Покровская Л. А. Гагаузско-турецкие фонетические параллели // Структура и история тюркских языков. М., 1971. С. 62-71.
- Покровская Л. А. Грамматика гагаузского языка. М., 1964.
- Покровская Л. А. Мусульманские элементы в системе христианской религиозной терминологии гагаузов // Советская этнография. М., 1974, №1. С.139-144.
- Покровская Л. А. Н. К. Дмитриев и исследование гагаузского языка // Николай Константинович Дмитриев. К 100-летию со дня рождения. М., 2001. С. 72-76.
- Покровская Л. А. Общая характеристика диалектной системы гагаузского языка // Вопросы диалектологии тюркских языков. Материалы IV регионального совещания по диалектологии тюркских языков. 27-30 мая, 1963 г. (г. Фрунзе). Фрунзе, 1968. С. 105-110.
- Покровская Л. А. О происхождении диалектов гагаузского языка // Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1966. Т. IV. С. 54-58.

Покровская Л. А. Песенное творчество гагаузов. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ленинград, 1953.

Покровская Л. А. Проблемы синтаксиса языков Балканского ареала. Ленинград, 1979.

Покровская Л. А. Синтаксис гагаузского языка (в сравнительном освещении). М., 1978.

Покровская Л. А. Специфика развития гагаузского языка в иноязычной среде // Лингвистическая география, диалектология и история языка. Ереван, 1976. С. 233-243.

Покровская Л. А., Чернышева М. Б. Народные песни гагаузов. М., 1989.

Рачинский А. В. Походные письма ополченца из Южной Бессарабии (1855-1856). М., 1858.

Сорочану Е. С. Гагаузская календарная обрядность. Этнолингвистическое исследование. Кишинев, 2006.

Сырф В. И. Общее и особенное в фольклоре гагаузов Молдовы (на материале народной прозы) // Национальные образы мира: единство – разнообразие – справедливость. (Материалы международной научно-практической конференции 22-23 октября 2003 г., Кишинев), Кишинев, 2003. С. 281-288.

Чимпоеш Л. С. Дастанный эпос гагаузов. Кишинев, 1997.

Шабашов А. В. Гагаузы: система терминов родства и происхождение народа. Одесса, 2002.

В.П. Степанов

«АНЕКДОТИЧНОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО» ИЛИ ЭТНИЧЕСКИЕ АНЕКДОТЫ О ГОСТЕ

Тема анекдота вызывает в настоящее время пристальный интерес как в постсоветском пространстве, так и среди западных специалистов [Седов К. Ф., 1998; Шмелева Е., Шмелев А., 1996; Шмелев Е.Я, Шмелев А.Д., 2002; Шмелев Е.Я, Шмелев А.Д., 2003. и мн. др.].

В данной статье затронуты следующие вопросы:

■ влияние этнического анекдота на гостевую тему и на формирование представлений об этнических чертах характера;

■ отражение в этническом анекдоте авто и гетеростереотипов об этнических чертах характера;

■ тема гостя и границы (свой-чужой);

В данном контексте примеров достаточно много, предложим несколько для рассмотрения.

Анекдот, затрагивающий религиозную проблематику

Такие анекдоты в народе еще называют *поповскими*.

Попал мужик в рай. Погулял по нему неделю, и скучно стало – однообразие, лишь ангелы да сады цветущие, ни тебе женщин, ни вина, ни табака. Вдруг видит объявление – «экскурсия в ад!». Ну, мужик и записался – хоть какое-то разнообразие! Попадает он в ад, а там, что душе угодно – и женщины, и вино, и сигареты, и карты, в общем, все удовольствия. Погулял мужик на славу и вернулся вновь к райскому однообразию. И настолько ему – мужику грустно стало, что пошел он к Господу и попросил перевести его в ад. Просьба была удовлетворена, и наш герой оказался в аду. Где его тут же схватили и бросили на горячую сковороду.

- Поймай! – Возмутился мужик, обращаясь к черту, а где же женщины, вино, сигареты, карты, в общем, все удовольствия!? На что черт ответил:

– Не путай пребывание в гостях (вариант экскурсию) с повседневностью.

В данном примере присутствует несколько моментов, на которых имеет смысл сосредоточить внимание:

■ данный анекдот может быть воспринят в русскоязычном пространстве, в качестве своего представителями самых разных национальностей, объединенных единой православной верой. Чаяния героя становятся хорошо понятны и близки в силу того, что в анекдоте транслируется та самая картина потусторонней жизни, которая рисуется в традиционных народных представлениях

■ четко подчеркивается христианская идея – гостю (чужому) лучшее, а вот уже своему – по законам «жанра».

Христианство, часто присутствующее в анекдоте, вообще представляет собой тему для отдельного разговора, но очень часто в качестве фона христианская окраска анекдота прослеживается и в рассматриваемой нами тематике.

Например, городской анекдот:

Мелькает мужик на облаке, то появится, то исчезнет, то снова появится... Сидящий на другом облаке спрашивает: – ты что, определиться не можешь, ведешь себя как в гостях!

А первый ему в ответ: – да понимаешь, я в реанимации!..

Здесь снова прослеживается несколько моментов. Опять устойчивое представление о потустороннем мире, а с другой – цинизм и жестокость. Второе является частью рассматриваемого жанра.

Кратко представив тему гостя нашего мира, оказавшегося в потустороннем пространстве, нельзя не рассмотреть обратные примеры, отраженные в анекдотах:

Шел мужик в черном через кладбище. Решил напугать подметавшего сторожа. Поднял руки, завыл и с безумным выражением лица направился к выходу из кладбища, не дойдя до которого, получил лопатой по затылку, со словами: – Дома безобразничай, а людей пугать не смей!.. (вариант: «дома балуй, а в гостях – не смей!»)

Для тематики нашего анализа важно представить, что восприятие данной проблемы связано с комплексным видением пространства. Здесь мы вышли на тему *гостевой территории*. Дома человек ощущает себя хозяином, где все устроено по душе. В этом контексте показателен городской анекдот, основанный

на социальной рекламе, модной несколько лет тому назад. В ней юная девушка на роликах, зацепившись зонтиком сзади за троллейбус, едет к московскому госуниверситету. Пожилой актер О. Ефремов, в роли водителя, дружески улыбается и сигнализирует ей вслед. Девушка весело машет уезжающему троллейбусу зонтиком. А внизу экрана появляется фраза: «Да, это мой город!».* Отсюда и реакция на рекламу в виде анекдота:

Идет парень по городу. Солнце светит яркое, только дождик прошел, все благоухает свежестью. Красота! Парень думает – «Да, это мой город!» (фраза из рекламы). Тут неожиданно из-за угла толпа хулиганов...побили, ограбили и исчезли. Парень отряхивается, поправляет порванную рубашку и констатирует – «Да, город мой – район не мой!»

Данный анекдот интересен в нескольких аспектах: во-первых, в нем затрагивается тема «магалы» (слово, известное в различных транскрипциях, во многих тюркских языках «маала» – слово, обозначающее прежде всего улицу). В Молдове и южных регионах Украины под этим названием понимают часть населенного пункта, выделяемую местными жителями, как правило, под особым названием. Это может быть улица, несколько улиц, район, отделенный от других особенностями ландшафта, занятий жителей и т.п.). В силу этноязыковой специфики в населенных украинским населением северных регионах современной Молдовы и в Буковине, для выделения локализованного территориального пространства населенного пункта используют еще слово «*кут*».

В городах в отношениях между молодежью нередко подчеркивается, из какого района человек. Причем это свойственно не только для Молдовы. По районам проживания в этническом, социальном смысле традиционно оценивают людей в странах Европы и Америки. Известны так называемые цветные районы (расовое деление), этнические районы (китайские, русские, арабские и др. кварталы), престижные районы и улицы (Манхеттен в Нью-Йорке) и неблагоприятные (Гарлем в том же Нью-Йорке). Потому вышеприведенный анекдот отражает реалии

* Похожих роликов было выпущено несколько (телезрители наверняка помнят солдата у Мавзолея, которого толпа просила помахать ручкой маме, двух дорожных обходчиц, которые то ругались, то рыдали друг у друга на груди).

соционормативной традиции, свойственной современной городской субкультуре.

Основываясь на результатах экспедиционных обследований, можно утверждать, что территориальное народное разделение населенного пункта (в Молдове на магалы и куты) влияет в определенной степени на формирование *чувства хозяина*, особенно ценностное среди молодежи. Достаточно привести пример, зафиксированный в с. Рашков. В данном населенном пункте местные жители до сих пор вспоминают двух братьев-силачей, которые, проживая на одной магале, не позволяли через нее проходить в село жителям из соседних сел, «били всіх подряд, крім своїх» (лупили всех подряд, кроме своих). Вспомним знаменитую присказку, ярко характеризующую урбанистические процессы современности – «погнали наши городских!» Или другой пример, при знакомстве друг с другом подростки города (в мужской компании), еще в 70-80-е гг. XX в. зачастую задавали вопрос: «ты с какого района?..» Соответственно там, где есть хозяин, присутствует и тема гостя, в том числе и непрошенного.

Непрошенный гость – особая тема, образно и многолико, как это свойственно жанру анекдота, представленная в нем. Об этом свидетельствует еще один достаточно бородастый городской анекдот:

У мужика в квартире было огромное количество тараканов. Никакие меры не помогали. Терпел он, терпел и, наконец, не выдержал. Пожаловался другу. Тот посоветовал отправить тараканов на войну к соседям. Мол, там они и поубивают друг друга.

Позвал мужик главного таракана и говорит:

– Что это вы баклуши бьете, шли бы воевать к соседям!

– Хорошо, хозяин, – согласился главный таракан.

Неделю жил мужик спокойно. Тут стук в двери. Открывает. А там в два раза больше тараканов.

– Хозяин, мы с победой, пленных привели...

Данный пример ярко подчеркивает проблему непрошенного гостя. В этом анекдоте, в отличие от поповских анекдотов, четко подчеркивается не вертикальная, а горизонтальная граница (своя-чужая квартира). Как и в других фольклорных жанрах, в анекдоте четко представлена сверхъестественная сторона (разговаривают насекомые и люди и т. п.).

Насекомые, за исключением разве что божьих коровок, как правило, вызывают у людей неприязнь. Можно было бы это, помимо других аргументов, объяснить еще определенными религиозными влияниями (известно же, что представители китайской цивилизации, жители Меланезии употребляют в пищу насекомых), которые, по библейскому писанию, являются гадами и нечистыми. Одновременно писатель-этнограф XIX в. А. С. Афанасьев-Чужбинский писал, что в среде бессарабских староверов был зафиксирован следующий случай, когда один из респондентов того времени поведал этнографу о том, как, будучи мальчишкой, он ночевал в доме у староверов. Хозяйка положила его в большой хате для гостей, где оказалось огромное количество тараканов. Мальчик сильно испугался, что заметила хозяйка, вошедшая в комнату. Она рассмеялась и, стукнув по горшочку каким-то прутиком, загнала всех тараканов в него, подчеркнув, что глупо бояться тараканов, которые приносят достаток в дом (Афанасьев-Чужбинский, 1863. С. 49-52).

В настоящее время можно выделить довольно много анекдотов, которые могут быть интерпретированы как «свои» среди носителей различных этничностей, равно как и среди представителей городской культуры в целом.

– Кушайте, кушайте гости дорогие! На базаре все так дорого!...

Или: гость обеспокоено говорит хозяйке:

– Ваш пес как-то недобро смотрит на меня.

– Не обращайтесь внимания, он всегда так смотрит на того, кто ест из его миски.

(<http://smeshok.com/main/humor/anekdots/guests/index-00001.shtml>)

Относительно последнего примера уместны специальные комментарии. Любопытно, что этнологи не раз обращали внимание на особую посуду не для всех. Например, у старообрядцев была особая нечистая посуда для пришлых, случайных людей не их веры. Российские исследователи, в частности, даже зафиксировали у русских староверов такое понятие как «поганая посуда» (Русские, С.716-717). Современный российский исследователь и публицист Владимир Санников в произведении «Картинки моего детства», в частности, отмечал: «...для еды давали маме особую миску. В деревне ведь в это время (да даже и после войны) семья

ела из одной общей большой миски, стоящей посреди стола. Отдельно староверы кормили-поили только «иноверцев», включая сюда и христиан-мировских. Для этого (напоминаю) и особая, «поганая посуда» (курсив мой – В. С.) была. Вот из нее-то мама и ела. Но разве можно было не полюбить маму – за удивительную ловкость в работе, за легкий и веселый нрав? И однажды во время еды не выдержал дедушка: «Чо вы ей, как собаке, в какэ-ту черепишку наливаете?» И – человек дела – швырнул «черепишку» вместе с содержимым под порог. «Ешь, мила дочь», – сказал он маме, указывая ложкой на общую миску. Эта выброшенная «черепишка» была для мамы чем-то вроде меча при посвящении в рыцари – новая семья приняла ее» (www.moskvam.ru/2001/05/sannik.htm).

Естественно, нечистой посудой, из которой считалось абсурдным, а значит смешным, есть, считалась посуда для домашних животных.

Еще несколько примеров:

Что приходит во время еды?

- Незванные гости!

(<http://www.sunhome.ru/anecdotes/2905>)

В гости пришла бабушка. Внучек спрашивает ее:

- Бабушка, а где черти?

- Какие черти?

- Моя мама, когда выглянула в окно и увидела, что ты идешь, сказала: «Вон бабушку черти несут».

(http://ria-vera.ru/anekdots/869600_30-07-2008.html)

Гость: - Ты любишь читать стихи, мой юный друг?

Малыш: - Терпеть не могу, но мама каждый раз заставляет меня это делать, когда хочет, чтобы гости поскорее разбежались.

<http://www.prikolist.biz/humor/anecdote/471.ht>

Тема гостя в анекдоте, равно как и любая другая тема, как одна из характеристик жанра – это состязательность. Главный герой этнического анекдота выступает либо в качестве победителя, либо в качестве побежденного в той или иной житейской ситуации.

Например, встретились на дороге молдаван и грузин. И захотел каждый угостить встречного своим вином. Налил грузин

полный рог и долго-долго говорил свой тост. У грузин и ряда других народов Кавказа считается – чем старше человек, тем дольше он говорит. В нашем случае герою было немало лет, потому он считал необходимым говорить долго. Молдаван же под конец рассказа весьма умаялся – хотелось выпить, на улице жарко. Только выпили, грузин произносит новый тост. И вновь говорит долго. Молдаван опять мучается. Выпив в очередной раз, он перехватывает инициативу и произносит короткий тост: –*Nai sã bem!* (Хай сã бем – Давай выпьем!). И буквально сразу, без всякой паузы, вновь следует предложение «*Nai sã bem!*». Затем все повторилось вновь и вновь. И где-то на восьмом-девятом стакане грузин уже не выдерживает и говорит: «Слушай, кацо, я не знаю, кто этот Бем, может, он очень хороший человек, но пить за него я больше не могу!..»

Этнический анекдот, отражая тему гостя, наделяет героев определенными чертами, подчеркивающими те или иные особенности характера. Причем немалое значение играет то, кто является повествователем анекдота. С этой точки зрения анекдот может отражать авто- и гетеростереотипы. Приведем несколько примеров.

Украинское село. Сосед прибегает к соседу:

- Микола, позич дробину! (Одолжи лестницу).

- Зачекай, чарку кинеш? (Подожди, рюмку хлопнешь?)

- Кину! (Хлопну!)

Тут сосед снова просит:

- Микола позич дробину!

- Зачекай, ще чарку кинеш? (Подожди, еще рюмку хлопнешь?)

- Кину! (Хлопну!)

То же самое повторилось в третий раз.

Наконец хозяин спрашивает:

- Та нащо тобі дробина!? (А для чего тебе лестница!?)

- Та у мене хата горить! (Да, у меня дом горит!)

В данных анекдотах прослеживается сложная нить этнических и психологических характеристик героев.

С одной стороны, рисуется лежащая на поверхности жадность одного из героев, который пренебрег собственным домом ради рюмки водки. С другой – выполнение, даже при экстренной ситуации, норм этикета – нельзя обидеть хозяина и отказать...

Данный анекдот, как и многие другие, служит примером гиперболизации явления (у него хата горит, а он пьет), хотя автору приходилось наблюдать во время экспедиционного выезда в п. Сергеевка Одесской обл. Украины, как погорельцы после пожара первым делом принесли откуда-то банку вина и горевали, сидя на ступеньках пострадавшего дома.

Или еще один яркий пример:

Кум пришел в гости к другому. Тот его начал угощать. Гостю наливают полстакана, а себе переливает через край и приговаривает:

- «Ой, ё!». Во время следующего наполнения посуды все повторяется. Наконец, гость не выдерживает и говорит:

- Куме, зроби мені хочаб один раз цій «Ой ё!» (Кум, сделай мне хотя бы один раз этот «Ой ё!»).

По справедливому выводу Елены и Алексея Шмелевых, этноязыковая принадлежность персонажа подчеркивается при помощи специальных вкраплений, например, украинцы в анекдотах говорят по-украински – в той мере, в какой рассказчик в состоянии имитировать украинскую речь (Шмелев Е.Я., Шмелев А.Д., 2002, С.62).

Территория современной Молдовы раньше входила в земли черты оседлости, поэтому, так называемый, «еврейский анекдот», широко популярен по ряду причин (прежде всего, как транслирующий культурные ценности еврейского народа) (Степанов, 2007. С. 446), [Степанов, 2003. С. 76-96]. Ограниченный объем вынуждает перейти к следующим примерам:

Старый еврей признается:

- Я мучился всю жизнь!

- Почему? - спрашивают у него.

- В гостях я всегда пил чай с тремя ложками сахара, дома – с одной, а люблю я – с двумя!

В этом старом анекдоте подчеркивается и жадность, и расчет, и умение приспособиться, оказавшись в чужой среде.

Смекалку и хитрость демонстрирует другой пример:

- Роза Моисеевна, Вы не против поужинать вместе?

- С удовольствием, Наум Лазаревич!

- Тогда у Вас, ровно в восемь.

(<http://www.hellass.com/visitors/>)

Причем, факт того, что оба героя анекдота выступают в качестве носителей одной национальности (видно из характерных имен и отчеств), у слушателя/читателя притушает чувство неприятия или этнической обиды (опять же, все зависит от контекста, настроения и восприятия юмора). А вот гендерная сторона в данном анекдоте выступает на первое место. В данном случае продемонстрирован так называемый «мужской анекдот», в котором герой-победитель – мужчина.

Характеризуя тему гостя в полиэтническом пространстве Республики Молдова, нельзя не продемонстрировать хотя бы несколько примеров из смеховой культуры гагаузов, о которых широкая общественность бывшего Союза узнала из слов первого и последнего Президента СССР М.С. Горбачева, речь которого характеризуется некоторыми отличиями от норм современного русского языка (вспомним его: «вот, где собака порылась», «углубим», «мышление» и т. п.). Именно этот политический персонаж в 1989 году на всю страну в программе «Время» в свойственной ему специфической манере отметил факт того, что среди «гагаузов» начались процессы, ориентированные на самоопределение*.

Гагаузский народ, обладая богатой культурой, зафиксировал в своей памяти и многочисленные анекдоты о гостях и традициях гостеприимства.

В гагаузской среде распространены анекдоты, рождаемые самой жизнью. Условно их можно назвать анекдотами о Насреддине – герое, который отличается своей находчивостью. Причем в

* Для справки. Гагаузы, народ, проживающий компактно в Республике Молдова, а также в Украине, Казахстане, Узбекистане, на Северном Кавказе, а также в Болгарии, Румынии, Греции и Турции. Численность в Республике Молдова по переписи 2004 г. – 147 500 чел. Гагаузы относятся к средиземноморской расе большой европеоидной расы, встречаются и ярко выраженные монголоидные признаки. Религиозное исповедание – православные. Гагаузский язык относится к юго-западной подгруппе тюркской группы алтайской языковой семьи. В языке прослеживаются три диалекта. Гагаузская письменность создана в 1957 г. на основе кириллического письма. В 1996 г. на территории Республики Молдова окончательно переведена на латиницу, модернизированную по турецкому образцу. В Гагаузии также распространены русский, молдавский и гагаузский языки. В 1994 г. Парламент Молдовы принял Закон об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз-Ери), наделивший регион с компактным проживанием гагаузов правами автономии.

ряде сел рассказывают анекдоты, под этим нарицательным именем представляя конкретного сельского юмориста и остряка.

Вот, в частности, один из зафиксированных анекдотов по обсуждаемой проблеме:

Пришел Насреддин в гости к соседу, который стал угощать его голубцами^{**}. Насреддин рад стараться, берет сразу по две штуки. Хозяин смотрел-смотрел, потом не выдержал и говорит:

- Слушай, бери нечетное количество! (подразумевая – бери по одному)

На что Насреддин отвечает: - Спасибо, но по три в рот не помещается!

У тюркоязычных гагаузов широко распространен культ гостя. Как и в других традиционных культурах, гость наделяется сакральными чертами. Одновременно тема гостя представляет собой широкое поле для юмора и сатиры.

Еще один показательный пример:

Венчальный родитель – (гаг. саадыч), пришел в гости проведать молодую семью. Жил он далеко, на другом конце села (необходимо отметить, что села на юге Молдовы по количеству населения скорее напоминают европейские городки – так, например, в населенном пункте Congaz (Конгаз) проживает 12 327 чел, в Baurci (Баурчи) – 8783 чел., в Chirsovo (Кирсово) – 6861 чел. (http://www.statistica.md/public/files/Recensamint/Recensamintul_populatiei/vol_1/2_Populatia_pe_sexe_localit_ro.xls). Его накормили, напоили и, в связи с тем, что в доме было мало места, уложили спать на супружеской кровати посредине, между мужем и женой. Ночью подвыпивший гость стал проявлять недвусмысленный интерес к спавшей рядом молодой женщине. Проснувшийся муж, возмущенный поведением гостя, стал гонять его по дому, а затем, схватив за детородный орган, оттащил до самого дома венчального родителя.

^{**} Здесь необходимо пояснение. Голубцы (по гагаузки – сарма, у молдаван – sarmale) широко распространенное блюдо в Молдове и не только в различной интерпретации представляющие, как правило рис с мясом, завернутый в лист капусты или винограда. Важно подчеркнуть, что у молдаван и гагаузов хорошей хозяйкой считается та, которая умеет делать очень маленькие, буквально с мизинец голубцы, в отличие от, например, традиционно изготавливаемых в Украине голубцов, которые традиционно делаются из целого капустного листа.

Утром молодая жена сокрушается:

- Мы обидели гостя, что о нас люди скажут!?

На что ее муж говорит:

- Успокойся, ведь я его принял, накормил, напоил, рядом спать положил, обтер и домой проводил...'

Гостевой анекдот в немалой степени затрагивает еще целый ряд сюжетов – тему дома, тему соседа, и тему друга/врага. При чем данные сюжеты могут быть расширены. Все вышесказанное лишний раз подтверждает идею, высказанную в начале статьи, о том, что тема гостя в этническом анекдоте может проследиваться, прежде всего, через этнокультурную пространственную границу (например, место, часто, но не всегда, стол и застолье; общение мира живых с потусторонним миром; территориальное размежевание – магала, кут, район; языковое, расовое, социальное пространство и т.п.).

Этнический анекдот, касающийся темы гостя, способен отражать представления о своем этносе/этнической группе и о представителях проживающих по соседству традиционных культур.

Отражая отдельные стороны соционормативной культуры, анекдот, как постоянно и активно развивающийся жанр фольклора, нуждается в пристальном изучении.

* Автор выражает благодарность студентам Комратского университета (АТО Гагаузия) за ответственный подход в сборе анекдотов.

Литература

Афанасьев-Чужбинский А. С. 1863. Поездка в Южную Россию. Очерки Днестра. Спб., 1863, Ч.II.

Русские, 2005 под ред. В. А. Александрова, В. Власовой, Н.С. Полещук. М., 2005

Санников Владимир. Картинки моего детства// www.moskvam.ru/2001/05/sannik.htm

Седов К. Ф. Основы психолингвистики в анекдотах. М., 1998.

Степанов В. П., 2007. Украинцы республики Молдова. Очерки трансформационного периода (1989 - 2005). Кишинев, 2007.

Степанов В. П., 2003. Стереотипизация сознания и анекдоты на этническую тему// Вестник славянского университета. Кишинев, 2003, Вып. 10.С. 76-96.

Химик В.В. Анекдот как уникальное средство культуры // http://anthropology.ru/ru/texts/khimik/anecdote_02.html

Шмелева Е., Шмелев А. 1996. Этнокультурные стереотипы в речи языковых меньшинств// *Aspecteja. Tampre*, 1996.

Шмелева Е.Я, Шмелев А.Д. 2002. Русский анекдот. Текст и речевой жанр. М., 2002. Языки славянской культуры.

Шмелева Е.Я, Шмелев А.Д. 2003. Толерантность как необходимое условие функционирования речевого жанра анекдота// *Философские и лингво-культурологические проблемы толерантности*. Екатеринбург. Издательство уральского университета.

Шмелева Е., Шмелев А. Клишированные формулы в современном русском анекдоте// <http://www.dialog-21.ru/Archive/2000/Dialogue%202000-1/331.htm>

Шмелева Е., Шмелев А. Мы и они в зеркале анекдота//<http://www.strana-oz.ru/print.php?type=article&id=1409&numid=34>

Э. Королева, П. Попа

ХОРЕОГРАФИЯ

В молдавском народном танце и сегодня ощущается первозданность древнейших круговых плясов и классическое совершенство форм античной хореографии. На схожесть молдавских танцев с античными обратил внимание балетный критик В. Ивинг: «Вы увидите на краснофигурных амфорах людей, которые пляшут друг перед другом. Как молдаване, они прыгают навстречу партнеру, сильно припав на одну ногу, отбросив назад другую, широко размахнув руки и согнув вперед корпус, либо же обходят в пляске друг вокруг друга, высоко вскидывая колени. А тяжелые прыжки на месте с поджатыми ногами, сопровождаемые возгласами «у-ха!» – разве не воскрешают воспоминания о спартанской диподии, о которой говорит Аристофан в своей «Лисистрате»... «По своему характеру они (молдавские танцы – Э.К.) принадлежат к разряду прыжковых. Прыжки с одной ноги на другую, подскоки с двух ног обильно вплетаются в танец. Руки то широко разводятся в сторону, то разом подаются вперед. Весь танец легкий, скачущий, как тот, что описал некогда Аристофан, говоря о священных плясках лаконских девушек» (Ивинг, 1940).

Наглядный пример схожести молдавских танцев с античными – молдавская хора, название которой произошло от греческого *хорос*. Старинное понятие молдавской хоры имело много общего с греческим *хорос*. Оно также означало не только определенный вид танца кругового характера, но и все действие. Как правило, этот танец сопровождался пением, что было особенно характерно для женских хор. Однако сама форма замкнутого круга еще более древняя. Как свидетельствуют археологические и этнографические данные, круговые танцы, которым придавался особый символический смысл, исполнялись на территории Молдавии, как и всей Евразии, еще в эпоху неолита.

Хора, близкая к сегодняшней, сложилась в период формирования молдавской народности. Первое описание молдавской хоры

дает Д.Кантемир: «У молдаван характер танцев совсем иной, чем у других народов, ибо танцуют они не по двое или четверо, как у французов и поляков, но в танцах принимают участие сразу много лиц, образуя круг или длинный ряд... Когда все, взявшись за руки, пляшут в кругу, двигаясь мерным и стройным шагом справа налево, то такой танец называется хора.» (Кантемир, 1956 а).

В мелодии хоры нет определенного конца, ее продолжительность зависит от изобретательности и выносливости танцующих. Существует множество самых различных вариантов этого танца. Хора может называться по месту ее создания – «Хора де ла Бэлц» («Хора из Бельц»), по имени лица или события, в честь которого она исполняется – «Хора миресей» («Хора невесты»), «Хора Еленуцей» («Хора Еленуцы»), «Хора нунций» («Свадебная хора») и т.д. Иногда слово хора опускается и танец называется просто «Оица» («Овечка»), «Нунтяска» («Свадебная»), «Флоричика» («Цветочек»), «Кошеру» («Хлев») и т. д.

Литературные источники содержат описания наиболее популярных народных танцев типа хоры. «Известен танец хора, – писал К.Негруци, – в котором поется про Еленуцу – красавицу.» (Негруци, 1956 а).

Другая хора, сопровождавшаяся пением, – «Мититика» – существовала долгое время, и в первые десятилетия XIX века оставалась любимым народным танцем, песней, инструментальным произведением. В повести «Зоя» К.Негруци напоминает о музыкантах, наигрывавших на скрипке «Мититику» (Негруци, 1956б).

В воспоминаниях об А.С.Пушкине, отбывавшем ссылку в Молдавии, В.Горчаков писал, что поэта «занимала и «Мититика» – пляска с пением» (Московские ведомости, 1858).

Другой современник Пушкина Ф.Вигель отмечал, что «Мититика» – это круговой танец, одинаково популярный во всех слоях общества (Вигель 1865). В начале XIX века «Мититику» танцевали в Кишиневе на балах. Пушкин участвовал в этом танце на балу у боярина Варфоломея.

Однако с изменением экономических и социальных условий, а вместе с ними и ритма жизни танец в сопровождении пения постепенно исчезает и к началу XX века уже почти не встречается. Иным становится и понятие «хора». Теперь во многих районах

Молдавии под «хорой» подразумевается лишь особый вид танца кругового характера умеренного темпа, в котором танцующие держатся за руки.

Уже в первой половине XIX века понятию «хора», в самом общем его смысле, приходит на смену понятие «жок». В разговорной речи вместо бытовавшего ранее «Хай ла хорэ» («Идем на хору») все чаще употребляется «Хай ла жок».

Слово «жок» произошло от латинского *jocus* (игра, забава). В молдавском языке, сохранив то же значение, оно вместе с тем обозначает и танец, пляску. При этом оно часто уточняется вторым словом, например, «Жок бэтрынеск» («Старинный танец»), «Жок глумеск» («Шуточный танец»). В широком значении «жок» – целое танцевальное явление, народное гуляние, которое по традиции устраивалось в каждом селе на определенном месте – на площади, в поле, у мельницы, около клуба (раньше жоки устраивались около корчмы) и т.д.

Всех, когда-либо посещавших Молдавию, поражало на жок-ках дивное сочетание музыки, поэзии и танца. С танцами были связаны юмористские и сатирические импровизированные стихи (стригэтурь). Вначале это были рифмованные строчки, в которых подавалась команда начать следующую фигуру танца. Позднее они развились в своеобразную устную народную поэзию. В них высмеивались и бичевались жадные попы, дьячки, богачи, лодыри и пьяницы, подбадривались танцующие, с мягким юмором рассказывалось о влюбленных.

Жоки организовывала группа юношей, которые собирали деньги и нанимали музыкантов. В праздничные дни жок обычно начинался с утра и длился до позднего вечера. Как писали многие путешественники в разное время посещавшие Молдавию, жок – это своеобразный сельский бал.

Молдавские фольклорные танцы можно разделить на обрядовые и бытовые. В старину исполнение обрядовых танцев было связано с

Ансамбль народного танца «Жок».
«Хора фетелор»

религиозными праздниками, а также приурочивалось к определенным датам сельскохозяйственного календаря, встрече Нового года. Многие из них сегодня забыты. А сохранившиеся исполняются как бытовые или сценические. К таким танцам относятся, например, «Кэлущари», «Капра» («Коза»), «Кэлущул» («Лошадка»), свадебные танцы «Остропэцул», «Зестря» («Приданое»), «Хора маре» («Большая хора»), или «Жок маре» («Большой жок»), «Сырба нунций» («Свадебная сырба»).

Особое магическое значение придавалось в XVIII – начале XIX веков танцам «Кэлущари», исполнявшимся в течение десяти дней между пасхой и троицей. Дмитрий Кантемир дает их подробное описание (Кантемир, 1973б).

Все исследователи и путешественники, когда-либо видевшие танцы «Кэлущари», обязательно отмечали в них некую таинственность, которая выражалась либо в том, что танцующие говорили женскими голосами и закрывали лица белыми платками, как описано у Кантемира, либо в большинстве случаев в том, что среди них был один «немой», не имевший права подавать голос на протяжении всего танца.

Танцы до момента их исполнения держались в строгом секрете. Кэлущарам приписывали обладание особой силой, которая якобы помогала им в танцах и даже в лечении самых тяжелых болезней.

Другим обязательным моментом являлись битвы, сражения кэлущаров. Иногда это была борьба между двумя группами, в других случаях имитировалось сражение за воображаемую крепость. Чаще всего кэлущари танцевали с длинными палками, иногда украшенными разноцветными ленточками и платочками. В большинстве случаев обязательным элементом их одежды были перекрещенные через плечо ремни, покрытые металлическими бляшками и бубенцами. Сбоку висела сабля, свою одежду и головной убор они украшали цветами и перьями павлина.

Ансамбль народного танца «Жок».
«Весёлый Пэкалэ»

Во главе кэлущаров обязательно стоял старица, или этаф. Обычно это был самый лучший танцовщик, показывающий свое мастерство в самых сложных движениях.

Специальной технической подготовки требовали и новогодние танцы «Капра» («Коза»), и «Кэлущул» («Лошадка»), в которых жили традиции старинной молдавской профессиональной хореографии, достигшей высокого уровня развития в искусстве мэскэричей (скоморохов).

В середине XIX века в селах Молдавии были известны также танцы «Пентру кынепа» («Для конопли»), в которых для того, чтобы конопля росла высоко, юноши вытягивали вверх руки девушек. Исполнялись также танцы «Пентру вин» («Для вина»), в которых танцоры высоко прыгали. «Пентру ой» («Для овец»), «Пентру пэпушой» («Для кукурузы») и другие. (Бессараб 1846).

Уже к началу XX века число обрядовых танцев значительно сокращается. Но их лексический фонд и образный строй не исчезают. В различных вариантах и видоизмененных формах они входят в танцы бытовые, обновляя их новыми сюжетами и движениями.

Бытовые танцы – своеобразное явление народной хореографической культуры Молдавии. Как правило, они исполняются на хорах и жоках. Бытовые танцы условно можно разделить на бессюжетные и сюжетные. В бессюжетных танцах – к ним, в частности, относятся такие популярные, как «Хора», «Сырба», «Молдовеняска», «Бэтута», «Брыул» «Булгэряска» «Ынверти-та» и другие – нет фабулы, но в них с наибольшей силой выражена эмоциональная энергия молдавского народа.

Сюжетные танцы подразделяются на тематические группы: трудовые: «Поама» («Виноград»), «Сфредэлущул» («Буравчик»), «Тэбэкэряска» («Танец дубильщиков кож»), «Сысыякул» («Сарай для кукурузы»), «Коаса» («Коса»), «Жокул ферарилор»

Ансамбль народного танца «Жок».
Танец «Молдовеняска»

(«Танец кузнецов»); героические: «Хайдучаска» («Танец гайдучков»), «Войничаска» («Танец богатырей»), «Арнэутол» («Танец арнаутов»); посвященные женщине: «Параскица», «Цэрэнкуца» («Крестьяночка»), «Иленуца», «Мититика» («Маленькая»); явлениям природы: «Вынтул» («Ветер»), «Фулжерул» («Молния»); цветам и растениям: «Гиочелул» («Подснежник»), «Трандафирул» («Роза»), «Лилиякул» («Сирень»); животным и птицам: «Оицэ» («Овечка»), «Раца» («Утка»), сатирические: «Кирияк», «Шолтику» («Проказник»).

Сравнительная устойчивость рисунков молдавских танцев позволяет разделить их на четыре основные группы: типа хоры – танцы круговые, в которых танцующие держат друг друга за кисти рук или плечи; типа брыул – основным рисунком является линия, полукруг, танцующие держат друг друга за пояса или плечи; типа ынвыртиты – исполняются парами или небольшими группами (юноша и две девушки или наоборот); танцы смешанного типа, которым свойственны рисунки трех предыдущих групп.

Для танцевального и музыкального искусства фольклор был и остается живительным источником, эликсиром неувядаемой молодости. Обращение к фольклору всегда помогало музыкантам и мастерам танца создавать произведения, отмеченные красотой формы, наполненные дыханием жизни.

В трудные послевоенные годы популярность жизнеутверждающей молдавской народной музыки и танца росла с каждым днем. С новой силой заявили о себе славные традиции лэутарского исполнительства. Повсеместно возникали тарафы и самодеятельные танцевальные коллективы.

В 1945 году, вскоре после окончания Великой Отечественной войны, был создан первый профессиональный танцевальный ансамбль народного танца МССР. Его первыми руководителями были Л.Зальцман и Л.Леонарди. Концертные программы ансамбля составляли подлинные фоль-

Ансамбль народного танца «Жок».
Обрядовый танец «Верджеле»

клорные танцы: Хора, «Поама» «Бэтута», «Чобэнаш», «Коаса», «Раца» и другие, перенесенные на театральные подмостки. Танцы исполнялись в сопровождении оркестра народных музыкантов, игравших исключительно по слуху. И хотя уровень сценической, танцевальной, музыкальной культуры был еще недостаточно высоким, многие постановки примитивны, артистам не хватало профессионализма, выступления ансамбля пользовались большим успехом у зрителей. Имена их ведущих солистов Н.Пшеничной, П.Сандула, Д.Николаева были широко известны не только в республике, но и за ее пределами.

Резко изменилась творческая судьба ансамбля в конце 1948 года, когда его возглавил талантливый балетмейстер Н.Болотов, а руководителем оркестра стал известный композитор, профессиональный музыкант Ш.Аранов. Из балетных театров и ансамблей народного танца РСФСР и СССР были приглашены талантливые молодые танцовщики. Воспитанники русской хореографической школы, они принесли с собой культуру танца, знания и опыт, столь необходимые молдавскому ансамблю в период его становления. Во время многочисленных поездок по селам Н.Болотов скрупулезно изучал фольклорные танцы, а затем на их основе впервые в республике создал великолепные сценические образцы народного танца, отмеченные обобщенной хореографической образностью.

Изучение молдавского фольклора в разных регионах республики Н.Болотов совмещал с поисками народных талантов. Вскоре на сцене засверкали такие яркие и неповторимые дарования, как С.Мокану, И.Фурникэ, Г.Форцу, И.Сажин. Воспитанником Н.Болотова был и великолепный исполнитель цыганских и молдавских танцев П.Андрейченко. Н.Болотов помог сформироваться артистическим индивидуальностям А.Галустян, Н.Городецкой, раскрыл новые черты дарования в Н.Пшеничной и П.Сандуле. Одной из лучших постановок Н.Болотова стала «Тэбэкэрыска» («Танец дубильщиков кож»), созданная на основе фольклорного материала села Джурджулешты Вулканештского района. Красота этого танца была в его удивительной простоте, естественном следовании законам молдавского хореографического фольклора в его сценической интерпретации. В золотой репертуарный фонд вошла и поставленная Н.Болотовым «Молдовеняска», которая на протяжении всех последующих десятилетий

с некоторыми внесенными изменениями остается коронным номером концертной программы. В дуэтах «Ла вие» («На винограднике»), и «Марица», отличавшихся мягким юмором, актерской выразительностью исполнителей, в ансамбле появились новые высокохудожественные образцы хореографических миниатюр.

Помимо молдавских танцев Н.Болотов поставил несколько великолепных русских и украинских танцев: шуточный дуэт «Шла девица за водой», комический «Шахтерский переплес».

Большим событием в жизни ансамбля была Декада молдавского искусства и литературы в Москве в 1949 году. Исполненные на Декаде танцы «Тэбэкэряска», «Букурия» и «Молдовеняска» Н.Болотова, «Жок» и «Коаса» И.Моисеева, «Чобэнаш» и «Катануца» Л.Леонарди показали, что Ансамбль народного танца МССР находится на высоком профессиональном уровне и обладает высокой хореографической культурой.

Осень 1953 года принесла новый триумф Ансамблю народного танца МССР. За исполнение «Тэбэкэряски» и «Жока» на конкурсе IV Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Бухаресте коллектив был награжден золотой медалью. Художественному руководителю Ансамбля Н.Болотову было присуждено почетное звание заслуженного деятеля искусств МССР, солистам А.Галустян, Г.Самусенко, Г.Форцу, И.Фурникэ – звания заслуженных артистов республики.

С конца 1954 года до середины 1955 года Ансамблем народного танца МССР руководил талантливый балетмейстер Т.Израилев, обогативший его репертуар танцами народов СССР. В концертной программе ансамбля появились дагестанская лезгинка «Три друга», туркменский танец «Наездники», «Русская пляска». Сменивший Т.Израилева И.Слущкер особое внимание придавал постановкам больших танцевальных сьюит. Среди них выделялись «Сестры» и «Бессарабская веснянка», посвященные дружбе народов СССР и молдавско-украинским связям.

Формированию эстетической направленности, профессиональному росту ансамбля способствовал контакт с первооткрывателями новых форм народного сценического танца и средств пластической выразительности в воплощении современной тематики – И.Моисеевым, Л.Якобсоном, В.Варковицким. Работы этих мастеров навсегда останутся эталоном театрализации

молдавского фольклорного танца, великолепными образцами хореографических миниатюр, сюжетных композиций, созданных на темы народного творчества. «Жок» и «Веселый Пэкалэ» И.Моисеева, «Сватанье», «Кумушки», «Капризная девчонка», «Бадя Маковой» Л.Якобсона, «По дороге в Кишинев» и «Котовцы» В.Варковицкого в течение многих лет не только украшали репертуар ансамбля, но и определяли его творческое лицо.

Многие годы репертуар ансамбля украшали «Украинская сюита» В.Вронского, хореографическая картинка «Зимушка» В.Варковицкого, «Гуцульский танец» И.Моисеева «Русская сюита» П.Петербургского, «Русская сюита» А.Шостака, «Русская сюита» А.Климова, две русские сюиты В.Михайлова. Успешно исполняли артисты ансамбля польские, албанские, китайские, монгольские, чешские танцы. Ведущими солистами 40–х – 70–х годов прошлого столетия были нар. артисты МССР Н.Пшеничная С.Мокану, И.Фурникэ, П.Андрейченко; засл. артисты МССР: А.Галустян, Н.Городецкая, Т.Самусенко, П.Сандул, И.Сажин, Г.Форцу.

В 1958 году Ансамбль народного танца МССР получил название «Жок». В том же году его руководителем стал В.Курбет. Сын сельского музыканта, он с детства вместе с отцом играл в тарафе на народных празднествах и гуляньях. Прекрасное знание музыкального и танцевального фольклора позволило ему создать ряд оригинальных народно-сценических танцев, возродить в ансамбле традиции постановок первозданных хореографических образцов. Танец «Жокул ферарилор» («Танец кузнецов») покориł городских зрителей ставшей уже экзотической красотой крестьянского танца. Одновременно В.Курбет поставил мужской танец «Бэтуца», а затем вскоре женский танец «Хора фетелор» («Хора девушек»). Несколько позднее новым вариантом женского лирического танца стали «Крэицелеле» («Красавицы»).

С конца 1950–х до конца 1960–х годов значительное место в репертуаре ансамбля занимали постановки румынских балетмейстеров: А.Сэуцану – «Танец Оашского края», Г.Бачу – «Брыул», «Сюита танцев Мунтении», «Барбункул», венгерских хореографов Ш.Нэппа и Д.Летай, поставивших венгерские танцевальные сюиты В начале XXI века репертуар ансамбля «Жок» обогатился

новой постановкой румынского хореографа Г.Ватаманюка «Буковинская сюита».

Сохранявшиеся многие годы традиции исполнения танцев разных народов не только вносили разнообразие в концертные программы, но и помогали артистам осваивать различные танцевальные стили хореографического искусства. Опосредствованно они способствовали обогащению и молдавского сценического танца. Самыми яркими примерами могут служить «Кэлущари», «Мэрунцика», «Карпаты», «Ликуй, Молдова» поставленные В.Курбетом под влиянием румынских танцев. Не ушел в прошлое и опыт постановок больших хореографических сюит. Совместно с балетмейстером Б.Марголиным он ставит сюиту «Букурия». Как и одноименная сюита Н.Болотова она посвящалась виноградарям. Но, несмотря на отдельные удачные моменты, к которым относилась поставленная В.Курбетом «Бэтута», сюита В.Курбета и Б.Марголина оставляла впечатление композиционной рыхлости и быстро сошла со сцены. Более удачными были две редакции сюиты «Гайдучаска», созданные В.Курбетом совместно с А.Плоровым и И.Фурникэ, а позднее с Т.Израиловым, и сюита «Виоара» («Скрипка»), поставленная В.Курбетом совместно с Н.Карповичем на основе фольклорного материала разных районов республики. В соавторстве с Н.Карповичем родилась «Легенда о Мэрцишоре», в которой в яркой современной театрализованной форме ожил старинный обряд «Дрэгайка». В хореографической композиции «Молдавская свадьба», поставленной В.Курбетом совместно с режиссером Молдавского оперного театра Е.Платоном, возник поэтически обобщенный образ молдавской свадьбы, сконцентрировавшей в себе многие элементы народного театра. Артисты ансамбля великолепно читают стихи, в которых приглашают гостей на свадьбу, прославляют жениха и невесту. И конечно танцуют. Лирическая женская хора, раскрывающая душевное состояние невесты, прощающей с родительским домом и вступающей в новую жизнь, сменяется темпераментными, веселыми танцами всех гостей. Пары, линии, отдельные группы танцующих сливаются в огромные круги, стремительные вращения которых несут в себе энергию молодости, вечного обновления жизни.

На долгие годы вошла в репертуар ансамбля «Танцевальная сюита бессарабских цыган», поставленная В.Курбетом совместно с Д.Летаи.

В разного рода бэтутах, в неповторимых по сложности ритмических рисунков танцах с их синкопированными ритмами – «Цэрэняске», («Крестьянском танце») «Рэзэшаске», («Танце рэзэшей») – наиболее ярко раскрылась творческая индивидуальность В.Курбета. Солистами ансамбля в 60 – 90 годы были яркие танцовщики: нар. артистки МССР Т.Усач и Н.Хэбэшэску, засл. артисты МССР Г.Арабаджи, И.Великая, В.Великий, Н.Галушка, Ю.Горшков, П.Иову, Л.Опря, Б.Рознерица, И.Руссу. Е.Тараш, С.Трибой, Б.Филипчук.

В соответствии с общим направлением хореографии видоизменялась и музыкальная культура оркестра. Преемником Ш.Аранова в 1957 году стал А.Каменецкий, отличавшийся великолепными знаниями молдавской фольклорной музыки. Его творчество в значительной мере определило удачу первых постановок В.Курбета. В 1962 году А.Каменецкого сменил композитор В.Ротару. Он расширил и обновил состав оркестра, вернул в него отсутствовавший в последние годы най, ввел в состав солирующих инструментов кавал и окарину, красочно воспроизводящую пение птиц. Все это позволило придать исполнению музыки танцев и оркестровых пьес особое колористическое звучание.

В начале 1970-х годов дирижером оркестра стал сын потомственного лэутара, великолепный аранжировщик народной музыки В.Гоя, который большое значение придавал тонкостям нюансировки, красочности звуковой палитры. Затем оркестр в разные годы возглавляли талантливые музыканты В.Негруца, Г.Мустя, В.Копачинский, Н.Присэкару. С 1980-х годов оркестром руководит засл. арт. МССР Г.Шевчишин. Ведущие танцовщики Ансамбля – засл. артисты Молдовы В.Лупашку, Л.Григоруца. А.Гырля. Ансамбль «Жок» с 1958 года возглавлял В.Курбет, удостоенный звания нар. арт. МССР в 1981 году.

В 1949 году на базе самодеятельного оркестра народных инструментов Республиканского Дома народного творчества, музыканты которого по старинной лэутарской традиции играли на многих инструментах в основном по слуху, формируется оркестр народной музыки Молдавской филармонии. Первым его

руководителем был В.Барончук, затем его сменил Г.Тырцэу. Значительных высот исполнительского мастерства достиг коллектив с приходом в 1956 году композитора Д.Федова, который повысил профессионализм музыкантов, добился ансамблевости звучания.

В 1957 году оркестр получил название «Флуераш». Его состав пополнился профессиональными музыкантами – выпускниками Кишиневской консерватории, среди которых особо выделялся скрипач–виртуоз С.Лункевич. Через год он стал руководителем оркестра, а в 1976 году был удостоен звания народного артиста СССР.

И хотя основу концертных программ оркестра составляла инструментальная и вокальная музыка, с первых же лет их заметно разнообразили выступления танцевальной группы, в которую вошли солисты Ансамбля народного танца МССР Н.Мержевицкий, А.Кукол, И.Сажин, солисты балета Молдавского музыкально–драматического театра им. А.С.Пушкина. В камерном варианте танцевальная группа исполняла «Тэбэкэряску», «Шестеру» из программы Ансамбля народного танца МССР, а также свой вариант «Молдовеняски», молдавский народный танец «Шаер», хореографическую картинку «Молодежная встреча». С конца 1950–х годов во «Флуераше» танцевала всего одна пара – Э.Латкова и И.Сажин, которые прекрасно исполняли «Хангу с прибаутками», «Свадебный подарок», «Сырбу» и другие дуэты, основанные на молдавском народном танце. В 1961 году с появлением во «Флуераше» Н.Городецкой и Г.Беспалова танцевальная программа оркестра обогатилась новыми номерами: «Чобэнаш», «Украинский танец». Через год из ансамбля «Жок» во «Флуераш» перешел П.Андрейченко. Он сформировал и возглавил небольшую хореографическую группу оркестра. В отличие от «Жока», насчитывавшего более семидесяти танцовщиков, в ней было двадцать артистов. Но их живые, непосредственные, яркие выступления органично дополняли программы прославленного оркестра. В числе первых постановок П.Андрейченко была «Кодреняска», отличавшаяся разнообразием ритмов и движений, сразу же полюбившаяся исполнителям и зрителям и вскоре вошедшая в репертуар многих других коллективов. Успехом пользовались и хореографические картинки П.Андрейченко:

«Что за парень Аурел?» «Танец огня», «Опять весна», «Поджигатель», «Иван Турбинка».

Со сменой балетмейстеров обновлялась программа танцевальной группы «Флуераш». В оригинальных обработках предстали фольклорные танцы «Жокул цопэит» («Танец с подпрыгиваниями») в постановке И.Базатина, «Дансул кошерилор ши хангул» («Танец, имитирующий построение амбара для хранения кукурузы, и хангул») И.Негарэ. Следующий руководитель танцевальной группы Б.Филипчук осуществил постановки сюжетной картинки «Круг богатырей», прославлявших мужество молдавских воинов, «Венгерского танца», «Русского танца», созданного на фольклорном материале Ярославской области, хореографической композиции «Весенние мотивы», в которой, хотя и не было конкретного сюжета, но через весь танец проходила тема весеннего обновления природы.

С приходом во «Флуераш» В.Танмошана в хореографическую программу вошли уже ставшие знаменитыми «Игры чабанов» – шуточный сюжетный танец, построенный на различных проделках и розыгрышах пастухов друг над другом, демонстрации ловкости, находчивости, танцевального мастерства. В «Хоре де ла суд» («Хоре с юга») В.Танмошан на основе нескольких простых движений фольклорного танца создал интересную хореографическую композицию. Обогастил новыми танцами репертуар танцевальной группы балетмейстер К.Шеремет. Его «Хора сатулуй» («Сельская хора»), «Полка» и поставленный в период его руководства хореографической группой «Болгарский танец» не покидают подмостков сцены. С 2000 года танцевальную группу возглавляет Н.Лукиян. Он бережно сохраняет лучшие концертные номера своих предшественников. Помимо танцев К.Шеремета исполняются «Кодреняска» и «Цыганский танец» П.Андрейченко, «Венгерский танец» и «Круг богатырей» Б.Филипчука, Сюжетная сюита – «Норок» («Счастье»), построенная на характерных молдавских танцах «Полке», «Сырбе», «Бэтуте», игровой танец «Тобошару» («Барабан») и «Цыганский танец» В.Танмошана. Приглашенный балетмейстер А.Магдыл поставил загадочную «Чуляндру». Румынский хореограф Г.Бучу внес в танцевальную палитру хореографической группы особые краски танцевальных стилей Оашского края

в «Оашском танце» и Трансильвании в «Танце Кодр». Хореографическая группа «Флуераша», состоящая из восемнадцати человек, успешно выступает не только со своим оркестром под управлением С.Чухрия, но и с оркестром «Лэутары» под управлением Н.Ботгроса и оркестра «Мугурел» под управлением И.Даскэла. Большая и разнообразная программа позволяет ей давать и самостоятельные концерты.

Самодетельный ансамбль «Извораш» («Источник») за последние десять лет вырос в профессиональный ансамбль музыки и танца под руководством А.Арабаджи. Основу его репертуара составляют музыка и танцы южных районов республики. В его репертуаре «Хора села Манта», «Хора села Слободзея Маре», «Гилагауа», «Кэлущари», «Сырба», «Бэтута», «Кэлуцул» («Лошадка»), «Цыганский танец». Оркестром руководит А.Абабий.

В Молдавии сотни ансамблей народного танца. В каждом городе и селе есть свои знаменитые танцоры. Но есть коллективы, которые на протяжении многих лет пользуются широкой популярностью не только в республике, но и за ее пределами. В их числе кишиневские ансамбли – «Веселия», «Мэрцишор», «Молдовеняска».

Ансамбль музыки и танца «Веселия» был создан в 1955 году при клубе треста Монолитстрой под руководством солиста балета Молдавского музыкально-драматического театра им. А.С.Пушкина В.Будеева. В 1973 году его сменил великолепный знаток молдавского фольклора И.Мустьяцэ. С конца 1970 – х годов «Веселию» возглавляет Г.Иванов. Врач по образованию, он отдает танцам все свое свободное от медицинской практики время. Однако редкое дарование позволило ему достичь и в хореографии завидных высот профессионализма, а главное, продолжить в коллективе традицию воспитания в самодеятельных артистах безграничной любви к танцу. В репертуаре Ансамбля бережно сохраняются танцы, поставленные Г.Ивановым тридцать лет тому назад, и появляются новые. Зажигательный темперамент хореографа и танцовщиков захватывает зрителей с первых движений «Хоры сатулуй» («Сельской хоры»), «Буджакской сюиты» с ее разнохарактерными болгарскими, гагаузскими, молдавскими танцами Кагульского, Кантемировского районов и города Рени. В числе танцев других народов – русский

«Перепляс» и украинский «Гопак» в постановке Е.Толкачева, «Цыганский танец» в хореографии Г.Иванова. Нежность, природная скромность, внутренний темперамент молдавской женщины раскрываются в «Хоре фетелор». Актерское мастерство танцоров приобретается, развивается и шлифуется в хореографических миниатюрах «Кумушки» Л.Якобсона, «По дороге в Кишинев» В.Варковицкого, С.Мокану и И.Фурникэ, «Баба мя» («Моя баба») С.Мокану и И.Фурникэ. В постановке хореографической картинки «Случай из медицинской практики», в которой разыгрываются невероятные приключения незадачливых медиков, Г.Иванов проявил себя как хореограф – драматург, наделенный острым чувством юмора. Украшают концертные программы ансамбля и лирико-комедийные хореографические картинки Г.Иванова «Сватовство» и «О любви». Визитной карточкой ансамбля стала музыкально-хореографическая композиция «Веселия», исполняющаяся в сопровождении пения и тарафа. Музыкальные традиции оркестра, заложенные Д.Блажиным, продолжали С.Стоянов, П.Нямцу, В.Дубенко. С 1990-х годов оркестром руководит В.Гриб.

В 1957 году при Доме молодежи был создан ансамбль музыки и танца «Мэрцишор» под руководством Г.Форцу и В.Танмошана. Однако Г.Форцу вскоре покинул коллектив. В.Танмошан возглавлял его многие годы. Ансамбль отличал широкий творческий диапазон. Чисто по-русски исполнялась «Русская пляска», лихо, с чувством стиля – «Украинская сюита», в «Кадынже» передавался подлинно гагаузский характер. Программу ансамбля украшали легкая, словно летевшая над землей «Молдавская полька», четкая, точная по исполнению атлетических движений «Спортивная сюита». Праздничная танцевальная сюита «Мэрцишор» многие годы достойно завершала концертные программы. В то же время об ансамбле «Мэрцишор» можно было говорить как о своеобразном театре танца, в котором средствами пластики, хореографии, пантомимы создавались разнообразные человеческие типы и характеры, воспроизводились почти фантастические ситуации. Искрометным юмором покоряла хореографическая сценка «Пэкалэ и Тындалэ». Остроумные пластические зарисовки «Боксеры», «Отцы и дети», «Куклы», «Недотрога», «Иван Турбинка» пользовались неизменным успехом у зрителей.

Успех хореографических постановок с полным правом разделял оркестр под управлением С.Чухрия. Созданные в этом коллективе новые оригинальные произведения в стиле народной музыки, обработки молдавских народных песен и инструментальных мелодий быстро завоевывали широкую популярность.

С конца 1990-х годов «Мэрцишор» уже не имеет своего оркестра. Он стал ансамблем танца, выступает в сопровождении разных приглашенных оркестров. Ансамбль возглавляет А.Магдыл. Основу репертуара составляют стилизованные молдавские бессюжетные танцы: «Кэлущари», «Хора де ла Прут», «Чуляндра», «Молдавская полька», «Бэтута». «Хангу пе шассе» («Хангу в шесть шагов»).

Созданная в 1974 году под руководством Р.Лысой и Н.Тараканова «Молдовеняска» быстро осваивала большой и разнообразный репертуар. Р.Лысая проявила незаурядный талант организатора и художественного руководителя ансамбля. Она приглашала на постановки известных балетмейстеров, а опытный репетитор Н.Тараканов добивался от танцовщиков безупречного исполнения каждого движения. Знаменитый ленинградский балетмейстер Б.Эйфман осуществил постановку хореографической баллады «Ион Солтыс, или Соль земли», приближавшейся по своей композиции к одноактному балетному спектаклю. В хореографии С.Геворкяна зрители увидели «Крепость», производившую огромное впечатление на зрителей образами мужественных воинов, техническим мастерством, чувством стиля армянского танца. Легко и свободно танцовщики «Молдовеняски» исполняли болгарские и гагаузские танцы. Значительное место в репертуаре ансамбля занимали разнообразные театрализованные молдавские народно-сценические танцы.

С 1986 года «Молдовеняску» возглавляют Р. и Ю.Горшковы. Этот ансамбль можно назвать авторским коллективом хореографа Ю.Горшкова. В его репертуаре народно-сценические танцы, отличающиеся виртуозной техникой, эффектными композициями, яркой сценической формой. Это – «Хора де сэрбэтоаре» («Праздничная хора»), «Аша жоакэ доуэ сате» («Так танцуют два села»), «Кэлущари», молдавский женский танец «Чокырлия» («Жаворонок»), «Полка», «Буджакская сюита», состоящая из болгарских и гагаузских танцев, «Цыганский танец», русский

танец «На просторах России», шуточная хореографическая миниатюра «Ухажеры».

Из числа кишиневских коллективов, возникших в 1990-е годы, выделяется ансамбль танца «Молдовица» под руководством П.Попы. Тонкое знание хореографического молдавского фольклора позволяет ему создавать оригинальные слегка стилизованные постановки разнообразных молдавских танцев, основанных на автохтонном материале: «Мэрунцика» села Киркань Кагульского района, «Сырба села Цареград» Дрокиевского района, хореографическая композиция обрядового действия и танца «Кэлущарий», «Кадыняска» и «Жок маре» юга Молдовы. Интересен женский танец типа бэтуты румынского села Крихалма Трансильвании.

Пятидесятилетний юбилей отпраздновал ансамбль музыки и танца «Вынтулец» города Бельцы. Многие годы им руководил И.Негарэ, затем его сменил И.Унгуряну. С 2000 года его возглавляет И.Чиримпей. Ансамбль успешно танцует «Болгарскую сюиту». «Цыганскую сюиту», «Венгерский танец». Но наибольший интерес в исполнении ансамбля «Вынтулец» вызывают молдавские танцы «Тропоцика», «Кошерул» и «Хангул», «Хора де сэрбэтоаре», «Брыул», «Аркулул» – обрядовый танец проводов в армию. В начале XXI века репертуар пополнился новыми молдавскими танцами: «Кэлущари» и «Корэгяска». Выступления танцоров сопровождал оркестр «Барбу Лэутарул» под руководством С.Русу, автора многих молдавских популярных песен и оркестровых произведений. С начала XXI века оркестр возглавляет Г.Чеботрош.

В 1973 году В.Топор создал в городе Сороки ансамбль музыки и танца «Нистрений». Оркестром руководил М.Арсений, затем на протяжении двадцати лет – В.Пуриче. С первых дней репертуар ансамбля состоял из танцев разных народов. Фольклорные, эффектно стилизованные молдавские танцы «Шкьопэцика» («Танец с прихрамыванием»), «Крэицелэ», «Бэтута» сменялись русской «Метелицей» и «Барыней», украинским танцем «Девичьи узоры», болгарским «Хоро». Особое место в концертных программах занимала большая сюжетная композиция «Хвала рукам, что пахнут хлебом», в которой средствами молдавского народно-сценического танца и пантомимы рассказывалось о том, как сеют хлеб, как он растет и вызревает, как празднуют сбор бо-

гатого урожая. С 2000 года «Нистрений» возглавляет воспитанница В.Топора Н.Горпин. Руководит оркестром В.Думиникэ. В основе репертуара остались танцы, поставленные В.Топором, подвергнутые, однако, некоторой стилизации в соответствии с новыми ритмами времени

В 1947 году в Оргееве был организован танцевальный кружок. С тех пор на его основе создавались новые танцевальные коллективы, менявшие свои названия. В середине 1960-х годов танцевальный кружок получил название «Кодру». Его руководителем сначала был И.Базатин, затем Ф.Чекати. С 1976 года его возглавляет Ф.Солтан. В репертуаре ансамбля сохранились постановки И.Базатина и Ф.Чекати, появились новые оригинальные молдавские народно-сценические танцы: «Хора и сырба», «Фоарфечеле», («Ножницы»), «Шаерул де ла Миток» («Шаер села Миток»), «Бэтута села Слободзея», «Хостропэц», шуточная «Шкьопэцика», веселый, темпераментный «Хангул котеленилор» («Хангу села Котяла»). Интересны сценические варианты обрядовых танцев: «Зестря», «Жок де нунтэ» («Свадебный танец»), «Кэлуцул» («Лошадка»), «Кэрэшэлул», дуэтный танец «Жок де дой». Успехом пользуется в исполнении ансамбля «Кодру» «Болгарская сюита» и «Русский танец».

Постановки оригинальных танцев на подлинном фольклорном материале осуществлялись в ансамбле танца «Флоричика», созданном в 1960 году Н.Луповым в городе Резина на базе танцевального кружка, который работал с 1947 года. В первом ответственном концерте в 1961 году на открытии Академии наук МССР «Флоричика» показала два танца – «Хора маре» и «Аша жоакэ пе ла ной» («Так танцуют у нас»). Но в репертуаре были уже и построенная на сложных синкопированных движениях «Катриница» и сюжетный танец «Пэпушоул» («Кукуруза»). Поражала интенсивность работы ансамбля. В течение первых пяти лет в нем было поставлено более тридцати танцев. Большую часть репертуара составляли молдавские танцы, среди которых наибольший интерес представляли «Сырба дин Ченак» («Сырба села Ченак»), «Титерезул» («Юла»), «Моришка» («Мельница»), женский танец «Гиочел» («Подснежник»), сюжетные танцы «Чобэняска» («Танец пастухов»), «По дороге в Кишинев». Позднее репертуар обогатился новыми фольклорными танцами Ре-

зинского района – «Грэдиштянка» и «Подоймянка», северных районов республики – «Бэсмэлуца», («Платочек»), «Бэеяска» («Мальчишеский»), «Кэлуций» («Лошадки»). Украшала концертную программу и хореографическая картинка «Пэкалэ и Тындалэ». Лучшие постановки Н.Лупова исполнялись многими самодеятельными коллективами. С 1998 года «Флоричикой» руководит И.Швец. В репертуаре ансамбля сохраняются многие танцы Н.Лупова. В числе новых танцев – «Параскица», «Киндия», «Копэчелул» («Деревце») и «Сырба веке» («Старинная сырба»).

В начале XXI века в городе Криуляны сформировался ансамбль танца «Лозиора» («Лозинка») под руководством Н.Корецкой. Ансамбль исполняет стилизованные молдавские народные танцы: «Цэрэняска», «Хора ку алтэ фатэ» («Хора с другой девушкой»), «Коаса» («Коса»), а также сюиты украинских, цыганских и русских танцев.

В исполнении фольклорного ансамбля города Дрокия «Дрокиений», руководимого Ю.Чернеем, зрители знакомятся с автохтонными танцами «Полка» и «Сырба», «Фоарфечеле» («Ножницы») «Чуру» («Сито»), имитирующего в стремительных перемещениях движущихся кругов просеивание крупы или муки.

Особую художественную ценность представляют танцы сельских фольклорных коллективов. Ансамблем «Ватра хорелор» («У истоков хоры») села Слободзея – Маре Кагульского района уже около тридцати лет руководит Н.Константин. В хореографической картинке «Вэ пофтим ла хорэ'н сат» («Приглашаем на хору села») ожили не только ритмы и движения молдавского фольклорного танца, но и яркие характеры народных танцоров и музыкантов – импровизаторов, демонстрировавших свою виртуозную технику танца и игры на барабане. Первозданная красота отличает и другие танцы этого коллектива: «Хора де ла Слободзея – Маре», «Брыу», «Хора и сырба».

В Каушанском районе привлекают внимание два фольклорных коллектива – «Акуений» села Чуфлешть, названный по старому имени села, сохранившегося после соединения с селом Чуфлешть только в названии ансамбля, и ансамбль «Ватра» («Истоки») села Копанка. В «Акуений» под руководством Е.Наку исполняются танцы своего села: «Барабоул» («Картофель»),

«Сысыякул», «Коаса», «Раца», «Полка», «Мэрунчика», «Параскица», «Шаерул», «Русяска», «Жок маре», подвергнутые минимальной стилизации.

Ансамбль «Ватра» под руководством Н.Возияну дополняет своеобразием ритмов и движений хореографическую палитру фольклорных танцев Каушанского района. Сельские и семейные празднества украшают «Хора весела» («Веселая хора»), «Шаерул», «Бэтуца», «Полка дин бэтрынь» («Старинная полька»), «Кириякул», «Алунелул», новогодний обрядовый танец «Кэприца» («Козочка»).

Хореография села Рэчула Кэлэрашского района оживает в танцах ансамбля «Ренаштера» (Возрождение) под руководством Н.Шпатаковского. Особым колоритом отличаются танцы «Ицелле» («Ремиза ткацкого станка»), «Шаерул», «Хора», «Фата попей» («Дочь попа»), «Рэчулянка».

Ансамбль «Лия» позволяет увидеть чисто фольклорные, не стилизованные танцы села Абаклия Бессарабского района: «Хору ын бэтэй», «Сырбу бэтрыняску» («Старинную сырбу»), «Зестрю», «Чуляндру», «Сырбу ку трей чокане» («Сырбу с тремя ударами»), «Жок маре», «Полка дин бэтрынь» («Старинную польку»), старинный обрядовый танец «Кипэруш», который в давние времена исполнялся в масках на второй день после похорон.

Два своеобразных коллектива исполняют старинные фольклорные танцы Теленештского района – ансамбль села Инешть «Фрунза нукулуй» («Лист орешника») под руководством З.Дики и ансамбль «Флоричика» села Богзешть под руководством С.Чернолева. В селе Инешть сохранились старинные танцы «Сысыякул» («Сарай для хранения кукурузы»), «Кэтэнуца», «Шаер», «Мэрэрашул» («Укропчик»), новогодние обрядовые танцы – «Верджеле», в котором танцующие искусными вращениями палок сопровождают колядки, и танец «Кэлуцул» («Лошадка»). В селе Богзешть особой популярностью пользуются танцы «Раца» («Утка»), «Сырба», «Арнаутул».

Ансамбли сел, расположенных вблизи больших городов, исполняют, как правило, стилизованные народно-сценические танцы. Ансамбль танца «Стрэмошаска» села Бульбоака, находящегося в нескольких километрах от Кишинева, под руководством А.Бачу блистательно танцует «Хору», «Сырбу», «Бэтуцу» в

стиле, близком своему учителю, известному молдавскому балетмейстеру В.Танмошану.

Хореографическое искусство в самых различных видах и формах на протяжении столетий отражало в художественных образах внутренние процессы формирования, становления и развития молдавского народа. Сложный, противоречивый путь развития Молдавии запечатлелся в разнообразии лексики ритмических образований танцевальных текстов и в музыкальной образности.

Литература

- Беров Л.С. Молдавские народные музыкальные инструменты. Кишинев. Картя Молдовеняскэ. 1964. 188 с.
- Бессараб Б. Суеверия молдавского народа//Одесский вестник. 1846 №80.
- Вигель Ф. Воспоминания. Ч.VI. М., 1865. С.96.
- Ивинг В. Отблески древности// Советское искусство. 1940. №41.
- Кантемир Дмитрий. Описание Молдавии. Кишинев. Картя Молдовеняскэ. 1973. С.158 а.
- Кантемир Дмитрий. С.159 –161 б.
- Королева Э.А. Молдавский танец на русской сцене XIX века// Археология, этнография и искусствоведение Молдавии. Кишинев. Картя Молдовеняскэ. 1968. С.154 – 160.
- Королева Э. Хореографическое искусство Молдавии. Кишинев. Картя Молдовеняскэ. 1970 С.7 – 63, 143 – 183.
- Королева Э.А. О кинетической структуре молдавских фольклорных танцев // Этнография и искусство Молдавии. Кишинев. Штиинца. 1972 С.113 – 122.
- Королева Э.А. О генезисе круговых танцев //Известия АН МССР. 1973. № 2 С.75 – 87.
- Королева Э.А. Танец, его происхождение и методы исследования//Советская этнография. 1975.№5. С.147 – 157.
- Королева Э.А. Хореография. Профессиональное танцевальное искусство. Народный танец. //Молдаване. Кишинев. Штиинца. 1977.С.362 – 367, С.408 – 411.
- Королева Э.А. Молдавский народный танец и его развитие в годы Советской власти.//Народные традиции и современность. Кишинев. Штиинца. 1980. С.96 – 105.
- Королева Э., Курбет В., Мардарь М. Молдавский народный танец. М., Искусство. 1984. 207 с.
- Королева Э.А. Влияние фольклора на балетный театр.// Известия. АН МССР. 1985. № 2. С.65 – 68.
- Королева Э.А. Твои танцы , Молдова. Кишинев.Тимпул. 1989. 159 с.

- Королева Э.А.Кэлушары //Советская этнография. 1991.№5. С. 27 –35.
- Курбет В., Мардарь М. Молдавские народные танцы. Кишинев. Картя Молдовеняскэ. 1969.235 с.
- Мардарь М. Элементы движений молдавского танца. Кишинев. Картя Молдовеняскэ. 1975. 135 с.
- Молдавские народные танцы. Составитель Николаев Д.И. Кишинев. Картя Молдовеняскэ. 1968. 75 с.
- Московские ведомости. 1858, № 19.
- Негруци К. Избранное. Народные песни Молдавии. Москва.1956.
- Ошурко Л.Народные танцы Молдавии. Кишинев. Картя Молдовеняскэ. 1957. 707с.
- Ткаченко Т. Молдавский танец.// Народный танец. Москва. Искусство. 1967. С.349 – 386.
- Флоря Э. П. Музыка народных танцев. Кишинев. Штиинца. 1983. 134 с.
- Аша жоакэ пе ла ной. Стригэтурь.Селекция ши постфацэ де Ефим Жунгиету. Кишинэу. Литература артистикэ. 1985. 110 п.
- Курбет Владимир. Аша–й жокул пе ла ной. Кишинэу.Литература артистикэ. 1985. 307 п.
- Мардарь Мирча. Студиу кореграфик пентру аматорь. Кишинэу. Картя Молдовеняскэ. 1971. 227 п.
- Мелодий популаре де жок. Алкэтуитор Л.Беров. Кишинэу. Картя Молдовеняскэ. 1974. 72 п.
- 500 мелодий де жокурь дин Молдова. Алкэтуитор П.Стоянов. Кишинэу. Картя Молдовеняскэ. 1972. 392 п.
- Федко А. Унде жоакэ молдовений.Кишинэу. Картя Молдовеняскэ. 1971. 94 п.
- Чайковский Г. Дойне, кынтече, жокурь. Кишинэу. Картя Молдовеняскэ.1972. 154 п.
- Чине жоакэ ши ну стригэ. Стригэтурь популаре молдовенешть. Алкэтуиря ши ынгрижия де Е.В.Жунгиету. Кишинэу. Лумина. 1966. 215 п.
- Popa Pavel. Jocul vetrelor străbune. Chişinău. Grafema Libris S.R.L. 2005.

РАЗДЕЛ IV

СЮЖЕТЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ. ОПЫТ МОЛДОВЫ

В.П. Степанов

ГОРОДСКАЯ СРЕДА И ПРОБЛЕМА КСЕНОФОБИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА)

Целью данного исследования является освещение отдельных аспектов проблемы ксенофобии, имеющих место в городской среде современной Республики Молдова.

Среди них:

- активное влияние урбанизации на молдавское сообщество;
- языковая ситуация в Молдове как питательная почва для нетерпимости;
- нетерпимость и напряженность вокруг этнонима «молдаване» и глоттонима «молдавский язык»;
- образование и патриотическое воспитание как профилактика проявлений ксенофобии;
- отражение этноцентризма на примере прессы в городах Молдовы, этнический анекдот как одно из средств манипулирования чувством нетерпимости;
- конфессиональная нетерпимость в условиях Республики Молдова.

Помимо этого в статье представлены результаты этносоциологического исследования, осуществленного среди студентов вузов республики нетитульной национальности, находящихся в разнотнических средах (Бельцы – украинцы; Тараклия – болгары; Комрат – гагаузы; Тирасполь – жители полиэтнического Приднестровья) по проблеме этнического восприятия чувства контактности и толерантности и уровня комфортности.

* * *

Бывшие союзные республики, после распада Союза ССР ставшие независимыми, в той или иной степени оказались под серьезным экономическим, политическим и, конечно, культурным западным влиянием. Очевидно, что именно городская среда, в том числе в силу наибольшего сосредоточения СМИ, восприня-

ла демократические свободы в первую очередь. С другой стороны, именно город столкнулся, прежде всего с болезнями запада, в том числе и с этносоциальными. Проблема усилилась за счет всплеска национального самосознания, на волне которого, собственно, и произошло оформление независимости государств новых демократий. Мало чем отличалась от них и Молдова. Схемы оформления действий народных фронтов в разных государствах, в прошлом единой страны, в немалой степени походили друг на друга, что лишней раз обращает внимание на во многом схожие, но не одинаковые проблемы и процессы, подчеркивающие наличие общего манипулятора.

Было бы неверно утверждать, что проявления ксенофобии не имели места в годы Советской власти. Как и в настоящее время, их можно условно разделить на непродуманные акции, осуществляемые государством, взять хотя бы массовые переселения крымских татар или попытку решить цыганский вопрос путем паспортизации ромов по титульному этносу той республики, в которой они проживали. В Украине их «делали» украинцами, в Молдавии – молдаванами, но от этого, конечно, они не утратили собственную идентичность, а цыганская проблема осталась.

Другие проявления ксенофобии или нетерпимости встречались и встречаются на, так называемом, бытовом уровне. В этом плане проще обстояло дело при советской власти, которая выработала систему воздействия на все группы населения и сдерживала крайние настроения путем партийно-государственной пропаганды. Идеи равенства и братства на основе сложившихся в процессе эволюции советской власти ценностей, с одной стороны, сглаживали проблему различий и нетерпимости (опять подчеркну: на основе общих и незыблемых ценностей, таких как повсеместное распространение русского языка, образ русского старшего брата и т. п.), с другой стороны, именно невнимание к национальному вопросу послужило формированию одной из главных составляющих в процессе раскола Союза ССР.

Незначительный экскурс в прошлое лишней раз подтверждает значимость внимания к проблеме ксенофобии в условиях трансформирующейся Молдовы.

Проблема активного влияния урбанизации в молдавском обществе своими корнями уходит еще в середину XIX в. Удель-

ный вес городского населения в крае был необычайно высок, к 1856 г. составив 21% от общего числа жителей (Абакумова-Забунова, 2006. С. 24)..

На рубеже XIX и XX веков наиболее урбанизированной категорией городского населения были русские, 45% которых проживало в городах. В городах насчитывалось 52,6% (от общей численности) поляков и евреев, 12,1% украинцев. Позже, в 1930-е гг., основными преобладавшими национальностями в городах оставались русские, украинцы, молдаване (Репида, 2000. С. 151).

Результаты переписей населения послевоенного времени свидетельствует об устойчивом увеличении городского населения в республике (табл. 1).

Как видно из представленной ниже таблицы, на протяжении всего послевоенного периода в городах Молдовы отмечалось неуклонное увеличение численности населения. Особенно четко эта динамика прослеживается при сопоставлении данных за последние годы (табл. 2).

В Кишиневе последствия румынского пребывания 1918–1940 гг., потери в Великой Отечественной значительно изменили состав городского населения. Это привело к тому, что после присоединения Бессарабии к СССР, еще в годы войны, стала меняться социальная структура города: в первые послевоенные годы сюда была привлечена большая масса сельского населения [Репида Л. Е. 2000. С. 152]. На подъем народного хозяйства и инфраструктуры города были направлены представители интеллигенции из других регионов СССР [Репида Л. Е. 2000. С. 163-164]. Но если в 50–60-е годы XX в. республика нуждалась в специалистах и охотно привлекала их извне, то позже были выращены уже собственные кадры разнопрофильных специалистов, причем упор делался на повышение профессионального уровня, прежде всего, молдаван. Со временем это привело к определенному внутреннему конфликту между приезжими специалистами – как правило, русскоязычными жителями города – и подготовленными в советской инфраструктуре национальными кадрами, выходцами из села, приехавшими на учебу в город и оставшимися там работать. Несмотря на свою полиэтничность, урбанизированные центры Молдовы, так или иначе, представляют языковую культуру мажоритарного этноса, с одной стороны, и русскоязычную языковую культуру – с другой.

Таблица 1

Население по полу и типу местности (по данным переписей населения)

[Moldova în cifre 2006, Молдова в цифрах. Статистический справочник. С.9 (в тыс. чел.)]

	Всего	Мужчины		Женщины		Городское		Сельское	
15 января 1959 г.*	2884,5	1333,8	46,24%	1550,7	53,76%	642,3	22,27%	2242,2	77,73%
15 января 1970 г.*	3568,9	1662,3	46,58%	1906,6	53,42%	1130,1	31,67%	2438,8	68,33%
17 января 1979 г.*	3947,4	1858,4	47,08%	2089,0	52,92%	1551,0	39,29%	2396,4	60,71%
12 января 1989 г.*	4337,6	2058,2	47,45%	2279,4	52,55%	2036,4	46,95%	2301,2	53,05%
5 октября 2004 г.**	3383,3	1627,7	48,11%	1755,6	51,89%	1305,6	38,59%	2077,7	61,41%

* В целом по республике

** Без населения районов левобережья Днестра и муниципия Бендер

Таблица 2

Городское население по продолжительности проживания в месте постоянного жительства
(по основным национальностям)*

Национальность	Всего	С рождения	Не с рождения	Продолжительность лет				
				до 2	2 - 5	6 - 9	10 +	не указана
молдаване	826103	56,27 % 464821	43,73 %	6,24 %	6,72%	3,53%	26,8 %	0,44 %
украинцы	145890	44,11 % 64356	55,89 %	2,58 %	3,47%	2,37%	47,11 %	0,36 %
русские	166395	52,86 % 87964	47,14 %	1,88 %	2,58%	1,82%	40,39 %	0,47 %
гагаузы	53613	75,56 % 40508	24,44 %	4,68 %	4,00%	1,66%	13,93%	0,17 %
румыны	44342	50,99 % 22609	49,01 %	4,99 %	6,91%	3,57%	33,14 %	0,40 %
болгары	29447	59,22 % 17438	40,78 %	4,80 %	4,67%	2,56%	28,51 %	0,24 %
			12009	1414	1374	755	8395	71

* (Recensământul populației = Перепись населения = Population census, 2004. Vol. 2. Migrația populației = Миграция населения = Population migration. – 2006. С. 32)

В период с 1940 г. до середины 80-х гг. XX в. в городах республики сформировалась определенная категория русскоязычного населения. Причем эта категория населения была отделена от молдоязычных молдаван сложившейся в тот период языковой ситуацией. В силу специфики исторических процессов и национально-идеологического климата, характерного для Бессарабии, а позже и для МССР, здесь, в отличие от других союзных республик (например, Грузии, Узбекистана), знание молдавского языка, равно как и языков национальных меньшинств, оказалось как бы на втором плане. Оно было не обязательным, особенно в городской среде. Сформировалась парадоксальная ситуация: тянущиеся к высокой русской, единоверческой культуре молдаване считали обязательным обучить своих детей русскому языку. Что же касается представителей национальных меньшинств, они поступали так же, но при этом «выпадал» сам молдавский язык как язык большинства, который во многих сферах заменялся русским. Долгое время не решавшаяся языковая проблема привела к тому, что в русскоязычной среде горожан (в том числе и молдавской национальности)* появилось пренебрежительное отношение к плохо говорящим на русском языке и не владеющим городской культурой молдаванам – *мулям, мулькам, мулевкам, быкам, бычкам и т. п.* Подобного рода прецеденты можно встретить и в настоящее время. Эти оскорбительные эпитеты в определенной степени в смысловом значении близки к распространенным, например, в Москве терминам, которыми некоторые коренные горожане характеризуют приезжих из села *лохов, лоханок, лоховок* и т. п.

Общедоступный русский в качестве языка, претендующего на определенный статус, стал неудобен национал-радикалам Молдовы начала 1990-х годов. Элита не боится языков без статуса, не боится она и бесписьменных языков. В XIX в. в Бессарабии практически только элита, в том числе и молдавская, владела русским. Знание русского было престижно и дало свои плоды уже во второй половине XIX столетия. Особенность заключается еще в том, что Бессарабия, в отличие от стран Закавказья, была присоединена к России мирным путем, без многолетней войны.

* Это конкретный пример приспособления части интеллигенции малого этноса под более «выгодные ценности».

Таким образом, население края, видя в лице представителей Российской империи избавителей от гнета турок и единоверцев, не воспринимало действия России в качестве захватнических. Дореволюционная Россия отличалась от других могучих держав тем, что ее окраины находились в составе империи, и социально-экономический статус многих из них, в частности Бессарабии, под имперским влиянием значительно повысился*.

Начало 1990-х гг. связано в Молдове с приходом к власти национал-радикалов и жесткой этнической чисткой аппарата управления республики. Этому способствовали и такие глобальные политические события, как конфликт с Приднестровьем и гагаузское противостояние. В основе этих, до сих пор неурегулированных региональных проблем, лежало, прежде всего, отсутствие политического решения языковой проблемы. В результате произошло отделение от центра регионов, в которых элита и население, в силу своей ментальности и национального состава, не воспринимали молдавский язык в качестве *единственного* – государственного. Сегодня в Гагаузии и в Приднестровье задекларированы три языка, имеющих статус государственных. Позже в республике был создан Тараклийский уезд (ныне район) с компактным проживанием болгар. В нем, в отличие от Приднестровья и Гагаузии, статус государственного языка имеет только молдавский. Однако, несмотря на разницу в статусе и положении, во всех трех регионах наиболее распространен рус-

* Бессарабия Российского периода была известна в качестве вольницы. Здесь отсутствовало крепостное право, жителям края были дарованы многочисленные льготы. Изменился статус местной знати. Пустующие земли Новороссии, в которую входила Бессарабия, притягивали к себе не только лиц, официально переселяемых на новые территории, но и наиболее пассионарных личностей, беглых от крепостничества и панщины из центральных регионов Украины и России. Полиэтничность края и полилингвизм, исторически сложившиеся в нем, отличали данную территорию от ряда других окраинных земель империи. Эти и другие факторы способствовали осознанию жителями края себя единой общностью – бессарабцами (региональная идентификация). В Бессарабии XIX – первой половины XX в., а позже и в Советской Молдавии со стороны государства не уделялось внимание региональным языкам. Их никто не запрещал и никто не поощрял. Они сохранились в силу естественной защитной реакции этнических групп в составе иноэтничного окружения с одной стороны и в связи с аналогичной реакцией по отношению к государственному – русскому языку.

ский язык, как в делопроизводстве, так и в образовании. На бытовом уровне население предпочитает общаться на этнических языках и русском**.

Понятно, что урбанизация представляет собой сложное и многовекторное понятие. С одной стороны это увеличение численности жителей городов за счет притока сельского населения. С другой – это распространение ценностей города, прежде всего бытовых, в сельской местности и небольших городах.

Урбанизация в значительной мере обусловлена миграционными процессами. В период первых экономических «штормов» 1990-х годов первыми трудности перемен почувствовали наиболее информированные жители городов республики. Благодаря наибольшей информированности именно они в массовом порядке выехали за пределы республики, в страны Европы, Израиль, США, Канаду, Россию. Далее все проистекало по известной русской поговорке – «свято место пусто не бывает». Город продолжал манить к себе людей, на место уезжающих на заработки и ПМЖ в город двинулись жители села. Сказалось резкое понижение уровня жизни в целом по республике, что особенно заметно стало ощущаться в сельской местности. Развал коллективных хозяйств и многочисленные эксперименты на селянах привели к массовому обнищанию. Село, как и город, также подалось на заработки и ПМЖ за рубеж и в города республики, где жизнь нелегка, однако несколько лучше, чем в селе.

Учитывая размеры Молдовы, необходимо указать и на, так называемую, маятниковую миграцию – движение населения, связанное с поисками работы, культурно-бытовыми надобностями, потребностями в обеспечении более высоким уровнем здравоохранения и т. п. Она характеризуется движением населения из пригородных населенных пунктов и ближайших малых городов в крупные городские центры (отметим, что на всю Молдову приходится, по сути, считанное количество крупных городов, из которых наиболее многочисленные – Кишинев, Бельцы и нахо-

** Подробнее анализ языковых ценностей представителей разных национальностей см. в публикации Степанова В. П. Национальная идентичность и языковые предпочтения в межэтническом диалоге: по материалам этносоциологического опроса в Республике Молдова // *Minoritățile Naționale și Relații Interetnice – tradiția europeană și experiența noilor democrații pentru Moldova*. Iași. Vol. II. 2002. P. 170-183.

дящийся на Левом берегу Днестра, не подчиняющийся кишиневским властям Тирасполь).

Урбанизации способствует еще один характерный процесс, который выделяют как субурбанизацию. Этот процесс характеризуется тем, что за счет роста благосостояния части населения представители обеспеченной социокультурной группы предпочитают жить в комфортабельных особняках за пределами города. При этом по всем своим потребностям представители этого обеспеченного сообщества своими деловыми, культурными и пр. интересами «завязаны» на городе. Иными словами, в загородных домах они только спят. Причем, если позволяют средства, представители этой, количественно ограниченной в Молдове части населения предпочитают оставлять за собой и квартиры в городе. Специфика Республики Молдова заключается в ее размерах. Благодаря этому прилежащие к городам земли превращены в многочисленные кооперативы дачников, созданные благодаря условиям, сложившимся в СССР в последние годы Советской власти, представителями социокультурного сообщества, которое в развитых странах принято относить к среднему классу. Будучи горожанами, многие из дачников, обустроив «сельские дома», предпочитают жить там в летний период, продолжая трудиться в городе.

Село, в свою очередь, испытывает влияние урбанизации, стремясь перестроить традиционные сельские постройки по новым проектам, по возможности, со всеми удобствами, газовым отоплением и прочими благами городской цивилизации. В немалой степени этому способствует многочисленная армия гастарбайтеров, высылающих/привозящих деньги родственникам, которые вкладывают их в недвижимость (в связи с нестабильной экономической и политической ситуацией в республике, такой подход многие считают наиболее надежным). Поэтому, наряду с более наглядной картиной по республике, которая характеризуется умиранием села, наблюдается менее массовое вложение средств, заработанных, как правило, вне пределов страны, в недвижимость в селе. Однако, приведенный пример – лишь еще один дополнительный штрих к сложной картине урбанизации.

Часть находящихся на заработках, накопив средств, стали покупать квартиры в городе, селиться сами или устраивать там своих родственников из села, отправляясь снова на заработки.

Можно сказать, что наряду с новыми русскими и молдаванами, стали появляться новые горожане. В таком крупном мегаполисе, как Москва среди коренных горожан ходит распространенный комментарий: когда они сталкиваются с проявлениями провинциализма и бескультурья, кратко резюмируют: «Понаехали!». Занимаясь опросом общественного мнения по проблеме межэтнических отношений нам довелось слышать абсолютно аналогичные суждения со стороны кишиневцев и бельчан. С одной стороны, речь идет о простом замыкании внутри ценностей, свойственных отдельной этносоциальной группе, а с другой – налицо проблема нового и консервативного. Причем новое, обладая меньшей культурой, более мобильно и прекрасно понимает, что только своими руками и головой добьется успеха в непривычных условиях. Ситуация в определенных чертах напоминает схлестнувшихся героев из Шариковых и так называемых «бывших» в булгаковском «Собачьем сердце» (напомним, что описываемые М. Булгаковым события протекали также в трансформационное время).

Проблема ксенофобии в немалой степени связана с проблемой языка, выдвинутой временем. В годы независимости в Республике Молдова языковой фактор приобрел поистине знаковую роль.

Следует подчеркнуть особое влияние, которое оказали на развитие этноязыковых процессов два последних столетия – период, за который местное население прошло путь нескольких формаций.

Проблема нетерпимости и напряженности вокруг этнонима «молдаване» и глоттонима «молдавский язык»

Проблема ксенофобии в условиях современной Молдовы заключается, прежде всего, в том, что сами представители титульного этноса нуждаются в защите. Этнические ориентиры мажоритарного этноса действительно можно охарактеризовать как феномен. Пережив, наряду с другими бывшими союзными республиками, в начале 90-х гг. XX в. всплеск национально-политических вызовов, Молдова выделилась среди них тем, что, по сути, только в ней наиболее радикальная часть мажоритарного этноса отказалась от этнического имени и, по сути, провозгласила свою идентичность с мажоритарным этносом соседней Румынии. Пятнадцать прошедших лет независимости позволяют констатиро-

вать, что проблема раскола в идентичности молдавского этноса республики сохраняется*. Говоря о процессах, протекающих в современной Молдове, американский исследователь Д. Лейтин справедливо обращает внимание на проблему кризиса идентичности. Нельзя не согласиться с автором, но вместе с тем необходимо отметить, что это далеко не первый коллапс, который переживает мажоритарное население современной Молдовы, а равно с ним и представители национальных меньшинств, проживающие на этой территории. Кризис идентичности уже прослеживался в процессе деформации национального сознания на начальном этапе создания современной молдавской нации в XIX в. под влиянием новорумынской культуры (речь идет о территориях запрутской Молдовы, вошедших в состав образованной тогда усилиями сильнейших государств Европы современной Румынии).

Говоря о молдавской идентичности, следует считать с тем, что значительные по численности массы молдавского населения проживают в нескольких государственных образованиях. Запрутские молдаване, входившие ранее вместе с бессарабцами в состав молдавского княжества, в настоящее время находятся в составе соседней Румынии и обладают иной политической и гражданской идентичностью. Этноним «молдаванин» — «moldovean» превратился у них в регионализм с преобладанием общераспространенного сознания румынской идентичности. Последнему в немалой степени способствовала и продолжает способствовать идеологическая политика румынского государства. Молдаване, живущие в междуречье Прута и Днестра, оказались в иных условиях. После 1812 г., попав под прямое влияние России, местные жители оказались в ситуации, когда, с одной стороны, на

* На эту проблему неоднократно обращалось внимание в разные годы независимости. См., например, Шорников П. М. Покушение на статус. Кишинев, 1997. С. 6-21, Грек И. Ф. Национальные отношения в Республике Молдова на современном этапе и пути их оптимизации // Национальные отношения в Республике Молдова на современном этапе и пути их оптимизации (материалы круглого стола). Кишинев, 1999. С. 14-15 и др.; Степанов В. П. Механизмы регулирования проблем национальных меньшинств в полиэтническом обществе // Convenția-cadru pentru protecția minorităților naționale: mecanismul de implementare. Materialele seminarului internațional. Chișinău. Comrat. Bălți, 9-11 noiembrie 1999. Chișinău, 2000. С. 132-140; он же. Молдова многонациональная // Мысль № 1 (27) январь. Кишинев, 2005. С. 66-70.

них обрушилась волна русификации, а с другой, в силу внутренней политики Российской империи (и перенявшего эту практику СССР), сохранялись местные устои и традиции регионов (позже союзных республик).

Такая политика привела к сохранению молдавской идентичности, которая, однако, находилась на пограничье восточно-романской и восточнославянской культур. Это наложило соответствующий отпечаток на *маргинализацию сознания* местных жителей. События XX в. ускорили этот процесс.

На протяжении прошлого столетия местное население дважды, с перерывом, находилось под имперским и советским влиянием и испытало на себе воздействие политики румынской идентификации. Речь идет о межвоенном периоде и годах независимости. Это не могло не сказаться на результатах трансформации идентификационных ценностей.

В Республике Молдова, в свою очередь, можно выделить несколько исторически сложившихся регионов, где на протяжении истории сформировались региональные идентичности — это Правобережная Молдова* (или Пруто-Днестровские ее районы, в которых в настоящее время де-юре действуют законы Республики Молдова). Основная часть Правобережной Молдовы, ранее называвшаяся Бессарабией, в свою очередь, включает в себя часть территории Буджака (который в исторических источниках еще известен как «Старая Бессарабия», «Древняя Бессарабия»). События XX в. разделили эту территорию между двумя союзными республиками. В годы советской власти этого не ощущалось, в связи с отсутствием внутренних границ и таможен, но лишь на первый взгляд. Так или иначе, население попадало под влияние местных «правил игры». Районы городов Рени, Измаила, Аккермана на юге Молдовы и пограничные с Молдавской ССР районы Черновицкой области, тоже ранее входившие в состав Бессарабии, были включены в состав Украины. Это не могло не повлиять на формирование идентификационных ценностей у проживающего там украинского и молдавского населения.

* В определенной степени сложилась парадоксальная ситуация: в истории известны как бы две «Правобережные Молдовы», одна исторически с 1812 г. входит в состав Валашского государства (ныне территория Румынии).

Наконец, еще одна компактно проживающая общность молдаван присутствует в Левобережье Днестра. По мнению молдавского историка В. Н. Стати, этому способствовала не только переселенческая политика: это «даже было ускорено включением населения этих краев в сферу интересов молдавской церкви» (Стати, 2003. С. 229). Историк констатирует следующую тенденцию: численность молдаван, селившихся в левобережных районах в XIX в., растет, а их доля в этническом составе сокращается, в сравнении с численностью представителей других национальностей, которые селятся здесь в этот период: украинцев, русских, евреев, немцев и др. (Стати, 2003. С. 231). Молдавское население левобережных районов исторически имеет наиболее тесные контакты с восточнославянским населением, компактно проживающим в городах Левобережья – Тирасполе, Рыбнице.

О чувствах региональной идентичности населения Приднестровья показательно свидетельствуют результаты исследований американских, российских и приднестровских ученых (Бабилюнга, Бомешко, 1998. С. 35-37.; Губогло, 2000. С. 13-35; Губогло, 2003), в контексте нашего разговора интересной представляется работа Штефана Требста (см. также Stefan Troebst “We Are Transnistrians!” Post-Soviet Identity Management in the Dniester Valley) (<http://abimperio.net>).

Учитывая резкие смены эпох, можно сказать, что местное население оказалось не только в условиях активно действующей этноконтактной зоны и пограничья культурных традиций, но и под сильным прессингом маргинального фактора, проявившегося наиболее ощутимо и наглядно во времена перемен. Весьма показательно это демонстрируется на примере межвоенного периода, подробно проанализированного в работе молдавской исследовательницы А. И. Скворцовой (2002).

Говоря о молдаванах, следует учитывать, что речь идет о самом многочисленном в Республике Молдова этносе, а в силу этого можно утверждать, что их этнические проблемы становятся общими для всего населения. Отсюда вытекает еще один прослеживаемый в последнее десятилетие вывод: *национальные меньшинства, организации которых наиболее активны в городах, более заинтересованы в сохранении молдавской идентичности мажоритарного этноса, нежели сами молдаване с разрозненной и полярно ориентированной элитой* (при этом нельзя однозначно

утверждать, что сами национальные меньшинства представляют собой единую массу населения с общими интересами)*.

Общее прошлое в период формирования современных наций, которое объединяет на одной территории молдаван и не молдаван, свидетельствует об их едином статусе во внешнем восприятии. И те, и другие должны были «играть по одним правилам», диктуемым в разное время Турцией, потом Россией, затем непродолжительное время Румынией, потом снова Россией, но уже в лице СССР. По сути, ни у молдаван, ни у национальных меньшинств края не выработалось чувства независимости и государственной самостоятельности. Ведь даже за последние два с лишним века территория Молдавии находилась либо в фанариотской зависимости, либо входила в состав России и Румынии. Таким образом, позволим себе такую метафору, молдавская независимость за последние более чем двести лет по возрасту походит на 16-летнего подростка. А люди в этот период жизни весьма подвержены внешнему влиянию.

Феноменальные трансформации, происходящие в среде мажоритарного этноса, привели к тому, что современные исследователи пришли в определенное замешательство. Одним из фундаментальных вопросов стала проблема этнической и гражданской идентификации молдаван по обе стороны Днестра. «Все смешалось, – пишет московский исследователь М. Н. Губогло, – где «центр» молдавского народа, где его диаспора? На правом или левом берегу Днестра?». Увы, несмотря на парадоксальность, эти вопросы обрели далеко не шуточное значение. Один из старейших молдавских этнологов В. С. Зеленчук в своем последнем выступлении на международной конференции, посвященной 100-летию Российского этнографического музея, в 2002 г., высказал следующую мысль: «Будут ли молдаване самостоятельным этносом, или же они составят часть румынской нации – покажет будущее» (Зеленчук, 2002. С. 183).

* Подробнее с предварительными данными этносоциологического исследования можно познакомиться в докладе автора «Динамика гражданской и этнической идентичности в современной Молдове», прозвучавшем на международной конференции «Национальные образы мира: единство – разнообразие – справедливость», проходившая в 22-23. X. 03. в Кишиневе. Кишинев, 2003. С. 254-269.

Проблема борьбы с ксенофобией в немалой степени должна быть сопряжена с современной системой образования, которая призвана быть ориентированной на борьбу с ней. В настоящее время в Республике функционирует система образования на двух языках – молдавском (который в системе образования практически повсеместно уже называют румынским) и русском. В ряде учебных заведений некоторые предметы читаются на языках нацменьшинств, в других – в виде отдельного предмета читается родной язык национального меньшинства. Ниже, в таблице 3 приводится соотношение учащихся по основным языкам обучения в Республике Молдова (без Левобережных регионов страны).

Для полного представления о Молдове необходимо привести цифры, характеризующие ситуацию в ее Левобережных районах, не подчиняющихся официальному Кишиневу.

По данным Министерства просвещения ПМР, на 1 апреля 2008 г. в Приднестровье функционировало около 180-ти общеобразовательных школ. Среди них 126 с русским, 33 с молдавским и 3 с украинским языком обучения. В общей сложности в них обучаются порядка 70 тысяч юных приднестровцев (<http://www.olvia.idknet.com/ol02-04-08.htm>).

В полиэтническом сообществе большую роль призвано играть взвешенное, грамотное образование и патриотическое воспитание, в обязательные требования которых должны включаться такие ценности, как отношения добрососедства (последнее время чаще используется более распространенное, но, на мой взгляд, и более размытое понятие – толерантность), необходимость знания культуры, а по возможности и языка, проживающих по соседству народов, уважительного отношения к потребностям других и т.д., то есть полиэтническое общество требует знания своих проблем и понимания других. С сожалением следует констатировать, что над этой проблемой в Молдове предстоит еще немало трудиться. Приведем несколько примеров. В последние годы в школах республики читается предмет «История, культура и традиции», соответственно, русских, украинцев, болгар и др. Детям дают знания об этносах, к представителям которых они относятся. Это необходимо, но, так или иначе, ведет к замыканию на собственной культуре. В учебной программе полиэтнического государства давно назрела потребность в курсе под

Таблица 3*

Учащиеся в школах, гимназиях и лицеях по языку обучения

год	тысяч									
	2000 / 2001	2001 / 2002	2002 / 2003	2003 / 2004	2004 / 2005	2005 / 2006	2006 / 2007	2007 / 2008		
Численность учащихся	631,2	620,3	605,2	580,5	548,5	519	493,5	462,8		
дневное обучение	629,3 99,70%	618,4 99,69%	603,4 99,70%	578,7 99,69%	546,6 99,65%	517 99,61%	491,5 99,59%	461 99,61%		
молдавский язык	494,8	487,4	478,2	458,6	434,8	410,9	390,9	367		
русский язык	78,39%	78,57%	79,02%	79,00%	79,27%	79,17%	79,21%	79,30%		
другие языки	133,6 21,17%	130,2 20,99%	124,4 20,56%	119,3 20,55%	111,1 20,26%	105,2 20,27%	99,8 20,22%	93,1 20,12%		
вечернее обучение	0,9 0,14%	0,8 0,13%	0,8 0,13%	0,8 0,14%	0,7 0,13%	0,9 0,17%	0,8 0,16%	0,9 0,19%		
молдавский язык	1,9 0,30%	1,9 0,31%	1,8 0,30%	1,8 0,31%	1,9 0,35%	2 0,39%	2 0,41%	1,8 0,39%		
русский язык	0,9 0,14%	1,1 0,18%	0,9 0,15%	0,9 0,16%	1 0,18%	1,2 0,23%	1,1 0,22%	1,2 0,26%		
	1 0,16%	0,8 0,13%	0,9 0,15%	0,9 0,16%	0,9 0,16%	0,8 0,15%	0,9 0,18%	0,7 0,15%		

* <http://www.statistica.md/pageview.php?l=ro&idc=326&id=2321>

общим названием – «этнография». Тем более, что опыт создания подобных курсов имеется в ряде стран СНГ.

Еще один пример. В процессе этносоциологического опроса молодежи проводился тренинг с учащимися из разноязычных лицеев. В процессе работы коллеги-этнопсихологи попросили детей нарисовать на постере, какой они видят свою страну – Молдову. Спустя некоторое время после получения задания, учащиеся одной из молдавских школ спросили: «А гостей тоже рисовать?» В результате выяснилось, что под гостями понимают все не румыны, живущие в Молдове: русские, болгары, гагаузы, евреи и др.

И, наконец, последний пример. Заботясь об адаптации детей к новым условиям, многие родители из русскоязычных семей отдают детей в детские сады и школы с молдавским языком обучения. После такой «адаптации» многие дети, придя домой, заявляют маме или папе: «Что с тобой говорить, ты же русофон/ка!». Таких примеров, к сожалению немало.

И конечно, если говорить о воспитании и образовании необходимо во главу угла ставить политкорректность.

Огромное влияние на формирование ценностного отношения к окружающему в настоящее время имеют СМИ. Периодическая печать, представляющая собой мощное идеологическое оружие, приобретает особую силу в настоящее время, когда практически все население владеет грамотой. И даже при снижении уровня жизни газета, тем не менее, несмотря на достаточно высокую стоимость, продолжает оставаться самым доступным и мобильным источником информации. Потому она является мощным рычагом, способным влиять, в том числе, на мобилизацию этнических процессов и ценностей. Прецедентов с использованием прессы для проявления крайних взглядов, к сожалению, немало. В качестве примера достаточно привести серию статей «Rusoaicele», опубликованных известным молдавским журналистом Н. Дабига (Dabița, 2004). А ведь своеобразный взгляд из столичного города наверняка нашел своих сторонников не только в городской среде, ведь газета «Literatura și Artă» достаточно популярна в республике, особенно в слоях молдавской интеллигенции, по большей части сосредоточенной в городах.

Говоря о периодическом печатном слове, следует отметить важное значение смеховой культуры, транслируемой на стра-

ницах некоторых, в том числе серьезных изданий. Речь идет об анекдотах на этническую тему. Мы сталкиваемся с малоисследованной и потому вызывающей интерес темой «мифологизации этнического сознания» с помощью анекдота. Так, представители «малого» народа, усвоив язык «большого» народа, а соответственно, имея возможность слышать мнение о себе, выраженное в анекдотах, со стороны этого «большого» народа, рискуют не только негативно воспринимать такую информацию (обижаться, возмущаться, противостоять, замыкаться в себе), но и наоборот, в силу того, что об этом говорят «другие» (по национальности и месту жительства) и одновременно как бы «свои» (ведь язык понятен, государство одно, например, Российская империя, ранее СССР) *могут уверовать в определенную установку, которая приписывается их этническому характеру* (жадность, глупость, хитрость и т. п.). Эти анекдоты оказывают очень мощное воздействие на формирование устойчивых этнических стереотипов. Особенно возросло их влияние в XX – нач. XXI вв., с распространением современных информационных систем. Понятно, что как проявление традиционной смеховой культуры этнический анекдот не запрещать, собственно, никто и не собирается этого делать. Другое дело – печатное слово, ведь не секрет, что газету часто начинают читать с последней «интересной страницы», и, как правило, именно там помещаются анекдоты подобного рода. Не случайно, в ряде стран мира публикация подобных, пусть и народных, смешных историй, затрагивающая этнические чувства и ценности, регламентируется.

В заключение хотелось бы представить **результаты этносоциологических опросов, проведенных автором в разноэтнических средах Республики Молдова**, (прежде всего, среди украинцев, как второй по численности после молдаван этносоциальной группы), свидетельствующих о состоянии этнической и гражданской идентичностей, развитии чувства контактности и толерантности, а также представляющих оценки языковых предпочтений и уровня комфортности социально-культурного положения.

Оптимизм внушают достаточно высокие показатели чувства добрососедства, полученные в результате этносоциологического опроса, осуществленного среди украинцев республики (репре-

зентативная выборка – 650 чел. по этнической принадлежности, полу и занятиям). В Левобережье Днестра проводился пилотный опрос. Такой же опрос был осуществлен среди студентов этнических меньшинств, обучающихся в местах компактного проживания украинцев (Бельцкий у-т), болгар (Тараклийский педколледж), гагаузов (Комратский у-т), студентов Приднестровья (смешанный состав). Выборка по каждому вузу составила 50 чел.

Одним из объяснений толерантного отношения к представителям других национальностей у жителей Молдовы в целом может выступать во многом одинаковая историческая судьба: на протяжении длительного периода истории местное население было вынуждено выживать, подстраиваясь под внешнюю политику окружающих его более могучих держав.

В немалой степени укреплению дружбы этносоциальных групп, представленных в Молдове, послужили и годы Советской власти. Воспитание новой общности – «советского народа» – за многие годы проведения советской политики не могли не дать своих плодов. Кстати, ностальгия по советскому прошлому, прежде всего, по стабильности, особенно четко прослеживается в среде украинцев Молдовы, в первую очередь, в местах их компактного проживания в условиях преобладания иноэтнического окружения (например, украинские населенные пункты в окружении гагаузского населения – с. Ферапонтьевка, Комратский р-н; в среде болгар – с. Мусаит, Тараклийский р-н). В определенной степени это чувство ностальгии по советскому прошлому может быть объяснено консервацией сознания в условиях иноэтнического окружения, а также естественным стремлением людей к лучшей жизни и социальной защищенности *.

* Во время социологического опроса украинцев с. Ферапонтьевка Комратского р-на в 2005 г. автор побывал с садоводческой бригадой на обрезке персикового сада. Познакомившись с вопросником, во время перерыва сельхозработы стали наперебой рассказывать о трудной жизни, подчеркнув, что никакие национальные вопросы их не интересуют, – была бы семья сыта. Рано увядшая женщина около пятидесяти пяти лет с горечью констатировала: «При Советской власти разве мы в таком возрасте ходили бы на обрезку, это дело молодых. А сегодня, что делать? Я год хожу в рваных тапочках, все деньги уходят на еду для детей. Эх, вернули бы Советскую власть!..».

Явственно прозвучало на обоих берегах Днестра беспокойство респондентов-украинцев об этническом мире в стране (табл. 8, 9, 10), одновременно они высказали мнение о возможности конфликта в Молдове на этнической основе (табл. 11, 12). Это достаточно тревожный показатель, свидетельствующий о том, что спокойствие и равновесие после катаклизмов начала 90-х в сердцах людей еще не воцарилось.

Для сравнения считаем важным представить данные, собранные российскими и американскими исследователями в правобережных и левобережных районах несколько ранее – в 1998 г. (Губогло, 1999. С. 174).

Таблица 4

Озабоченность населения проблемой межэтнических отношений (%)

Варианты ответа	Республика Молдова			Приднестровье		
	молдаване	русс.	украин.	молдаване	русс.	украин.
Очень беспокоит	38,8	38,2	51,2	41,9	37,7	38,8
Скорее беспокоит	30,7	40,8	32,9	28,2	23,7	27,6
Скорее не беспокоит	16,3	10,5	8,5	7,7	15,8	14,3
Совсем не беспокоит	9,0	5,3	2,4	16,2	19,3	12,2
Затрудняюсь ответить	5,1	5,3	4,9	6,0	3,5	7,1

Как видно из табл. 4, жители на обоих берегах Днестра проявляют серьезную озабоченность проблемой межэтнических отношений в правобережных районах. Причем, в правобережных районах республики чувство тревоги больше всего проявляют украинцы, а наиболее спокойно чувствуют себя молдаване. В Приднестровье спокойнее всех чувствуют себя русские, за ними следуют украинцы (Подробнее см. Губогло, 1999. С. 174).

Интересно взглянуть на авто- и гетеростереотипы, сложившиеся в среде украинского населения Молдовы, для чего респондентам было предложено дать краткую характеристику

своему и другим народам, в окружении которых они проживают в Молдове.

Прежде чем перейти к освещению данного вопроса, необходимо подчеркнуть, что респонденты не всегда бывают откровенны, на это есть ряд причин, которые необходимо учитывать при опросе, в каждом конкретном случае*.

Как видно из результатов общего опроса (табл. 13), молдаване получили у украинцев положительную оценку, и в качестве первого положительного признака представлено понятие «трудолюбивые» – 34,30%. Позитивные характеристики даны практически всем представителям этносоциальных групп, проживающих в Республике Молдова, за исключением румын и цыган.

Констатации подобного рода восприятия встречаются и у других исследователей, занимающихся изучением проблем межэтнической коммуникации и этническими стереотипами. Так, И. И. Кауненко, занимающаяся проблемами этнопсихологической идентичности, в одной из своих обобщающих публикаций, посвященной изучению психологических особенностей этнической идентичности подростков в Республике Молдова, подчеркивает, что наиболее отвергаемой группой являются цыгане. Они, по словам исследователя, практически у всех групп занимают пос-

* Например, во время пилотного опроса, при характеристике молдаван большинство респондентов-украинцев, жителей с. Мусаит, подчеркнули, с одной стороны, их трудолюбие, доброту, гостеприимство, с другой, – любовь к родной речи. В меньшем количестве прозвучали константы вроде «плохо що розділилися» (плохо, что разделились), «теперь дружнее стали», или попытка уйти от ответа – «в каждой нации есть плохие и хорошие».

Вторая часть ответов находит объяснение в том, что жители села оказались невольными свидетелями противостояния волонтеров из Кишинева с гагаузами. В 1990 г. по проходящей через село дороге перемещались автобусы с этими волонтерами.

Память о тех страшных событиях еще жива в народе. Вероятно, этим же объясняется выбор ответов на вопрос «Возможен ли конфликт на этнической почве в вашем регионе?» Утвердительно ответили лишь 20,59% чел., отрицательно – 38,24%, обращает на себя внимание третий вариант – «затрудняюсь ответить», его выбрало практически столько же, сколько сказали «нет» – 32,35%.

ледные места, как на декларируемом, так и на реальном уровне*. Что касается результатов, характеризующих, например, восприятие румын (в частности, украинцами), то противоречивые ответы, вероятно, связаны с тем, что исследовательница объединила в вопроснике молдаван и румын в одну графу (Кауненко, 2006. С. 36-37).

Отношение к евреям можно охарактеризовать как уважительно-дистанцированное (табл. 13, 14). В ходе проведения опроса населения, в том числе и студентов, достаточно часто приходилось слышать довольно противоречивые характеристики этой этнической группы. С одной стороны – «умные» и «хитрые», с другой – «жадные», «приспособленцы». Цыгане оцениваются еще более негативно. При этом единственной положительной характеристикой, которой студенты наделили цыган, является свободолубие.

Как и в исследовании И. И. Кауненко, при опросе взрослого населения мы получили практически идентичную картину, показывающую устойчивые тенденции, распространенные в среде украинцев, свидетельствующие о сложившемся между молдавским и украинским населением чувстве толерантности и симпатии, корни которых уходят в многовековое общежитие.

Что касается авто- и гетеростереотипов, представляющих мнение учащихся вузов, следует отметить, что их характеристики этнических групп отличаются максималистским подходом, что объясняется, с одной стороны, возрастными особенностями, а с другой – временем, воспитывающим обостренное чувство конкурентности, в том числе и по этническому признаку (табл. 14). Вместе с тем информация о гетеростереотипах, полученная в ходе пилотного опроса студентов болгар и гагаузов, свидетельствует об устойчивом положительном восприятии образа украинца в студенческой среде, что, впрочем, подтверждается результатами

* И. И. Кауненко полагает, что это связано как с низким уровнем общения с данной группой (иногда практически никаким), так и с отсутствием информации об истории, культуре данной этнической группы. / Психологические особенности этнической идентичности подростков в республике Молдова: проблемы и перспективы (на основе социально-психологических исследований) // Moldoscopie (probleme de analiză politică) Revista științifică trimestrială. Chișinău: USM, nr. 1 (XXXII), 2006 P. 40-42.

опроса трудоспособного населения болгарской национальности, проведенного в Тараклийском уезде.

Внушает оптимизм общая тенденция: отношение молодежи к представителям иноэтничного окружения является, в целом, положительным.

Относительно автостереотипов, распространенных в среде украинского населения, следует отметить, что они являются стабильно положительными, что служит косвенным свидетельством устойчивой этнической идентичности подавляющего большинства участников опроса (табл. 13, 14).

Для дополнительного изучения значимости этничности как составляющей самосознания личности, при опросе студентов филологических факультетов Бельцкого и Приднестровского университетов был применен тест Куна и Макпартленда (Арутюнян, Дробижеева, Сусоколов, 1999. С. 165). Опросом было охвачено по 50 студентов из каждого учебного заведения. Смысл теста заключается в том, что респондента просят пять раз ответить на вопрос: «Кто я?». Полученные в ходе исследования российских этносоциологов данные по проекту «Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов в Российской Федерации», собранные в Татарстане, Саха (Якутии), Туве и Северной Осетии в 1994 и 1995 гг., свидетельствуют о том, что свою этническую принадлежность назвали всего 12-13% участников массового опроса (Арутюнян, Дробижеева, Сусоколов, 1999. С. 165).

Сведения, полученные в ходе проведенного среди студентов Молдовы опроса «по тесту Куна» (табл. 5, 6), говорят о том, что действительно незначительная часть студентов указала принадлежность к определенной национальности в качестве значимого для себя самоидентификационного маркера. Вместе с тем, результаты теста позволяют видеть, что в студенческой среде, представленной молодежью, сформировавшейся на двух берегах Днестра, в числе самоидентификационных маркеров встречаются характеристики себя как граждан/жителей Республики Молдовы или Приднестровья.

Представленные результаты свидетельствуют о том, что лишь 8% студентов украинской национальности, из числа изучающих украинский язык и литературу в качестве значимого идентификатора выдвинули свою этническую принадлежность, и то не в числе первых. Что касается студентов-приднестровцев, то у них

Таблица 5

Студенты Бельцкого государственного университета

Кто я?	Кто я?		Кто я?		Кто я?	
	1	2	3	4	5	
человек	34,00%	личность	18,00%	студент/ка	10,00%	студент/ка
личность	12,00%	студент/ка	16,00%	гражданин	8,00%	дочь/сын
девушка	8,00%	индивидуальность	6,00%	брат/сестра	6,00%	украинец/ка
студент/ка	8,00%	девушка	4,00%	собственник/ца	6,00%	будущее и настоящее государства
дочь	4,00%	дети/сын своих родителей	4,00%	красивая	6,00%	в будущем известная личность

Человек города, особенно большого, в той или иной степени замкнут в определенных пространственных измерениях. Рассмотрим некоторые из них. *Языковое пространство.* У одних оно формируется с рождения в городе, у других – по прибытии в него. Начиная с семьи, человек оказывается под определенным языковым воздействием, затем он попадает в детский сад, школу, вуз, где происходит процесс социализации личности и где язык играет одну из основных ролей в плане культурного становления. Как уже отмечалось, в настоящее время в республике, естественно, и в городах, образовательный процесс осуществляется в основном на молдавском и русском языках. В сообществе Молдовы исторически сложились две большие языковые группы – молдоязычные (их еще часто называют румыноязычными) и русскоязычные. Сформировавшаяся языковая личность попадает в трудовой коллектив, в котором превалирует либо молдоязычная, среда, либо русскоязычная. Чаще всего встречаются смешанные в языковом плане коллективы. Если личность владеет и молдавским, и русским языками в равной степени, это, конечно, уничтожает языковой барьер. Согласно переписи населения Республики Молдова 2004 г., билингвов в городах немалый процент, причем большая их часть – молдоязычные горожане. Для 6,8% молдаван города русский язык является родным; 13,1% составляют те, кто на нем обычно разговаривает, 62% свободно владеют русским как вторым языком. Соответственно, для русских горожан, владеющих молдавским языком, вышеозначенные показатели следующие: 1,2% – те, для которых молдавский родной, 2,5% – те, кто на нем обычно разговаривает, 19,6% свободно владеют молдавским языком как вторым языком. У русских горожан, владеющих румынским языком, выявлены следующие показатели: для 0,7% румынский язык является родным, 1,3 % составляют те, кто на нем обычно разговаривает, 8,7% свободно владеют румынским как вторым языком. Для наиболее многочисленных национальных меньшинств – украинцев, болгар, гагаузов – проживающих в городах Молдовы (без левобережных районов), соотношение молдавского и русского языков по трем вышеуказанным показателям таково:

национальность	молдавский			румынский			русский		
	родной	на котором обычно разговаривают	второй, которым свободно владеют	родной	на котором обычно разговаривают	второй, которым свободно владеют	родной	на котором обычно разговаривают	второй, которым свободно владеют
украинцы	2,8%	4,6%	24%	1,2%	2%	7,4%	52%	80,2%	13,6%
гагаузы	0,9%	1,5%	10,7%	0,4%	0,7%	2,4%	12,6%	57,2%	37,3%
болгары	3,1%	5,4%	17%	1,8%	2,6%	6,8%	25,1%	54,5%	40,2%

те, кто владеет лишь одним языком или несколькими (русский плюс языки национальных меньшинств), конечно, не пропадают в городе, но их социальный рост в ряде организаций (прежде всего государственных, расположенных в городе) регламентирован.

Итак, в процессе социализации в городе личность находит себя в языковом, культурном, конфессиональном, социальном, профессиональном и других пространствах. Человек живет в определенном районе, ходит или ездит на работу (обычно одной и той же дорогой), покупает продукты в ближайшем от дома или работы магазине, посещает библиотеку, кино или театр (в случае потребности), причем потребляет продукцию на том языке, который предпочитает. Таким образом, жизнь человека в городе (прежде всего, речь идет о большом городе) зачастую сводится к довольно усредненному кругу общения, интересов. Зачастую индивидuum достаточно длительное время не покидает пределы одного района, а порой находит все необходимое, в том числе и работу, на нескольких соседних улицах. В результате житель крупного города практически замыкается в отдельном микрорайоне, который, в свою очередь, делится на отдельные, как говорят в Молдове «магалы» (к примеру, Пушкинская горка в Кишиневе). В Одессе такие ограниченные городские территории называют еще поселками («живу на поселке в конце Красноармейской»).

Город мобильнее села, одновременно с этим для каждого отдельного человека он может быть консервативен. В городе можно закрыться и законсервироваться, причем чем больше город, тем легче это сделать. Именно это, в определенной степени, и делают представители русскоязычного населения, прежде всего старшего поколения. В этом таится их обеспокоенность за свои, в том числе и этнокультурные, ценности. В связи с этим любопытно звучат утверждения ряда местных аналитиков, которые «гуманно» предлагают создать приемлемые условия для русскоязычных, которые должны дожить свой век на молдавской земле, а лет через пятьдесят (при соответствующей политике) ценности русскоязычия исчезнут, а вместе с тем исчезнет и сама проблема.

В качестве отдельной проблемы городов современной Молдовы следует назвать конфессиональную. Со времени Стефана Великого молдавские земли принято считать сплошь православными. При этом часто забывается, что именно Бессарабия, на

протяжении продолжительного времени (по сути, с момента раскола) была землей, приютившей различные конфессии. Длительный период господства официального атеизма не оказал особого влияния на народную религиозность. Причем народ, по сути, законсервировал это самое чувство веры. Во время испытаний трансформацией эта вера оказала огромное влияние, способствуя элементарному выживанию народа.

В сосуществование православного населения и сектантов различных направлений, современность привнесла политический раскол метрополий на московскую и бессарабскую, появились ранее практически не известные сторонники буддизма, конфуцианства. Не будет преувеличением утверждение о том, что все эти конфессиональные реалии современности берут начало в городе, в Молдавии все начинается, прежде всего, в столице. Открытие границ привнесло мусульманскую струю в поликонфессиональную палитру Молдовы. Об этом свидетельствуют и результаты последней переписи населения (табл. 18).

С другой стороны, церковь, как консервативный институт, в немалой степени способствовала сохранению выработанных в молдавском сообществе ценностей, в том числе и языковых. А. Ю. Скворцова, изучая ситуацию, сложившуюся в Бессарабии межвоенного периода, ссылаясь на слова О. Гибу, обратила внимание на то, что «все румыны, жившие некоторое время в Бессарабии, утверждали, что бессарабское духовенство проникнуто русским духом» (Скворцова, 2002. С. 220). Не случайно это стало одним из предметов рассмотрения румынских властей в межвоенный период (Шорников, 2000) и не менее острым предметом обсуждения на современном этапе, приведшем к расколу православной Церкви, когда часть церквей, вошла в бессарабскую метрополию, а другая осталась под протекторатом Московского патриарха*.

* В декабре 1992 года Синод Румынской Православной Церкви принял решение о создании своей Бессарабской митрополии. На всех территориях, входивших в состав Румынии в 1918–1940 гг, была восстановлена юрисдикция Румынской Церкви. Бессарабская митрополия способствовала дальнейшей дезинтеграции общества: она изначально противопоставила себя всем национальным меньшинствам Молдовы, а также закрепила в церковной сфере раскол титульной нации на тех, кто считает себя румынами, и тех, кто считает себя молдаванами (http://religion.ng.ru/politic/2009-02-04/6_raskol.html).

Это привело к росту нетерпимости среди части верующих и клира.

Жизнь в условиях поликонфессиональности требует очень взвешенного подхода и учета сложившейся ситуации. Конечно, заявление, которое сделал один из молдавских политиков, в прошлом президент государства: «Строительство мечети, только этого нам не хватало!» не может служить примером терпимости.

Общество и сам человек становятся в определенной степени заложниками сложившейся ситуации. И на каждом этапе своего развития, как социум, так и отдельная личность испытывают вызовы времени. Не стоит на месте и город – как живой организм, как одухотворенная материальная субстанция. Каждый город обладает целым набором порой совершенно незначительных характерных черт, которые в общем можно объединить понятием «дух города». Городскому духу и среде также свойственно меняться. Приходят новые поколения и то, что было значимо для горожан одного времени, уже совершенно забыто новыми поколениями. У каждого времени свой город, со своим колоритом, базаром, памятниками, местами проведения досуга, в конце концов, со своим городским (районным) сумасшедшим. И не важно, идет ли речь о Москве, Варшаве, Кишиневе или Бельцах. Ведь попав в какой-либо из городов, один человек с первого взгляда и вдоха «свежего углекислого газа» влюбляется в него, а другой совершенно спокойно созерцает широкие проспекты или узкие улочки и спешит скорее покинуть это место, возможно для того, чтобы вернуться домой, в свой город. Да и у каждого поколения свой город, который принадлежит только этому поколению. Но одновременно существует связь между поколениями, передающими самое ценное друг другу, и тогда «дух города» продолжает жить, несмотря на изменения и лютые времена. Академик В.А. Тишков в одной из своих работ, «Реквием по этносу», выдвинул мысль, с которой следует согласиться: «Понимание культурного многообразия способствует лучшей коммуникации между людьми, занимающими единое социальное пространство» (Тишков, 2003. С. 53). С сожалением следует признать, что в молдавских городах в период трансформации так и не сложилось единое социальное пространство горожан. Жить в городе и быть горожанином – это разные понятия. Мощные миграционные потоки, вымывающие городскую среду, не способствуют и борьбе с ксенофобией.

В Стране Советов говорили: «У нас секса нет», но тем не менее в стране рождались дети, складывались брачные союзы, распадалась семья. Говорить, что в нашем обществе нет проявлений нетерпимости, – означает обманывать самих себя. В полиэтническом сообществе Молдовы нетерпимость присутствует, равно как и длительный опыт общежития разных народов. К счастью, многовековая мудрость полиэтнического народа накопила бесценный опыт добрососедства, которое намного превосходит отдельные проявления крайнего неприятия друг друга.

В заключение хотелось бы отметить следующие, на мой взгляд, важные моменты:

■ весьма своевременным является международный опыт по борьбе с ксенофобией, этнополитическим экстремизмом. В немалой степени этому должна способствовать инициатива по выработке механизмов создания и организации деятельности Коалиции «Города Молдовы за гражданскую солидарность, межнациональное согласие и устойчивое развитие»;

■ конечно, этот тезис следует понимать как стремление к идеальному, но тем не менее – улучшение уровня жизни снимет целый ряд обсуждаемых проблем (правда, это не дает оснований утверждать, что новые условия не породят новых проблем);

■ неусыпного контроля и внимания со стороны городских властей и государства требует решение языкового вопроса, что в немалой степени будет способствовать восстановлению целостности республики и оптимизации городской среды;

■ четкая и сбалансированная политика государства, направленная на укрепление молдавской идентичности, в немалой степени защитит от попыток проявлений ксенофобии по отношению к титульному этносу;

■ постоянного контроля требует система образовательного и воспитательного направлений как со стороны соответствующих органов системы образования, так и со стороны формирующегося гражданского сообщества;

■ взвешенно и абсолютно однозначно ориентированно должны выступать против ксенофобии молдавские СМИ. Давно назрела потребность в государственных изданиях на языках меньшинств, равно как на русском и молдавском языках, знакомящих с жизнью этнических групп на территории Молдовы.

■ Республика Молдова представляет собой еще и поликонфессиональную среду. Без учета сбалансированной конфессиональной политики трудно представить городскую среду, лишенную проблем нетерпимости;

■ серьезного внимания требуют органы исполнительной власти, занимающиеся проблемами национальных меньшинств и национальных отношений. Всего несколько примеров. В Министерстве образования закрыто Управление образования на языках национальных меньшинств, в системе Академии наук Молдовы закрыт Институт межэтнических исследований, трансформированный в Центр этнологии Института культурного наследия (он, по сути, теряет свою былую направленность, вынужденный приводить свою деятельность в соответствие с новым названием). Укрепления позиций, в качестве правительственного органа, давно требует Бюро межэтнических отношений. Во время очередной реформы государственных учреждений из его названия даже выпало слово «республиканское».

Думается, в немалой степени решению этой злободневной проблемы будут способствовать научные изыскания и конференции, которые позволяют как теоретикам, так и практикам обменяться мнениями по целому кругу важнейших вопросов.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 8

Районы Приуго-Днестровских р-в Республики Молдова

	всего опрошено	из них украинцев	Беспокоит ли Вас проблема межнациональных отношений в Республике Молдова?				я об этом не думаю
			очень беспокоит	беспокоит	не беспокоит		
Бессарабка	136	22	9	12	1		
			40,91%	54,55%	4,55%		
Бэлцата, Сагайдак	125	125	59	59		7	
			47,20%	47,20%		5,60%	
Данул	93	92	22	54	7	9	
			23,91%	58,70%	7,61%	9,78%	
Мусаит	128	128	15	15	4	94	
			11,72%	11,72%	3,13%	73,44%	
Унгры	87	87	38	44		5	
			43,68%	50,57%		5,75%	
Ферапонтьевка	114	114	33	70	7	4	
			28,95%	61,40%	6,14%	3,51%	
Нихорень	82	53	15	31	3	4	
			28,30%	58,49%	5,66%	7,55%	
Итого	765	621	191	285	22	123	
			30,76%	45,89%	3,54%	19,81%	

Таблица 9

	всего опрошено	из них украинцев	Беспокоит ли Вас проблема межнациональных отношений в Республике Молдова?			
			очень беспокоит	беспокоит	не беспокоит	я об этом не думаю
			51	37	12	7
Левобережные районы РМ	118	107	47,66%	34,58%	11,21%	6,54%

Таблица 10

	всего опрошено	из них украинцев	Беспокоит ли Вас проблема межнациональных отношений в Приднестровье?			
			очень беспокоит	беспокоит	не беспокоит	я об этом не думаю
			63	23	19	2
Левобережные районы РМ	118	107	58,88%	21,50%	17,76%	1,87%

Таблица 11

	всего опрошено	из них украинцев	Возможен ли конфликт на этнической почве в Республике Молдова?			
			да	нет	затрудняюсь ответить	нет ответа
Бессарабка	136	22	16	1	5	
			72,73%	4,55%	22,73%	
Бэлцата, Сагайдак	125	125	74	7	44	
			59,20%	5,60%	35,20%	
Данул	93	92	51	2	37	2
			55,43%	2,17%	40,22%	2,17%
Мусаит	128	128	26	49	42	11
			20,31%	38,28%	32,81%	8,59%
Унгры	87	87	35	23	26	3
			40,23%	26,44%	29,89%	3,45%
Фералонтьевка	114	114	59	11	44	
			51,75%	9,65%	38,60%	
Нихорень	82	53	31	3	19	
			58,49%	5,66%	35,85%	
Итого	765	621	292	96	217	16
			47,02%	15,46%	34,94%	2,58%

Таблица 12

	всего опрошено	из них украинцев	Возможен ли конфликт на этнической почве в Приднестровье?			
			да	нет	затрудняюсь ответить	нет ответа
			28 26,17%	49 45,79%	30 28,04%	
Левобережные районы РМ	118	107				

Таблица 13

Характеристика национальностей

	всего опрошено	из них украинцев
Бессарабка	136	22
Бэлцата, Сагайдак	125	125
Данул	93	92
Мусаит	128	128
Унгры	87	87
Ферапонтьевка	114	114
Нихорень	82	53
Итого	765	621

молдаване		румыны		украинцы		русские	
вариант ответа	%	вариант ответа	%	вариант ответа	%	вариант ответа	%
трудолюбивые	34,30%	ленивые	7,56%	хорошие	25,00%	хорошие	25,00%
хорошие	19,77%	хорошие	5,81%	веселые	20,35%	добрые	14,53%
гостеприимные	8,72%	националисты	4,07%	гостеприимные	19,19%	веселые	6,40%
веселые	8,14%	гордые	1,74%	добрые	15,70%	гостеприимные	5,81%
добрые	6,98%	как цыгане	1,74%	трудолюбивые	15,12%	трудолюбивые	4,65%

Таблица 13 (продолжение)

болгары		гагаузы		евреи		цыгане		другое
вариант ответа	%	вариант ответа	%	вариант ответа	%	вариант ответа	%	вариант ответа
хорошие	10,47%	хорошие	11,05%	умные	15,12%	воры	12,79%	все равны
трудодлюбивые	8,72%	трудодлюбивые	5,81%	хитрые	9,30%	хорошие	6,98%	не знаю
добрые	2,91%	вредные	2,91%	жадные, скупые	5,81%	наглые	5,23%	все хорошие
гостеприимные	2,33%	дружные	2,91%	хорошие	5,23%	хитрые	3,49%	
говорливые	1,16%	горячие	2,33%	дружные	1,16%	веселые	2,91%	

Таблица 14

Характеристика национальностей студентами вузов Молдовы

всего опрошено		из них гагаузов	
Комратский гос. ун-т.	68		50

молдаване		румыны		украинцы		русские	
вариант ответа	%	вариант ответа	%	вариант ответа	%	вариант ответа	%
веселые	10,00%	глупые	4,00%	веселые	22,00%	добрые	22,00%
добрые	10,00%	злые	4,00%	нормальные	6,00%	примерные	8,00%
националисты	6,00%	националисты	2,00%	добрые	4,00%	умные	6,00%
трудодлюбивые	6,00%	бескультурные	2,00%	любят сало и самогон	2,00%	хорошие	4,00%
растерянные	2,00%	чужестранцы	2,00%	пассивные	2,00%	уравновешенные	2,00%

болгары		гагаузы		евреи		цыгане		другое
вариант ответа	%	вариант ответа	%	вариант ответа	%	вариант ответа	%	вариант ответа
жадные	28,00%	трудодлюбивые	28,00%	хитрые	12,00%	свободолюбивые	6,00%	все они люди
трудодлюбивые	6,00%	гостеприимные	16,00%	умные	8,00%	лживые	4,00%	все глупые
чистоплотные	2,00%	веселые	4,00%	жадные	4,00%	воры	4,00%	все дружеские
болтливые	2,00%	добрые	4,00%	глупые	2,00%	веселые	4,00%	все хорошие
резкие	2,00%	нормальные	2,00%			бедные	4,00%	все равны

Таблица 14 (продолжение)

всего опрошено		из них болгар
Тараклийский пед. колледж	94	51

молдаване		румыны		украинцы		русские	
вариант ответа	%	вариант ответа	%	вариант ответа	%	вариант ответа	%
трудолюбивые	21,57%	вредные	25,49%	веселые	15,69%	добрые	11,76%
веселые	15,69%	жесткие	5,88%	трудолюбивые	5,88%	щедрые	5,88%
добрые	9,80%	жадные	3,92%	приветливые	5,88%	гостеприимные	5,88%
миролюбивые	5,88%	высокомерные	1,96%	добрые	5,88%	приветливые	5,88%
не пример	5,88%	им не до нас	1,96%	дружелюбные	3,92%	веселые	5,88%

болгары		гагаузы		евреи		цыгане	
вариант ответа	%	вариант ответа	%	вариант ответа	%	вариант ответа	%
трудолюбивые	41,18%	трудолюбивые	13,73%	умные	49,02%	свободные	13,73%
жадные	15,69%	дружные	9,80%	хитрые	3,92%	пошлые	1,96%
гостеприимные	11,76%	сплоченные	7,84%	приспосабливаются к жизни	1,96%	плохие	1,96%
добрые	11,76%	скандальные	7,84%	предприимчивые	1,96%	обманщики	1,96%
смирненные	3,92%	наглые	7,84%	ответственные	1,96%	неряшливые	1,96%

Таблица 15

	всего опрошено	из них украинцев	Как Вы оцениваете влияние общества на человека в Вашем населенном пункте?					
			очень значимо	значимо	мало значимо	я его не ощущаю	затрудняюсь ответить	нет ответа
			4	5	11	2		
Бессарабка	136	22	18,18%	22,73%	50,00%	9,09%		
Бэлцата, Сагайдак	125	125	22	51	22	15	15	
Данул	93	92	17,60%	40,80%	17,60%	12,00%	12,00%	
Мусаит	128	128	10	43	25	2	10	2
Унгры	87	87	10,87%	46,74%	27,17%	2,17%	10,87%	2,17%
Фералонтьевка	114	114	23	30	64	8		3
Нихорень	82	53	17,97%	23,44%	50,00%	6,25%		2,34%
Итого	765	621	12	32	26	9	6	2
			13,79%	36,78%	29,89%	10,34%	6,90%	2,30%
			4	33	48	18		11
			3,51%	28,95%	42,11%	15,79%		9,65%
			5	25	13	2	5	3
			9,43%	47,17%	24,53%	3,77%	9,43%	5,66%
			80	219	209	56	36	21
			12,88%	35,27%	33,66%	9,02%	5,80%	3,38%

Таблица 16

	всего опрошено	из них украинцев / гагаузов / болгар	Как Вы оцениваете влияние общества на человека в Вашем населенном пункте?					нет ответа
			очень значимо	значимо	мало значимо	я его не ощущаю	затрудняюсь ответить	
Бельцкий гос. ун-т.	62	52 Укр.	2 3,85%	14 26,92%	19 36,54%	9 17,31%	8 15,38%	
Комратский гос. ун-т.	68	50 Гаг.	11 22,00%	13 26,00%	18 36,00%	8 16,00%		
Тараклийский пед. колледж	94	51 Бол.	7 13,73%	17 33,33%	13 25,49%	4 7,84%	10 19,61%	
Итого	224	153	20 13,07%	44 28,76%	50 32,68%	21 13,73%	18 11,76%	0 0,00%

Таблица 17

	всего опрошено	из них украинцев	Для Вас значима Ваша национальная принадлежность?				
			очень значима	значима	мало значима	не имеет значения	нет ответа
Бессарабка	136	22	2	6	4	10	
			9,09%	27,27%	18,18%	45,45%	
Бэлцата, Сагайдак	125	125	22	74	22	7	
			17,60%	59,20%	17,60%	5,60%	
Данул	93	92	2	57	11	14	8
			2,17%	61,96%	11,96%	15,22%	8,70%
Мусаит	128	128	4	23	8	4	89
			3,13%	17,97%	6,25%	3,13%	69,53%
Унгры	87	87	9	29	9	35	5
			10,34%	33,33%	10,34%	40,23%	5,75%
Фералонтьевка	114	114	15	55	29	11	4
			13,16%	48,25%	25,44%	9,65%	3,51%
Нихорень	82	53	2	35	6	7	3
			3,77%	66,04%	11,32%	13,21%	5,66%
Итого	765	621	56	279	89	88	109
			9,02%	44,93%	14,33%	14,17%	17,55%

Таблица 18

Население по религии в территориальном разрезе

	Республика Молдова	мун. Кишинев	мун. Бельцы
всего	3383332	712218	127561
Православная	3158015	629310	110961
Романо-католическая	4645	2227	990
Реформаторская	1190	265	44
Евангелическая августовского вероисповедания	1429	279	77
Евангелическая синодо-пресвитер.	3596	1043	296
Старохристианского обряда	5094	98	47
Баптистская	32754	4425	2609
Пентикостальская	9179	1256	487
Адвентистская седьмого дня	13503	996	576
Христианская по Евангелию	5075	1991	166
Мусульманская	1667	995	106
др. религии	25527	4831	2161
атеисты	12724	10477	544
неверующие	33207	9990	3304
не указана	75727	44035	5193
			4,07%

Литература и источники

- Абакумова-Забунова Н. В. 2006. Русское население городов Бессарабии XIX в. Кишинев, 2006.
- Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Сусоколов А. А. 1999. Этносоциология. М., Аспект пресс, 1999.
- Бабилунга В., Бомешко Б. 1998. Приднестровский конфликт. Исторические, демографические, политические аспекты. 1998.
- Грек И. Ф. 1999. Национальные отношения в Республике Молдова на современном этапе и пути их оптимизации // Национальные отношения в Республике Молдова на современном этапе и пути их оптимизации (материалы круглого стола). Кишинев, 1999.
- Губогло М. Н. 1999. Межнациональная напряженность в реальности и в представлениях граждан // Этническая мобилизация и межэтническая интеграция. М., 1999.
- Губогло М. Н. 2000. Тяжкое время конкурирующих идентичностей. Опыт Приднестровья // Ежегодный исторический альманах Приднестровья № 4, 2000.
- Губогло М. Н. 2003. Идентификация идентичности. М., 2003.
- Жуков В. И. 1964. Города Бессарабии (1812-1861). Кишинев, 1964.
- Зеленчук В. С. 2002. Проблемы внутренней структуры этноса (румыны – молдаване) // Музей. Традиции. Этничность. СПб–Кишинев, 2002.
- Кауненко И. И. 2006. Психологические особенности этнической идентичности подростков в республике Молдова: проблемы и перспективы (на основе социально-психологических исследований) // Moldoscopie (probleme de analiză politică) Revista științifică trimestrială. Chișinău: USM, nr. 1 (XXXII), 2006. P. 40-42.
- Кустрябова С. Ф. 1986. Города Бессарабии (1918-1940). Кишинев, 1986.
- Релида Л. Е. 2000. Население Молдовы в интеграционных процессах (40–50-е гг. XX в.). Кишинев, 2000.
- Скворцова А. Ю. 2002. Русские Бессарабии. Опыт жизни в диаспоре (1918–1940), Кишинев, 2002.
- Стати В. Н. 2003. История Молдовы. Кишинев, 2003.
- Степанов В. П. 1999. Механизмы регулирования проблем национальных меньшинств в полиэтническом обществе // Convenția-cadru pentru protecția minorităților naționale: mecanismul de implementare. Materialele seminarului internațional. Chișinău. Comrat. Bălți, 9-11 noiembrie 1999. Chișinău, 2000.
- Степанов В. П. 2002. Национальная идентичность и языковые предпочтения в межэтническом диалоге: по материалам этносоциологического опроса в Республике Молдова // Minoritățile Naționale și Relații Interetnice – tradiția europeană și experiența noilor democrații pentru Moldova. Iași. Vol. II. 2002.
- Степанов В. П. 2003. Динамика гражданской и этнической идентичности в современной Молдове // Материалы международной конференции «Национальные образы мира: единство – разнообразие – справедливость», Кишинев, 2003. С. 254-269.

Степанов В. П. 2005. Молдова многонациональная // Мысль № 1 (27) январь. Кишинев, 2005.

Шорников П. М. 1997. Покушение на статус. Кишинев, 1997.

Шорников П. М. 2000. Политика румынских властей и кризис православной церкви в Бессарабии 1918–1940 годы // Glasul Moldovei. nr. 17, 18, 19, 20, 21, iulie 2000.

Тишков В. А. 2003. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М. «Наука», 2003.

Dabija N. 2004. *Rusoaicele 2. Literatura și Arta*, 1 aprilie, 2004.

Moldova în cifre 2006, Молдова в цифрах. Статистический справочник

Recensământul populației = Перепись населения = Population census, 2004: Culeg. Statistică: on 4 volume / Biroul Naț. De Statistică al Republicii Moldova. – Ch.: Statistica, 2006 (F. E.-P. „Tipogr. Centrală”). – Teăt paral.: lb. rom., rusă, engl. – ISBN 978-9975-9786-3-7. Vol. 2. Migrația populației = Миграция населения = Population migration. – 2006. – ISBN 978-9975-9786-5-1.

Troebst Șt. “We Are Transnistrians!” Post-Soviet Identity Management in the Dniester Valley [http://abimperio.net]

http://www.statistica.md/pageview.php?l=ro&idc=326&id=2321

http://www.olvia.idknet.com/ol02-04-08.htm

http://religion.ng.ru/politic/2009-02-04/6_raskol.html

П.М.Пашалы

ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГАГАУЗИИ (ГАГАУЗ ЕРИ) КАК ГАРАНТИЯ САМОСОХРАНЕНИЯ НАРОДА

Переходя из прошлого в будущее, Буджак-ордасы, в силу складывающихся для него в начале нового XXI века благоприятных, экономических и этнокультурных предпосылок, постепенно превращается из зоны риска в зону новых возможностей.

Его географическое местоположение, исторически традиционные связи со странами Дунайско-Балканского региона и бассейна Чёрного моря со временем, несомненно, увеличат значение Буджака, как и всего Южного региона Республики Молдова в качестве развивающейся еврозоны с функциями международного транзита.

Южный регион Республики Молдова охватывает около 20% ее территории, если принять за разделительный рубеж Верхний Троянов вал, воздвигнутый римлянами в начале II века н.э. от Прута до Днестра по линии Леово – южнее Тигины.

История распорядилась так, что многие племена и народы исчезли с лица земли, но гагаузы пронесли свою самобытность, язык и культуру через многие века и огромные расстояния, сохранив при этом достоинство и духовность: «Гагаузов характеризуют как народ способный, энергичный и трудолюбивый. Они весьма религиозны» (Мошков, 1900).

Способность находить оптимальные решения в труднейшие периоды жизни в полной мере проявились и в новейшее время, в связи с созданием территориальной автономии Гагаузии (Гагауз-Ери) в составе Республики Молдова, что было высоко оценено Организацией Объединенных Наций и Европейским сообществом как прецедент мирного и конструктивного решения «гагаузского вопроса».

Вступая в XX век, опираясь опыт более двухсотлетнего проживания в крае, где никогда не было конфликтов на межэтнической или религиозной почве, территориальная автономия Гагауз-Ери при определении путей и форм дальнейшего социально-эконо-

мического развития должна в максимальной мере использовать преимущества геоэкономического положения Южного региона Молдовы, наличие человеческого и природного потенциала, учитывая при этом следующие ограничения и факторы риска.

Стратегические преимущества Южного региона:

- Транспортно-географическая близость к странам Дунайско-Балканского региона и бассейна Чёрного моря, традиционно тесные культурные и экономические связи с ними;

- Непосредственный выход к Дунаю, главной реке Центральной Европы, связывающей водным путём 11 стран;

- Сопредельность южного региона Молдовы с еврорегионом «Нижний Дунай», который опирается на использование преимуществ транс-граничного сотрудничества трёх стран – Молдовы, Румынии и Украины;

- Прохождение через регион трансконтинентальных газопроводов и линий электропередач межгосударственного значения;

- Уникальное сочетание факторов природной среды – обилие солнца и тепла – сумма активных температур превышает 3200⁰, среднегодовая температура – около 10⁰, высокое плодородие чернозёмных почв, столь важных для выращивания южных теплолюбивых культур – винограда и плодовых культур, зерновых, подсолнечника и эфирносов;

- Лучшая в Днестровско-Прутском междуречье зона для производства марочных вин, а также для выращивания зерновых с высоким содержанием клейковины;

- Развитие овцеводства и производства изделий из кожи и шерсти, а также ковроткачества;

- Территория южнее линии Леово-Бессарабка относится к разряду нефтегазоносных провинций (Валены, Викторровка). Выявлены запасы бурых углей (Этулия, Вулканешты), залежи керамзитового сырья, гравия, песка и глины, в том числе пригодных для производства керамики высокого качества;

- Культурное разнообразие населения, основанное на давних традициях совместного проживания, взаимопонимания и сотрудничества.

Ограничения и факторы риска

По большей части это ограничения, создаваемые природной средой:

- Недостаточная обеспеченность региона водными ресурсами, что обуславливает потребность в крупных инвестициях на сооружение систем магистрального водоснабжения, а также для использования подземных источников обеспечения населения питьевой водой;

- Риски для сельского хозяйства, обусловленные особенностями местного климата – не более 400 мм осадков в год, часто повторяющиеся засухи;

- Малая лесистость территории и повышенная эрозия почв, как следствие интенсивной хозяйственной деятельности;

- Высокая в Днестровско-Прутском междуречье сейсмоопасность (до 7-8 баллов, что существенно удорожает строительство жилья и объектов производственного назначения;

- Полная зависимость региона от внешних поставок энергоресурсов.

Для будущего Южного региона Республики Молдова, в том числе и для территориальной автономии Гагауз Ери, принципиально важно, что в настоящее время начинается новый этап отношений между странами-партнерами, взаимодействующими в Дунайско-Балканском регионе и бассейне Чёрного моря, при совместной их стратегической ориентации на общеевропейские ценности.

На этой основе, как Правительство Республики Молдова, так и администрация Гагауз Ери вполне могут рассчитывать на все более существенную поддержку их инициатив направленных на развитие международного сотрудничества идущего за пределы национальных территорий. Со своей стороны, Европейский Союз на основе декларируемого им «принципа регионального подхода», хоть и с опозданием, но получает возможность активизировать процесс конструктивных изменений в регионе Гагауз-Ери, который может стать моделью и примером многостороннего сотрудничества с весьма позитивными результатами.

Решая текущие неотложные задачи и закладывая основы будущего, Гагаузия использует и внешнюю поддержку в виде кредитов, инвестиций или технической помощи. Очевидно, однако, что главное предстоит сделать самим, опираясь на потенциал региона, активность его экономических агентов и населения, инициативу Администрации.

По основным параметрам (территория – 1,85 тыс. кв. км. и население – около 160 тыс. чел.) Гагауз-Ери вполне сопоставима с мезо-регионами других стран Центральной и Восточной Европы. На долю Гагаузии в рамках Республики Молдова приходится 3,8% населения, 5,5% территории и 6,6% сельскохозяйственных угодий.

Достаточно высокий уровень образования населения представляет собой один из основных ресурсов региона. Но динамика общей численности населения (1989 г. – 163,1 тыс. чел., 1995 г. – 172,5 тыс. чел., 2000 г. – 161,1 тыс. чел., 2007 г. – 159,8 тыс. чел., 2009 г. – 155 тыс. чел.) демонстрирует определенное снижение за годы перестройки как и в других регионах.

Население в трудоспособном возрасте составляет 84,1 тыс. чел. или около 46% от общей численности населения, что несколько меньше в сравнении со средним показателем по Молдове (52% трудоспособных). Однако, причина этого явления – в более высокой доле детей в общей численности населения автономии.

Производственный потенциал Гагаузии определяется, прежде всего, его аграрно-промышленным комплексом, опирающимся на местные природные условия и многовековые навыки населения в сельском хозяйстве и производстве пищевых продуктов. Плотность сырьевой базы пищевой промышленности в регионе выше, чем в среднем по Молдове, особенно по виноградарству, производству зерна, подсолнечника и продуктов животноводства. Ведущие отрасли промышленности виноделие и плодоовощеконсервное производство, а также машиностроение и металлообработка, легкая промышленность (швейное производство, ковроткачество).

Строительная база, транспорт и дорожное хозяйство, равно как и системы энергообеспечения (электроэнергия, газ) и водоснабжения нуждаются в реконструкции и дальнейшем развитии.

Промышленность, по данным 2008 г., представлена 34 предприятиями, в том числе 17 – пищевой промышленности. На долю винодельческой отрасли приходится 28,3% продукции промышленности, плодоовощеконсервной – 17,6%; далее следуют мукомольная отрасль, предприятия легкой промышленности и машиностроения. Общая численность занятых в промышленности (по результатам 2009 г.) составила 5 тыс. чел.

Производственные мощности промышленности Гагауз-Ери позволяют переработать более 150 тыс. тонн винограда, ферментировать 5 тыс. тонн табака, производить 148 тыс. тонн муки. Промышленные предприятия региона способны выпускать 350 тыс. единиц швейных изделий, 60 тыс. кв. м. железобетона.

Большинство промышленных предприятий имеет тенденцию к поиску зарубежных партнеров (Россия, Турция, США, Италия) и созданию совместных производств с поставкой продукции в основном на экспорт. Это тем более важно, что материально-техническая база промышленных предприятий, в том числе пищевой промышленности, нуждается в обновлении – более 60% оборудования в условиях кризиса морально и физически устарело.

С середины 90-х годов увеличивается доля промышленной продукции, производимой предприятиями частного сектора. Важной предпосылкой размещения промышленных объектов в сфере малого и среднего бизнеса сельской местности является крупная людность сел (4-11 тыс. чел.) и высвобождение трудовых ресурсов из сельского хозяйства, в условиях концентрации землепользования.

Сельское хозяйство является не только базовой отраслью экономики Гагаузии, но и играет заметную роль в производстве товарной продукции аграрного сектора Республики Молдова: по винограду ежегодно до 20 – 23%, шерсти – 20%, зерну и подсолнечнику – 7 – 8%, мясу – 5 – 6%. По площади, занимаемой виноградниками, Гагаузия уступает только Центральной зоне Молдовы, а по производству находится на первом месте среди районов.

Многоотраслевой характер сельского хозяйства автономии служит своеобразной «подстраховкой» на случай неблагоприятных погодных условий каждого конкретного года. Наиболее устойчиво виноградарство, которое сочетается с садоводством, табаководством, возделыванием зерновых, овощных и кормовых культур, а также животноводством.

Производственный потенциал сельского хозяйства, как по объему продукции, так и по урожайности, имеет тенденцию к снижению. В условиях экономического кризиса и недостатка финансовых ресурсов нарушился питательный баланс почв. Резко сократилось использование минеральных и органических удобрений.

Осуществление аграрной реформы, наделение крестьян земель, реорганизация крупных коллективных хозяйств, создание кооперативов собственников земли, ассоциаций фермеров и предприятий малого бизнеса по обслуживанию сельского хозяйства создают новый социальный и экономический фон в сельской местности. Основной формой концентрации землепользования выступает аренда земли. Земельный рынок находится в стадии становления.

Инфраструктура региона

Производственная инфраструктура региона объединяет предприятия и организации строительства (17 подрядных организаций), транспорта (3 автохозяйства, частные предприятия) и дорожного хозяйства (2 ДЭУ), систем электро-, газо- и водоснабжения. Реорганизация ее в современных условиях базируется на новых правовых, экономических и организационных принципах при сочетании как государственной, так и частной форм собственности.

В отличие от строительства, производственный потенциал которого в условиях кризиса используется крайне недостаточно, по транспорту (объем перевозки грузов) и телефонной связи в последние годы отмечен прирост. Продолжается строительство газопроводов и газовых сетей с целью газификации жилых домов и котельных промышленных и социальных объектов.

Одно из наиболее узких мест в инфраструктуре Гагаузии – крайне низкий уровень водообеспечения населения, промышленности и сельского хозяйства. Как и другие отрасли инфраструктуры, водообеспечение, в первую очередь капельное орошение, чрезвычайно капиталоемкое производство, однако решение этой проблемы является первоочередным, поскольку в значительной мере определяет возможности дальнейшего экономического роста и социального развития автономии.

В общем объеме капитальных вложений на развитие инфраструктуры устойчива тенденция к повышению доли средств экономических агентов и населения и сокращению расходов государственных бюджетных средств. Новая составляющая инвестиций – иностранные кредиты в инфраструктурное строительство (водоснабжение населенных пунктов), строительство дорог.

Протяженность, дорог общего пользования на территории Гагаузии составляет 451,5 км., из них дороги национального значения – 219,8 км. и местные дороги – 192 км. Около 86% протяженности дорог имеет уже не пригодное твердое покрытие.

Обеспеченность телефонной связью городского населения (18,0 телефонов на 100 жителей) и сельского населения (8,5 телефонов на 100 жителей) в Гагаузии выше, чем в среднем по Республике Молдова. Вся территория автономии обеспечена телевидением и радиовещанием, включая местные СМИ.

Предпринимательство и малый бизнес

Предпринимательская инициатива населения Гагаузии проявляется как в увеличении количества экономических агентов во всех сферах деятельности, так и в активизации трудовой миграции, в том числе межгосударственной.

Малый бизнес является весьма активной сферой экономики региона. Он мобилизует значительные производственные ресурсы, пополняет доходы, увеличивает поступления в бюджет. На территории Гагауз – Ери зарегистрировано 7000 экономических агентов (10% ежегодный прирост), в т. ч. предприятия малого бизнеса – 5522, или 83,5% от общего количества экономических агентов Гагауз – Ери.

Позитивный индикатор – объем продукции и услуг в расчете на одного работающего в сфере малого и среднего бизнеса Гагаузии больше, чем в большинстве других районов Республики Молдова. На этой основе поступления в местные бюджеты территориальной автономии, начиная с 2000 года, увеличились в 2,2 раза по отношению к предыдущему периоду.

Немаловажным источником финансовых ресурсов для предпринимательства (строительство, сфера услуг) является поступление денежных средств от работающих за рубежом соотечественников, объем которых, согласно оценкам, составляет не менее 60-70 млн. долларов США ежегодно. Многие, вернувшиеся с заработков из-за рубежа, обладают достаточными средствами для открытия собственного дела, но из-за политической нестабильности и отсутствия гарантий для бизнеса в регионе не рискует вкладывать деньги.

С учетом этих обстоятельств активную поддержку предпринимательства со стороны местных органов – админист-

рации Гагаузии и примэрий городов – следует рассматривать в качестве одного из важнейших направлений дальнейшего укрепления финансовой базы региона. Это касается как создания для малого и среднего бизнеса комфортной среды (ускоренная регистрация, льготное кредитование, уменьшение контрольных проверок, пресечение коррупции), так и развитие «бизнеса для бизнеса» – информационных и консультационных центров, инкубаторов по обучению молодых предпринимателей, содействие в получении кредитов и выходе на новые рынки по экспорту.

Администрация автономии все эти годы проявляла инициативу в поиске путей как более полного использования местного потенциала, так и привлечения финансовых и материальных ресурсов, консультационной помощи извне.

Проблема взаимоотношения бюджетов, общегосударственного и местного, однако, все еще остается объектом дискуссии. Правительство Молдовы регулирует бюджетные отношения с территориями таким образом, чтобы обеспечилось «относительное равенство» по территории страны в социальном отношении. С учетом этого, в Гагаузии бюджетные расходы на душу населения начиная с 2000 года (данные Министерства финансов) составили 480 лей, что на 31% больше, чем в среднем по республике. Оценивая данные цифры, следует принимать во внимание более низкие доходы населения региона, а также большую долю в составе населения нетрудоспособных, прежде всего детей. Сбалансирование бюджета Гагаузии по доходам и расходам сейчас регулируется как субвенциями, так и нормативами на распределение регулируемых доходов. Так если в Гагаузии на 2001 год было предусмотрено 6,9 млн. лей субвенций, 100% отчислений в местный бюджет подоходного налога, налога на прибыль юридических лиц и налога на добавленную стоимость, то в бюджете автономии на 2009 год субвенции составляют уже 130 млн. лей. Поиск оптимального решения данного вопроса продолжается.

В промышленности основные тенденции ее развития определяются расширением частного сектора, как на основе приватизированных государственных предприятий, так и вновь созданных малых и средних предприятий; повышением конкурентоспособности продукции на основе внедрения международных стандартов ISO 9001:2008, 22000, а также изменения структуры производства; восстановлением традиционных производственных и

торговых связей и выходом на новые рынки сбыта. В виноделии – это акцент на высококачественные сухие вина, в консервной промышленности – на экологически чистые соки, фруктовые пюре и концентраты, в швейной промышленности и производстве ковров – с учетом традиционных потребностей рынка и деловых партнеров, в производстве отопительных котлов – с учетом возрастающего спроса на энергосберегающее теплообеспечение жилых домов и т. д.

Положено начало созданию холдингов и кластеров. Пионером в этой области является Концерн «Басарабия-Агроэкспорт» ныне «Вегфрутис» (плодоовощные пюре и соки), который ежегодно дает до 17 % промышленной продукции региона, увеличив выпуск продукции с 2000 года на 76,9%. Работая на основе контрактов с зарубежными фирмами, предприятия легкой промышленности также увеличили выпуск продукции в 2,9 раза. Сотрудничество с турецкими, американскими, английскими, голландскими фирмами на партнерской основе помогает возрождению производства швейных изделий на базе предприятий «Килим», «Дар», «Ридияджер», «Скоп», «Стиль».

Планомерно реализуется программа по увеличению рабочих мест на период 2001-2010 годы на молдово-турецком предприятии «Асена-Текстиль», молдово-итальянском предприятии (Чадыр-Лунгский опытно-экспериментальный завод), молдово-американском предприятии «Аур Алб» по производству растительного масла и муки, Вулканештском предприятии по производству швейных изделий.

Исходя из местных условий, приоритетами для политики в отношении промышленности должны быть усиление экономической и организационной интеграции перерабатывающей промышленности с ее сырьевой базой; особый упор на рентабельные и конкурентоспособные производства; создание совместных предприятий с привлечением иностранных инвестиций и выход на новые рынки; развитие сети малых предприятий в сельской местности на основе использования традиций и местной сырьевой базы (кожа, шерсть, минеральное и растительное сырье), расширение применения труда надомников.

Сфера услуг, прежде всего торговля, развивается на предпринимательской основе, что, однако имеет свои пределы в виде относительно невысоких доходов населения и направления большей

части их (около 70%) на приобретение продуктов питания. Тем не менее, определение путей и методов развития социальной сферы, особенно образования и здравоохранения, должно постоянно находиться в поле зрения Администрации автономии, поскольку именно эти сферы в основном и определяют качество жизни населения. Объем розничного товарооборота в 2008 году достиг 879,1 млн. лей, что превышает уровень 2007 года на 16,7%. Кстати, уровень экспорта товаров в прошлом году по стоимости достиг 840 млн. лей, что является сопоставимым с величинами по году.

В этих условиях массовый характер имеет трудовая миграция за пределы страны, в основном в Турцию и Россию в силу свободного владения русским и турецкими языками. Обращения в центры занятости в поисках работы относительно невелики – 1,8 тыс. человек в год, но «главную опасность целостности гагаузского народа создает перемещение молодого этнического ядра за границы единственной в мире государственности гагаузов – Гагауз Ери. В связи с этим, серьезные проблемы возникают в стабильности воспроизводственных процессов, демографических и социо-культурных перспективах развития автономии».

Социальная сфера

Ключевыми отраслями, составляющими базу человеческого развития, являются здравоохранение и образование, и они по большей части финансируются государственным бюджетом при том, что увеличивается доля платных услуг, особенно медицинских.

Состояние здоровья населения АТО Гагаузия сегодня хуже, чем в Республике Молдова в целом, и чем в соседних районах в частности. Такое мнение высказали специалисты «Эксперт-групп» – консалтинговой организации из г. Кишинев, сделавшие «Анализ экономического положения и потенциала развития АТО Гагаузия». При этом статистические данные свидетельствуют о том, что с точки зрения развития медицинской инфраструктуры и укомплектованности специалистами, положение в АТО Гагаузия обстоит лучше, чем в среднем в районах страны.

Число койко-мест на 10 тысяч жителей в Гагаузии больше, число врачей и младшего медицинского персонала на 10 тысяч жителей выше, но смертность в АТО Гагаузия превышает средние национальный уровень. Особенно плохо обстоят дела с

качеством обслуживания населения в Чадыр-Лунгском и Вулканештском долах (районах). В селах и городах данных долаев заболеваемость раком на 22-35% выше, чем по Молдове. Большие проблемы у населения в связи с болезнями иммунной системы, сердечными и почечными заболеваниями. В 2007 году в АТО Гагаузия на 1000 трудоспособных людей приходилось 3680 больничных дней временной нетрудоспособности против 2200 дней в среднем по районам страны и 2365 – по районам южного региона Молдовы. Есть надежда, что реконструкция больничных корпусов в Чадыр-Лунге, Вулканештах, а также строительство новой больницы в Комрате позволят повысить качество лечения населения Гагаузии, улучшить демографическую ситуацию в автономии, повысить среднюю продолжительность жизни мужчин и женщин.

Образование – как культурно идеологическая доминанта гагаузской государственности

Уровень образования населения гагаузской автономии достиг достаточно неплохого уровня (8,2%) и близок к общереспубликанскому (11,7%) показателю. Создание Комратского Государственного Университета, выделяемая с начала 90-х годов до 2005 года – 10% квота в основные ВУЗы Молдовы и ежегодный прием в ВУЗы Турции, России, Украины, Азербайджана, Кипра – лучших выпускников лицеев позволили поднять образовательный уровень молодежи Гагаузии. Население по-прежнему считает, что образование играет важную экономическую роль и обеспечивает успех в жизни. При этом у родителей еще не угас советский образовательный энтузиазм и они не жалеют денег и порой идут на большие расходы для обучения своих детей в Молдове и за рубежом. В автономии действуют 58 детских садов, 55 дневных школ, гимназий и лицеев, 3 – ПТУ, 2 – колледжа и 1 университет. Системой образования ежегодно охвачено около 35-37 тысяч детей, учащихся и студентов, однако, данный показатель имеет тенденцию к снижению. Число учащихся ПТУ, колледжей и университета в 2007 году составило около 4 тысяч человек.

Насколько отвечает положение в области образования Гагаузии реалиям и потребностям сегодняшнего дня? Судя по имеющимся статистическим данным, запросам Центра занятости и самих предприятий структура и объем спроса на специалистов на

региональном рынке рабочей силы не отвечает современным требованиям. Ощущается переизбыток некогда престижных специальностей (юристов, бухгалтеров, менеджеров). В то же время, на рынке труда автономии существует спрос на инженеров, технологов, агрономов плодовоовощеводов, гидротехников, товароведов. Это, так сказать, структурные проблемы образования и следствие до сих пор не созданной базы данных о выпускниках ВУЗов и ежегодно обновляемой потребности в специалистах предприятий региона. Необходимость разработки и принятия Местного Закона «О квотировании рабочих мест для выпускников на территории Гагаузии» по опыту ряда российских губерний и европейских стран настала и у нас.

Есть и вторая сторона медали. Она связана с этнополитическими и межэтническими отношениями в Молдове на современном этапе. Не вдаваясь глубоко в проблему, скажу лишь то, что языковые проблемы мы из года в год загоняем вглубь. Объяснение простое – нет настойчивого заказа снизу, так сказать от имени народа Гагаузии. А у руководства автономии, чтобы сформировать заказ «сверху» не хватает смелости. Вот и теряем время, забываем родной язык и традиции.

Член-корреспондент РАН Р.Г. Кузеев в программе «Народы Башкортостана» ставит актуальную и для гагаузов задачу «изучать родной язык, глубоко знать народные традиции, сохранить из них те, которые еще работают, попытаться восстановить те, которые могут быть полезными». И в этой работе большую роль могли бы сыграть Комратский университет, колледжи, гимназии и лицеи автономии, преподавательский состав которых мог бы перейти от «изменения образовательного целеполагания к познаниям собственной истории и компетентности». Надо изменить в сознании массового человека стремление к «корочке», так как сегодня оно выглядит карикатурно и не служит базой для серьезного образования, укрепления государственности и гражданского мира.

Потенциал развития сферы культуры и туризма.

«Точки роста» самобытности народа

Специфика образа жизни нового клиента современной туристической индустрии – средний класс предпринимательского общества – такова, что эти люди живут в жестком графике. Это, как правило,

люди мобильные и информированные, значительную часть своего времени проводящие в автомобиле и «нездоровом» урбанистическом пространстве. В установках жизни у них превалирует ориентация «на природу, на экологичность» во всем – месте проживания, питания, досуге, стиле культурного времяпровождения.

Исходя из этого, должен строить свою работу туристический потенциал региона, шоу-бизнес, ресторанный сервис. В условиях финансового кризиса для культурной и туристической индустрии актуальным стал переход от модели S.S.S. (See – Sun – Sand или More – Солнце – Песок) к модели L.L.L. (Lore – Landscape – Leisure или Знания – Ландшафт – Досуг).

Инициаторами и пропагандистами агротуризма, культурная часть которого могла бы стать *точками роста самобытности народа Гагаузии*, кроме местных органов власти, мы надеемся, станут учебные заведения, руководители музеев, домов культуры, общественных организаций. Значительным источником поступлений в бюджет могут стать туризм и рекреационная деятельность. Возможность получать доходы от таких предприятий как гостиницы, гостевые дома, лагеря труда и отдыха, рестораны, кафе, рыбалка, охота, прокат лодок, лошадей и т.д. посещение музеев, винодельческих предприятий, архитектурных ансамблей была оценена на сегодняшний день экспертным путем в 1,1 – 1,5 млн. лей. Вместе с тем, косвенная стоимость их использования оценивается в 3-4 раза больше. Особую ценность представляет территория села Этулия, Вулканештского района, прилегающая к озеру Ялпуг, где возможно создание национального парка с привлечением государственных и частных финансовых ресурсов.

Сельское хозяйство является основой агротуризма поскольку оказывает существенное влияние на формирование сельского культурного наследия. Все многообразие музыкальной, танцевальной, песенной и иной культуры представляет собой историческое наследие гагаузского и др. народов, которое нуждается в сохранении и преумножении.

Кадровое обеспечение

устойчивого развития автономии

Важной проблемой устойчивого развития автономии и его институтов местной публичной власти является кадровое обес-

печение. В США существует система поддержки местных сообществ – «иктенши». В процессе обучения особое внимание обращается на умение будущих профессионалов рационально планировать мероприятия по развитию и «продаже» идей клиентам. В своей работе данные специалисты ориентируются на конкретные потребности местного сообщества, получая при этом научно-методическую и иную поддержку от центральных и региональных государственных учреждений. Таким образом, и в Гагаузии нам необходимо создать двухуровневую систему кадрового обеспечения:

1. Уровень автономии

2. Уровень сел, городов, муниципиев и районов

Перед учебными заведениями и кадровыми учреждениями стоит задача организации учебного процесса в соответствии с потребностями каждого уровня. В учебных планах ВУЗов, колледжей необходимо чтобы был введен блок дисциплин «Устойчивое развитие сельской местности» (Integrated Rural Development). Необходимость преподавания дисциплин данной направленности осознали все развитые европейские страны. Среди ключевых дисциплин наиболее часто встречаются:

- Экономика и природопользование
- Диверсификация сельской экономики
- Региональная экономика
- Развитие сельского предпринимательства
- Законодательство на муниципальном и региональном уровне
- Экологическое земледелие и др.

Большинство студентов изучающих данный блок имеют трехлетнюю университетскую базовую подготовку или высшее образование. Курс обучения в большинстве случаев длится два года и студенты получают степень магистра наук по сельскому развитию. При этом все они регулярно должны стажироваться в органах управления. В современной Молдове, в том числе в Гагаузии работники региональных и местных администраций, как правило, являются специалистами в сравнительно узких вопросах управления. Занятые решением сиюминутных проблем, они не уделяют достаточного внимания перспективным вопросам рыночной экономики и развития самоуправления, не владеют системным представлением и знанием современных методик. **Важ-**

но осуществлять упреждающую подготовку специалистов по программе развития сельских территорий и отраслевых управлений, которые будут востребованы через каждые 3-5 лет.

О том, что такой работы в Гагаузии не проводится подтверждает и факт избрания депутатами сельских и городских советов последнего созыва около 35% людей не имеющих даже среднего образования. Да и в Народном Собрании зачастую возникают кадровые проблемы.

Несмотря на наличие широкой системы образования, в т.ч. профессионально-технических училищ способных, в принципе, обеспечить выпуск большого числа специалистов, она пока не адаптировалась к потребностям рынка труда, предприятия и агрохозяйства Гагаузии испытывают острую нехватку квалифицированных человеческих ресурсов на всех уровнях организации производства.

Думаю, что после II-го Конгресса гагаузов мира мы все таки прислушаемся к мнению экспертов и разработаем программу подготовки кадров и их адаптации к современной жизни в Гагаузии. Каждая страна, каждый регион, а тем более автономия обязана сохранять и преумножать свой потенциал. Без такой программы нет и не может быть движения вперед. Регулярный анализ использования потенциала, достижения роста РВП позволяют оценивать уровень жизни населения, вносить коррективы в бюджет, судить об управленческом профессионализме кадров. Примерами показателей по уровню использования потенциала автономии являются: рабочие места в соотношении с числом жителей, доходы в расчете на душу населения, налог на вид деятельности в расчете на рабочее место, покупательская способность, поступления подоходного налога, активное вовлечение общественности в процесс принятия решений. Реализация подобной программы требует значительных финансовых затрат и нескольких лет работы, но она окупится гарантией самосохранения народа Гагаузии.

Литература

Губогло М. «Именем языка: очерки этнокультурной и этнополитической истории гагаузов», Москва, Наука, 2006.

Мошков В. «Гагаузы Бендерского уезда. Этнографические очерки и материалы». 1900. №1

Пашалы П. «Социально-этнологические и культурные основы самоутверждения Гагаузии как этно-территориального региона Республики Молдова». Вестник Чувашского университета, 2008.

Прохницький В. и Expertgrup. «АТО Гагаузия: Анализ экономического положения и потенциал развития», Кишинев, 2008.

Субботина И. «Гагаузы: расселение, миграция, адаптация», Москва, 2007.

Чепурных Н., Новоселов А., Мерзлов А. «Региональное развитие, сельская местность», Москва, Наука, 2006.

С.С.Булгар

**ГАГАУЗЫ БРАЗИЛИИ.
ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЭМИГРАЦИИ 1925-1930 гг.**

В 1925 году гагаузы из Бессарабии вместе с болгарскими, украинцами, русскими, стали участниками миграции в Бразилию. Несмотря на то, что информация об эмиграции гагаузов и болгар из Бессарабии в Бразилию была, контакты с переселенцами практически были прерваны в 50-60-е годы XX века.

Начиная с 2006 года, автор данной статьи вёл переписку по Интернету с гагаузами Бразилии. Первым, кто ответил на наши обращения, был юрист Емануил Карапунарлы из города Уребаба. Его родители переселились в Бразилию из села Баурчи. Следующим, кто нам написал, был молодой историк из Сан-Паулу Алан Николаев. Его прадеды переселились из села Кириет-Лунга и Александровка.

В ходе переписки мы установили связь с потомками гагаузских эмигрантов, которые, в свою очередь, интересовались своими корнями, историей своих семей, откуда переселились их деды и прадеды. В июне 2009 года автор данной статьи вместе с учёным Иваном Кысса совершили поездку в Бразилию, где собрали ряд материалов и документов о бессарабских эмигрантах, а также сняли видеофильм о современных гагаузах, потомках эмигрантов.

С тех времён, как живёт на земле человек, существует и миграция населения. Миграция – это переселение народов или групп населения, это перемещения населения, связанные с войнами, стихийными бедствиями, этническими конфликтами и религиозными преследованиями, переезды людей в поисках работы. Миграция лиц разных национальностей – это и перенесение определённого языка, элементов национальной культуры и бытовых особенностей на другую этническую почву, в иную этнокультурную среду (Субботина, 2007. С. 91).

Традиции миграции гагаузов уходят своими корнями в далёкое прошлое. Можно перечислить лишь некоторые из них: пе-

реселение из Северо-Восточной Болгарии в 1768 г. (бывшей в то время частью Османской империи), переселение в Бессарабию в 1806-1812 гг. (Мещеряк, 1970. С.3), 1828-1830 гг., 1853-1856 гг., переселение из Бессарабии в Таврию в 1861 г., 1895 г. – переселение из Бессарабии на Северный Кавказ, 1907-1914 гг. – переселение в Сибирь и Казахстан.

Гагаузы, как писал о них В.А. Мошков, «это очень способный, энергичный и трудолюбивый народ, который легко, сам себе, найдёт новый заработок даже и в том случае, если, вследствие естественного прироста населения, обеднеет в земельном отношении» (Мошков, 2004. С.183-184).

В 1918-1940-е гг., когда территория юга Бессарабии оказалась в составе Румынии, традиция трудовой миграции у гагаузов проявилась с новой силой. В условиях низкого уровня развития производительных сил в крае, разрушения традиционных экономических и торговых связей с Россией, обезземеливания, Бессарабия превратилась в рынок дешёвой рабочей силы. Обнищание сельского населения породило массовую эмиграцию в Бразилию, Уругвай, Аргентину.

По итогам Первой мировой войны 1914-1919 гг., Румыния присоединила к старому королевству Бессарабию, Трансильванию, Буковину. Но как показало время, огромные территории оказались «не по зубам» румынскому государству. Несмотря на принятие «конституции объединения» в 1923 году, которая была призвана реорганизовать и укрепить государственную власть, социально-экономическое положение людей в провинциях оказалось очень тяжёлым и продолжало ухудшаться. Достаточно сказать, что в Бессарабии действовали законы осадного положения. Все государственные чиновники, если они хотели остаться на своих рабочих местах, должны были принести присягу румынскому королю и в течение двух лет сдать экзамен за знание румынского языка. Что касается жизни простых людей, то слабая экономическая база румынского государства, низкие цены на сельскохозяйственную продукцию и многочисленные налоги разоряли крестьян. Если добавить к этому коррумпированную румынскую бюрократию, которая наводнила Бессарабию, произвол жандармов, то становится ясно, что жизнь бессарабцев в составе «Великой Румынии» была просто невыносимой.

В период, когда происходила организованная эмиграция бессарабцев в Бразилию, у власти в Румынии находились ставленники различных партий. Королём Румынии в то время был Фердинанд I. Премьер-министрами Румынии были: Ион И. К. Брэтиану (4-й срок), 19.01.1922-30.03.1926 гг., Национальная либеральная партия; Александру Авереску (3-й срок) с 30.03.1926-04.06.1927, Народная партия; Князь Барбу Штирбей, 4 июня 1927-21 июня 1927, беспартийный; Ион И. К. Брэтиану (5-й срок), 21 июня 1927-24 ноября 1927, Национальная либеральная партия; Винтилэ Брэтиану, 24 ноября 1927-11 ноября 1928, Национальная либеральная партия; Юлиу Маниу (1-й срок), 11 ноября 1928-8 июня 1930, Национал-цэрэнистская партия; Георге Г. Миронеску (1-й срок), 8 июня 1930-13 июня 1930, Национал-цэрэнистская партия (Поп, Болован, 2005. С.560).

Несмотря на демократическую конституцию 1923 года, проевропейские, демократические заявления румынского правительства, во внутренней политике Румыния начала проводить политику вытеснения национальных меньшинств. Одной из возможностей избавления от украинцев, болгар, гагаузов явилась эмиграция в Бразилию.

У каждого потомка-эмигранта в Бразилии в доме хранится папка с документами, начиная с румынского иммиграционного паспорта.

По сохранившимся документам можно установить, в каких условиях происходило оформление документов желающим эмигрировать. Заинтересованной стороной в этой эмиграции была Бразилия, которая и оплачивала все расходы. В соответствии с договором, жители Бессарабии, пожелавшие эмигрировать, должны были записаться в списки эмигрантов. После этого кандидаты на эмиграцию должны были пройти медосмотр в уездных городах Тигина, Аккерман, Кагул и т.д. Некоторые семьи проходили медицинский осмотр в Бухаресте и там же получали паспорта и оформляли документы на транспортный проезд. Получив справку, подтверждающую состояние здоровья, семья кандидата должна была сфотографироваться. После короткого собеседования в уездном комиссариате полиции семья получала иммиграционный паспорт (*paşaport de emigrare*), куда приклеивалась фотография членов семьи. Необходимо заметить, что румынские власти в паспортах эмигрантов отмечали,

что они «граждане Румынии» и по национальности «румыны». Здесь скрывалась хитрость румынских властей: уезжали, как раз, не румыны, эмигрировать румынам из Бессарабии не позволялось. Уезжали национальные меньшинства – болгары, гагаузы, украинцы, русские. С главой семьи эмигрантов румынское правительство заключало договор о транспортировке (contract de transport), на основании которого получали билет на поезд до порта отправки: Гамбург (Германия), Амстердам (Голландия), Триест (Италия) и др. Здесь они садились на океанский лайнер на места самой низкой категории, располагавшиеся в трюме корабля. Как рассказывал нам Теодосио Калпакчи (в то время ему было пять лет), женщины и дети располагались отдельно, а мужчины отдельно. «Каждое утро, – рассказывал Калпакчи, – я шёл в пекарню на корабле, и мне давали буханку хлеба. С этим хлебом я бежал в помещение, где находились женщины и моя мама. Там в это время раздавали молоко. Я хорошенько завтракал, лез на верхнюю палубу и разглядывал пассажиров, в основном женщин, которых укачало и тошнило в море всем, что они съели». Путешествие на корабле из Европы до берегов Латинской Америки длилось около месяца (Булгар С.С. Личный архив).

В соглашении оговаривалось, что принимающая сторона берет на себя расходы, связанные с переездом, оформляет эмиграционные паспорта, покупает билет на пароход, обеспечивает едой во время пути. За это переселенцы должны были трудиться на своих хозяев три года. Почувяв запах наживы, в села ринулись ушлые коммерсанты. Они ходили по домам и расписывали райскую жизнь в Южной Америке. Тут же составляли списки желающих получить заветный билет.

Пассажиры корабля «BELVEDERE», рейса Триест–Рио-де-Жанейро–Сан-Паулу:

1. Яланжи Димитри (34 года) глава семьи, Баурчи; его жена Елена (34 года), их дети: Теодора, Василиса (7 лет), Елена (5 лет), Михаил (1 год).
2. Гайдаржи Георге (46 лет), глава семьи, Баурчи; его жена Теодора (33 года), их дети: Анастасия (16 лет), Илие (14 лет), Елена (12 лет).
3. Филчев Димитри (38 лет), глава семьи, Баурчи; его жена Софья (32 года), их дети: Иоан (12 лет), Димитри (6 лет).

4. Кадан Иоанн (62 года), глава семьи, Баурчи; его жена Теодора (63 года), сын Константин (25 лет), жена сына Катерина (24 года), дочь Елена (20 лет), сын Димитру (5 лет), Харитон (5 лет), внучка Анна (5 лет).
5. Гайдаржи Николай (43 года), глава семьи, Баурчи; его жена Параскива (41 год), их дети, Василие (18 лет), Анна (14 лет), Афанасие (11 лет), Стефанида (5 лет), Мария (3 года), Теодора (4 месяца).
6. Яланжи Иоанн (37 лет), глава семьи, Баурчи; его жена Мария (37 лет); их дети: Николае (12 лет), Иоанн (7 лет), Михаил (6 лет), Елена (4 года), Варвара (2 года).
7. Гайдаржи Василе (42 года), глава семьи, Баурчи; его жена Стефанида (41 год), их дети: Софья (16 лет), Стефанида (11 лет), Василе (8 лет), Теодор (4 года), Николае (2 года – умер 02.03.1926 г.).
8. Торлак Николае (37 лет), глава семьи, Баурчи; его жена Катерина (39 лет); их дети: Иоанн (7 лет), Теодор (5 лет), Елена (3 года), Евдокия (1 год), Димитри (1 год – умер 26.02.1926 г.).
9. Михайлович Тимофей (27 лет) глава семьи, Конгаз; его жена Анна (23 года); их дети: сын (5 лет), Андрей (3 года – умер 21.02.1926 г.), Мария (1 год – умерла 01.03.1926 г.), Владимир (4 месяца – умер 28.02.1926 г.).
10. Терзинов Андрей (37 лет), глава семьи, Казаклия; его жена Анна (36 лет), сын (4 года).
11. Тиагор Георге (28 лет), глава семьи, Казаклия; его жена Меланья (29 лет), сын (3 года).

Чтобы реализовать свою мечту о собственной земле, бессарабские эмигранты, не знающие ни слова по-португальски, отправлялись на дальние кофейные плантации, в лесные штаты, где, расчистив участок, начинали заниматься сельским хозяйством.

Бессарабцы вписали свою страницу в историю Бразилии, были среди тех, кто осваивал новые земли, внес свой вклад и в становление государства в XX в.

По приезде бессарабцев в Бразилию, у них начались проблемы. Из порта Сантос бессарабцев доставили в Сан-Паулу и распределили по кофейным фазендам.

Но, как писал исследователь истории эмиграции в Бразилию Константин Парчевский в 1937 году: «Организаторы этого переселения не справились со своими задачами. Крестьян соблазнили землей, – наобещали им, по приводившемуся ранее договору, и дом, и первоначальный инвентарь, привезли за тридевять земель в первобытный тропический лес и бросили на произвол судьбы и бразильской компании, которая, как всякая подобная организация, похуже самой суровой судьбы. Результат: молодежь уже разбежалась, кто куда мог». Большинство оставшихся пополнили ряды рабочих, но часть приезжих все-таки смогла осесть на земле. Они основали ряд общин, имевших тесные связи с Варпой. Об их жизни сообщалось следующее: «Жители колоний занимаются главным образом земледелием, шелководством, которое распространено и дает при удаче хороший заработок. Птицеводство и скотоводство дают свой доход. Продукты – яйца, куры, масло – продаются в Сан-Паулу, где хорошо оплачиваются». О том, что гагаузы и болгары разводили кур, держали коров, рассказывал нам Карлос Дьяков из города Сан-Жозе-дус-Кампус.

Надо отметить, что в Бразилии существовали крупные общины выходцев из Прибалтики. В 1910 г. недалеко от Сан-Паулу обосновалась община латышей-баптистов, которая называлась «Новая Одесса». На первых порах они оказали новым иммигрантам существенную помощь.

Особенно хорошо дело обстояло в общине «Варпа». Как писал исследователь К. Парчевский: «Латышей, приехавших сюда и положивших основание колонии, насчитывается 2 тыс. человек. Колония занимает 2 тыс. акров земли. Колонисты живут по хуторам, разбросанным друг от друга на недалеком расстоянии. За 13 лет существования колония сильно окрепла, развилась. Труд победил, кажется, невозможное. Лес пал под ударами топора и сгорел в огне, давая место полям и пастбищам. Зазеленели поля, и на сочных пастбищах появился породистый скот. Вместо первоначальных глиняных (земляных) хат и пальмовых избушек теперь поднимаются одно за другим красивые деревянные и кирпичные здания». В центре «Варпы» построили общественный центр вместимостью до 1000 человек, в котором проходили богослужения, имелась здесь и школа. Жители «Варпы» были баптистами, поэтому действовал строгий запрет на алкоголь.

Несмотря на многочисленные трудности, с которыми столкнулись бывшие бессарабцы в Бразилии, их община продолжала неуклонно расти. «Безработных среди этих эмигрантов, – писала «Русская газета», – не имеется, а если и бывает иногда, то это является результатом перемены места или профессии, ибо здесь является результатом перемены места или профессии, ибо здесь сплошь и рядом приходится брать то, что идет в руки... Многие из эмигрантов устроились очень хорошо» (Хисамутдинов, 2005).

Многие бессарабские эмигранты стали селиться в городах. Встретившийся с ними К. Парчевский писал: «Русские, и их довольно много, больше двух тысяч, живут в Сан-Паулу, промышленном центре Бразилии, главном городе штата. Это в трех часах пути от порта Сантоса, в котором высаживаются с Флориды русские крестьяне, направляющиеся в Парану... К климату кое-как приспособились и, в общем, чувствуют себя неплохо, все уже освоились с португальским языком и свободно читают местные газеты, дети же, как водится, забывают родной, так как учатся в португальских школах».

Приводим список некоторых семей, обосновавшихся в Бразилии – это жители колонии «Прата» в 1934 году:

1. Тимофей Дьяков,
2. Жозе Микитчук,
3. Стефан Дьяков,
4. Василе Патичан,
5. Костадин Дулгер,
6. Жозе Муржи,
7. Стефан Лозов,
8. Деметре Дьяков,
9. Василе Муржи,
10. Афанасе Кара Танасов,
11. Мигель Калпакчи,
12. Андре Кара Танасов,
13. Теодоро Кара Танасов,
14. Жорже Греков,
15. Семён Микитчук,
16. Деметре Дьяков,
17. Теодор Железоголо,
18. Жозе Дьяков,
19. Жозе Калан,
20. Педро Лозов,

21. Виктор Кенфелдт,
22. Мойзес Ковалюк,
23. Базил Микитчук,
24. Кобалак,
25. Жорже Греков,
26. Мигель Греков.
27. Семья Георгия Арнаут.
28. Семья Михаила Калпакчи.
29. Семья Эммануила Камбура
30. Семья Владимира Костева. *Из села Александровка, Аккерман, Бессарабия.*
31. Семья Делик
32. Семья Карлоса Дьякова. *Из села Кириет-Лунга, Тигина, Бессарабия.*
33. Семья Тимофея Дьякова. *Из села Кириет-Лунга, Тигина, Бессарабия.*
34. Семья Харлампия Драганова. *Из села Александровка, Аккерман, Бессарабия.*
35. Семья Иоана Гайдаржи. *Из села Баурчи, Бессарабия.*
36. Семья Фёдора Железоголо. *Из села Кириет-Лунга, Тигина, Бессарабия.*
37. Семья Константина Киорогло. *Из села Чадыр-Лунга, Бессарабия.*
38. Семья Георгия Манастырлы, *Из села Чадыр-Лунга, Бессарабия.*
39. Семья Иоана Николаева. *Из села Кириет-Лунга, Тигина, Бессарабия.*
40. Семья Афанасия Рагнева. *Из села Александровка, Аккерман, Бессарабия.*
41. Семья Педро Рагнева. *Из села Александровка, Аккерман, Бессарабия.*
42. Семья Николая Терзи. *Из села Старые Трояны. Бессарабия.*

Кофейные фазенды, где работали гагаузы и болгары:

1. Фазенда Оме, Локализасао (пригород Сан-Паулу).
2. Фазенда Баррейро, Сан-Симан.
3. Фазенда Батон Катле, Оуринхос (Имедиакос, пригород Ларанжа-Доче).

4. Фазенда Бела Виста., Аваре.
5. Фазенда Конкордия, Аваре.
6. Фазенда Фигуера, Рибейран Прето.
7. Фазенда Гуатарара, Гуатарара.
8. Фазенда Этау Пиментел, Салто (Имедиагоес да Кидаде де Иту).
9. Фазенда Жатаи, Сан Симан (Луиз Антонио).
10. Фазенда Пагет, Жоан Рамалхо (Имедиакос да Кидаде де Куата).
11. Фазенда Перобас, Орланда (Морро Агудо).
12. Фазенда Палмерио, Региан Могиана.
13. Фазенда Пимента, Сан-Роке (Имедиакос).
14. Фазенда Прата, Бродовский.
15. Фазенда Руи Барбоса, Оуринхос (Имедиакос).
16. Фазенда Санта Клара, Бенто Куирино.
17. Фазенда Санта Лиина, Куата.
18. Фазенда Санта Олимпия, Прадополис.
19. Фазенда Сан Луиз (Маримбондо), Сан-Жоадум-да-Барра (Имедиакос).
20. Фазенда Сан Мартин
21. Фазенда Соуза Куэйрос, Лемме.
22. Фазенда Санта Нелена, Сан-Симао.
23. Фазенда Вила Витория, Салто-де-Иту (Серра-де-Ботукату).

Список гагаузов, находившихся в лагере на острове UBATU-BA и умерших от разных болезней в 1926 г.:

1. Жеан Узуногло, Аккерман.
2. Василе Топало, Бендерский.
3. Жорже Арнаут, Аккерман.
4. Николас Кристиогло, Бендерский.
5. Матрона Керогло, Илха-дос-Портос.
6. Василий Карапанарлы, Бендерский.
7. Георги Керогло, Бендерский
8. Матрона Керогло, Тегеножски.
9. Жеан Узун, Бендерский.
10. Хелена Киарогло, Бендерский.
11. Сава Топал, Аккерман.
12. Константин Арнаут, Бендерский.

13. Фёдор Киорогло, И. Роркос.
14. Прасковья Капакла, Бендерский.
15. Мария Кара, Бендерский.
16. Давид Торлак, новорождённый.
17. Мария Генова, Аккерман.
18. Димитри Генов, Бендерский.
19. Доминика Курдогло, Аккерман.
20. Иван Яланжи, И.-дос-Поркос.
21. Димитри Яланжи, Бендерский.
22. Мария Пеева, Кагульский.
23. Андрес Дрункогло, Аккерман.

Основная масса гагаузов обосновалась в г. Сан-Паулу и его пригороде.

Сан-Паулу (порт. *São Paulo*) — столица одноимённого штата в Бразилии. Расположен на Юго-востоке Бразилии, в долине реки Тьете, в 70 км от побережья Атлантического океана.

Площадь города составляет 1 523,0 кв. км, а население — 11 016 703, что делает его наиболее населённым городом в южном полушарии (с пригородами около 19 миллионов) (Энциклопедический словарь «Латинская Америка», 1980. С. 424).

Кто побывал в современном Сан-Паулу, хорошо может себе может представить, каким был город 80 лет назад. Центр Сан-Паулу и ряд его микрорайонов застроены высотными зданиями, образно говоря, напоминают «джунгли капитализма». В то же время, большие территории города — одноэтажные, двухэтажные дома в латиноамериканском стиле, с узкими дворами, небольшими комнатами. Кроме этого, бросается в глаза масса трущоб: домишки из фанеры, кусков жести, всё это приспособлено для укрепления маленького временного жилища. Районы города Сан-Паулу, где селились 80 лет назад гагаузы вместе с болгарскими, украинцами, русскими — это Вила Зелина, Мока, Вила Прудента.

Сегодня, проезжая по бывшим местам поселений эмигрантов, можно видеть следы былой бедности. Тем не менее, заметно улучшение материального положения небогатых слоёв населения города. Все улицы заасфальтированы, много новых домов, украшенных небольшими садиками из тропических растений.

Руководитель общины болгар и гагаузов в Сан-Паулу, Димова Софья, пригласила нас к себе в гости, чтобы мы смогли познакомиться с её отцом — Димовым Жулио Ивановичем, 1912 года рождения, родом он из села Валя-Пержей Чадыр-Лунгского района. Это единственный представитель бессарабских эмигрантов, доживший до наших дней, который прибыл в Бразилию из Бессарабии в сознательном возрасте. Во время эмиграции Димову было четырнадцать лет.

Ветеран бессарабской эмиграции встретил нас в хорошем расположении духа, он в здравом уме и памяти, хорошо помнит в деталях, как проходила эмиграция. Наш герой рассказывал, что в один прекрасный день по селу стала распространяться информация, что каждый, кто пожелает, может уехать в Америку. Об этом говорили все, обсуждали тему эмиграции дома, на улице, в поле. Вскоре в помещении примарии открылся пункт, где специальный представитель по вопросам эмиграции консультировал всех желающих. Вскоре желающие уехать в Бразилию стали получать иммиграционные паспорта и транспортные документы. (По информации бразильского историка Жоржа Кочкикова, установлено, что из села Валя-Пержей Чадыр-Лунгского района в Бразилию уехали сорок восемь семей).

27 февраля 1926 года отец и сын Димовы выехали на поезде в Бухарест, где прошли медицинскую комиссию, получили справку и через Венгрию, Германию прибыли в Голландию. В порту города Амстердама они сели на корабль. Юному Димову запомнился зимний вечер и большое количество эмигрантов, садившихся на корабль.

По прошествии месяца плавания через Атлантику, корабль прибыл в Рио-де-Жанейро. Здесь они пробыли неделю в иммиграционном центре, оттуда — в Сан-Паулу. Через несколько дней они уже работали на кофейных плантациях. Так началась жизнь эмигрантов в Бразилии. Вначале они поселились в колонии Парайсо, затем — в колонии Новая Одесса, в 1937 году — в Сан-Паулу. В 1936 году Жулио Димов женился на Анне Стояновой, 1916 года рождения. У них родилось трое дочерей: Мария, 1937 года рождения; Ольга, 1941 года рождения; Соня, 1946 года рождения.

Жулио Димов никогда не ходил в школу, португальский язык выучил, общаясь со сверстниками на улице. Но смекалки и деловитости ему было не занимать. Всю жизнь он много работал,

занимался коммерцией, имел несколько магазинов. В 70-е годы XX века приезжал в Советский Союз, чтобы навестить родственников в Валя-Пержей. Советские власти пытались агитировать его, показывали поля колхоза, коровники, но удивить не смогли. Ветеран иммиграции восклицает: «Уже будет скоро сто лет, как мы уехали из Бессарабии, когда же там наступят перемены!» (Булгар, Личный архив).

В Сан-Паулу живут много родственников по фамилии Болгар. Основателем рода Болгар в Бразилии является Димитрий Болгар из Комрата, эмигрировавший в Бразилию в 1925 году. Состав его семьи зафиксирован в эмиграционном румынском паспорте № 2701 и транспортном контракте № 36 от 30.12.1925 г. Вот этот список: Димитрий Болгар (37 лет), его жена Агафья (34 года), дети – Константин (15 лет), Илие (13 лет), Петре (11 лет), Елена (9 лет), Митра (5 лет), Николае (4 года), Парасковья (2 года), Екатерина (1 год) (Булгар, Личный архив).

В аэропорту Сан-Паулу нас с И.С. Кысса встретили Мойзес да Сильва Болгар и его сын Алексей. Они пригласили нас остановиться у них дома. Мы с удовольствием приняли их предложение. Это небогатая, но очень гостеприимная семья. Всё время пребывания в Бразилии мы жили у них, в специально отведённой для нас комнате, где был установлен компьютер с Интернетом.

Алексию Болгару восемнадцать лет. Он очень интересуется своей родословной. Мечтает приехать в Молдову, поступить учиться в Комратский государственный университет. Он попросил нас обратиться к руководству Гагаузии и ректору Комратского госуниверситета за содействием в осуществлении намеченного плана. О серьёзности намерений молодого человека свидетельствует то, что он самостоятельно изучает румынский и гагаузский языки. У Алексия есть две сестры – Милена и Мартина, школьницы. Самая младшая в семье, Мартина, передала привет на гагаузском языке гагаузам Молдовы.

И.С. Кысса запланировал снять на киноплёнку Мартину Болгар во время занятий в школе. Мы побывали в школе, расположенной в районе Сан Каetano де Суд. Школа находится в прекрасном здании, окружённом забором, актовый зал летней конструкции, во дворе растут пальмы, тропические цветы. Дети одеты в школьную форму, напоминающую спортивную. У двери – охрана, вход посторонним – только по разрешению начальства.

Но ни просьба отца девочки, Мойзеса-Сильвы Болгар, ни наше присутствие как гостей из Молдовы и Белоруссии не повлияло на решение директора школы. Получить разрешение на проведение съёмок на территории школы можно было только у вышестоящего начальства.

За время пребывания в Сан-Паулу мы познакомились со многими представителями рода Болгар. Один из их родственников – Владимир Булгаро – является владельцем фирмы по ловле и разделке морепродуктов, которые они поставляют в торговые точки и рестораны по всей Бразилии. Мы побывали в его офисе. Система управления фирмой построена через Интернет. В кабинете по мониторам директор фирмы наблюдает, как в цеху, который расположен за две тысячи километров от Сан-Паулу, идёт разделка рыбы. Владимир Булгаро – молодой человек, очень активный и деятельный. Информацию о Молдове, Гагаузии, о его родословной из Комрата, он выслушал внимательно, но особого впечатления наш рассказ на него не произвел.

Одна из самых трогательных историй, произошедших во время нашего пребывания в Бразилии – это восстановление родственных связей Ивана Степановича Кысса с его бразильскими родственниками.

Его родители, родственники из сёл Александровка, Димитровка, Красное всегда рассказывали, что их родственник, Теодор Параскива с семьёй в 1925 году уехал в Бразилию. В 40-е годы XX века из Бразилии приходили письма, но потом связь прервалась. В 1990 году Николай Параскива из Бразилии в Александровку написал ряд писем на гагаузском языке и прислал несколько фотографий своей семьи, которая жила в Сан-Паулу. Иван Степанович нашёл эти письма и фотографии (Булгар, Личный архив).

Накануне нашего прилёта в Бразилию молодой историк из Сан-Паулу, Алан Николаев, смог найти Нейфу Параскива-Брындау, двоюродную сестру Ивана Степановича Кысса. Она встретила нас вместе с семьёй Болгар в аэропорту Сан-Паулу. Нейфа работает администратором по социальным проектам в государственных структурах, её муж – врач.

На следующий день после приезда в Сан-Паулу мы побывали в гостях у семьи Параскива-Брындау. Родственники Ивана Степановича живут в фешенебельном высотном доме. С балкона их

дома открывается панорама центра города. Дом построен по проекту, который обеспечивает повышенную безопасность его жильцов и напоминает средневековый королевский дворец. У входа в подъезд – двойная решётка. Внутренняя решётка открывается только после закрытия внешней. Везде охрана, которая наблюдает за происходящим вокруг дома. Подобная же система – в подземном гараже, откуда устроен отдельный лифт, поднимающий вас прямо в квартиру.

Специально для гостей из Белоруссии и Молдовы был приготовлен ужин. Этот вечер был посвящён воспоминаниям об основателе рода Параскива, эмигрировавшем из Бессарабии, из села Александровка, в Бразилию в 1925 году. Мы просматривали альбомы с фотографиями, папку с многочисленными документами, по которым можно было проследить историю жизни эмигрантской семьи, которая начинала жизнь с одного чемодана багажа и смогла достичь высокого материального благосостояния.

В этот вечер мы узнали много подробностей из жизни семьи Параскива в Бразилии. Дедушка Нейфы, Николай Параскива, после нескольких лет работы на кофейных плантациях, перевёз семью в Сан-Паулу. Здесь он окончил курсы водителей городского трамвая и с этого времени, до выхода на пенсию, возил пассажиров по улицам Сан-Паулу. Выстроил дом. Когда его сын женился, для новой семьи построил отдельный дом.

Дочь семьи Параскива-Брындау, Нина (школьница), показала нам свой реферат, где она исследовала историю своей семьи. Об этом она рассказывала со знанием дела и с большим уважением к своим дедушкам и бабушкам, которых она называет «дяду» и «бабу». А то, что вообще не забывается, так это название блюд, которые готовила баба Зина – «манжа», «борщ», «мамалига», «селёдка» и другие гагаузские блюда.

Улица Дмитрия Дьякова в городе Сан-Жозе-дус-Кампус, названа в честь одного из самых ярких личностей в истории гагаузской эмиграции в Бразилии – Дмитрия Дьякова, 1900 года рождения.

Судьба этого человека неординарна. Он родился в царской России, хорошо знал русский язык, имел начальное образование. Уже в румынский период, с 1918 года, он приобрёл хорошие знания румынского языка. По легенде, которую нам рассказали его дети, в 18 лет он прочитал Библию и проникся идеями бап-

тизма. Совсем ещё молодым человеком объединил вокруг себя около пятнадцати-двадцати семей в Кириет-Лунге и стал проповедывать баптистское учение в селе. Когда в 1925 году стало известно, что румынское правительство открывает возможности для беспрепятственной эмиграции в Америку, Дмитрий Дьяков со своими сторонниками проникся идеей эмиграции, он говорил и убеждал всех, что в Бессарабии Румынское правительство не даст им жить, не позволит свободно проповедовать баптизм. «И вообще, – говорил Д. Дьяков, – всё равно здесь начнётся война... Мира здесь не будет».

Дмитрий Дьяков убедил своих единомышленников в необходимости эмигрировать в Америку. Тогда он толком не понимал, в какую страну американского континента они едут. Понятно, что никаких географических и исторических понятий у этих людей не было. Они просто последовали за своим пастырем.

Организацией переселения занимался сам Д. Дьяков: собрал необходимые документы, хлопотал об эмиграционных паспортах. Наконец, когда всё было готово, группа в количестве двадцати семей во главе с Д. Дьяковым двинулась в путь в далёкую Америку (Cocişov, 2007. p. 335).

В 1929 году в восьмидесяти километрах от города Сан-Паулу образовалась сельскохозяйственная колония под названием «Прата», население которой составляли, в большинстве своём, гагаузы. Это были последователи Дмитрия Дьякова, который был лидером в этой баптистской общине. Колония «Прата» образовалась после того, как гагаузы проработали несколько лет на кофейных плантациях и смогли заработать деньги, которые потратили на покупку земли.

Вот список жителей колонии «Прата» в 1934 году: Тимофей Дьяков, Жозе Микитчук, Стефан Дьяков, Василе Патичан, Костадин Дулгер, Жозе Муржи, Стефан Лозов, Деметре Дьяков, Василе Муржи, Афанасе Кара Танасов, Мигель Калпакчи, Андре Кара Танасов, Теодоро Кара Танасов, Жорже Греков, Семён Микитчук, Деметре Дьяков, Теодор Железоголо, Жозе Дьяков, Жозе Калан, Педро Лозов, Виктор Кенфелдт, Мойзес Ковалюк, Базил Микитчук, Кобалак, Жорже Греков и Мигель Греков (Cocişov, 2007, p. 130).

В том, что колонисты «Праты» смогли укрепить своё экономическое положение, большую роль сыграла латышская

община баптистов «Варпа». Солидарность с братьями по вере выразилась в помощи стройматериалами при обустройстве колонии и постройке в 1934 году баптистского молитвенного дома. Этот молитвенный дом можно увидеть на разных этапах строительства и уже после его окончания. Жители колонии «Прата» занимались выращиванием хлопка, затем очень выгодным занятием стало разведение шелковичных червей. В 1938 году сельскохозяйственная колония «Прата» стала распадаться, причиной послужило уменьшение заработков от занятия сельским хозяйством. Это было связано с общей ситуацией в сельском хозяйстве Бразилии. Другой причиной распада колонии стали особенности почв (в основном, песчаных), из-за чего грузовой транспорт не мог подъехать к колонии для вывоза готовой продукции. Постепенно жители «Праты» стали один за другим продавать свои земли и уезжать в Сан-Паулу, где можно было найти работу в строительстве. Зарботки там были более стабильными и высокими, чем при занятии сельским хозяйством. Таким образом, в 1940-е годы гагаузская колония «Прата» прекратила своё существование. Сам Дмитрий Дьяков переехал в город Сан-Жозе-дус-Кампус, где и обосновался. Но его активная натура проявилась и здесь. Через несколько лет он на накопленные деньги купил участок земли недалеко от города, где построил несколько домов, основал хозяйство. Город Сан-Жозе-дус-Кампус разросся, и сегодня эта территория расположена в одном из фешенебельных районов города, где находится магазин и ресторан, принадлежащие детям Дмитрия Дьякова.

Первое впечатление о городе очень благоприятно – это красивый современный город. На автовокзале нас встречает г-жа Дерлен Калпакчи. На своей машине она возит нас по городу и знакомит с его достопримечательностями. Мы приятно удивлены: город Сан-Жозе-дус-Кампус довольно сильно отличается от города Сан-Паулу, в глаза нигде не бросаются районы трущоб, много красивых, ярких зданий, с аккуратными, чистыми подъездами. Привлекают внимание улицы с двухэтажными белоснежными виллами, везде чистота и порядок, множество прекрасных цветов.

Дерлен Калпакчи привозит нас в дом своего отца, Теодосио Калпакчи. Её отец живёт в собственном прекрасном доме, где со-

зданы все условия для комфортной жизни. За отцом ухаживает служанка. Когда мы приехали, отец был на прогулке. Нас приглашают обедать. Надо сказать, что в Бразилии превосходная кухня, много разных соусов и приправ. За столом Дерлен рассказывает нам историю своей семьи.

Семья Калпакчи живёт в городе Сан-Жозе-дус-Кампус. Основатель рода Калпакчи – Теодосио Калпакчи, 1921 года рождения. Его родители, Михаил и Матрона, прибыли в Бразилию в 1925 году из села Кириет-Лунга Чадыр-Лунгского района. У Теодосио было три сестры, Прасковья, Мария, Елена, и брат Иоан.

Путь их в Бразилию пролегал через Бухарест, Вену в Италию, где в порту Триест они сели на корабль 21 октября 1925 года. На корабле женщины жили отдельно от мужчин, и маленький Теодосио ходил к матери и сёстрам, гулял по кораблю, любил смотреть с верхней палубы на океан. Через месяц плавания они прибыли в порт Сантос в Бразилии.

Первоначально их семья поселилась на fazende Pерабос, позднее – на fazende Палмитос. Fazenda Перабос находилась у реки, где было много комаров, и люди болели малярией. После этого родители вместе с другими гагаузами купили землю и создали колонию «Прата». Обосноваться на этом месте им помогал баптистский пастор Карлос Григорович, который жил в колонии «Варпа», основанной латышскими эмигрантами.

Когда Теодосио Калпакчи исполнилось 18 лет, он устроился работать продавцом в магазин, где продавали ткани. В 1945 году Теодосио женился на итальянке Марии Жозе. У них родились дети: Дерлен Калпакчи (1946) и Алда Ириа (1949).

Сейчас Теодосио Калпакчи под 90 лет. Ему было пять лет, когда родители привезли его в Бразилию. В настоящее время дедушка Феодосий уже плохо слышит, да и гагаузский язык, оказывается, подзабыл. Когда мы начинаем говорить на гагаузском, он, незаметно для себя, переходит на португальский.

Общение с Дерлен Калпакчи было для нас большим открытием. Мы узнали много интересного из жизни их семьи, эмиграции, об истории города Сан-Жозе-дус-Кампус. Она окончила философский факультет университета в городе Вале-до-Параибо. В настоящее время работает в туристической фирме. Её сестра Алда Ириа окончила экономический факультет университета и работает экономистом (Cocicov, 2007, p. 221).

Дерлен Калпакчи считает себя бразильянккой, но до сих пор интересуется историей своей семьи, хочет знать о своих корнях. Но, к сожалению, время неумолимо, и. единственное, что она знает из гагаузского языка – это названия некоторых блюд гагаузской кухни: «сарма», «туршу», «манжа», «каша», «мамалига», «плачинта».

В городе Сан-Жозе-дус-Кампус существует небольшая гагаузская община. Один из представителей общины – сын известного проповедника Дмитрия Дьякова – Карлос Дьяков, второй – полковник авиации в отставке Альфонсо Рагнев. Оба хорошо говорят по-гагаузски. Дело в том, что мать Карлоса, Александра Дьякова, всю жизнь говорила с детьми на гагаузском языке. Альфонсо Рагнев в 1990 году был на родине своего отца, в селе Александровка Болградского района Одесской области, где частично восстановил знания гагаузского языка, на котором он говорил с родителями в детстве. Многолетняя военная служба привела к тому, что он подзабыл родной язык.

Карлос и Альфонсо рассказали нам об истории и жизни своих родителей. Из их рассказов мы получаем представление о том, как протекала их жизнь в Бразилии на протяжении многих десятилетий.

Сестра Карлоса Дьякова – Марта Дьякова – говорит по-гагаузски примерно так же, как сегодня говорят в Кириет-Лунге. Оказывается, в 1972 году она вместе со своим отцом, Дмитрием Дьяковым приезжала в Молдавию, и жила в Кириет-Лунге около трёх месяцев. Мы слышим от Марты много различных фактов, историй, приключений, которые она испытала во время этой поездки. Сохранилась фотография, где Марта запечатлена с подругами на Чадыр-Лунгском базаре. Сегодня Марта живёт жизнью бразильского буржуа. У неё в собственности несколько магазинов и ресторанов. В доме за ней ухаживает прислуга.

Одна из самых интересных встреч с гагаузами Бразилии – это встреча с бабой Верой Кара-Танасовой. Она живёт в пригороде Сан-Паулу, в районе Вилла Зелина, где традиционно селились гагаузы во время эмиграции. Мы входим в аккуратный дворик с небольшим садиком, чистота – идеальная. Весь дворик покрыт кафелем. Несмотря на то, что бабе Вере идёт девятый десяток, она выглядит намного моложе. Баба Вера прекрасно говорит по-гагаузски. Удивительно было беседовать здесь, в Сан-Паулу, на красивом гагаузском языке.

Судьба Веры Кара-Танасовой во многом похожа на судьбы гагаузских эмигрантов. Она приехала сюда вместе с родителями ещё ребёнком. Вначале родители работали на кофейных плантациях. Уже тогда, играя и общаясь с детьми других эмигрантов, она выучила португальский язык. С самого основания колонии «Прата» до её развала семья Кара-Танасовых жила, трудилась и достигла хорошего благосостояния. Когда она выросла, уехала из колонии в Сан-Паулу и устроилась работать прислужкой к богатым бразильцам. Вера Кара-Танасова сохранила хорошее знание гагаузского языка и всю жизнь говорила на нём с матерью, братьями, родными, друзьями (Булгар, Личный архив).

Интересным человеком, с которым мы познакомились в городе Сан-Жозе-дус-Кампус, оказался бывший военный, лётчик, Альфонсо Рагнев. Он собирает материалы по истории гагаузов, много лет переписывается со своими родственниками из села Александровка и в 2000 году осуществил свою мечту – совершил путешествие на прародину, побывал у родственников в селе Александровка, а также в селе Копчак. Оттуда он привёз кассеты с гагаузской народной музыкой.

Альфонсо Рагнев рассказал, что в местечке Санта Барбара, провинция Сан-Паулу, где он родился в 1937 году, не было православных церквей, и родители крестили его в католической церкви. Поэтому он является по вероисповеданию католиком. В 1939 году родился брат Педро, а в 1941 году в колонии Новая Одесса – сестра Мария.

Родители Альфонсо Рагнева – Афанасий Рагнев и Феодора Константинова. Его отец, Афанасий Рагнев, родился в 1907 году в селе Александровка, мать, Феодора Константинова – в селе Александрень в 1906 году. Они прибыли в Бразилию, в порт Сантос, в 1926 году. Оттуда переехали в Сан-Паулу и поселились в пригороде Моока. Отец устроился работать сельскохозяйственным рабочим у хозяина Ребейро Переса. С 1929 по 1935 гг. работал в Сан-Паулу слесарем. В 1947 году семья Рагневых переехала в местечко Вилла Пруденте.

В 1950-е годы Альфонсо окончил военно-лётное училище и в качестве бортмеханика прослужил в бразильской армии тридцать лет. Награждён за доблестную службу тремя медалями и различными знаками отличия.

Дома у Альфонсо Рагнева прекрасная библиотека и целый архив писем, которые он аккуратно собирал всю свою жизнь. Это история жизни человека, любящего и уважающего свой народ, прародину, откуда тянутся его корни. Он себя считает настоящим гагаузом и в ближайшее время опять собирается совершить путешествие на родину своих родителей (Cocicov, 2007, p. 552).

Афанасио Язаджи – один из известных людей в городе Сан-Паулу и Бразилии. Афанасио Язаджи много лет ведёт передачи на нескольких каналах радио Бразилии: «Radio Panamericana», «Radio Exulsior», «Radio Tupride», «Radio San Paulo», «Radio Globo de San Paulo», «Radio Capital de San Paulo», а также на телевидении – «TV Bandeirantes», «Real TV» и др. Основными темами его передач являются социально-политическая ситуация, безопасность людей, полицейская хроника в мегаполисах Бразилии. На радио и телевидение он приглашает известных политиков, государственных деятелей, служащих и т.д., где умело ведёт дискуссии на различные темы.

Журналистская популярность Афанасио Язаджи помогла ему четырежды быть избранным в депутаты городского парламента Сан-Паулу в период с 1987 г. по 2007 г.

Корни родителей – из села Авдарма, Комратского района. Афанасио Язаджи родился в 1950 году в городе Сан-Паулу. Его детство прошло в пригороде Мока. Окончил католический университет в Сан-Паулу. После окончания университета занялся журналистикой. Он – автор многочисленных статей, опубликованных различными газетами Сан-Паулу и Бразилии. Он и сегодня очень популярный журналист в Бразилии.

В своём офисе он создал небольшой музей, где собрана уже устаревшая радиотехника, старые компьютеры, микрофоны. В большом шкафу собраны экспонаты, связанные с его политической деятельностью: десятки и сотни различных фотографий, плакатов, постеров, визиток, брошюр, книг, кассет, дисков и др. Но самым ярким экспонатом его музея является железная станина его дедушки-сапожника.

Что помнит он из гагаузского быта его родителей? Афанасио Язаджи (Булгар, Личный архив) сказал нам несколько заветных слов: «манжа», «туршу», «борщ» и др.

Эмигранты, которые смогли скопить определённый капитал в Бразилии, обращались к агентам по продаже земли и часто

покупали земельные участки заочно, не видя их, становясь нередко жертвами мошенников. В хищные лапы часто попадали и те, кто, не выдержав «радостей» заокеанской жизни, решался вернуться домой. «Агенции», прикидываясь предприятиями, связанными с румынским консулом в Сан-Паулу, заверяли клиентов, что они могут вернуться домой за полцены билета в Европу. Если у семьи не хватало и этих средств, агенты брали столько, сколько семья могла уплатить. «Хлопоты» их продолжались до тех пор, пока мошенники не обирали клиентов до нитки, а потом бесследно исчезали.

Все эти невеселые истории наши земляки рассказывали в письмах, которые они отправляли в «Красную Бессарабию» – издаваемый в Москве журнал центрального совета общества бессарабцев. Это издание, которое разными путями доставлялось в Бразилию, осуществляло связь между переселенцами, затерявшимися на огромных просторах этой страны, с их близкими. «Георгий Ябанжи, живущий в Бразилии, – публикует журнал (Стойков, 1935. С. 47) в рубрике «Переключка бессарабцев», – разыскивает односельчан из села Караклия Бендерского уезда: Петра Николаевича Кол, Федора Георгиевича Дюлгера, Георгия и Дмитрия Геркова и Степана Федоровича Димина, не вернувшихся после войны домой в Бессарабию». «Разыскиваю, – пишет в редакцию Емельян Николаевич Стойков, – дядю своего Петра Лазаревича Стойкова и его сыновей Федора и Афанасия, переселившихся в 1914 году из Аккерманского уезда в Тургайскую область. Сам я живу в Бразилии».

Не менее трагично сложилась жизнь «бразильянки» – вдовы Иоаны Пысларь. Прибыв в Сан-Паулу, мать большого семейства выяснила, что землю в Бразилии бесплатно не дают. Старшие сыновья, 24-летний Афанасий и 22-летний Иван, нанялись корчевать лес. Два года мать и ее шестеро детей, перебиваясь случайными заработками, копили деньги на обратный билет. Когда наступило время уезжать, Афанасий и Иван, несмотря на уговоры, остались в Бразилии. Они уже видели себя хозяевами земли. Мать вернулась в Тараклию с разбитым сердцем. Вскоре подросток Николай начал собираться к братьям, которые время от времени присылали бодрые письма. Но парню, не отслужившему в румынской армии, эмиграция не разрешалась. А потом пришли Советы, и границу закрыли вовсе.

За переписку с заграничными родственниками тогда легко можно было угодить в Сибирь. Стремясь укрыться от всевидящего ока новой власти, Иоана перебралась с детьми в маленькое село Кает, что ныне находится в Кантемирском районе. Но даже там вдова и ее дети несколько раз оказывались в списках “врагов народа”. Первый раз их спас сосед, и семейство несколько месяцев пряталось за селом в скирде соломы. А потом они сами научились выкручиваться... В 1949 году Иоаны не стало. Умирала она в полном сознании. Дети молча сидели возле угасающей матери и каждый знал, куда обращена ее страдающая душа. Имена братьев, оставшихся в Бразилии, никто не рисковал произносить вслух уже много лет... Отчий край один из братьев, Иван Пысларь, посетил в 1978 году. 72-летний старик застал живым младшего брата Николая, с которым не виделся полвека. «Хватались за любую работу, – вспоминал Иван свою молодость, – трудились на кофейных плантациях, рубили лес». В те годы Бразилия являлась владелицей громадных запасов природных каучуконосов – гевей. Дельцы разных стран ринулись добывать каучук. В погоне за прибылью они безжалостно калечили рабочих, среди которых было немало бессарабцев. Люди гибли от тяжелого труда, укусов змей, болезней. В этих условиях Иван скопил небольшой капитал, вернулся в пригород Сан-Паулу, купил 400 гектаров земли (Соловьёва, 2008).

*Hey, kardaşlar; kızkardaşlar;
Amerikaya yazılalım,
Toprakları satalım,
Hey, kardaşlar; kızkardaşlar;
Amerikaya yazılalım,
Toprakları satalım,
Adukatlara verelim,
Adukatlara verelim,
Büük doftordan geçelim,
Benderä da varalım,
Büük doftordan geçelim,
Benderä da varalım.
Amerikaya gidelim
Kimi saa buldular;
İleriyä yolladılar;
A kimi saa bulmadılar;*

*Pek gücenik kaldılar.
O ileri gedennär.
Boyar bildilär kendilerini
Şliplerä da pindilär;
Gün üstündän döndülär;
Amerikaya etiştilər;
Amerikaya etiştilər;
Sıcakta dayanmadılar;
Sıcakta dayanmadılar;
Palatkaları gerdilər;
Palatkaları gerdilər;
Suuk su içinä serptilär;
Suuk su içinä serptilär;
Hazır imäk istedilär;
Hazır imäk bulmadılar;
Pek gücenik kaldılar.
Hay, kardaşlar, kızkardaşlar;
Bırda rayı brakalım,
Besarabiyaya varalım.*

Необходимо признать, что те бессарабцы, которые выдержали испытания и остались в Бразилии, смогли добиться материального благополучия. Большинство эмигрантов построили хорошие дома со всеми удобствами, накопили финансовые средства, которые приумножили их дети, купили машины, у большинства из них в домах есть прислуга. Дети и внуки получили хорошее образование, стали истинными бразильцами.

В настоящее время большинство из них не знает гагаузского языка, но сохранило гагаузское самосознание. По религиозному вероисповеданию большая часть гагаузов – члены баптистской церкви, часть – католики, небольшая часть сохранила православную веру и посещает русскую православную церковь (Bulgar, 2009, s. 34).

Молодёжь и школьники в последние годы начинают проявлять интерес к своим корням. В школах организуются специальные уроки по истории эмиграции, и дети участвуют в конференциях с докладами об истории своих семей. Это способствует сбору документов, составлению генеалогического древа родословной семьи. Огромную роль в исследовании истории эмиграции играет

Музей эмиграции в Сан-Паулу, где собран огромный историко-архивный материал по эмиграции представителей различных стран в Бразилию в XIX-XX вв.

Большую научно-исследовательскую работу провёл профессор, доктор истории, **Жорж Кочиков**, который в 2007 году опубликовал двухтомное издание «Болгарско-гагаузская эмиграция из Бессарабии в Бразилию и Уругвай».

Литература и источники:

Булгар С.С. Личный архив.

Мещеряков И.И. Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сёл в Южной Бессарабии (1808-1856 гг.). Кишинёв, 1970.

Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда (Этнографические очерки и материалы). Кишинёв, 2004.

Поп И.А., Болован И. История Румынии. Москва, 2005.

Соловьёва Т. Бессарабцев всегда манили землёй // Газета «Кишинёвский обозреватель», 30 октября 2008 г., № 39.

Стойков Е. Приходится долго ждать очереди // журнал «Красная Бессарабия», 1935, № 7.

Субботина И. Гагаузы: расселение, миграция, адаптация (вторая половина XX – начало XXI вв.). Москва, 2007.

Хисамутдинов А.А. Русские в Бразилии // журнал «Латинская Америка», 2005, № 9.

Энциклопедический словарь «Латинская Америка». Москва, 1980.

Bulgar S.S. Daniil Gargalik – braziliyalı bir gagauz // jurnal “Sabaa Yıldızı”. 2009, № 44.

Cocicov J. Imigração bulgaros e gagauzos bessarabianos “Romenos”. Brazil, Uruguai. Ribeirão Preto. 2007.

ПРИЛОЖЕНИЯ

**СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ
НАУЧНЫХ РАБОТ
ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК Н.А. ДУБОВОЙ**

Монографии, коллективные издания

1. Антропологический состав населения Северного Таджикистана и этногенетические проблемы Среднеазиатского региона // Деп. ВИНТИ № 6944-В, М., 1985. 372 с.
2. Туркмены в Среднеазиатском междуречье. Ашхабад, Ылым, 1989. 157 с. (Совм. с Бабаковым О., Гельдыевой Г., Долиновой Н.А., Кармышевой Б.Х., Хит Г.Л.; Ред. совм. с В.П. Алексеевым).
3. Формирование антропологического состава населения Северного Таджикистана. М., 1996. 248 с.
4. Проблема расы в российской физической антропологии // М., ИЭА РАН, 2002. 6,7 п.л. Совм. с. Алексеевой Т.И., Балановской Е.В., Бахолдиной В.Ю., Е.З. Годиной, Зубовым А.А., Перевозчиковым И.В., Яблонским Л.Т.
5. Антропологический словарь // М., 2003. 328 с. В соавт. с Алексеевой Т.И., Арутюновым С.А., Бахолдиной и др.

Редактирование

1. Русские старожилы Азербайджана. Материалы по этнической экологии. М., Ин-т этнографии АН СССР. 1989. Ч. 1 – 168 с.; Ч. 2 – 154 с. (Отв. ред. совм. с В.И. Козловым).
2. Этническая экология: теория и практика. М., 1991 23,5 п.л. (Отв. ред. совм. с В.И. Козловым и А.Н. Ямсковым).
3. Межэтнический мир Прикамья. (Опыт этнополитической деятельности администрации Пермской области). М., 1996. Т.1. – 215 с; Т.2 – 230 с. (Ред.-составитель совм. с В.С. Боевым, В.В. Белоусовой, С.В. Сергеевой, В.А. Созиновым).
4. Горизонты антропологии. Труды Международной научной конференции памяти академика В.П. Алексеева. М., 2003. 587 с. (Ред. совм. с Алексеевой Т.И., Арутюновым С.А., Бонгард-Левиным Г.М., Гохманом И.И., Гуляевым В.И., Деревянко А.П., Зубовым А.А., Мунчаевым Р.М., Тишковым В.А.)
5. Заринов И.Ю. «Чеченский узел» в этнополитике постсоветской России. М., Старый сад, 1999. 88 с. (Ред.)
6. «Раса: миф или реальность?» 1-ая Международная конференция. М., Старый сад, 1998. 96 с. (Ред. совм. с Т.И. Алексеевой, Е.З. Годиной)
7. Заринов И.Ю. «Белоруссия после распада СССР: этнополитический аспект.» М., Старый сад, 1998. 36 с. (Ред. совм. с Н.А. Лопуленко).
8. Этнические проблемы регионов России. Пермская область. М., Старый сад, 1999. 457 с. (Ред. совм. с Н.А. Лопуленко).

9. Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. М., Старый сад, 2000. 306 с. (Отв. редактор совм. с Г.В. Рыкушиной).
10. Лопуленко Н.А. Народы Крайнего Севера России во второй половине 90-х годов XX в. Экономика. Культура. Политика. М., Старый сад, 2000. 342 с. (Ред.).
11. Заринов И.Ю. Казачество. Постсоветский этап этнополитического состояния // М., Старый сад, 2000. 73 с. (Ред. совм. с Н.А. Лопуленко)
12. Очерки экспедиционного быта в Закавказье // М., Старый сад, 2001. 319 с. (Ред. совм. с В.И. Козловым и А.Н. Ямсковым)
13. Теория антропологии и ее методы: истоки и развитие. К 110-летию В.В. Бунака. В Бунаковские чтения. М., Старый сад, 2001. Ч. I -112 с., Ч. II – 114 с. (Ред. совм. с М.М. Герасимовой).
14. Межэтнический мир Прикамья. Т. 3. М., Старый сад, 2001. 320 с. (Ред., составитель совм. с Сергеевой С.В., Щукиной Р.И.).
15. Межэтнический мир Прикамья. Т. 4. М., Старый сад, 2001. 354 с. (Ред., составитель совм. с Сергеевой С.В., Щукиной Р.И.).
16. Этнические проблемы регионов России // Вып. 2. Крайний Север, Калининградская обл., Северный Кавказ. М., Старый сад, 2002. Ред. совм. с Лопуленко Н.А.
17. У истоков цивилизации. Сборник в честь 75-летия В.И. Сарианиди. М.: Старый сад, 2004. 470 с. (Ред. совм. с Косаревым М.Ф., Кожиным П.М.)
18. Этноэкологические исследования. Сборник статей к 80-летию со дня рождения В.И. Козлова // М., Старый сад, 2004. 464 с. (Ред. совм. с Григулевич Н.И., Лопуленко Н.А., Ямсковым А.Н.)
19. Антропология на пороге III тысячелетия. М., Старый сад, 2004. Т. 1. 528 с.; Т.2. 404. (Ред. совм. с Алексеевой Т.И., Балановской Е.В., Годиной Е.З.)
20. Гастарбайтерство. Факторы выталкивания и притяжения // М., Старый сад, 2006. 284 с. Составление.
21. Современная сельская Абхазия. Социально - этнографические и антропологические исследования. М., ИЭА РАН. 2006. 12,5 п.л. (Ред. совм. с В.И. Козловым и А.Н. Ямсковым).
22. Гастарбайтерство. Факторы адаптации. М., Старый сад, 2008. 387 с. Составитель.
23. Рыкушина Г.В. Палеоантропология Карасукской культуры. М.: Старый сад, 2007. 196 с. (24,75 п.л.) (Отв. ред. совм. с В.П. Алексеевым)
24. Sarianidi V. Necropolis of Gonur. 2nd Edition. Athens: Kapon Editions, 2007. 339 p. Ed.
25. Курсом развивающейся Молдовы. Т. 2. Материалы II-го Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвященного проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации» 20-21 апреля 2007 г., г. Комрат. М.: Старый сад. 2007. 532 с. (Ред. совм. с М.Н. Губогло (гл. ред.), Г.А. Комаровой).
26. Курсом развивающейся Молдовы. Т. 3. Материалы II-го Российско-Молдавского симпозиума «Трансформационные процессы в Республике Молдова. Постсоветский период», посвященного проблеме «Адаптация культуры и культура адаптации» 20-21 апреля 2007 г., г. Комрат. М.: Старый сад. 2007. 505

с. (Ред. совм. с М.Н. Губогло (гл. ред.), Г.А. Комаровой, Л.В. Остапенко, И.А. Субботиной).

27. Курсом развивающейся Молдовы. Т. 4. Материалы к III-му Российско-Молдавскому симпозиуму «Традиции и инновации в соционормативной культуре молдаван и гагаузов». 2008 г., г. Комрат. М.: Старый сад. 2008. 550 с. Составители: Н.А. Дубова, Л.В. Федотова. (Ред. совм. с М.Н. Губогло (гл. ред.), Г.А. Комаровой, Л.В. Остапенко, И.А. Субботиной)

28. Этническая экология: народы и их культура. М.: Старый сад, 2008 376 с. (Отв. ред. совм. с Л.Т. Соловьевой).

29. Сарияниди В.И. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад, 2008. 342 с. (на русском, английском, туркменском яз.) (Научн. ред.) .

30. Труды Маргианской экспедиции. Т. 2. М.: Старый сад. 2008. (Ред. совм. с В.И. Сарияниди, П.М. Кожиным, М.Ф. Косаревым)

31. Sarianidis V.I. Zoroastrianism: a new motherland for an old religion. Thessalonica: Kurpalidis editions, 2008. 20 а.л. (Отв. ред.)

32. Этносоциология и этносоциологи. Исследования, поиски, воспоминания. М.: Старый сад, 2008. 360 с. (45 п.л.). (Ред. совм. с Л.В. Остапенко, И.А. Субботиной).

33. Курсом развивающейся Молдовы. Т. 5. Материалы III Российско-Молдавского симпозиума «Традиции и инновации в соционормативной культуре молдаван и гагаузов». 2008 г., г. Комрат. М.: Старый сад. 2008. 550 с. Составители: Н.А. Дубова, Л.В. Федотова. (Ред. совм. с М.Н. Губогло (гл. ред.), Г.А. Комаровой, Л.В. Остапенко, И.А. Субботиной)

34. Курсом развивающейся Молдовы. Т. 5. Культурное наследие и его социальные добродетели. М.: Старый сад, 2009. 450 с. Составители М.Н. Губогло, Н.А. Дубова, Л.В. Федотова (Ред. совм. с М.Н. Губогло (гл. ред.), Г.А. Комаровой, Л.В. Остапенко, И.А. Субботиной)

Вестник антропологии (Зам. гл. редактора).

Вып. 2 (М., 1996, 286 с.); Вып. 4 (М., 1998, 180 с.); Вып. 5 (М., 1998, 249 с.); Вып. 6 (М., 1999, 238 с.), Вып. 7 (М., 2000,);

Серия выпусков «*Этнофор*» (ред. совм. с Н.А. Лопуленко)

1. Крым. 1996. Этнофор № 1. М., 1997. 18 с.

2. Литва. 1994. Этнофор № 2. М., 1997. 26 с. Составитель.

3. Литература, хранящаяся в фондах ГПИБ РФ по этнографической тематике 1994-1997. Этнофор № 3. М., Старый сад, 1998. 10 с.

4. Литература, хранящаяся в фондах ГПИБ РФ по этнографической тематике. 1998. Этнофор № 5. М., Старый сад, 1998. 10 с.

5. Белоруссия. Этнофор № 4. М., Старый сад, 1998. 80 с.

6. Чеченская республика. Вып. 5. Этнофор № 10. М., Старый сад., 1999. 64 с.

7. Чеченская республика. Вып 1-4. Этнофор № 6-9. М., Старый сад, 1998. № 6- 68 с., № 7 – 68 с.; № 8 – 60 с.; № 9 – 48 с.

8. Казаки 1994-1998. Вып 1-3. Этнофор № 11-13. М., Старый сад, 1999. № 11 -36 с.; № 12 – 42 с.; № 3 – 68 с.

9. Республика Якутия (Саха). 1994-1998. Этнофор. № 14. М., Старый сад, 2000. 29 с. (Составитель).

10. Удмуртия. 1994-1998. Этнофор. № 15. М., Старый сад, 2000. 20с. (Составитель)

Статьи

- 1976 -

1. Платонова Н.А. (Дубова Н.А.) Антропологические исследования в Средней Азии // Новое в этнографических и антропологических исследованиях. М., 1976. С. 126-129

2. Антропологическая характеристика некоторых групп населения Северного Таджикистана // Вопросы антропологии, 1976. Вып. 52. С. 169-185.

3. Распределение антропологических признаков в Северном Таджикистане // Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории народов мира. М., 1976. С. 175-187.

- 1978 -

4. Антропологическая характеристика таджиков Исфаринской долины // Полевые исследования Института этнографии 1974. М., 1975. С. 253-258. (Совм. с А.П. Пестряковым)

5. К проблеме формирования памиро-ферганской расы // Советская этнография. 1978. № 4. С. 34-45.

6. Новые антропологические исследования на Памире // Полевые исследования Института этнографии 1978. М., 1980. С. 207-211.

- 1979 -

7. Народы Средней Азии и Казахстана // Этническая одонтология СССР. М., Наука, 1979. Глава 8. С. 164-186 (Совм. с О. Бабаковым, А.А. Зубовым, Г.В. Рыкушиной, Т.К. Ходжайовым).

- 1982 -

9. Вторая Всесоюзная антропологическая конференция // Советская этнография. № 5. 1982. С. 125-127. (Совм. с Н.А. Долиновой, Л.Т. Яблонским)

- 1983 -

10. О некоторых аспектах содержания антропологической науки // Советская этнография. № 6. 1983. С. 62-67.

11. О взаимосвязи межгрупповой изменчивости антропоскопических и одонтологических характеристик (на примере населения Средней Азии) // Проблемы современной антропологии. Минск, 1983. С. 45-49.

12. Одонтологическая характеристика населения северо-востока Азии // На стыке Чукотки и Аляски. М., Наука, 1983. С. 170-189. (Совм. с Л.И. Тегако)

– 1984 –

13. Антропологическая характеристика групп ирани и арабов Средней Азии // Полевые исследования Института этнографии 1980-1981. М., Наука, 1984. С. 185-195. (Совм. с А.И. Дубовым, Г.В. Рыкушиной).

– 1985 –

14. К истории сложения русского населения северо-востока Европейской части СССР (по антропологическим данным) // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М., Наука, 1985. С. 112-119

– 1986 –

15. Возрастная изменчивость основных диаметров головы в трех европеоидных группах // Полевые исследования Ин-та этнографии 1981-1982. М., Наука, 1986. С. 178-182.

– 1987 –

16. Антропологические особенности туркмен в сравнении с другими народами Средней Азии и проблемы их происхождения // Известия АН ТССР, № 2, 1987. С. 22-27.

– 1988 –

17. К антропологической характеристике курдов // Советская этнография, № 6, 1988. С. 127-136.

18. Urban human biology. 12th ICAES. Zagreb, Yugoslavia, July 24-31, 1988. М., 1988. 12 p.

– 1989 –

19. Особенности зубной системы туркмен Таджикистана и Узбекистана // Туркмены в Среднеазиатском междуречье. Ашхабад, 1989. С. 118-134 (Совм. с Г. Гельдывевой)

20. Особенности антропологического типа русского сельского населения Азербайджана // Русские старожилы Азербайджана. Материалы по этнической экологии. М., 1989. Ч. 2. С. 104-135.

21. Биодемографические данные русских с. Ивановка // Русские старожилы Азербайджана. Материалы по этнической экологии. М., 1989. Ч. 2. С. 5 – 19 (Совм. с Б.Н. Казаченко)

22. Антропологические аспекты урбанизации. К постановке проблемы // Советская этнография, № 6, 1989. С. 76-89.

23. Антропологические особенности туркмен и древнее население степей Средней Азии // Традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус, 1989. С. 183-194, вкладка-табл.

24. Особенности зубной системы белуджей Туркменской ССР // Новое в этнографических и антропологических исследованиях. М., Наука, 1989.

25. Адаптация русских старожилов в Азербайджане // Советская этнография. № 5. 1989. С. 39-50. (Совм. с Н.М. Лебедевой, Е.А. Оборотовой, А.П. Павленко).

26. Антропологические особенности туркмен Астраханской области // Известия АН ТССР. № 6. 1989. (Совм. с О. Бабаковым).

– 1991 –

27. Антропологический состав современного населения Средней Азии и пути его формирования // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М., Ин-т этнографии. Вып. 4. М., 1991. С. 61-73.

28. Биологические аспекты этнической экологии // Этническая экология: теория и практика. М., 1991.

29. Метисация как фактор формообразования внутри вида *Homo sapiens* // Расы и расизм. История и современность. М., 1991. С. 60-77.

30. Интерконгресс Международного Союза антропологических и этнологических наук (МСАЭН) в Лиссабоне // Советская этнография. 1991. № 2. С. 151-153.

– 1992 –

31. Антропологический облик русского сельского населения Закавказья // Духоборцы и молокане в Закавказье. М., 1992. С. 161-198.

32. К вопросу об участии уралоидного компонента в сложении антропологического типа населения Средней Азии // Материалы к антропологии уральской расы. Уфа, 1992.

33. Перепечатка: Acta Ethnographica Hungarica, 43 (3-4), 1998. Pp. 267-283. С. 98-118.

34. Признак и пол. (Мировое распределение показателей полового диморфизма кефалометрических признаков) // Расы и народы. Вып. 22. М., 1992. С. 26-48.

35. Является ли эмиграция универсальным ответом на кризисную ситуацию. (Хроника) // Этнографическое обозрение. 1992, № 2. С. 162-165 (Совм. с О.Д. Комаровой, Н.М. Лебедевой).

36. Выступление в дискуссии по статье З.П. Соколовой «Эндогамия и этнос» // Этнографическое обозрение. 1992, № 6. С. 48-51.

– 1993 –

37. Новые данные к одонтологии туркмен // Полевые исследования Ин-та этнографии. М., 1993. Т. 1, вып. 2. С. 83-94.

38. Внутрирасовая и внутриэтническая изменчивость показателей полового диморфизма кефалометрических признаков // Российский этнограф. Вып. 20. М., 1993. С. 151-186.

39. Методы изучения биологической дифференциации человечества // Российский этнограф. Вып. 13. М., 1993. С. 277-283. С. 277-283.

40. Антропогенетическая характеристика русских села Ивановка Исмаиллинского района Азербайджана // Российский этнограф. Вып. 14. М., 1993. С. 223-235 (Совм. с Б.Н. Казаченко, С.В. Васильевым).

41. Антропологические особенности современных удмуртов // Российский этнограф. Вып. 14. М., 1993. С. 200-207 (Совм. с А.И. Дубовым).

42. La decision d'emigrer poid des structures demographiques, de l'appartenance ethnique et des caracteristiques individuelles // Vers un ailleurs prometteur... l'emigration, une reponce universelle a une situation de crise? Geneve, 1993. S. 216-224. (Совм. с О.Д. Комаровой).

- 1994 -

43. Демографическая структура и принятие решения о выезде // Этнографическое обозрение, 1994, № 5. С. 87-92. Совм. с О.Д. Комаровой.

44. Мировое распределение коэффицентов полового диморфизма кефалометрических признаков в современных популяциях // Женщина в аспекте физической антропологии. М., 1994. С. 57-67.

45. XIII Международный конгресс антропологических и этнологических наук // Этнографическое обозрение. № 3, 1994. С. 160-167. Совм. с А.Н. Ямсковым.

46. О сотрудничестве Института этнологии и антропологии РАН с Музеем «Новый Иерусалим» // Этнографическое обозрение. № 2. 1994. С. 169.

47. World variation of the coefficients of sexual dimorphism in the cephalometric traits of the contemporary populations // Женщина в аспекте физической антропологии. М., 1994. С. 184-185.

- 1995 -

48. Факторы формирования межэтнических отношений в среде сельского населения южных районов Пермской области. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 81. М., 1995. (Совм. с О.Д. Комаровой, А.Н. Ямсковым).

49. Современные этносоциальные проблемы Кизеловского района Пермской области. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 87. М., 1995. (Совм. с Н.А. Лопуленко).

50. Сельское население южных районов Пермской области: межнациональные отношения // Среда и культура в условиях общественных трансформаций. М., Аиро-20. 1995. С. 168-199. (Совм. с О.Д. Комаровой, А.Н. Ямсковым).

51. Этносоциальные проблемы Кизеловского района Пермской области // Среда и культура в условиях общественных трансформаций. М., Аиро-20. 1995. С. 200-223. (Совм. с Н.А. Лопуленко).

52. Стресс – адаптация – заболеваемость // Русские старожилы Закавказья: молокане и духоборцы. М., 1995. С. 271-295

- 1996 -

53. Антропология белуджей Туркменистана // Вестник антропологии. Вып. 2. М., 1996. С. 53-83.

54. Предисловие // Межэтнический мир Прикамья. М., 1996. С. 12-27.

55. Конференция, посвященная 90-летию со дня рождения Г.Ф. Дебеца // Вестник антропологии. Вып. 2. М., 1996. С. 7-11. (Совм. с С.В. Васильевым, Н.А. Долиновой, Г.Л. Хить).

56. Антропологические особенности населения эпохи античности Северо-Западного Туркменистана // Известия Академии наук Туркменистана. Гуманитарные науки. Ашхабад. 1996. № 2. С. 61-64. (Совм. с Г. Гельдыевой).

57. Practicing Ethnology in Russia // Global Practice of Anthropology. Williamsberg, 1996 \ Eds. M. Baba, C. Hall. P. 263-281. (Совм. с А.Н. Ямсковым).

- 1997 -

58. Традиционное и новое в методике описания вариаций строения головы и лица // Новые методы, новые подходы в современной антропологии. М., 1997.

59. Четвертые чтения памяти В.В. Бунака Вестник антропологии. Вып.3. М., 1997. С. 227-238. (Совм. с М.М. Герасимовой, С.В. Васильевым)

60. Исследование этно-культурных процессов в некоторых районах Пермской области в 1995-1997 годах // Национальная культура и языки народов Прикамья: возрождение и развитие. Пермь, 1997. Ч.1. С. 19-22. (Совм. с Н.А. Лопуленко).

- 1998 -

61. Антропологический подход к характеристике заболеваемости // Вестник антропологии. Вып. 4.М., 1998. С. 17-29. (Совм. с Н.Д. Созиновой).

62. Калининградская область: современные этнокультурные процессы. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 119. М., 1998. (Совм. с Н.А. Лопуленко, М.Ю. Мартыновой).

63. Первоочередные задачи Ассоциации этнографов и антропологов России // Материалы выездного заседания Президиума Ассоциации этнографов и антропологов России в г. Оренбурге. Оренбург, 1998. 12 с.

- 1999 -

64. Краткая историческая справка // Этнические проблемы регионов России. Пермская область. М., Старый сад, 1999. С. 5-38. (Совм. с С.В. Сергеевой).

65. К вопросу о межэтнических связях населения Прикамья (по данным антропологии) // Этнические проблемы регионов России. Пермская область. М., Старый сад, 1999. С. 125-130.

66. Исследования этносоциальных процессов в некоторых районах Пермской области в 1993-1997 годах: общий подход и методические приемы // Этнические проблемы регионов России. Пермская область. М., Старый сад, 1999. С. 217-226. (Совм. с Н.А. Лопуленко).

67. Русские, башкиры и татары южных районов Пермской области (демографическая и социально-экономическая характеристика) // Этнические проблемы регионов России. Пермская область. М., Старый сад, 1999. С. 227-293. (Совм. с О.Д. Комарова, А.Н. Ямсковым).

68. Кизеловский район Пермской области: шахты и люди. (Этносоциальные проблемы) Этнические проблемы регионов России. Пермская область. М., Старый сад, 1999. С. 294-361 (Совм. с Н.А. Лопуленко).

69. О биологическом аспекте групповой адаптации // Методы этноэкологической экспертизы. М., 1999. С. 30-40.

70. Этномедицинское обследование населения // Методы этноэкологической экспертизы. М., 1999. С. 254-294.

71. Экология человека // Программы по экологическим дисциплинам \ Ред Дмитриева В.Т. (отв. ред.), Воробьев А.Н., Ямсков А.Н. М., МГПУ, 1999. С. 87-104. (Совм. с Ямсковым А.Н.)

72. III Конгресс этнографов и антропологов России (Москва, 8-11 июня 1999 г.) // Вестник Российского Гуманитарного Научного Фонда. 1999. № 4. С. 192-200.

– 2000 –

73. Антропологические и этнические общности на территории Средней Азии // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. М., Старый сад, 2000. С. 167-206.

74. Глобализация этнологии на пороге нового тысячелетия // ЭО. 2000, № 1. С. 19-39.

75. Вторые чтения памяти академика В.П. Алексеева // Вестник антропологии. Вып. 7. М., 2000.

76. Антропологическая характеристика четырех краниологических серий с территории города Москвы // Народы России. Т. 2. М., Старый сад, 2000. С. 132-152. (совм. с А.И. Дубовым)

– 2001 –

77. Современные антропологические совокупности и этно-культурные общности на территории Средней Азии // Расы и народы. Вып. 27. М., Наука, 2001. С. 99-125.

78. Антропологическая характеристика некрополя Гонур-Депе // Сариниди В. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001. С. 105-132 (совм. с Бабаковым О., Рыкушиной Г.В., Васильевым С.В., Пестряковым А.П., Ходжайовым Т.К.)

79. Human skeletal remains of the necropolis of Gonur-Depe // Сариниди В. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001. С. 219-240. (совм. с Бабаковым О., Рыкушиной Г.В., Васильевым С.В., Пестряковым А.П., Ходжайовым Т.К.)

80. Научный отчет о сборе полевых материалов по теме «Этническая антропология Средней Азии» в 2000 г. // Полевые исследования ИЭА РАН. М., ИЭА РАН, 2001. С.128-142.

81. Башкиры и Башкортостан: антропологическое изучение // Вестник Восточного института экономики, гуманитарных наук, управления и права. Вып. Социальная и этническая антропология. Уфа, 2001.

82. Не всегда серьезные воспоминания о медико-биологических изысканиях в Абхазии и Азербайджане // Очерки экспедиционного быта в Закавказье. М., Старый сад, 2001. С. 204-268.

83. Многообразие в единстве // Межэтнический мир Прикамья. Т. 4. М., Старый сад, 2001. С. 23-38.

84. Панорама этнополитической жизни Пермской области во второй половине первого постсоветского десятилетия // Межэтнический мир Прикамья. Т. 3. М., Старый сад, 2001. С. 9-34. (совм. с Губогло М.Н., Сергеевой С.В.)

85. Исследования по прикладной и неотложной этнологии в Пермской области в 1993-1997 гг. // Межэтнический мир Прикамья. Опыт этнополитической деятельности Администрации Пермской области. Том 3. М., Старый сад, 2001. С. 38-41.

86. Исследование этно-культурных процессов в некоторых районах Пермской области в 1995-1997 годах // Межэтнический мир Прикамья. Опыт этнополитической деятельности Администрации Пермской области. Том 3. М., Старый сад, 2001. С. 239 – 241. (совм. с Лопуленко Н.А.)

– 2002 –

87. Полиэтничность в Калининградской области: 1990-е гг. // Этнические проблемы регионов России. Северный Кавказ, Калининградская область, Крайний Север. \ Ред. Дубова Н.А., Лопуленко Н.А. М., Старый сад, 2002. С. 102-158. (совм. с Лопуленко Н.А. и Мартыновой М.Ю.).

88. Научно-методическая экспедиционная сессия Института этнологии и антропологии РАН // Этнографическое обозрение, 2002, № 6. 157-162. (совм. с Пчелинцевой Н.Д., Фроловой А.В.)

– 2003 –

89. Туркмены Астраханской области (Антропологический очерк) // Горизонты антропологии. Труды Международной научной конференции памяти академика В.П. Алексеева. М., 2003. С. 346-352. (Совм. с О. Бабаковым).

90. Научная конференция «Горизонты антропологии» // Горизонты антропологии. Труды Международной научной конференции памяти академика В.П. Алексеева. М., 2003. С. 12-13.

91. Антропология и история: необходимость комплексного подхода // Российская наука о человеке: вчера, сегодня, завтра. Материалы международной научной конференции \ Под ред. Ю.К. Чистова, В.А. Тишкова. С.-Петербург, МАЭ РАН, 2003. С.46-51.

92. История антропологического изучения ногайцев // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IV. Антропология ногайцев. М., 2003. С. 101-108.

93. Полевые выезды для сбора материалов и особенности изученных групп // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IV. Антропология ногайцев. М., 2003. С. 109-114.

94. Морфология головы и лица современных ногайцев // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IV. Антропология ногайцев. М., 2003. С. 115-177.

95. Заключение // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IV. Антропология ногайцев. М., 2003. С. 203-205. (совм. с М.М. Герасимовой).

96. Одонтологическая характеристика древнего населения Туркменистана (по материалам могильника эпохи бронзы Гонур-депе) // Наука о человеке и общество: итоги, проблемы, перспективы. М., 2003. С. 130-140. (совм. с Рыкушиной Г.В. и Суворовой Н.А.).

– 2004 –

97. Комплексные этнолого-антропологические исследования в Башкортостане // Полевые исследования Института этнологии и антропологии 2002. М., 2004. С. 71-86. (совм. с Нечвалодой А.И., Рожанской Е.А., Суворовой Н.А., Якуповым Р.И.)
98. Антропологические исследования на юге Молдавии // Полевые исследования Института этнологии и антропологии 2002. М., 2004. С. 87-101. (совм. с Варзарем А.М., Суворовой Н.А., Рожанской Е.А.)
99. Еще раз о тысячелетней давности долихоцефалии туркмен // Мирас (Ашхабад) 2004. № 4. С. 78-85.
100. Turkmenlerin suýy kelleliligini munylylyklara uzayan gadymylygy hakinda // Miras (Ashgabat). 2004. № 4. С. 32-39 (туркмен. яз.)
101. On centuries-old remoteness of dolichocephalia of the Turkmen // Miras (Ashgabat). 2004. № 4. P. 124-131.
102. «Неизгладимый след в наших умах и сердцах»: Георгий Францевич Дебец // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М. Наука, 2004. С. 261-291.
103. Обычай кольцевой деформации головы: новые данные о его бытовании в южных районах Средней Азии в эпоху бронзы // Интеграция археологических и этнографических исследований. Алматы, 23-24 сентября 2004 г. С. 295-297.
104. Современное население Средней Азии: единство или многообразие // Антропология на пороге III тысячелетия. М., Старый сад, 2004. С. 307-322.
105. Антропологический облик земледельцев эпохи бронзы Туркменистана // Туркменистан – родина Анауской культуры и ак бугдоя. Ашхабад, 2004. С. 94-98.
106. Социально-адаптивная и этно-разрушительная энергия гастарбайтерства. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 174. М., ИЭА РАН. 2004. 2,0 п.л. (29 с.) (совм. с М.Н. Губогло).
107. К палеоантропологии Туркменистана эпохи бронзы: население Маргианы // Экология и демография человека в прошлом и настоящем. Третьи антропологические чтения к 75-летию со дня рождения академика В.П. Алексеева. М., 2004. С. 85-86.
108. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. М., 2004. С. 254-281.
109. Necropolis and Area 5 of Gonur-depe: some anthropological data // У истоков цивилизации. М., 2004. С. 317-336. (совм. с Рыкушиной Г.В.).
110. Филогеографический анализ мтДНК ногайцев: высокий уровень смешения материнских линий из Восточной и Западной Евразии // Молекулярная биология. Том 38. № 4. 2004. С. 617-624 (в соавт. С М.А. Бермишевой, И.А. Кутуевым, Т.Ю. Коршуновой, Р. Виллемсом, Э.К. Хуснутдиновой).
111. Российские ученые восстановили облик тех, кто населял страну Маргуш // <http://turkmenistan.ru> 18.11.2004

– 2005 –

112. Население эпохи бронзы Южного Туркменистана: новейшие данные // Полевые исследования Института этнологии и антропологии 2003. М., Наука, 2005. С. 32-48.
113. Туркменистан – древнейший центр мирового коневодства // Мирас (Ашхабад). 2005. №3. С. 108-112. (совм. с В.И. Сарианиди)
114. Turkmenistan – an ancient center of horse-breeding // Miras (Ashgabat). 2005. № 3. С. 159-160. (совм. с В.И. Сарианиди)
115. Turkmenistan – dunya atsynaslygyny gadymy merkezi // Miras (Ashgabat). 2005. № 3. С. 50-54. (совм. с В.И. Сарианиди)
116. Комплекс царских погребений Гонур-депе: находки и проблемы эпохи бронзы // Священная Рухнама и взаимное влияние культур и цивилизаций в третьем тысячелетии. Ашхабад, 2005. С. 485-488.
117. The complex of royal burials in Gonur-Depe: finds and problems if the Bronze Age // The sacred Rukhnama and interactions of the cultures and civilizations in the Third Millennium. P. 319-322.
118. Gonurdepedaki sa gonamcylygy: burunc eýyamynyn tapyndylary we olary owrenmegin meseleleri // Mukaddes Ruhnama we ucunji munylykda medeniyetlerin hem-de siwilizasyalaryn Ozara Tasiri. P. 127-131.
119. Как был восстановлен облик древних жителей страны Маргуш // Сарианиди В.И. Гонур-Депе. Город царей и богов. Ашхабад, 2005. С. 316-318.
120. How faces of ancient people of Margush country were reconstructed // Sarianidi W. Gonur-Depe. Turkmenistan City of Kings and Gods. Ashgabat, 2005. P. 320-321.
121. Margus yurdunyn gadymy yasajlarynyn das kesbinin dekdilisi // Sarianidi W. Gonur-Depe. Turkmenistan. Salaryn we hudaylaryn saheri. Ashgabat, 2005. P. 313-315.
122. Современная Абхазия: социально-культурные и демографические особенности сельского населения // Материалы Среднеазиатско-Кавказских чтений памяти Лаврова. СПб, 2005. (совм. с Ямсковым А.Н., Григулевич Н.И., Соловьёвой Л.Т.)

– 2006 –

123. Qui vivait a Gonur Depe? // Dossier de l'archeologie et sciences des origines. N0 317. Octobre 2006. S. 40-45.
124. Is spatial distribution of the HIV-1-resistant CCR5Delta32 allele formed by ecological factors? // J. Physiol. Anthropol. Appl. Human Sci. 2005. Jul; 24(4). P. 375-382. (в соавт.: Balanovsky O, Pocheshkhova E, Pshenichnov A, Solovieva D, Kuznetsova M, Voronko O, Churnosov M, Tegako O, Atramentova L, Lavryashina M, Evseeva I, Borinska S, Boldyreva M, Balanovska E.)
125. HLA-генетическое разнообразие населения России и СНГ. II. Народы Европейской части Иммунология. 2006. № 4. С. 198-202. (в соавт. М. Н. Болдырева, И.А. Гуськова, О.В. Богатова, Т.Э. Янкевич, Н.А. Хромова, О.В. Тегащ, Л.А. Атраментова, М.В. Ищук, Н.А. Дубова, Я.Л. Ганичева, О.С. Поздеева, Е.В. Балановская, Л.П. Алексеев)

126. Социально-культурные и демографические особенности современного абхазского сельского населения // Полевые исследования Института этнологии и антропологии 2004\ Отв. ред. З.П. Соколова. М.: Наука, 2006. С. 14-33. (в соавт. с Ямсковым А.Н., Григулевич Н.И., Соловьёвой Л.Т.)
127. Палеодемография Гонур-депе // Человек в культурной и природной среде. Труды Третьих Антропологических чтений к 75-летию со дня рождения академика В.П. Алексеева. М.: Наука, 2007. С. 309-319. (в соавт. с Г.В. Рыкушиной).
128. Искусственная деформация головы у земледельцев эпохи бронзы // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии \ Отв.ред. Медникова М.Б. М.: ИА РАН, 2006. Вып.5. 1,1 а.л. С. 22-36
129. Раскопки литейной мастерской на поселении Гонур-депе // <http://www.turkmenistan.gov.tm/people/pep&trad.htm/18.03.06/1,0> а.л. (соавторстве с В.И. Сарианиди)
130. Временные трудовые мигранты: созидание и/или разрушение? // Гастарбайтерство. Факторы выталкивания и притяжения. М., Старый сад, 2006. С. 87-132 (совм. с М.Н. Губогло).
131. Свет и тени гастарбайтерства в с. Чимекиой // Гастарбайтерство. Факторы выталкивания и притяжения. М., Старый сад, 2006. С. 161-184. (совм. с А.Н. Ямсковым)
132. Введение. Междисциплинарные исследования долгожительских абхазских сельских популяций на рубеже 1970-х — 1980-х и в начале 2000-х гг. // Современная сельская Абхазия. Социально-этнографические и антропологические исследования. М., ИЭА РАН. 2006. С. 7-15. (совм. с В.И. Козловым, А.Н. Ямсковым).
133. Социально-демографические особенности абхазских популяций в долгожительских селениях // Современная сельская Абхазия. Социально-этнографические и антропологические исследования. М., ИЭА РАН. 2006. С. 39-65 (совм. с А.Н. Ямсковым)
134. Антропологический облик населения Маргианы в антропоморфной пластике Гонура // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. М., 2006. Т. 1. С. 301-306 и 23 цв. илл.
135. Население Гонура по данным антропологии // Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации. Ашхабад, 2006. С. 169-174.
136. Gonur population according the anthropological data // Ancient Margiana is a new center of a world civilization. Ашхабад, 2006. Р. 89-94.
137. Antropologiya maglumatlary esasynda Gonurdepanin ilaty barada. (туркм. яз.) // Gadymy Margiana dunya siwilizasiyasynyn taze merkezidir. Asgabat, 2006. Р. 32-34.
138. Раскопки литейной мастерской на поселении Гонур-Депе // Мирас. 2006. № 1. С. 78-82. (совм. с В.И. Сарианиди)
139. Gonurdepe obasydaky metal guylan ussahananyn gazuw-agtaryslary (туркм. яз.) // Miras. 2006. # 1. Ashgabad. P. 28-32. (совм. с В.И. Сарианиди)
140. Foundary excavations at Gonur-Depe // Miras. 2006. # 1. Ashgabad P. 128-132. (совм. с В.И. Сарианиди)
141. Храм Хаомы в Гонур-депе // Мирас. 2006. № 3. Ашхабад. С.88-92 (совм. с В.И. Сарианиди)

142. Temple of Haoma at Gonur Depe // Miras. 2006. # 3. Ashgabad. P.142-146. (совм. с В.И. Сарианиди)
143. Gonurdepeaki Haoma ybadathanasy. (туркм. яз.) // Miras. 2006. #3. Asgabad. P. 30-34 (совм. с В.И. Сарианиди)
144. Демографическая ситуация в абхазских долгожительских селениях. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 184. М., ИЭА РАН. 2006. 1,5 п.л. (21 с). (совм. с А.Н. Ямсковым)
145. Из истории антропологических исследований на Южном Урале // Взаимодействие этносов на Южном Урале. Комплексные этнолого-антропологические исследования. Уфа, 2006. С.14-23.
146. Комплексные этнолого-антропологические исследования в северном Башкортостане // Взаимодействие этносов на Южном Урале. Комплексные этнолого-антропологические исследования. Уфа, 2006. С. 24-37 (совм. с А.И. Нечвалодой, Е.А. Рожанской, Н.А. Суворовой).
147. Пятая колыбель мировой цивилизации поведала о тайнах загробной жизни // <http://www.inauka.ru/discovery/article65578/print.html> (07.07.06) 0,5 а.л.
148. Раскопки литейной мастерской на поселении Гонур-депе // <http://www.turkmenistan.gov.tm/people/pep&trad.htm/18.03.06/1,0> а.л. (совм. с В.И. Сарианиди)

– 2007 –

149. Лошадь в Центральной Азии у земледельцев эпохи бронзы: новые находки на Гонур Деде (Туркменистан) // The Ethnohistory and Archaeology of Northern Eurasia: Theory, Methods and Practice. Irkutsk, 2007. P. 224-233. (совм. с В.И. Сарианиди).
150. New data on anthropology of the necropolis of Gonur-Depe // Sarianidi V. Necropolis of Gonur. 2nd Edition. Athens, Kapon Editions, 2007. P. 296-329 (совм. с Г.В. Рыкушиной)
151. Искусство Маргианы эпохи бронзы в музеях Туркменистана // Türkmenistan: Altyn asyryň muzeýleri. Aşgabat, 2007. С. 400-403 (совм. с В.И. Сарианиди)
152. The Bronze Age art of Turkmenistan in the museums of Turkmenistan // Türkmenistan: Altyn asyryň muzeýleri. Aşgabat, 2007. P. 217-219 (совм. с В.И. Сарианиди)
153. Bürünç Eýýamynyň Margiana sugaty Türkmenistanyň museýlerinde // Türkmenistan: Altyn asyryň muzeýleri. Aşgabat, 2007. S. 17-19 (совм. с В.И. Сарианиди)
154. Гонур-депе выходит на орбиту международного туризма // <http://www.turkmenistan.gov.tm/?idr=8&id=071030a> (05.11.07) 0,5 а.л.
155. Современные этносоциальные проблемы Кизеловского района Пермской области // <http://www.kizel.ru/files/content/kizel.html> 1,5 а.л. (совм. с Н.А. Лопуленко)
156. Выживут ли их семьи, если они будут работать в далеком-далеке? // Гастарбайтерство. Факторы адаптации. М.: Старый сад, 2008. С. 5-37.
157. Демографическая ситуация в современной Абхазии // Абхазы. М.: Наука, 2007. Серия «Народы и культуры». С. 477-493.

158. Человек эпохи средней бронзы Центральной Азии: реконструкция облика населения Гонур-депе (Туркменистан) // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Ч.1. Иркутск, 2007. С. 214-223.

– 2008 –

159. Эритроцитарные системы крови в популяциях коренного населения Чукотки и Камчатки // Антропозкология Северо-Восточной Азии: Чукотка, Камчатка, командорские острова. М.: Таус, 2008. С. 161-207. (совм. с А.П. Пестряковым и Т.С. Балуевой).

160. Характеристика зубной системы населения северо-восточной Азии // Антропозкология Северо-Восточной Азии: Чукотка, Камчатка, командорские острова. М.: Таус, 2008. С. 130-160.

161. Динамика численности, движение населения и некоторые другие аспекты демографических процессов в современной Абхазии // Этническая экология: народы и их культура. М.: Старый сад, 2008. С. 27-57

162. Вступительное слово // Этническая экология: народы и их культура. М.: Старый сад, 2008. С. 9-26 0,8 а.л. (совм. с В.И. Козловым, А.Н. Ямсковым)

163. Война в Абхазии 1992-1993 гг.: Следы десятилетней давности // Этническая экология: народы и их культура. М.: Старый сад, 2008. С. 27-57.

164. Ритуальное захоронение животных на Гонур Деде // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 50-60.

165. Погребения животных в ритуальной обрядности Гонур-деде // Культура номадов Центральной Азии. Самарканд, 2008. С. 84-97.

166. Антропология Гонур Деде: так есть ли степной антропологический компонент у земледельцев II тыс. до н.э. Южного Туркменистана? // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Всероссийская научная конференция. Барнаул, 2008. С. 201-205 0,5 а.л.

167. Роль эквид и других животных в жизни земледельческого населения юга Туркменистана (на примере памятника конца III тыс. до н.э. Гонур Деде) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Всероссийская научная конференция. Барнаул, 2008. С. 149-152. 0,5 а.л. (совм.с В.И. Сарияниди)

168. Еще раз о ранних скотоводах и земледельцах Средней Азии. Антропология Сиабского погребения // Актуальные вопросы антропологии. Вып. 3. Минск, 2008. 1 а.л.

169. Палеоантропология некрополя сапаллинской культуры Бустон VI // Вестник археологии, этнографии и антропологии Евразии. Новосибирск, 2009. (совм. с Аванесовой Н.А., Куфтериним В.В.)

170. To postcranial palaeopathology of the population of Gonur-Depe (Southern Turkmenistan). Preliminary report // Papers on anthropology. XVII. Tartu, 2008. P. 169-183. (совм. с В.В. Куфтериним)

171. Временная трудовая миграция: необходима и достаточна? // Вестник РГНФ, 2008. С. 29-38.

172. Фактор адаптации в формировании физического типа древнего населения юга Средней Азии: пример Гонур Деде, Туркменистан // Актуальные направления антропологии. М., 2008. С. 113 – 116 (совм. с В.В. Куфтериним)

173. Этномедицинское обследование населения // Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза. М.: Издательский дом «Стратегия», 2008. С. 471-509.

174. Особенности внешнего облика страны Маргуш // Туркменская земля – колыбель древних культур и цивилизаций. Ашхабад, 2008. С. 85-103.

175. Margus yurdynyn yasayylarynyn yuz kesbinin ayratymlyklary // Turkmen topragy gadymy medeniyetlerin we siwilizasiyalaryn ojagydyr. Asgabad, 2008. С. 100-102.

176. Image features of inhabitants of Margush country // The Turkmen land as a Center of ancient cultures and civilizations. Asgabad, 2008. С. 94-101.

177. Археологические работы на юго-западном холме Гонур Деде (Раскоп 16) // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 28-49. (совм. с В.И. Сарияниди).

178. Компактные скопления керамических изделий // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 61-64.

179. «Дом очищения» на Гонур Деде. Северо-восточный комплекс помещений на Раскопе 16. // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 84-93.

180. Мастерская по производству сплавов на основе меди Северного Гонура (Западная часть Раскопа 9). // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 94-104.

181. «Могильник теменоса» Гонура // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 105-111. (совм. с Э.А. Мурадовой).

182. Радиоуглеродная хронология памятника Гонур Деде // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 166-179. (совм. с Зайцевой Г.И., Семенцовым А.А., Реймар П., Мэллори Дж., Юнгнером Х.).

183. Личность, коллектив, общность // Этносоциология и этносоциологи. Исследования, поиски, воспоминания. М.: Старый сад, 2008. С. 167-173.

Тезисы и проч.

1. О некоторых аналогиях зубной системы древних популяций Южной Сибири и современного населения Средней Азии и Казахстана // Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых этнографических и антропологических исследований Ин-та этнографии в –1974-1975 гг. (май 1976). Душанбе, Дониш, 1976. (совм. с Г.В. Рыкушиной).

2. Антропологические параллели в древнем и современном населении Средней Азии и Кавказа по данным одонтологии // Тезисы докладов на Всесоюзной сессии, посвященной итогам полевых исследований. Ереван, 1978. С.31. (совм. с Г.В. Рыкушиной, Н.И. Халдеевой).

3. Антропологическая характеристика курдов СССР // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1982-1983 гг. Черновцы, 1984. Ч.1. С. 72 (Совм. с А.И. Дубовым)

4. Медико-антропологические исследования адаптации русских старожилов в Азербайджане // Всесоюзная сессия по итогам этнографических исследований 1986-1987 гг. Тезисы докладов. Сухуми, 1988. С. 51-52 (Совм. с А.А. Вороновым)
5. Антропологический состав современного населения Средней Азии и пути его формирования // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Тезисы докладов Всесоюзной конференции (20-23 ноября 1988 г.). М., 1988. С. 50-53.
6. Urban human biology // 12th ICAES. Zagreb, 24-31 July, 1988. Abstracts. Collegium anthropologicum. T.12, 1988. Suppl. p.11.
7. Сложение населения Лебапского ваята по данным антропологии современного населения // Древний Амударья: проблемы истории и культуры Средней Амударьи (Тезисы докладов Международного научного симпозиума. Чарджоу, 1-3 октября 1993г.) Чарджев, 1993, С. 71-72.
8. Формирование туркменского народа по данным антропологии (на туркменском языке) // Проблемы истории, происхождения, миграции туркменского народа и его государственности. Тезисы докладов Международной научной конференции. Ашхабад, 1993. С. 34-35.
9. Особенности физического типа туркмен, живущих за пределами Туркменистана (на туркменском языке) // Проблемы истории, происхождения, миграции туркменского народа и его государственности. Тезисы докладов Международной научной конференции. Ашхабад, 1993. С. 28-29. (Совм. с О. Бабаковым).
10. Sexual dimorphism in cephalometric traits in the contemporary populations of the American Indians in the connection with the world variation of these characteristics // The cultural and biological dimensions of global change. XIII International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Mexico City. July 29-August 4, 1993. Mexico, 1993. P.116
11. Cultural and Medical Anthropology in Regional Social-Ecological Development Programs (The Baikal Project) // The cultural and biological dimensions of global change. XIII International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Mexico City. July 29-August 4, 1993. Mexico, 1993. P. 116. (Совм. с А.Н. Ямсковым).
12. Исследование этно-социальных процессов в некоторых регионах Пермской области в 1993 – 1995 гг. // Национальный вопрос в прошлом, настоящем и будущем России. Тезисы межрегиональной конференции, Пермь, октябрь, 1995 г. Пермь, 1995. С. 111-112. (Совм. с О.Д. Комаровой, Н.А. Лопуленко, А.Н. Ямсковым).
13. О некоторых проблемах этнографической методики исследования межнациональных отношений // Национальный вопрос в прошлом, настоящем и будущем России. Тезисы межрегиональной конференции, Пермь, октябрь, 1995 г. Пермь, 1995. С. 97-98. (Совм. с Н.А. Лопуленко).
14. Этнос и расы Средней Азии // «Раса: миф или реальность?» 1-ая Международная конференция. М., Старый сад, 1998. С. 49.
15. Ethnic group, cephalometric traits and age dynamics // 11th Congress of the European Anthropological Association. Humans and Environment. Jena, Germany 30 August – 3 September 1998. P.11.
16. Антрополог – этнолог – социолог – археолог – этнограф? // Третий Конгресс этнографов и антропологов России. Москва. 8-11 июня 1999 г. Тезисы докладов.
17. Проблемы подготовки антропологических кадров // Теория антропологии и ее методы: истоки и развитие. К 110-летию В.В. Бунака. V Бунаковские чтения. Тезисы докладов. Часть I. М., 2001. С. 113-119.
18. Этническая антропология: ее границы и современные проблемы // Теория антропологии и ее методы: истоки и развитие. К 110-летию В.В. Бунака. V Бунаковские чтения. Тезисы докладов. Часть I. М., 2001. С. 51-59.
19. Расы и/или популяции? // IV Конгресс этнографов и антропологов России. Нальчик, 2001 г. Тезисы докладов. Нальчик, 2001.
20. Комплексная подготовка специалистов в области наук о человеке // IV Конгресс этнографов и антропологов России. Нальчик, 2001 г. Тезисы докладов. Нальчик, 2001.
21. Одонтология населения, захороненного в некрополе бронзового века Гонур в Южном Туркменистане // IV Конгресс этнографов и антропологов России. Нальчик, 2001 г. Тезисы докладов. Нальчик, 2001. (Совм. с Рыкушиной Г.В., Суворовой Н.А.)
22. Рецензия на кн. Л.И. Никоновой «Традиционная медицина финно-угорских народов Поволжья и Приуралья как часть системы жизнеобеспечения». Саранск, 2000. 177 с. // Этнографическое обозрение. 2001. № 3. С.144-146.
23. Рецензия на кн. Л.И. Никоновой «От Адама и Евы – до наших дней (Очерки народной и медицины мордвы)». Саранск, 2000. 172 с. Этнографическое обозрение. 2001. № 4. С. 152-155.
24. Новые данные по антропологии населения эпохи бронзы Туркменистана (некрополь Гонур-Депе) // Материалы IV Международного Конгресса по интегративной антропологии. Санкт-Петербург, 2002. С.129-130 (совм. с Рыкушиной Г.В., Ходжайовым Т.К., Васильевым С.В., Бабаковым О.).
25. Здоровье популяции: антропологический подход // Материалы IV Международного Конгресса по интегративной антропологии. Санкт-Петербург, 2002. С. 126-128.
26. Антропология современных ногайцев // Материалы IV Международного Конгресса по интегративной антропологии. Санкт-Петербург, 2002. С.128-129.
27. Выбор стратегии поведения в стрессовой ситуации // I Международный симпозиум «Стресс и экстремальные состояния» под лозунгом «Борьба с терроризмом, нераспространение ядерного, биологического и химического оружия». Кара-Даг, Феодосия (Крым), Украина. 5-14 июня 2002 года. Москва, 2002. С.43.
28. Selection of the behavior strategy in a stress situation // I Международный симпозиум «Стресс и экстремальные состояния» под лозунгом «Борьба с терроризмом, нераспространение ядерного, биологического и химического оружия». Кара-Даг, Феодосия (Крым), Украина. 5-14 июня 2002 года. Москва, 2002. С. 43.
29. Complex morpho-functional, odontological and genetic investigations among Gagauz population of Moldova Republic // Collegium Anthropologicum. Vol. 26. Supplement. Zagreb, August, 2002. P.57-58. (with Varsahr A.M., Rozhanskaya A.E., Suvorova N.A.)
30. Human skeletal remains from the necropolis of Gonur (South Turkmenistan) // Collegium Anthropologicum. Vol. 26. Supplement. Zagreb, August, 2002. P.57.

31. Turkmenistanyn burunc eyyamyndaky ekerancylarynyn antropologik kesbi // Turkmenistan Anew Medeniyetinin we ak bugdayyn watanydyr. Asgabat, 2004. S. 97.

32. The anthropological appearance of Turkmenistan's Bronze Epoch farmers // Turkmenistan as native land of Anau culture and white wheat (Ak Bugday). Asgabat, 2004. С. 97-98.

33. Текстиль Гонура в контексте Бактрийско-Марганского археологического комплекса // VI Конгресс этнографов и антропологов России. Санкт-Петербург, 28 июня-2 июля 2005 г. СПб., 2005. Тезисы докладов. С. 153. (совм. с Царевой Е.Г.)

34. Палеодемография некрополя Гонура // VI Конгресс этнографов и антропологов России. Санкт-Петербург, 28 июня-2 июля 2005 г. С.-Пб., 2005. Тезисы докладов. С. 371 (совм. с Рыкушиной Г.В.)

35. Характеристика Alu-полиморфизма (ACE, PV92) в трех популяциях гагаузов Молдавии // V съезд Российского общества медицинских генетиков. Уфа, 2005. Медицинская генетика, 2005. № 5. С. 214. (в соавт. С Кузнецовой М.А., Серегиним Ю.А., Воронько О.Е., Варзарем А.М., Соловьевой Д.С., Балановской Е.В.)

36. Влияние временной трудовой миграции на демографическую структуру популяции-донора // VII Конгресс этнографов и антропологов России. Доклады и выступления. Саранск, 2007. С. 476.

37. Демографические процессы в долгожительских селениях Абхазии // VII Конгресс этнографов и антропологов России. Доклады и выступления. Саранск, 2007. С. 117. (совм. с А.Н. Ямсковым).

ПЕРЕЧЕНЬ ПОЛЕВЫХ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ ВЫЕЗДОВ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК Н.А. ДУБОВОЙ

1968

1. Пермская область. Археологическая палеолитическая экспедиция. Раскопки верхнепалеолитических пещер (нач. экспед. О.Н. Бадер), 1 мес.

1969

2. Владимирская область. Сунгирская археологическая экспедиция. Раскопки на территории верхнепалеолитического памятника Сунгирь (нач. экспед. О.Н. Бадер), 1 мес.
3. г. Сухуми, обезьяний питомник.

1970

4. Северный Таджикистан (Ходжентская область) (работы среди таджиков и узбеков), 1,5 мес. (нач. экспед. С.П. Поляков)

1971

5. Чукотка (работы среди эскимосов и чукчей), 3 мес. (нач. экспед. – В.П. Алексеев)

1972

6. Камчатка (работы среди кряков, Эвенов и ительменов, 2,5 мес. (нач. экспед. – В.П. Алексеев)
7. Таджикистан (Каратегин, Ходжентская область), Узбекистан (Ташкентская область) (работы среди таджиков, узбеков, турок и курдов, 1,5 мес. (нач. экспед.)

1973

8. Таджикистан (Исфаринская долина), Узбекистан (Сурхандарьинская область) (работы среди таджиков и узбеков), 1 мес. (нач. экспед.).

1974

9. Узбекистан (Хорезм, Ферганская долина), Таджикистан (Ходжентская область), (работы среди узбеков и таджиков), 1 мес. (нач. экспед.).

1975

10. Киргизия (Иссык-кульская область); Туркменистан (Красноводская, Ашхабадская, Чарджоуская, Марыйская области), (работы среди киргизов и туркмен), 40 дней (нач. экспед.)

1978

11. Памир, (работы среди шугнанцев дол. р. Шахдара), 1,5 мес. (нач. экспед.)

1979

12. Памир, (работы среди шугнанцев дол. р. Шахдара), 1,5 мес. (нач. экспед.)

1980

13. Таджикистан (Исфаринская долина), Узбекистан (Самарканд – среди ирони; Кашкадарьинская область – среди арабов), 1,5 мес. (нач. экспед.)
14. Пермская область, Юрлинский район (работы среди русских), 0,5 мес. (нач. экспед.)

1981

15. Пермская область, Кудымкарский район (работы среди коми-пермяков), 0,5 мес. (нач. экспед.)
16. Абхазия, Гудаутский район, (работы среди абхазов), 1,5 мес. (нач. экспед. – А.А. Воронов)

1982

17. Удмуртия, Кезский район, 0,5 мес. (работы среди удмуртов), 0,5 мес. (нач. экспед.)
18. Пермская Область, Юрлинский район (работы среди русских), 1 мес. (нач. экспед.)

1983

19. Коми АССР (работы среди коми-зырян), 0,5 мес. (нач. экспед.)
20. Абхазия, Гудаутский район (среди абхазов), Армения, Арагацкий район (среди курдов), Туркменистан, Иолотанский район (среди белуджей), Узбекистан, Ташкентский район (среди корейцев), 1,5 мес. (нач. экспед.)
21. Удмуртия, Кезский район (среди удмуртов), Кировская область (среди русских), 0,5 мес. (нач. экспед.)

1984

22. Западная Сибирь, Ханты-Мансийский АО (работы среди хантов), 1,5 мес. (нач. экспед.)

1985

23. Туркменистан, Красноводская и Ашхабадская области (работы среди туркмен), 1 мес. (нач. экспед.)

1986

24. Туркменистан (Чарджоуская область), (работы среди туркмен), 1 мес. (нач. экспед.)
25. Азербайджан (среди русских сельских старожилов), 1 мес. (нач. экспед.)

1987

26. Армения, Арагацкий район (среди курдов), 10 дней (нач. экспед.)
27. Астраханская область и Ставропольский край (работы среди туркмен), 1,5 мес. (нач. экспед.)

28. Азербайджан, Исмаиллинский, Шемахинский, Джалилабадский районы (среди сельских русских старожилов), 3 мес. (нач. экспед.)

1988

29. Азербайджан, Кедабекский район (среди сельских русских старожилов), 0,5 мес. (нач. экспед.)

1989

30. Южная Россия (Тамбовская, Саратовская, Воронежская области), 0,5 мес. (нач. экспед. В.А. Большаков)
31. Азербайджан, Варташенский, Исмаиллинский районы (среди сельских русских старожилов), Южная Россия, Воронежская область (среди русских), 1,5 мес. (нач. экспед.)

1990

32. Грузия (среди сельских русских старожилов), 1,5 мес. (нач. экспед. – В.А. Большаков)
33. Туркменистан, Ташаузская область (среди туркмен), 1 мес. (нач. экспед.)

1991

34. Байкальский регион (среди бурят и сельских русских старожилов), 0,5 мес. (нач. экспед. В.А. Большаков)

1993

35. Южные районы Пермской области (среди татар, башкир и русских), 1 мес. (нач. экспед.)

1994

36. Пермская область, Кизеловский район (городское население), 3 недели (нач. экспед.)

1995

37. Пермская область, Коми-Пермяцкий АО (среди коми-пермяков и русских), Кизеловский район (городское население), 3 недели (нач. экспед.)

1998

38. Пермская область, Коми-Пермяцкий АО, 0,5 мес. (нач. экспед.)
39. Калининградская область (городское население), 0,5 мес. (нач. экспед.)

2000

40. Туркменистан, Марыйская область (некрополь бронзового века Гонур), 0,5 мес. (нач. экспед. – В.И. Сариниди)
41. Ставропольский край (работы среди ногайцев), 0,5 мес. (нач. экспед.)
42. Узбекистан (среди каракалпаков), 0,5 мес. (нач. экспед.)

2001

43. Башкортостан (работы среди татар, башкир, марийцев и удмуртов), 1,5 мес. (нач. экспед.)
44. Молдова (работы среди гагаузов в Гагаузии), 1 мес. (нач. экспед.)

2002

45. Молдова (работы среди гагаузов и молдаван), 0,5 мес. (нач. экспед.)
46. Туркменистан, Марыйская область (некрополь бронзового века Гонур), два выезда, 2,5 мес. (нач. экспед. – В.И. Сарияниди)

2003

47. Абхазия, Очамчирский, Гудаутский район (работа среди абхазов), 1 мес. (нач. экспед.)
48. Туркменистан, Марыйская область (некрополь бронзового века Гонур), два выезда по 2 мес. (нач. экспед. – В.И. Сарияниди)

2004

49. Абхазия, Очамчирский, Гудаутский район (работа среди абхазов), 1 мес. (нач. экспед. А.Н. Ямсков)
50. Туркменистан, Марыйская область (некрополь бронзового века Гонур), два выезда по 2 мес. (нач. экспед. – В.И. Сарияниди)

2005

51. Абхазия, Очамчирский, Гудаутский район (работа среди абхазов), 1 мес. (нач. экспед. А.Н. Ямсков)
52. Туркменистан, Марыйская область (некрополь бронзового века Гонур), два выезда по 2 мес. (нач. экспед. – В.И. Сарияниди)

2006

53. Абхазия, Очамчирский, Гудаутский район (работа среди абхазов), 1 мес. (нач. экспед. А.Н. Ямсков)
54. Туркменистан, Марыйская область (некрополь бронзового века Гонур), два выезда по 2 мес. (нач. экспед. – В.И. Сарияниди)

2007

55. Туркменистан, Марыйская область (некрополь бронзового века Гонур), два выезда, 2 мес. (нач. экспед. – В.И. Сарияниди)

2008

56. Туркменистан, Марыйская область (некрополь бронзового века Гонур), 1 мес. (нач. экспед. – В.И. Сарияниди)

2009

57. Туркменистан, Марыйская область (некрополь бронзового века Гонур), два выезда по 1 мес. (нач. экспед. – В.И. Сарияниди)
58. Иран, пров. Хузистан (среди бахтияр), 0,5 мес. (нач. экспедиции)

Научное издание

**КУРСОМ
РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ МОЛДОВЫ
Том 8**

**Единство и многообразие
в системе культурного наследия**

Составители:

*Михаил Николаевич Губогло,
Ирина Алексеевна Субботина,
Людмила Владимировна Федотова*

Редколлегия серии:

*Михаил Николаевич Губогло (главный редактор),
Надежда Анатольевна Дубова,
Галина Александровна Комарова,
Любовь Викторовна Остапенко,
Ирина Алексеевна Субботина*

Москва
Старый сад
2009

При оформлении обложки использована картина
Б. Кустодиева «Ярмарка», 1908 г.

ISBN 5-89930-131-7

Формат 60х84 1/16 Уч-изд л. 25,5 Усл. печ. л. 24,0
Заказ № 1/12-2Т. Тираж 300 экз.
Отпечатано в типографии
АНОО ВПО «Одинцовский гуманитарный институт»
143000, г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д. 3

